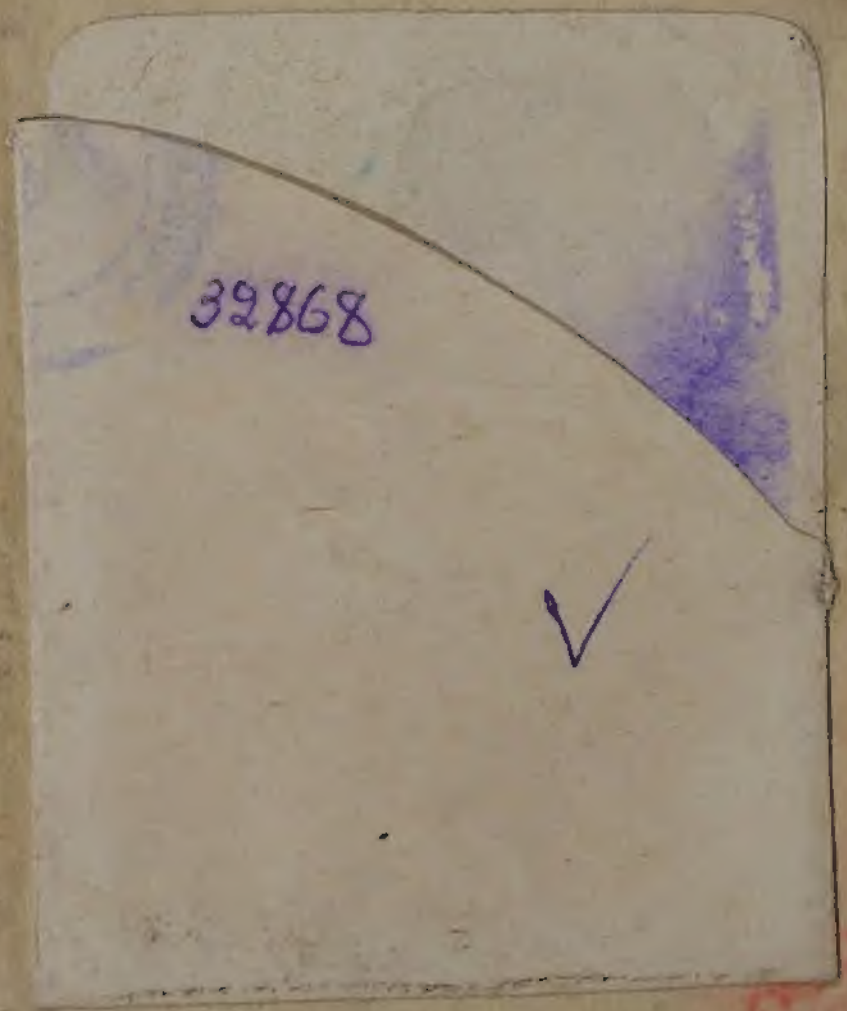
9/147/163
П-488

ЦЕНТРАРХИВ

ПОКУШЕНИЕ КАРАКОЗОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 3 0

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЛАСТНОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. С. ПУШКИНА
19
№ 32868



ЦЕНТРАРХИВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 60—80-х гг.

Под редакцией В. В. МАКСАКОВА и В. И. НЕВСКОГО

9(47)163
П-488
УЧЕТ 1933 г.

ПОКУШЕНИЕ КАРАКОЗОВА

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
ПО ДЕЛУ
Д. КАРАКОЗОВА, И. ХУДЯКОВА,
Н. ИШУТИНА и др.

Том II

Подготовили к печати
М. М. КЛЕВЕНСКИЙ и К. Г. КОТЕЛЬНИКОВ

32868
Омская окружная библиотека им. А. С. Пушкина
Печать для книг

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1930 — ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ".
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 2000 экземпл.,
Главлит № А — 59951
Гиз С — 54 № 35924
Заказ № 10160
24 п. л.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В настоящий том входит стенографический отчет по делу второй группы обвиняемых, в количестве 25 человек, составлявших так называемую «Организацию». Судебное следствие по делу этой группы длилось четыре дня—7, 8, 10 и 12 сентября. После восьмидневного промежутка—21 сентября начались прения сторон, в которых приняло участие 11 защитников, выступавших в защиту обвиняемых как первой, так и второй группы.

В виду значительного количества обвиняемых, каждый из защитников имел несколько подзащитных: Гаевский защищал Худякова, Лалкина, Маликова и Бибикова; Стасов—Ишутина, Малинина и Федосеева; Петренко—Ермолова, Полумордвинова и Шостаковича; Принц—Страндена, Дм. Иванова и Соболева; Тимрот—Юрасова, Кутыева и Лангауза; Добролюбов—Загибалова, Петерсона и Оболенского; Турчанинов—Моткова, Трусова и Никифорова; Самарский-Быховец—Шаганова и Никольского; Краузольд—Николаева, Кичина, Борисова и Черкезова; Остряков—Ал. Иванова, Сергиевского и Маевского; Серебряный—Воскресенского и Маркса. Что касается обвиняемого Вознесенского, то защитника он не имел в виду того, что прокурор отказался от его обвинения.

Речи защитников, сказанные ими в защиту 33 подсудимых, составляют третий том стенографического отчета, охватывающий 231 лист. В виду крупного объема третьего тома, могущего составить собою отдельную книгу, размером не менее 12—13 печ. листов, редакция принуждена была отказаться от мысли опубликовать его полностью в составе данной книги, и поэтому, введя в состав публикации речь прокурора Замятнина из 2-го тома судебного производства, сочла необходимым взять из третьего тома стенографического отчета только речи Стасова и Гаевского, защитников главных обвиняемых по этому процессу—Ишутина и Худякова (речь Гаевского введена из 2-го тома судебного производства), и все выступления подсудимых с последним словом. Часть обвиняемых не воспользовалась последним словом, часть же заявила, что они ничего не могут прибавить к выступлению своего защитника; поэтому эти краткие заявления нами не приводятся совершенно.

Всеми обвиняемыми, кроме Трусова, Сергиевского, Полумордвинова, Борисова и Черкезова, приговоренных к непродолжительному тюремному заключению, были поданы прошения на высочайшее имя о смягчении наказания. Прошения эти, находящиеся

во 2-м томе судебного производства, редакция не сочла нужным публиковать, дабы не увеличивать ими размер книги.

В приложениях к данному тому нами даются основные документы, завершающие собою процесс—приговор Верховного Уголовного Суда, особые мнения судей, утверждение приговора и протокола об исполнении приговора.

Характер рукописи публикуемого тома—тот же, что и рукописи первого тома, поэтому при ее воспроизведении редакция пользовалась теми же методами и приемами, как и при издании первого тома, не оговаривая чисто-орфографических ошибок и описок подлинника и относя в подстрочные примечания все делаемые редакцией исправления, куда нами относятся также приписки карандашом на полях или в тексте; из сделанных исправлений не оговариваются те, которые по своей мелочности представляются не имеющими значения.

Примечания к данному тому, так же как и к первому тому составлены М. М. Клевенским.

ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
7, 8, 10, 12 сентября 1866 г.

ПО ДЕЛУ

О. Малинина, Д. Иванова, А. Иванова, К. Кичина, Д. Воскресенского, Ф. Борисова, В. Соболева, А. Сергиевского, В. Черкезова, А. Маликова, Н. Кутыева, М. Маркса, Б. Трусова, А. Лангауза, Л. Полумордвинова, Б. Шостаковича, Н. Петерсона, П. Маевского, В. Федосеева, А. Бибикова, Л. Оболенского, А. Никольского, Ф. Никифорова, А. Вознесенского.

(Стенографический отчет.)

32868.

Заседание 7 сентября.

Председатель. Теперь мы приступим к обсуждению так сказать второго разряда обвинительных актов, именно начнем с обвинительных актов о Малинине [1].

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Объявите имя ваше, отчество, фамилию и звание.

Малинин. Малинин, чиновник 10 класса.

Председатель. Сколько вам лет?

Малинин. 24 года.

Председатель. Какого вероисповедания?

Малинин. Православного.

Председатель. Где вы имели жительство в последнее время?

Малинин. Находился при контрольной палате.

Председатель. Ваша служба была в контрольной палате?

Малинин. В контрольной палате.

Председатель. Была вам вручена копия обвинительного акта?

Малинин. Была.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, чиновник X класса Орест Васильев Малинин, 24 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на чиновника X класса Ореста Малинина падает обвинение в принадлежности к тайному революционному обществу под названием «Организация» и в знании о существовании тайного общества «Ад», имевшего целью цареубийство.

Чиновник X класса Орест Малинин, проживая в Москве, находился в близких сношениях с Юрасовым, Мотковым, Ермо-

---

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 20—24.

лсвым, Странденом, Загибаловым и др., привлеченными к настоящему делу лицами; при устройстве ими общества взаимного вспомоществования бывал на всех сходках членов оного, а впоследствии, когда из этого общества образовалось другое—общество «Организация», с тайною революционною целью ниспровергнуть правительство и, захватив власть в свои руки, устроить государство на социальных началах, то Малинин поступил в члены оного (т. V—собственное показание, л. 108, 299 об., 301, 307 и 308). Действительная принадлежность Малинина к обществу «Организация» доказывается: участием его на сходках членов организации, где обсуждались цель и средства общества и рассматривались проекты уставов оного (т. V, л. 304 и 304 об.—собств. показ., т. VI, л. 105—показ. Загибалова), избранием его, Малинина, в кассиры сего общества (т. VI, л. 104—показ. Странденa), хранением устава общества «Организация», написанного Шагановым—(показ. Ермолова—т. VI, л. 191), предположением ехать в Саратов для образования там тайных кружков в качестве губернского члена «Организации» (показ. Ермолова—т. VI, л. 192, Московское дело—показание Соболева, л. 84, и показание Борисова, л. 134), показаниями десяти членов «Организации» (показ. Моткова—т. V, л. 384, т. VI, л. 231—233; Шаганова—т. V, л. 404, т. VI, л. 254; Ишутина—т. V, л. 423, т. VI, л. 76, 381; Загибалова—т. VI, л. 36, т. VII, л. 105, 236, 388; Юрасова—91, 92, 238; Ермолова—т. V, л. 316, т. VI, л. 45, 247; Странденa—т. V, л. 344, т. VI, л. 104 и 320; Соболева—Моск. дело, л. 79; Лапкина—Моск. д., л. 165; Сергиевского—особ. показ.; Полумордвинова—особ. показ.) и, наконец, собственным сознанием, что 9 апреля он сжег принесенные ему сестрою Александра Иванова бумаги сего последнего, касавшиеся общества «Организация», в том числе и самый устав оного, написанный Мотковым или Ермоловым (собств. показ.—т. VI, л. 175).

Кроме сего, Малинин сознается, что со слов Моткова он знал о существовании особого заговора, состоящего из Юрасова, Ишутина, Ермолова, Загибалова и Странденa, под названием «Ад», члены коего, именовавшиеся «мортусами», имели целью цареубийство, при чем Мотков ему в подробности передал все обязанности «мортусов» и самый порядок исполнения ими преступления цареубийства (собств. показ.—т. V, л. 304 об., 305 и 305 об.), но о том, принадлежал ли Каракозов к членам «Ада», Малинин не знал (собств. показ.—т. V, л. 306). Когда по показанию Лапкина на шестой неделе великого поста Каракозов уехал в Петербург, Малинин, Лапкин, Кичин, Александр и Дмитрий Ивановы, узнав о том через два дня, тотчас предположили, что он поехал посягнуть на жизнь государя императора, так как Малинин рассказывал, что незадолго пред сим Каракозов ездил для сей цели в Петербург, но был доставлен в Москву обратно Странденом (Моск. д.—показ. Лапкина, л. 174), и, по получении известия о преступном покушении 4 апреля, они тотчас предположили, что это

сделал Каракозов (показ. Александра Иванова—т. VI, л. 145). По всем сим обстоятельствам чиновник X класса Орест Малинин обвиняется к принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», которое имело целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, а также в знании о существовании другого тайного революционного общества «Ад», имевшего целью цареубийство, и недонесении о сем правительству, что составляет преступления, предусмотренные 250 и 318 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Малинин предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слушали сейчас, что вы предаетесь суду за участие в обществе «Организации» и знание о существовании общества «Ад». Признаете вы себя виновным в этих преступлениях: в принадлежности к обществу «Организации», которое имело целью ниспровергнуть существующий государственный порядок, и в знании об существовании общества «Ад», которое имело целью цареубийство? Вспомните, какие были даны вами показания,—теперь, в последний допрос, вы должны сказать сущую правду и не стараться какими-нибудь изворотами затемнять дело[2]. Скажите, признаете ли вы себя виновным?

Малинин. Я имею сообщить некоторое объяснение относительно показаний, на основании которых я обвиняюсь. Я сделал показание, что составлялось общество «Организация» с тайною революционною целью ниспровергнуть правительство, захватить власть в свои руки и устроить государственность на социальных началах, и я дал это показание и колебался, припоминая обстоятельства, которые происходили на наших сходках. Я не находил, как назвать эти собрания: назвать ли их обществом и приписать ли ему какие-нибудь действия; между тем, в определении цели общества я ошибся; при этом, когда писал свое показание, то мне представилась цель определенною на основании проекта Шаганова, но Шаганова проект не был принят обществом. Определенной цели на собраниях наших не было высказано; единства цели у членов общества не было, также согласия на счет средств, которыми должно было действовать общество, не было. Если угодно Верховному Суду, то я приведу несколько фактов по поводу общества «Организация». Так, на первом собрании в квартире Юрасова, куда мы пришли для принятия нас в «Организацию», мы не знали характера лиц, которыми были приглашены и с которыми нас познакомил Мотков. Когда мы собрались в комнате Юрасова, я предложил вопрос о целях «Организации». Мне на это никто определительного ответа не дал; говорили только, что цель «Организации» выяснится впоследствии, и затем перешли к

перечислению средств, которые были в распоряжении Юрасова. Шутин, Странден, Ермолов и Загибалов соглашались пожертвовать обществу деньги, и потом перешли к занятиям, которыми общество предполагало заняться в ближайшем времени; так, например, имелся в виду увоз Чернышевского и потом устройство ассоциаций, так что в этот вечер занимались только разговором, как устроить ассоциации и кто отправится за Чернышевским в Сибирь и каким образом это сделать. На следующем собрании разговора об целях общества не было. На третье собрание явился Шаганов и принес устав «Организации» и прочел этот устав, но этот устав не был никем принят и отдан на исправление Моткову. Говоря в своем показании о цели общества, я руководствовался моим воспоминанием об уставе Шаганова; но между тем, так как проект Шаганова не был принят, то в настоящее время я затрудняюсь сказать, были ли у нас какие-нибудь сходки и можно ли назвать, что у нас было общество. У нас, у членов, не было одной цели, не было согласия в средствах, не было принято никаких обязательств друг к другу и к обществу, не было дисциплины в обществе. Проект Шаганова был отвергнут; поэтому проект Шаганова можно рассматривать, как выражение личного его мнения и, может быть, мнения тех людей, которые близки к нему. Вообще, насколько я мог понять в разговорах с членами собрания, относительно цели высказывались самые противоречивые мнения. Например, Юрасов ни к чему более не стремился, как только к устройству ассоциаций; Ермолов думал только об устройстве народных школ; Странден на одном собрании открыто сказал, что тут мы, господа, собрались все социалисты, а, между тем, мы не могли себе уяснить, что такое социализм, и потому мы решили посоветоваться, какие выбрать книги для того, чтоб перевести их на русский язык и из которых мы хотели поучиться, что такое социализм. Из этого можно уже видеть, до какой степени определенное понятие о цели общества было у самих учредителей этого общества, а о нас, приглашенных в это общество, нечего и говорить. Когда я спрашивал Воскресенского, Сергиевского, Лапкина, которые иногда ночевали в квартире Юрасова: говорили [ли], господа, о цели общества, – они всегда отвечали, что не говорили; я спрашивал, чем же они занимались; они отвечали: «Да играли на гармонике и кутили». Воскресенский, Кичин, Иванов, Лапкин не имели никакого определенного понятия о цели общества.

Председатель. Однако же вы сами сейчас объяснили Верховному Суду, что первое ваше впечатление было то, что вы показали в первоначальных ответах, т.-е. что цель общества была та самая, которую вы извлекли из устава Шаганова, который не был принят. Трудно вам было не видеть, если устав составился предварительно, на основании соглашения нескольких личностей, принадлежащих к тому же кружку, в который вы сами входили.

Малинин. Я этого не могу подтвердить; может быть, проект Шаганова был не более, как его личное произведение, потому что он, явившись, читал проект; явился в собрание в первый раз. Устав Шаганова не был принят, и тут же начались прения по поводу повиновения каждого воле всех.

Председатель. Я не знаю, может ли это послужить к вашему оправданию, потому что то, что было вами высказано прежде, составляет первое ваше убеждение, взятое хотя из убеждения Шаганова, но убеждения, которые были вам сообщены и по сообщении которых вы собирались их обсудить, вы составляли кружок, и этот кружок назывался вашим именем[3] и считался более подходящим к шатовцам[4].

Малинин. Я не знаю, почему по моему имени назывался кружок, но никогда не высказывал никаких предложений и не высказывал никакой деятельности.

Принц Ольденбургский. Вы не принимали участия, а между тем были кассиром этого общества.

Малинин. Я был кассиром не общества «Организация», а общества взаимного вспоможения.

Принц Ольденбургский. Вы участвовали на сходках «Организации», на коих обсуждался вопрос о ниспровержении правительства и вообще всего государственного устройства,—и я желал бы, чтоб вы повторили: участвовали ли вы на сходках общества «Организации»?

Малинин. На это должен отвечать следующим образом: такого вопроса не было поставлено отдельно; Шаганов читал нам проект, который был отвергнут вполне и отдан для переделки Моткову.

Граф Панин. Господин председатель вам замечал, что существует ваше показание, что вы участвовали в обществе, имевшем преступную цель; вы считаете возможным оправдываться тем, что цели определено не было ближайшим образом. В какой мере цель была определена, это будет предметом определения Верховного Суда, но это не уменьшает свойств участия вашего, и ваши уклончивые ответы ни к чему не поведут, как только преступная цель была заявлена. Цель преступная существует, хотя бы она бы не получила окончательного определения.

Малинин. Для того, чтоб показать наружное согласие с обществом «Организации», у меня было одно основание,—именно то, что Мотков сказал, что шатовцы составили особенное общество «Ад»; я оставался в «Организации» для того, чтоб наблюдать за обществом и других членов отклонять от содействия планам шатовцев, а для этого ходил в Петровскую академию два раза и убедил присоединиться к нам для противодействия шатовцам Воскресенского, Сергиевского и Лапкина.

Председатель. Следовательно, вы, по теперешним вашим показаниям, приписываете участие, которое вы принимали в обществе «Организации» тому, что вы хотели предупредить и отвратить

некоторых из лиц от дальнейших действий так называемого круга «Ад»,—то ли вы сказали?

Малинин. Я сказал то самое; я не отрицаю, что участвовал на сходках.

Председатель. Были ли вы выбраны кассиром этого революционного общества «Организации»?

Малинин. Я кассиром «Организации» не был и даже не знаю, была ли и касса; они перечисляли средства, но средства будущие.

Председатель. Но предполагалось, что будут средства: в таком случае, не назначались ли вы в будущие кассиры?

Малинин. Нет, я не назначался никогда будущим кассиром.

Председатель. Хранился ли у вас устав общества Организации», написанный Шагановым?

Малинин. Это, как уже объяснил сейчас, этот устав был передан Моткову, и я не знаю, что он с ним сделал, но я не имел проектов в своих руках.

Председатель. Это вы положительно утверждаете?

Малинин. Да, потому что я жил с Мотковым и знал, что у Моткова был проект.

Председатель. Вы жили с Мотковым?

Малинин. Жил.

Председатель. Может статься, что Мотков поручал вам хранение проекта?

Малинин. Нет, он у себя хранил проект.

Председатель. Что вы мне скажете на счет предположения вашего ехать в Саратов для образования тайных кружков?

Малинин. Я не имел намерения образовывать там тайные кружки и я предположил ехать в Саратов, потому что имел в виду получить место в Саратове в контрольной палате.

Председатель. Какие бумаги вы истребили 9 апреля?

Малинин. Ко мне был принесен пакет сестрой не Александра Иванова, а сестрой Дмитрия Иванова, Екатериною Ивановой [5]. В этом пакете заключались письма, но какого содержания эти письма были, я не знаю; я только открыл пакет, развел огонь в печке и бросил письма в огонь, но в обвинительном акте сказано, что будто бы в этих бумагах был устав Моткова и Ермолова; я высказал предположение, что, может быть, в этих бумагах был проект, составленный этими лицами. Пакет был прислан Ивановым; я не знал положительно, что там есть устав, и делал только догадку на следующем основании, что устав был у Иванова.

Председатель. Так вы об том, что в письмах был проект, вы только предположение сделали?

Малинин. Да, только предположение сделал.

Граф Панин. Вы сейчас упомянули, что продолжали участвовать в обществе «Организации» только для того, чтоб отвратить преступные замыслы, которые имело общество «Ад»; следовательно, при вашем оправдании чрезвычайно важно ближайшее указание тех мер, которые вы думали принять, и тех свидетелей, на

которых можно сослаться, которые принимали в этом отношении участие; это может относиться к облегчению меры наказания или даже к оправданию вас в некоторой степени. Желательно, чтоб вы указали, какие меры вы предприняли для приостановления преступных замыслов «Ада».

Малинин. Я не могу этого припомнить.

Граф Панин. Но это так желательно, для вас составляет такую важную часть вашего оправдания, что желательно, чтоб вы вспомнили о мерах, которые вы хотели предпринять, и тем более, что вы указывали на свидетелей, которые знали об этом.

Малинин. Мне кажется, что Мотков сообщал нам догадку о составлении этого общества из ипатовцев, и он сообщал нам это около 7 числа февраля месяца 1866 года, потому что 7-го числа этого месяца Мотков уехал из Москвы в Холм к Маликову. Когда Мотков открыл нам об «Аде», то мы тут же решили непременно противодействовать им и для этого приняли такие меры: во-1-х, присоединить к «Организации» большее число лиц, которым открыть наше предположение, и потом советоваться с ними о тех мерах, которые нужно будет предпринять.

Председатель. Разъясните, каким образом предполагали вы увеличить число членов «Организации».

Малинин. Если бы мы убедились более в нашем предположении, если бы оно сделалось более достоверным, и если бы мы набрали большее число членов «Организации», то на самом собрании общества «Организации» мы открыли бы об намерениях ипатовцев; если бы они отрицали это, то мы привели бы им доводы, которыми уличили бы их; потом мы сказали бы им, что если они не откажутся от своих преступных замыслов, то мы донесем о них правительству.

Принц Ольденбургский. Почему же вы не сделали это? Вы в ваше собственное оправдание сказали, что хотели принять меры, но до сих пор вы не указали ни на одну меру,—вы сказали, что хотели только набрать членов.

Малинин. Да, мы хотели набрать членов, чтоб действовать против «Ада», и таким образом присоединили Воскресенского, Сергиевского и Лапкина.

Принц Ольденбургский. К чему же это?

Малинин. Для того, чтоб увеличить наш кружок, который хотел противодействовать ипатовцам.

Председатель. Объясните, как и от кого вы имели сведения об обществе «Ад», против которого вы считали нужным противодействовать, и объясните, какие вы хотели предпринять меры

Малинин. Мы слышали от Моткова, который сообщил нам о своем предположении, что ипатовцы составляют отдельное тайное общество.

Председатель. В чем состояли ваши меры против этого общества?

Малинин. Мы сделали предположение о том, связывали

с этим предположением отсутствие Каракозова; потом Мотков нам рассказывал, когда мы сомневались, самый порядок, в котором ишутовцы думали составить общество, и потом мы перешли к обсуждению мер, как отстранить замыслы ишутовцев.

Председатель. Теперь нужно ввести свидетеля.

Был введен Загибалов.

Председатель (Загибалову). Что вам известно об участии Малинина в обществе «Организации» и «Ад»?

Загибалов. Когда еще формировалось общество «Организации», я уже видел Малинина в «Организации». Какое участие он принимал в деятельности общества «Организации», я решительно ничего не могу сказать, потому что действий это общество никаких не имело; предложений от него я не слышал, чтоб он делал какие-нибудь; относительно того, вводил ли он членов, я опять должен сказать, что этого не было, а об том, знал ли он рассуждения об «Аде» или нет, решительно не знаю.

Председатель. Вы сейчас объяснили, что видели его на сходках Организации». Часто ли вы его видели, или нет?

Загибалов. Да, когда бывали сходки, я постоянно его видел.

Министр юстиции. Расскажите, какую цель имело тайное общество «Организации» и какие средства оно предполагало употребить для достижения своей цели?

Загибалов. Насколько я слышал рассуждения, которые происходили в обществе «Организации», цель этого общества главным образом определялась в улучшении быта рабочего класса, устройство ассоциаций и заведений, где только возможно.

Министр юстиции. Однако же члены общества должны были разъехаться по губернским городам и селам. Скажите, с какой это целью?

Загибалов. Это для того, что предполагалось, как можно более присоединить людей, так как предполагалось, что при недостаточном количестве людей нельзя привести в исполнение цели «Организации».

Принц Ольденбургский. Был ли Малинин кассиром этого общества?

Загибалов. Нет.

Член суда Пинский. Вы принимали на себя обязанность быть в Саратове губернским членом?

Малинин. Я обязательств никаких не принимал.

Был введен Странден [6].

Председатель. Расскажите, что вам известно об участии Малинина в обществе «Организации» и «Ад».

Странден. Я только могу сказать, что он бывал на сходках общества «Организации», присутствовал на сходке при обсуждении проекта устава «Организации».

Председатель. Какие он имел действия там?

Странден. Он не выдавался особенно.

Министр юстиции. Расскажите, в чем заключалась обязанность кассира общества, которым был Малинин, и почему он был избран вами кассиром?

Странден. Кассиром он был выбран в обществе взаимного вспомоществования и был избран потому, что мы верили в его честность.

Член суда Пинский. В отношении «Ада» в чем заключались его действия?

Странден. Он никогда не бывал при разговорах об Европейском комитете.

Стасов (защитник подсудимого). Вы в одном из ваших показаний написали, что Малинин был кассиром общества «Организации», а теперь вы отвергли это свое показание. Ваше сиятельство, позвольте прочесть показание Страндена, чтоб более уже сомнения не было.

Граф Панин. Он, кажется, говорил, что Малинин был кассиром общества взаимного вспомоществования.

Стасов. Он теперь это сказал; между тем, в его показании следственной комиссии так двусмысленно написано об этом, что г. министр юстиции был сам введен в заблуждение, потому я прошу позволения прочесть это место в показаниях Страндена.

Было прочтено место из показаний Страндена об том, что Малинин был кассиром [7].

Стасов. Изволите ли видеть, сначала Странден говорит об обществе взаимного вспомоществования, а потом об обществе «Организации». Поэтому я просил прочесть показания в подтверждение того, что Малинин не был кассиром общества «Организации». Я вас (Страндена) прошу сказать, были ли у общества «Организации» какие-нибудь деньги?

Странден. Не было никаких.

Стасов. Вот вам лучшее доказательство.

Граф Панин (Малинину). Так вы были кассиром общества взаимного вспомоществования?

Малинин. Был кассиром общества взаимного вспомоществования.

Граф Панин. Когда было учреждено общество взаимного вспомоществования, существует ли оно теперь, когда вы вступили в это общество, при самом ли его образовании или после?

Малинин. Я поступил в общество взаимного вспомоществования при самом начале его образования, но кассиром был...

Граф Панин. Позвольте! На вопрос давайте и ответ. Когда образовалось общество взаимного вспомоществования?

Малинин. В генваре 66 года.

Стасов. На одном из собраний вы, Странден, сказали: «мы социалисты, а не знаем ничего о социализме, поэтому нам

надо посоветоваться, какие книги нам надо переводить». Говорили ли вы это [1]), не помните ли?

Странден. Не помню.

Председатель. Можно сделать только одно замечание. Когда вас, Малинин, спрашивали, были ли вы кассиром общества «Организации», яснее было бы вам отвечать то, что вы теперь отвечали. Вообще желательно, чтоб было более откровенности в ответах.

Был введен Ермолов [8].

Председатель (Ермолову). Что вам известно о деятельности Малинина в обществах «Организации» и «Ада?

Ермолов. Малинин принадлежал к обществу «Организации»; ходил на сходки этого общества. Относительно «Ада» я не знаю, знал ли Малинин об этом, или нет.

Председатель. В каком обществе он был кассиром?

Ермолов. Он был кассиром общества «Организации». Ему была передана часть сумм «Организации».

Председатель. Как велика была сумма, принадлежавшая «Организации»?

Ермолов. В «Организации» была сумма рублей 600.

Министр юстиции. Скажите, допускало ли общество «Организации» для достижения своих целей воровство, грабеж, убийство богатых людей?

Ермолов. Принцип был такой; в принципе допускалось, что цель оправдывает средства.

Министр юстиции. Скажите, почему устав общества «Организации», написанный Шагановым, хранился у Малинина?

Ермолов. Малинин, Кичин, Иванов просили этот устав просмотреть и потому взяли его к себе.

Стасов. Господин Ермолов, вы говорили, что Малинин был кассиром общества «Организации», и сказали при этом, что у «Организации» были деньги,—но так ли это?

Ермолов. Я должен объяснить, что было два кассира: один—Юрисов, которому была передана часть денег, а другая часть суммы была отдана Малинину.

Стасов. Какая часть.

Ермолов. Весьма маленькая.

Стасов. Принадлежащая обществу «Организация»?

Ермолов. Да.

Стасов. А не другого какого-нибудь общества?

Ермолов. Да, действительно, была у Малинина часть денег общества взаимного вспомоществования.

Стасов. Какая же часть денег: общества ли взаимного вспомоществования или «Организации»?

---

[1] Слова: «говорили... это» вписаны карандашом над зачеркнутым: «какие вы решили книги нам нужно переводить».

Ермолов. Да, общества взаимного вспомоществования.

Стасов. Как же вы сейчас сказали, что Малинин был кассиром общества «Организации»?

Ермолов. У него была сумма общества взаимного вспомоществования, которую «Организация» хотела взять себе.

Стасов. Это большая разница. Я прошу суд обратить внимание на то, что в обвинительном акте сказано, что проект устава «Организации» хранился у Малинина, между тем из того, что говорит Ермолов, не видно, чтоб проект хранился у Малинина, — Ермолов сказал только, что Малинин взял проект вместе с другими для того, чтобы просмотреть, но не говорит, чтоб проект хранился именно у Малинина.

Председатель. Признавали ли вы существенную разницу между обществом взаимного вспомоществования и обществом «Организация», или они составляли, по вашему мнению, одно целое?

Ермолов. Целью общества взаимного вспомоществования предполагались сходки, на которых говорилось об ассоциациях, об основании школ и, между прочим, если в обществе взаимного вспомоществования оказывался человек, способный быть по своим убеждениям членом общества «Организации», то его присоединяли к этому обществу.

Председатель. Сколько я понял из того, что вы сказали, в обществе взаимного вспомоществования собирались члены на сходки: когда об них узнавали, что они могут быть допущены членами организации, то тогда они назначались членами «Организации». Следовательно, вы смотрите на общество взаимного вспомоществования, как на отдельную часть «Организации»?

Ермолов. Мы смотрели на общество взаимного вспомоществования, как на отдельное, независимое от «Организации». Члены общества взаимного вспомоществования не знали никаких планов «Организации».

Принц Ольденбургский. Так вы говорите, что члены общества взаимного вспомоществования никаких ваших целей не знали, а члены «Организации» знали?

Министр юстиции. В чем же состояли планы «Организации», об которых вы сейчас сказали, — какие это были планы и какие цели общества?

Ермолов. Цель была социальная пропаганда и устройство ассоциаций с целью произвести впоследствии экономический переворот.

Министр юстиции. Что такое экономический переворот?

Ермолов. Посредством пропаганды достигнуть того, что большинство народа будет понимать социальные истины и согласится принять социальный порядок.

Граф Панин. Когда образовалось общество взаимного вспомоществования?

Ермолов. В феврале 66 года.

Граф Панин. Малинин показал сейчас, что в январе [1]).

Ермолов. Может быть, в январе, хорошенько не припомню.

Принц Ольденбургский. А Организация, когда сформировалась?

Ермолов. Почти в одно и то же время.

Стасов. Вы знали, что Малинин едет в Саратов?

Ермолов. Знал.

Стасов. Вы знали, для чего он едет в Саратов? Говорил он вам, что для того, чтобы получить там место?

Ермолов. Он говорил, что поедет в Саратов для того, чтоб получить место, и будет там заниматься [2]) основанием ассоциаций.

Стасов. Это он вам говорил или только ваше предположение?

Ермолов. Я не могу припомнить времени, когда он мне это говорил.

Стасов. Нет, я вас спрашиваю, говорил ли вам это Малинин, или это одно ваше предположение? Не думали ли вы сами, что он вам будет полезен, поехавши в Саратов на место, или он вам прямо сказал, что поедет с целью основывать ассоциации?

Ермолов. Собственно сам Малинин мне ничего не говорил; я не припомню, чтоб он мне что-нибудь говорил.

Стасов. Как же вы прежде сказали, что он вам говорил, а теперь говорите, что не припомните, чтоб он вам говорил? Как же вы его обвиняете в том, что он ехал для устройства кружков, а теперь говорите, что не припомните, чтоб он вам об этом что-нибудь говорил?

Ермолов. У нас был один раз разговор. В этом разговоре говорилось о том, что мы хотели разъезжаться по губерниям не иначе, как для образования ассоциаций. Малинина, между прочим, назначили в Саратов.

Стасов. Назначили ли его потому, что его выбрали, или потому, что он ехал служить туда; говорили ли, что он ехал в Саратов, чтоб основать ассоциации, или для того, чтоб заниматься службой?

Ермолов. О нем говорили в обществе, что он едет для того, чтобы устраивать ассоциации.

Стасов. Но я вас не спрашиваю об том, что другие говорили об Малинине. Я спрашиваю вас об том, что вам говорил сам Малинин.

Ермолов. Малинин был согласен на то, чтоб ехать в Саратов для устройства ассоциаций.

Малинин. Я вам говорил, что еду в Саратов в качестве члена «Организации»?

---

[1] Слово: «январе» вписано карандашом над зачеркнутым «феврале».
[2]) Далее зачеркнуто: «пропагандой».

Ермолов. Мы все считали вас принадлежащим к «Организации».

Малинин. Но высказывал ли я обещания какие-нибудь положительно, что я еду в Саратов в качестве члена «Организации»? Высказывал ли я вам непременно, что приеду в качестве члена «Организации», или вы заключили это из того, что я сказал, что поеду в Саратов на службу?

Председатель (Ермолову). Вы принимали такое живое участие в обществе: невозможно, чтоб в этом обществе вы говорили так, как здесь говорите,—никто бы не стал вас так терпеливо выслушивать, так, как вас выслушивают здесь; если бы вы и там так же говорили, вы бы не продолжали иметь там такое влияние и значение, какое вы имели. От вас нужно добиваться по слову. Говорите ясно и вразумительно, об чем вас будут спрашивать.

Малинин. Было ли ваше предположение только, или и вам действительно объяснял, что я еду в Саратов для составления ассоциаций?

Ермолов. Не припомню, чтобы вы мне об этом говорили.

Председатель. Я хотел бы для того, чтобы установить понятие, чтоб вы повторили ваше объяснение. Вы сказали, что у вас было постановлено о разъезде членов, так ли я вас понял? Я мог ошибиться. Вы сказали, что было постановлено между вами, что некоторые члены должны разъехаться по губерниям, что в этих постановлениях принимал участие Малинин, что по этому постановлению «Организации» ему доставалось ехать в Саратов.

Ермолов. В уставе было сказано, что Малинин в Саратов назначается.

Председатель. Ему это было известно и он на это соглашался?

Ермолов. Да, было известно.

Малинин. Разве собирались голоса на наших собраниях, у нас составлялось ли общее решение?

Ермолов. На той сходке, на которой упоминалось об разъезде, вы были и держались того мнения, что нам следует разъехаться.

Малинин. Я не высказывал своего мнения на этом собрании. Вы сами сейчас сказали, что только предположение было, что я в качестве члена «Организации» поеду в Саратов. Потом вы сказали, что в уставе было сказано, что я должен ехать в Саратов.

Ермолов. Я этого не говорил.

Стасов. Я прошу вас повторить перед судом, [что] вы сказали. Вас председатель спросил, было ли сказано в уставе, чтоб членам разъехаться по губерниям, и что Малинину следует ехать в Саратов, так ли это? В уставе не было сказано, чтоб членам разъезжаться по губерниям и не было сказано, чтоб Малинину ехать в Саратов.

Малинин. Устав Шаганова куда девался?

Ермолов. Вот именно, во втором уставе Шаганова было сказано, чтоб членам разъезжаться по губерниям.

Стасов. Шаганова устав был отвергнут и передан Моткову.

Малинин. Какой же это устав и где был он читан? Его читал каждый из нас отдельно, каждый пробегал бегло его содержание, но на сходке он нигде не читался; вы должны припомнить, что та сходка, на которой предполагалось его читать, не состоялась по поводу неприхода некоторых из нашего кружка.

Стасов. Наконец, скажите же, было ли назначено в уставе Малинину ехать в Саратов, или нет?

Ермолов. Нет, не было.

Председатель. Я не упоминал об уставе, потому что распоряжение ехать Малинину в Саратов есть чисто частное распоряжение, которое не может заключаться в уставе. Я его спрашивал об том, имела ли в виду «Организация», что Малинин поедет в Саратов; он отвечал на это положительно.

Стасов. Тогда я ошибся, но тогда, значит, существовало одно предположение, что Малинин поедет в Саратов.

Малинин. Вы говорили, что во втором уставе Шаганова было сказано о том, что членам следует разъехаться по губерниям. Этого устава на собрании не читали, как же я мог формально согласиться на постановление этого устава?

Граф Панин. Малинин, если вы желаете оправдаться, то говорите об том, о чем речь идет.—Речь идет об том, что Ермолов говорит, что на сходке было предположено, что вы поедете в Саратов.

Стасов. Было ли положено, что Малинин поедет в Саратов для устройства ассоциаций?

Ермолов. Все общество было согласно с тем, чтоб разъезжаться. Если Малинин сказал, что он поедет в Саратов, то вправе полагать, что он хотел ехать служить, когда цель сходки была в том, чтоб определить, куда разъезжаться для пропаганды.

Малинин. Как же вы говорите, что было постановлено самим собранием, чтоб я ехал в Саратов, и между тем говорите, что было постановлено, чтоб разъезжаться. Тут есть противоречие: в одном случае вы индивидуально, положительно указали на меня, а в другом случае выказываете только ваше предположение. Если я высказывал, что еду в Саратов, то из этого не следовало, что непременно ехал туда, как член Организации, я мог открыться частно вам, мог открыться другим.

Был введен Соболев.

Председатель (Соболеву). Что вам известно об участии Малинина в обществе «Организация и Ад»?

Соболев. Я не знаю, существовало ли общество «Ад», но в Организации я знаю, что он участвовал: он вообще принимал

сторону тех, которые хотели ограничить деятельность шатовцев и постараться изменить план и цель общества «Организации».

Председатель. Он был кассиром этого общества?

Соболев. Нет, он был кассиром общества взаимного вспомоществования.

Граф Панин. В каком же смысле Малинин желал изменить план «Организации»?

Соболев. Вообще подробности не определялось, и я слышал от Воскресенского, что Малинин желал ограничиться одним распространением ассоциаций.

Председатель. В чем состояли энергические действия шатовцев?

Соболев. Например, шатовцы рассуждали об том, что нужно было поставить человека к купцу, чтоб ограбить его. Противу этого восстали Малинин, Сергиевский, Воскресенский, двое Ивановых, Кичин и Полумордвинов.

Принц Ольденбургский. А других энергических предположений у шатовцев не было?

Соболев. Не было.

Министр юстиции. Расскажите, с какою целью Малинин хотел уехать в Саратов?

Соболев. Я не знаю, когда говорил об этом Малинин, но, вероятно, предполагал ехать с целью основания кружков; по этого по крайней мере я от Малинина не слышал, и куда он собирался ехать, он мне об этом не говорил.

Стасов. Вы были на сходке в понедельник, на первой неделе поста?

Соболев. Это когда было обсуждение проектов? Тогда был.

Стасов. Не помните ли: Малинин делал вопрос, что за цель сходки и самого общества?

Соболев. Да, это я помню.

Стасов. Дал ли ему кто-нибудь ответ?

Соболев. Не знаю,—вообще, порядка у нас не было, и все говорили, кто о чем хотел.

Стасов. Так ответа не было ему дано?

Соболев. Не знаю, был ли.

Граф Панин (Малинину). Свидетель показал, что вы возражали против предложения ограбления купца, как средства. Когда было сделано это предложение, в какой форме и как вы возражали?

Малинин. Я сам не помню этого предположения и кто сделал его.

Граф Панин. Однако же, это служит к облегчению вашего обвинения, для вас весьма важно, что[бы] вы вспомнили, когда и в какой форме было сделано это предположение, и что вы говорили против него.

Малинин. Не помню.

Стасов (Соболеву). Вы не помните ли, когда было сделано предложение на счет разграбления почты?

Соболев. Это предложение было сделано в последнем собрании.

Стасов. Когда же это было,—4 апреля?

Соболев. Нет, раньше.

Стасов. Не помните ли, кто делал это предложение?

Соболев. Не знаю.

Стасов. Но вы говорите, что Малинин возражал против этого предложения?

Соболев. Да.

Был введен Борисов.

Председатель (Борисову). Что вам известно об участии Малинина в обществе «Организации» и «Ада»?

Борисов. Участвовал ли он в обществе «Ада», я этого не знаю, но в заседаниях общества «Организации» бывал, но какое он принимал участие в заседаниях общества, я не знаю.

Председатель. Занимал ли он должность кассира в обществе «Организации»?

Борисов. Насколько помню, он не занимал.

Председатель. Предполагало ли общество послать его в Саратов?

Борисов. Да.

Председатель. Был ли он согласен на это?

Борисов. Кажется, что согласен.

Стасов. Вы говорите, что он был согласен на поездку в Саратов, но вы вот что скажите: общество ли его посылало туда, или он сам хотел туда ехать?

Борисов. Он туда на место ехал.

Стасов. Он сказал ли вам, что будет действовать в интересах общества или с какою-нибудь другой целью?

Борисов. Не помню. [1])

Стасов. Не помните ли, делал Малинин вопрос на первой сходке, какая была цель «Организации»?

Борисов. Кажется, кто-то спрашивал об этом на первом заседании.

Стасов. Дан ли был какой-нибудь ответ на это?

Борисов. Никакого ответа не было дано.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Расскажите, что вам известно об участии Малинина в обществе «Организации»?

Лапкин. Я знаю, что Малинин участвовал в обществе «Организации», но об особенной деятельности его в обществе «Организации» я ничего не знаю.

---

[1]) Слова: «Борисов. Не помню» вписаны карандашом.

Председатель. Знали ли вы, что ему поручался устав на хранение и что он занимал какую-нибудь должность в «Организации»?

Лапкин. Он [занимал] должность кассира в обществе взаимного вспомоществования [1]), и я не знаю, в обществе «Организации был ли кассир, и хранился у Малинина какой-либо устав.

Председатель. Участвовал ли Малинин в обществе Ад.?

Лапкин. Нет, я об этом ничего не знаю.

Министр юстиции. Расскажите, что именно рассказывал Малинин о первой поездке Каракозова в Петербург?

Лапкин. Он сообщал мне это как слух. Он слышал, как будто Каракозов незадолго до великого поста ездил в П-бург с намерением убить государя. Он мне это сообщал на 6-й неделе поста, как слух, на который он не имел никаких доказательств.

Стасов. Когда делал вам сообщение Малинин?

Лапкин. Великим [2]) постом.

Стасов. Вы сказали, что на 6-й неделе поста.

Лапкин. Что такое?

Стасов. Что Каракозов ездил с намерением покуситься на жизнь государя.

Лапкин. Это последний раз.

Стасов. Как в последний раз? Припомните хорошенько, когда это было.

Лапкин. Прежде всего, нужно сказать, что на 6-й неделе великого поста у нас было собрание. Здесь был Каракозов...

Стасов. Я вас остановлю на этом,—вспомните, был ли в то время Каракозов?

Лапкин. На 6-й неделе поста было собрание, и когда мы узнали, что Каракозов уехал, тогда мы предположили, именно: Малинин, я и Кичин, что Каракозов уехал в Петербург, но в то же время говорили, а впрочем, не знаем, может быть, и не туда.

Председатель. Но все-таки на каких основаниях мог предполагать Малинин, что будто Каракозов еще прежде ездил в Петербург?

Стасов. Вы говорите, что на 6-й неделе Каракозов участвовал в сходке общества «Организация», а потом предполагаете, что Каракозов на 6-й неделе уехал в Петербург. Объясните, пожалуйста, положительно, на 6-й неделе был ли Каракозов на сходке?

Лапкин. Сходка кончилась: дня через два после сходки пропал Каракозов. Здесь мы предположили, что Каракозов не поехал ли в Петербург для того, чтобы посягнуть на жизнь государя.

Председатель. Из чего вы это заключили?

Лапкин. На том основании, что прежде Каракозов ездил в Петербург с тою же целью.

Председатель. Из чего Малинин мог заключить это?

---

[1]) В подлиннике: «существования» [2]) В подлиннике: «В великом по сме

Лапкин. Не знаю, с чего это он заключил.

Стасов. Кажется, вы говорили, что Каракозов был на сходке на шестой неделе, между тем как фактически достоверно, что Каракозов был в это время в Петербурге; положительно доказано, что в Москву он приехал на страстной неделе. Вы припомните об том, когда вам говорил Малинин об Каракозове, вы говорили, что Каракозов через два дня после сходки уехал в Петербург; из дела известно, что Каракозов уехал в Петербург на второй или третьей неделе поста, потом опять уехал на святой неделе.

Лапкин. Нет, это так.

Стасов. Я спорить об этом с вами не стану; я прошу вспомнить вас, когда было это собрание, о котором вы говорите.

Председатель (Лапкину). Вы обвиняетесь в том, что представили такой факт, который не оправдывается.

Лапкин. Нет, это верно,—этому факту еще придавали такое значение.

Стасов. Не знаю, что придавали этому факту, но я вас спрашиваю, когда была сходка, после которой Малинин сообщал вам свое предположение об отъезде Каракозова. Вы показали, что это было на 6-й неделе великого поста, но могло ли это быть, не случилось ли это позднее?

Лапкин. Нет, эта сходка была на 6-й неделе, потому что это было предпоследнее собрание в квартире Малинина, последнее собрание было на фоминой на квартире шпатовцев.

Член суда Пинский. Когда это было?

Лапкин. Последнее собрание было в квартире шпатовцев, но тут уже не было Каракозова, а на предпоследнем собрании был Каракозов.

Стасов. Вы в своих показаниях подтверждаете то, что Страден привез Каракозова, и говорите, что [о] таковом сообщал Малинин. Как же вам мог сказать это Малинин, когда Страден не привозил Каракозова, когда Страден приехал в Москву прежде Каракозова?

Лапкин. Это было тогда, когда Каракозов ездил прежде в Петербург.

Стасов. Когда прежде?

Лапкин. Прежде 6-й недели.

Стасов. Это фактически не доказано: вы припомните хорошенько, как было дело.

Лапкин. Мне кажется, что это так.

Стасов. Вы вспомните хорошенько, говорил ли вам Малинин на шестой неделе или на седьмой, или после, на святой?

Председатель. Подтверждаете ли вы свое показание, что вам говорил Малинин на 6-й неделе?

Министр юстиции. Или, может быть, вы смешиваете шестую неделю со святой,—припомните хорошенько.

Председатель. Не напомните ли вы, Малинин, времени, когда это было?

Малинин (Лапкину). Вы припомните, отчего вы познакомились со мною, зачем вы ко мне пришли?

Лапкин. Меня привел к вам Воскресенский.

Малинин. С какою целью?

Лапкин. С тою целью, чтоб познакомить с вами.

Малинин. А потом?

Лапкин. Потом, чтоб присоединить к Организации.

Малинин. Вам не объяснял Воскресенский, зачем вас хотели взять в Организацию: во-вторых, не объяснял ли он вам слухов на счет образования нового общества «Ад», не связывал ли он этих слухов с отъездом Каракозова? Сколько известно, Каракозов пропал на масленицу, потом вернулся, потом опять пропал. Я мог сообщить слух, что Каракозов поехал в Петербург лечиться, но я не прямо сообщал, что Каракозов уехал в Петербург посягнуть на жизнь государя, потому что если могли быть какие-нибудь подобные предположения, то вы могли слышать прямо от Моткова, от которого я сам это слышал.

Лапкин. Я не могу ничего сказать против этого.

Председатель. Против чего не можете сказать?

Лапкин. Против того, что Малинин мне теперь сказал,—мне кажется, что справедливо то, что он мне не сообщал.

Председатель. Стало быть, вы сделали прежде показания ошибочные?

Член суда Пинский. От кого же вы слышали то, что вы прежде показывали?

Лапкин. Мне кажется, что я слышал это от Моткова, потому что кажется, что в то время, как я слышал об обществе «Ад», я слышал и об Каракозове.

Министр юстиции. Отчего же вы так не показали в следственной комиссии в Москве?

Лапкин. Потому что, видите, в то время я встречал постоянную недоверчивость, постоянные угрозы; я положительно ничего не мог сделать, я совершенно сбился, не мог ничего припомнить хорошенько.

Председатель. Вам угроз в настоящее время не было делаемо?

Лапкин. Не было.

Председатель. Вы сделали однако же два показания разноречивые: одно показание вы поддерживали довольно долго, теперь вы говорите другое. Желательно, чтоб вы приняли правилом, что вы должны показывать все по правде. Следовательно, если вы по правде дошли до того, что подтвердили показание Малинина, так, значит, то, что вы показывали сначала, то не было правдой?

Стасов. После того, что сообщил Мотков о том, что есть проект об устройстве «Ада», не делал ли Малинин предложения своим прочим товарищам: Иванову, Кичину, не делал ли он им предложения разъяснить, действительно ли существует «Ад», или нет?..

Лапкин. Не помню.

Малинин (Лапкину). Вы не помните, что вас приглашали противодействовать этому обществу «Ад» и с этою целью вас приглашали вступить в «Организацию»? Не помните ли, какие предложения я сделал для противодействия обществу «Ад», если оно действительно существовало?

Лапкин. Сила в том, во-первых, как я мог быть уверенным, что существовало это общество?

Малинин. Ну, да, об «Аде» высказал только свое предположение Мотков, но вслед за Мотковым не делал ли я предложения противодействовать «Аду», если обнаружилось его существование?

Лапкин. Не делали.

Малинин. Зачем же вас приглашали в Организацию в таком случае?

Лапкин. Содействовать «Организации».

Малинин. А не противодействовать членам общества «Ад»?

Лапкин. Я действительно видел, что против шатовцев относились даже враждебно, это я заключил из слов Моткова. Малинина.

Малинин. Вы видели, что враждебно относились к шатовцам,—может быть, знали, отчего мы враждебно относились?

Лапкин. Да, вот именно, потому, что они устроили «Ад».

Стасов. Как же я вас спрашивал, помните ли, или нет, что Малинин хотел противодействовать «Аду», вы сказали, что не помните? Вспомните хорошенько,—это дело важное, относился ли Малинин к шатовцам, таким образом, что если откроется их преступная цель, то чтоб против них действовать? Было ли сделано об этом предложение Малинина?

Лапкин. Предложения такого не было сделано, но я видел, что он враждебно относился к шатовцам.

Был введен Мотков.

Председатель Моткову. Объясните, что вам известно об участии Малинина в обществе «Организация» и «Ад». Объясните все откровенно.

Мотков. Наш кружок можно разделить на две группы. Первая группа: Ишутин, Каракозов, Юрасов, Ермолов, Странден, Шаганов, Загибалов, также Николаев. Об Николаеве я говорю по слухам, впрочем, потому что лично участия его не знаю. Другая группа—все остальные члены общества Организации. Первой группе принадлежит мысль составить общество Организацию»,—в ней составился так называемый проект устава Шаганова, вообще они устроили это общество. Вторую же группу я могу назвать новичками, потому что все из этой группы были мало знакомы с шатовцами. Ко второй группе я могу причислить и себя. Я тоже был знаком с шатовцами только последние 1½ года, которые я прожил в Москве, и, как я рассказывал, я действовал вместе с новичками. Новички хорошенько не знали,

что был за цель у первой группы: они собирались в общество «Организацию», но имели своею единственною целью узнать, что такое социализм, уяснить себе вопрос об ассоциациях, — вот, что было целью новичков, но и эта цель у них не была вполне определенною, так что, когда мне было сказано пятовцами на сходке в тверском трактире, что они решили образовать такое общество, и когда я передал это новичкам, то мы не определили, как действовать. Из новичков я говорил более всех с Малининым, так как из их группы я был более всех с ним близок. Все мы, принадлежавшие ко второй группе, порешили, что если мы пойдем на сходку, то прежде чем вступить в общество «Организацию», мы потребуем ясного отчета, какие пятовцы имели цели и какими средствами они думали достигать этих целей. Действительно, на первой сходке Малинин, как мы заранее условились, предложил вопрос об целях общества, но вопрос этот был замят пятовцами, и окончательная цель общества не была ничем определена, и не были определены в подробности средства общества. На других сходках было то же самое, потому мы старались по возможности затягивать всякий ход дела. Был предложен проект устава Шаганова. Мы, т.-е. я, Иванов Александр, Малинин, Кичин, Дмитрий Иванов, решившиеся затягивать дело, мы взяли устав к себе под предлогом рассмотреть этот устав, и этот устав так у меня и остался до уничтожения его. Потом Ермолов предложил завести тайную типографию. Вторая группа также восстала против этого, и, как я слышал от Юрасова, хотя Ермолов и достал типографский шрифт, но это же он сделал тайком от нас. Потом я был же свидетелем разговора в тверском трактире, где Страден, Ермолов и Ишутин говорили об том, что нужно устроить общество Ад., одним из средств которого было цареубийство. Я рассказал об этом прежде всего Малинину. Малинин мне сказал, что слышал нечто подобное от Ермолова, но он мне и говорил, что Ермолов говорил это в пьяном виде, на одной из пирушек. Зачинщиком всего я считал Ишутина, так как известно было, что Ишутин влиял на Страдена и Ермолова, особенно на Ермолова. Кроме того, меня занимало, с какою целью и куда отправился Каракозов. Обо всем, что я знал, я говорил Малинину и потом всей второй группе. Вторую группу составляли: Малинин, Кичин, Александр Иванов и Дмитрий Иванов. Я передал им, что Страден мне говорил о том, что Каракозов приобрел себе пистолет. По общему мнению, Каракозов был человек сумасшедший [9] и всем было известно, что Каракозов, бывший в больнице, просил яду у своих товарищей, и, кроме того, Иванов Александр говорил мне, что в больнице он был мемуары сумасшедшего [10]; притом же он был человек секретный, поэтому все о нем были такого мнения, что он может решиться на все, даже на покушение на жизнь кого-нибудь из особ царской фамилии. Мы, конечно, стали думать о том, что нам предпринять. Малинин, Ивановы Дмитрий и Александр и Кичин говорили, что нужно открыть намерение Каракозо-

ва и даже предлагали мне ехать и привезти Каракозова, но я отказался, потому что сознавал невозможность самому убедить Каракозова. В ту пору приехал Худяков и сообщил, что Каракозов в Петербурге; я передал об этом Малинину, Александру Иванову, Дмитрию Иванову, Кичину, и мы порешили, что всего удобнее поручить Худякову разъяснить, что с какою целью Каракозов находился в Петербурге, и в случае, если бы оказалось, что он действительно имел целью цареубийство, то Худяков должен был довести об этом до сведения полиции. После я узнал в комиссии, что слух об Европейском комитете происходил от Худякова, но, как я показал перед судом, об Европейском [комитете] я слышал от Ишутина и был согласен с Странденом, что все это не более как выдумка, принадлежащая Ишутину; действительно Ишутин так странно и невероятно сообщал об Европейском комитете, что я не мог приписать этих слухов Худякову, который казался мне более положительным, чем Ишутин. Худяков был у меня, говорил об слухах, которые он слышал от Страндена, и тут, конечно, он выразил посочувствие и сказал, [что] насколько может постарается узнать о намерении Каракозова: я ему сказал, что если оправдается подозрение, то чтобы донес полиции. Этот разговор я передал Малинину, Кичину, Александру Иванову, Дмитрию Иванову, так что, когда я уехал, то я был уверен, что в Петербурге относительно Каракозова все сделает Худяков. Кроме того, об мысли об образовании общества «Ада», которую я слышал от Ишутина, Ермолова и Страндена, мы тоже говорили, что должно донести об этом.

Председатель. Вы говорите «мы»,—кто это «мы»?

Мотков. Малинин, я, Ивановы Александр и Дмитрий, Кичин, мы рассуждали о том, следует ли открыть о Страндене и Ермолове, и я должен сознаться, что в этом случае мы колебались, потому что слышали, собственно Малинин,—от Ермолова в пьяном виде; когда я слышал об «Аде», тогда Странден и Ермолов были тоже в нетрезвом виде, но относительно Ишутина полагали об нем открыть правительству нужно. На этом мы порешили и вместе с тем какие принять еще другие меры. Мы, может быть, неосновательно не сообщили об том правительству, но мы не сообщили потому, что у нас не было доказательств, и потому-то я и Малинин уговаривали Дмитрия Иванова, чтоб он постарался войти в доверие к Ишутину, чтоб он прикинулся, что сочувствует мыслям ишатовцев, и таким образом постарался, чтоб Ишутин все рассказал ему об «Аде», и Дмитрий Иванов сказал, что он притворится, и Малинин и Александр Иванов могут подтвердить, что Дмитрий Иванов старался с этою целью добыть бумаги от ишатовцев,—вот все, что я могу сказать.

Председатель. Сообщите вы Верховному Уголовному Суду о том, что именно говорил Ермолов Малинину?

Мотков. Он собственно об обществе «Ад» ничего не говорил, но говорил мне что-то подобное тому.

Председатель. Не помните ли точно этого разговора?

Мотков. Да, я могу припомнить этот разговор. Ермолов спрашивал Малинина, имеет ли он такую решимость и любовь к делу, чтоб решиться на убийство кого-нибудь.

Малинин. Дело было такого рода: на масленицу шатовцы пригласили меня к себе на квартиру, в то время был Шутин, Ермолов и Страден, Мотков и еще Дмитрий Иванов; в то время Шутин играл на гармонике и упрашивал меня выпить водки; Ермолов был уже достаточно пьян и начал мне предлагать такого рода вопросы, что я думаю на счет того, чтоб променять жизнь на жизнь. Я не понимал, об чем он говорил, думал, что об дуэли, и допрашивал еще: как же променять жизнь на жизнь. Ермолов повторил: «да, жизнь за жизнь». Я спросил: Да с какою же целью?» Ермолов сказал: Да если твоя жизнь могла бы быть принесена с пользою». Я ответил, что об этом нечего и говорить,—если жизнь моя нужна для такого блага, которое я считаю выше всего, то принесу ее в жертву. После этого Ермолов со мною ничего не говорил.

Мотков. Я должен сказать, что, как передавал Малинин свой разговор с Ермоловым, то я не вижу никакой разницы между тем, что сказал Малинин, и моими словами. Он говорил мне, что он не понял тогда вопроса Ермолова, но когда я передал ему разговор мой в тверском трактире, тогда он с помощью сведений, слышанных от меня, он объяснил себе разговор с Ермоловым и сказал: Вот и мне Ермолов [говорил] нечто подобное».

Стасов. В обвинительном акте сказано, что у Малинина хранился проект устава «Организации», между тем устав хранился у Моткова. Это обстоятельство нужно разъяснить.

Председатель (Моткову). Вы жили в одной и той же квартире с Малининым, устав хранили отдельно от Малинина?

Мотков. Я проект носил постоянно с собою, следовательно, Малинин не мог принимать участия в хранении устава.

Председатель. Так, по вашим словам, он не принимал участия в хранении устава?

Мотков. Быть может, он знал, что у меня хранился проект, но он не принимал никакого участия в самом хранении его.

Председатель Малинину. Остаются три свидетеля, в которых генерал-прокурор не встречал надобности, но которых вы пожелали спросить. (Судебному приставу.) Призовите свидетелей.

Был введен Александр Иванов.

Председатель (Стасову). Не угодно ли его вам спросить?

Стасов. Господин Иванов, когда вы слышали от Малинина и Моткова о том, что от Организации отделился особенный кружок, то вы слышали это в виде предположения или в виде положительного факта?

Александр Иванов. В виде предположения. Малинин говорил о кружке ипатовцев.

Стасов. Что же вы и Малинин и все вы, составляющие ваш кружок, решили делать?

Александр Иванов. Да, по этому предмету мы решили так сделать, чтоб Мотков поехал в Холм, достал денег, чтоб на эти деньги, для предупреждения всякой возможности покуситься на жизнь государя, настоять на том, чтоб ипатовцы Каракозова отдали в сумасшедший дом, и, кроме того, мы имели целью уничтожить ипатовцев. Удалением ипатовцев и Каракозова мы думали уничтожить ипатовцев, потому что ипатовцы были главными деятелями в «Организации».

Председатель. Ваши слова подтверждают то, что вы хотели убедиться в том, что правда ли Мотков говорил или нет, так как доказательств положительных у вас не было, и для этого вы хотели оставаться в дружеских сношениях с ипатовцами?

Александр Иванов. Мы наружно хотели показывать вид хорошего расположения, потому что нам иначе нельзя было ничего с ними сделать.

Стасов. Не были ли вы на сходке на первой неделе поста, когда начался обсуждать[ся] устав?

Александр Иванов. Я помню, что первый устав, который был предложен на наше обсуждение, был предложен на 2-й неделе поста, это именно проект Шаганова.

Стасов. Но на первой неделе поста вы не помните ли, на сходке вашего общества не предлагал ли Малинин такого вопроса, какая цель этих сходок?

Александр Иванов. Этого не помню, но помню, когда Шаганова проект был предложен на сходке, то Малинин с ним не согласился.

Стасов. Я вам сделаю еще один вопрос: когда к вам привезли шрифт, кажется, его привез Ермолов, не советовал ли вам Малинин уничтожить шрифт, не возвращать его ипатовцам?

Александр Иванов. Это было, действительно, решено.

Стасов. Но участвовал ли в этом решении Малинин?

Александр Иванов. Участвовал.

Стасов. В одном из ваших показаний вы сделали такое показание, что когда было получено известие о событии 4 апреля, то Малинин заявил предположение, что покушение сделал Каракозов.

Александр Иванов. Я здесь сказал только о себе и притом вот в каком смысле. Так как я слышал от Моткова, что Каракозов сидит в П-бург, и что о поездках этих, так как Каракозова он считал за полоумного, Мотков подозревал, что Каракозов хочет сделать покушение на жизнь государя императора, но так, что, услышавши о покушении 4 апреля, мы невольно предположили, что это дело Каракозова.

Стасов. Но вы говорите, что предположил не Малинин, а говорили о себе?

Александр Иванов. Да, о себе.

Был введен Дмитрий Иванов.

Стасов. Когда Мотков сообщал вашему кружку о своих предположениях, о том, что пиатовцы составили отдельное общество от «Организации»,—было ли только это предположение или положительное знание?

Дмитрий Иванов. Нет, это не было положительное знание.

Стасов. Как же оно вам было сообщено?

Дмитрий Иванов. Мотков сообщил нам таким образом...

Стасов. Я вас не спрашиваю о подробностях, я хочу только знать, сообщил ли вам Мотков в виде мнения, в виде слуха или догадки?

Дмитрий Иванов. В виде догадки.

Стасов. Так что вы не знали, что есть такое общество?

Дмитрий Иванов. Да, мы только догадывались, что есть такое общество.

Стасов. И хотели разузнать об нем положительно?

Дмитрий Иванов. Да, хотели разузнать.

Стасов. Малинин участвовал в этом желании?

Дмитрий Иванов. Участвовал.

Стасов. Но вы не были убеждены, что существует такое общество?

Дмитрий Иванов. Мы никто не были убеждены в этом, это составляло для нас камень преткновения в наших действиях.

Стасов. Не помните ли, когда Ермолов привез шрифт, кто хотел уничтожить его, было ли предположение отдать или не отдать этот шрифт обратно пиатовцам?

Дмитрий Иванов. Не помню, кто сделал предположение, но, кажется, Александр Иванов, но вообще этого желал весь наш кружок.

Стасов. Чего же желал ваш кружок?

Дмитрий Иванов. Чтоб не отдавать шрифт пиатовцам.

Малинин. Между прочими средствами не было ли у нас в виду донести правительству об интригах, если бы нам удалось открыть их цели?

Дмитрий Иванов. В числе средств был и донос.

Стасов. Отчего же вы не донесли?

Дмитрий Иванов. Мы ничего положительно не знали, вот почему и не донесли.

Был введен Воскресенский.

Стасов (Воскресенскому). Вот скажите, обращался ли к вам Малинин с предложением о том, чтоб разузнать о каких-нибудь действиях пиатовцев и им противодействовать?

Воскресенский. Малинин говорил мне, что я могу от Моткова в подробностях услышать, что такое пятовцы, а сам он говорил мне, что они составили особый кружок.

Стасов. Не предлагал ли он вам соединиться с ним для того, чтоб противодействовать пятовцам?

Воскресенский. Т.-е. он мне так упоминал, что когда Мотков узнает об умысле пятовцев наверное, то он заявит об этом Малинину, и тогда Малинин предлагал и мне действовать вместе с ним.

Малинин. Не соглашались ли мы с вами, если откроется, что подозрение наше на счет пятовцев справедливо, противодействовать им?

Воскресенский. Мотков говорил, что он поедет куда-то, там разузнает обо всем хорошенько и расскажет нам обо всем; мы будем как свидетели, и потом он заявит об том, что знает, перед всеми.

Стасов. Так Мотков говорил, что он еще поедет, чтоб разузнать?

Воскресенский. Да, он говорил, что поедет, и Малинин говорил, что если Мотков узнает хорошенько, то мы прямо пойдем и донесем.

Стасов. Так это Малинин говорил вам?

Воскресенский. Да, Малинин говорил мне об этом. Я ведь недавно в Москве, и я не знал всех личностей, которые бывали на сходках. Впоследствии я познакомился с Малининым. Он говорил мне: «вот какие штуки у нас, вот Мотков что знает: когда мы убедимся наверное, к чему стремятся пятовцы, то Мотков донесет правительству и на нас укажет, как на свидетелей, что мы знали об этом».

Был введен Дмитрий Иванов [11].

Председатель Дмитрию Иванову. Объявите ваше имя, отчество и фамилию.

Иванов. Дмитрий Львов Иванов.

Председатель. Сколько вам лет?

Иванов. 19 лет.

Председатель. Ваши занятия?

Иванов. Занимался в университете прежде, потом переплетал книги.

Председатель. Переплетали книги в одно время с университетом или после университета?

Иванов. В одно время с университетом.

Председатель. Вы вступили в эту артель с самого начала ее или нет?

Иванов. С самого начала.

Председатель. Когда это было?

Иванов. Это было в 1864 г., в сентябре месяце.

Председатель. Эта артель принадлежала к какому-нибудь другому обществу?

Иванов. Ни к какому другому обществу не принадлежала.

Председатель. Кем учреждена была эта артель?

Иванов. Учреждена была она ее членами: членов было четыре, это именно, я и трое моих товарищей: Васильев, Титов и еще знакомый мой Воскресенский [12].

Граф Панин. В вашу артель поступали другие члены?

Иванов. Поступали на замену вышедших.

Граф Панин. Кто именно вступил?

Иванов. Фалин [13] вступил?

Граф Панин. Всего четыре члена было до самого конца?

Иванов. До самого конца 4 члена.

Граф Панин. До каких пор существовала ваша артель?

Иванов. Да, еще Трусов [14] был, но я не могу точно определить, до каких пор существовала наша артель.

Граф Панин. Кто же был у вас членами?

[Иванов]. Я, Воскресенский, Фалин, Трусов, Титов. Эти пробыли только два месяца.

Граф Панин. Все это были студенты?

Иванов. Студенты.

Граф Панин. Каких вы лет?

Иванов. 19-ти лет.

Председатель. Артель ваша существовала по настоящее время, или она уже прекратилась?

Иванов. Она прекратилась.

Председатель. В котором году?

Иванов. В прошлом 1865 г.

Председатель. Вы получили обвинительный акт?

Иванов. Получил.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, студент императорского московского университета Дмитрий Львов Иванов, 19 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на студента императорского московского университета Дмитрия Иванова падает обвинение в принадлежности к тайному революционному обществу Организация, имевшему целью ниспровергнуть правительство в нашем государстве, и в знании о существовании такого общества Ад, которое имело целью цареубийство.

Подсудимый студент Иванов в принадлежности к обществу

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 26–28.

«Организация» сначала не сознавался (т. VI, л. 300, т. V, л. 329), но впоследствии сознался не только в том, что был членом означенного общества, но и что составил проект Организации», по которому члены должны были покоряться плану, а кто не покорялся бы, тот должен был подлежать ссылке и даже смерти (т. VII, л. 163—200, 301). Кроме сего, по показанию Ишутина, Загибалова и Ермолова, Иванов бывал в собраниях «Организации» (т. VI, л. 76, 105, 192), по показанию Малинина, он взял из квартиры ишутинцев (Ишутина, Юрасова, Ермолова и др.) устав Организации (написанный Ермоловым или Мотковым) (т. VI, л. 175), а по показанию Ермолова при предположении на сходке 4 апреля разъехаться, хотел ехать в Пензу (т. VI, л. 192). Наконец, Иванов сознался в том, что они (Дмитрий Иванов, Малинин и др.) сожгли все бумаги «Организации» (т. VII, л. 195).

Члены общества «Организация» Мотков, Шаганов, Ишутин, Загибалов, Юрасов, Малинин, Странден, Соболев, Лапкин, Сергиевский, Полумордвинов поместили Дмитрия Иванова в составленных ими списках членов общества «Организация» (т. V, л. 384, 404, 423, 307, 344; т. VI, л. 231, 233, 254, 76, 381, 36, 105, 236, 388, 91, 92, 104, 320; Моск. д., 79, 165, особые показания Сергиевского и Полумордвинова).

В знании о существовании общества под названием «Ад», имевшего целью цареубийство, Дмитрий Иванов сознался, объяснив, что весь план оного сообщил ему Мотков; когда же Каракозов уехал в Петербург, то он, Дмитрий Иванов, Александр Иванов, Малинин, Кичин и Лапкин, припоминая разговор их с членами «Ада», решительно пришли к тому заключению, что Каракозов решился на цареубийство (т. VII, л. 163 и след.), что подтверждается показанием Лапкина (Моск. д., л. 174 об.).

По сим обстоятельствам студент Дмитрий Иванов обвиняется в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», которое имело целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, а также в знании о существовании другого тайного революционного общества «Ад», имевшего целью цареубийство, и недонесении о сем правительству, что составляют преступления, предусмотренные 250 и 318 ст. Улож. о нак.

Вследствие сего вышепоименованный Иванов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали, в чем вы обвиняетесь? Вы читали обвинительный акт? Признаете ли вы себя виновным в тех преступлениях, которые на вас возводят?

Дмитрий Иванов. Я признаю себя виновным, хотя имею сказать несколько слов в мое извинение и защиту против моего обвинения, изложенного в обвинительном акте. Главным фактом, который я считаю, могущим служить мне защитою, это то, что

я принадлежал к тому кружку, который хотел уничтожить общество «Ад» и хотел донести на него. Затем я хочу сказать о том проекте, который я написал и по которому члены общества должны были подчиняться большинству и ничего не предпринимать во вред его, в противном случае член общества подвергался ссылке и смерти. Я должен сказать, что мысль этого плана была высказана гораздо раньше меня, именно: в первый раз на первом собрании Странден говорил следующее, что если, господа, нашелся между нами кто-нибудь, кто хотел бы повредить нашему обществу, то у нас есть для того меры карательные, под карательными мерами всякий подразумевал почти всегда смерть. Затем, на том собрании, на котором говорили о сборе с литературного и музыкального вечера [15], Юрасов сидел в отдельном кружке, в котором были: я, Мотков, Александр Иванов, Малинин. Юрасов тогда сказал: «Нам следовало бы определить отношение членов к обществу и поставить тот предел, далее которого члены не должны идти». Теперь именно я хочу рассказать те причины, которые навели меня на мысль написать проект, и, наконец, сказать ту цель, которую я имел, писавши этот проект. Мысль написать этот проект явилась у меня вследствие тех подозрений и недоверчивости, которую мы питали к ипатовцам, вследствие их разговоров: например, разговора Ермолова о том, что как мы смотрим на то, чтоб променять свою жизнь за жизнь кого-нибудь из больших; потом Ишутин в каком-нибудь факте давал чувствовать о существовании другого общества. Все эти подозрения наводили на мысль, что ипатовцы составляют какое-нибудь тайное общество, в цели которого входит цареубийство.

Цель моего проекта была та, чтоб показать ипатовцам, что им не доверяют и, кроме того, чтоб показать им, что если они станут действовать особенно от Организации, то за ними будут следить...

Председатель. Вы не стесняйтесь. В настоящее время вы объясняетесь ясно, вразумительно; продолжайте говорить в таком же роде.

Иванов. Затем я хочу сказать, что, мне кажется, в обвинительном акте есть неточное выражение,—именно, там сказано, что я знал о существовании общества «Ад», тогда как я положительно о существовании общества «Ад» не знал: я судил только по догадкам и потом из того, что мне Мотков сообщил об планах этого общества.

Председатель. Как вы объясните, что вы не знали об этом обществе «Ад», когда сейчас сказали, что Мотков вам сообщал план этого общества, и когда сами ставите себе в заслугу, что хотели противодействовать этому обществу? Это, мне кажется, одно с другими не согласно.

Дмитрий Иванов. Дело в том, что Мотков сообщал нам сведение об «Аде» в виде догадки, что, должно быть, такое общество существует; в то время, когда он нам говорил, мы не знали

положительно об существовании общества «Ад»; кроме того, когда Мотков нам говорил, что ишатовцы уверяли его, что они хотели образовать общество «Ад», он вместе с тем сообщал, что этого желает меньшинство ишатовцев. Мы подозревали ишатовцев по фразам, которые они говорили, по их поведению, по их недосказанностям, по их таинственности, наконец, по их торопливости, наконец, по пропаже Каракозова и разноречивым показаниям ишатовцев, — все это наводило нас на догадки, что «Ад» должен существовать, но мы положительно не знали, что он существует. Для того, чтобы узнать это положительно, мы хотели запугать Нечутина смертью, с тем, чтобы он нам все рассказал.

Председатель. То-есть, сколько я вас понял, вы признаете себя виновным в возводимом на вас преступлении, что вы принадлежали к обществу «Организации» и знали о предположении существования «Ада», но что вы хотели противодействовать этому кружку, если бы он существовал.

Дмитрий Иванов. Совершенно верно.

Председатель. Составляли ли вы проект об «Организации»?

Дмитрий Иванов. Нет, не составлял.

Председатель. Не писали ли какого проекта об «Организации»?

Дмитрий Иванов. Вот именно, проект о том, чтоб все члены подчинялись планам, которые принимало общество. Этот проект я составлял, но он не был прочитан на собрании.

Председатель. Не читали, но он был вами составлен?

Дмитрий Иванов. Был составлен.

Председатель. Вы собирались ехать в Пензу?

Иванов. Собирался.

Председатель. С какою целью вы хотели ехать туда?

Иванов. Меня посылала «Организация» для того, чтобы завести провинциальный кружок из либеральных людей.

Председатель. Это было в какое время?

Иванов. Точно помнить не могу, но только, что Ермолов указал неточно на время, когда определили разъехаться членам. 4 апреля сходка не состоялась. Это было гораздо ранньше определено; помнится, что на сходке в квартире ишатовцев.

Председатель. Это было до поста или после поста?

Иванов. Во время поста: сколько мне помнится, наше общество имело первую сходку на первой неделе поста.

Председатель. При сожжении бумаг «Организации», какие бумаги вы сожгли, для чего вы их сожгли и какое их содержание?

Иванов. В них был, во-первых, проект, второй проект Шаталова, которого не читали на сходках, поэтому содержание этого проекта не знаю; потом в числе бумаг этих, кажется, был проект или, собственно, не проект, а резюме, составленное Мотковым с проекта «Организации», писанного Ермоловым.

Председатель. По какому побуждению вы сожгли бумаги: явилась ли эта мысль вам одному, или вы это сделали по совету других, по совещанию с другими?

Иванов. Да, мы согласились все сжечь бумаги, которые доказывали о существовании «Организации».

Председатель. Где происходило это соглашение, в каком собрании, у кого?

Иванов. Собрания не было.

Председатель. Но вы как сошлись и говорить об этом? У кого вы сходились?

Иванов. Не помню хорошенько, но, кажется, в квартире у Малинина.

Принц Ольденбургский. Вы там бумаги и сожгли?

Иванов. Там и сожгли.

Председатель. Можете ли вы объяснить, какие вы имели сведения об существовании кружка «Ада»? Знали ли вы об нем по слухам?

Дмитрий Иванов. Первое подозрение, которое явилось у нас, на счет существования «Ада», т. е. собственно не «Ада», а такого общества, которое составляли шатовцы, это именно был разговор Малинина с Ермоловым о приложении своей жизни на жизнь кого-нибудь из больших.

Председатель. Вы присутствовали при этом?

Иванов. Был.

Председатель. Можете ли припомнить подробнее, в чем состояло главным образом предложение Ермолова?

Дмитрий Иванов. Ермолов начал таким образом: «Как вы думаете,— обратился Ермолов к Малинину, как вы думаете на счет того, чтоб применить свою жизнь на жизнь кого-нибудь из больших?» Малинин начал противоречить этому положению, говорил, что знать его не хочет и вовсе не сочувствует ему и считал его нелепостью. Ермолов начал доказывать справедливость этого положения и, между прочим, привел в доказательство следующее: «Как вы думаете, может ли правительство произвести социальную реформу?» Малинин сказал, что не знает этого хорошо, может ли, или нет. Ермолов начал продолжать доказывать и сказал, что правительство можно заставить произвести социальную реформу, застрелив его, и тут фразы я собственно не помню, но Ермолов высказал такую мысль, которая опять-таки намекала на цареубийство.

Председатель. Это вы говорите про Ермолова?

Дмитрий Иванов. Да; затем Нечаев говорил в квартире шатовцев и говорил: Надо каким-нибудь ужасным фактом заявить о существовании революционного общества и тем самым заставить дрожать правительство и поощрить всех тех, которые смотрят, завидуют другим, и вообще поднять молодежь и вследствие этого заставить ее поработать в направлении революционной пропаганды. Потом Нечаев на том же вечере, когда Ермолов

говорил с Малининым, говорил Малинину: Помните ли вы, Орест Васильевич, что я вам доказывал, что поступок Орсини вещь очень хорошая? Из этого я видел, что Ишутин когда-то оправдывал Орсини, т.-е. цареубийство. Потом также разговор Загибалова, хотя прежде смысла его я не понимал, но после Мотков объяснил его: этот разговор шел об охотниках и рыболовах. Согласитесь,— говорил он,—что охотником быть лучше, чем рыболовом, и доказывал, что охотнику гораздо лучше стрелять в дрофу, чем какую-нибудь другую птицу. Я не знал аллегорического смысла слов и сперва, что гораздо лучше стрелять другую птицу, а не дрофу. Впоследствии Мотков указал, что под именем охотников ипатовцы разумели людей, которые решились на цареубийство, а под именем рыболовов—людей, которые решились на пропаганду социальных идей известным людям и на приобретение агентов. Потом, наконец, вот то, что сообщено было Мотковым о предположении устроить Ад из ипатовцев, тоже усилило наше подозрение, что Ад существует; наконец, пропажа Каракозова и притом совершенная неизвестность, куда он уехал. Когда мы спросили Страндена, куда он уехал, он сказал, что Каракозов уехал в Калугу [17]: когда спросили об том же у Юрасова, Юрасов сказал, что не знает, куда уехал Каракозов, и назвал его сумасшедшим; когда спросили Ишутина, Ишутин сказал, что Каракозов уехал в Иваново [18] пропагандировать мужикам революционные идеи. Наконец, мы получили известие от Худякова, что Каракозов был в Петербурге и просил у него денег, это еще более усилило наше подозрение. Затем покупка шрифтов. Больше я ничего не могу припомнить из таких крупных фактов, которые подтвердили наше предположение; кроме того, много было мелких фактов, которых я уже не упомню, но которые усиливали наше подозрение на счет ипатовцев.

Председатель. Теперь мы будем иметь в виду ясность[1] ваших объяснений: вы высказались настолько ясно, видно, что вы понимали то, что вас спрашивают.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Расскажите все, что вам известно о принадлежности Дмитрия Иванова к обществу Организации и деятельности его в этом обществе, также о том, какие сведения он имел об «Аде»?

Ишутин. Он не имел никаких сведений об Аде... я не знаю, какие сведения об «Аде» он имел... не смею ничего сказать... У меня с ним никогда по этому поводу не было рассуждений... Относительно «Организации» я должен сказать, что его участие было такое, что он раза два или три был на собраниях Организации. Больше я ничего не сумею рассказать о его деятельности.

Председатель. Ишутин, вам много вместе по делу:

---

[1]) В подлиннике: «ясно с».

нужно, когда вас спрашивают, чтоб вы знали, что собственно польза ваша состоит в том, чтоб давать объяснение ясное и положительное во всем том, что вам известно; никакие сокрытия и повороты не могут затмить дело, — знайте, что ни повредить, ни затмить дело нельзя, следовательно, я предостерегаю вас в том отношении, что вы должны говорить правду положительно обо всем том, что вам известно.

Ишутин. Ваше сиятельство, он относительно Организации менее, чем другой, виноват, тем более он приехал в Москву с целью образоваться.

Председатель. Я не говорю, чтобы вы непременно обвиняли его, — я далек от этого, но я требую только, чтоб вы объяснили правду.

Ишутин. Вы спросили, принадлежит ли он к Организации: я отвечаю, что в «Организации» он был два или три раза на сходках.

Принц (защитник подсудимого). Вам известно, что Иванов хотел поступить в Петровскую академию?

Ишутин. Известно.

Принц (защитник подсудимого). Вы не удерживали его от этого намерения?

Ишутин. Конечно, не удерживал [19].

Принц. Кто ввел его в общество «Организации»?

Ишутин. Так как он был со всеми положительно знаком то не было надобности его особенно вводить.

Принц. До поступления его в общество Организации, имели ли вы с ним разговоры в политическом духе?

Ишутин. Не сумею вам сказать, имел ли я с ним какие-нибудь разговоры по этому предмету, не помню.

Принц (защитник подсудимого). До поступления в Организацию, до первого появления его на сходках Организации, имели ли вы с ним разговор об цели Организации, что она будет делать и что из этого выйдет?

Ишутин. Нет, вероятно, не сообщал, так как в Организации не было выяснено окончательно его результата.

Дмитрий Иванов (Ишутину). Позвольте предложить вопрос такого рода: давали ли вы мне проект «Организации», писанный не знаю кем?

Ишутин. Нет, не давал; может быть, что-нибудь другое давал, так как у меня было много проектов разных обществ. Вам должно быть это известно.

Дмитрий Иванов. Нет, вы мне давали проект Организации, я могу свидетеля представить: этот свидетель — Черкезов.

Ишутин. Сделайте одолжение.

Принц (защитник подсудимого). Иванов сам не мог попасть в Организацию ни с того, ни с сего. Для того, чтобы иметь средства существования, он завел переплетную.

Председатель. Переплетная была отдельно от всех других обществ!

Ишутин. Да, он нуждался в деньгах и обращался к нам, чтоб покупать различные материалы, и мы ему давали деньги.

Принц защитник подсудимого. Значит, вы знали его положение?

Ишутин. Знал и, насколько возможно, помогал ему, так как нашею целью было помогать молодым людям, желающим учиться,—кому поможешь деньгами, кому уроки достанешь.

Председатель. Не было ли у вас предположения послать его в Пензу для учреждения кружков, ведь было такое действие общества, объясните?

Ишутин. Не сумею вам сказать, кто его посылал.

Председатель. Он сам сказал, следовательно, не можете его скрыть.

Ишутин. Может быть, и посылал кто-нибудь, но я не могу сказать, кто такой: у меня нет цели его скрывать,— насколько он участвовал, настолько я сказал об нем; когда ему нужны были деньги, в таком случае мы ему помогали.

Был введен Загибалов.

Председатель (Загибалову). Что вам известно относительно участия Дмитрия Иванова в обществе Организации и «Ада»?

Загибалов. Я встречал его на сходках Организации: о деятельности его в обществе я ничего не знаю, так как общество это не действовало.

Председатель. Из многих показаний видно, что у вас было предположение разослать несколько членов: теперь расскажите, что вам известно в отношении его.

Загибалов. Я знаю, что он говорил мне, что он хочет ехать в Пензу, я знаю это, но не помню, на каком собрании рассуждалось об этом, но помню, что оно было в числе самых последних собраний. Кто предложил разъехаться, я не знаю, но мне только помнится, что Ермолов говорил, кто куда поедет, и о Иванове он сказал, что он поедет в Пензу.

Председатель. Во многие губернии предполагалось послать членов «Организации»?

Загибалов. Решительно этого не припомню: сколько помню, не было предположения о том, в какие губернии посылать членов и во сколько губерний ехать; многие говорили, что им нет средств жить в Москве, что им все равно поехать куда бы то ни было, и некоторые заявили желания, куда они хотят ехать.

Был введен Ермолов.

Председатель (Ермолову). Что вам известно о принадлежности Дмитрия Иванова к Организации?

Ермолов. Мне известно, что он принадлежал к обществу Организации, ходил на сходки этого общества и последнее время хотел уехать в Пензу, с тем, чтоб там попробовать завести ассоциацию или, если будут деньги, библиотеку открыть.

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Дмитрий Иванов принадлежал к обществу «Организации»? Что вам об этом известно и что известно о его деятельности по этому обществу?

Малинин. Я знаю, что он принадлежал к обществу «Организации», но предположений никаких не делал, на сходках деятельного участия не принимал.

Председатель. Куда предполагалось его употребить?

Малинин. Об этом не было речи на сходках.

Председатель. Предполагали ли его послать куда-нибудь?

Малинин. Никуда не предполагалось.

Председатель. Он сам объяснил, что его хотели послать в Пензу.

Малинин. Этого не помню; он мне говорил, правда, что хотел ехать в Пензу, но он хотел ехать к родным, — он объяснял мне это в частном разговоре.

Министр юстиции. Какой проект устава в обществе «Организации» взял Дмитрий Иванов из квартиры ипатовцев?

Малинин. Я не знаю, кем был написан этот проект, но это тот проект, который должен был читаться на последнем собрании, но он не был читан.

Министр юстиции. С какою целью он это сделал?

Малинин. Он его хотел прочесть.

Дмитрий Иванов (Малинину). Я хотел вас спросить, участвовал ли я в том кружке, который хотел противодействовать предполагаемому обществу «Ад»?

Малинин. Вы были одним из главных участников в этом кружке. В этом кружке участвовали: я, Александр Иванов, Дмитрий Иванов, Кичин.

Граф Панин. Каким образом Иванов выражал свое содействие мерам, принимаемым против ипатовцев?

Малинин. Говорил, что если мы узнаем, что «Ад» действительно существует, то следует донести, и вызывался быть свидетелем.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Расскажите все, что вам известно об участии, которое принимал Иванов в обществе «Организации».

Мотков. Известно точно так же, что он принадлежал к группе новичков, о которой я говорил точно так же, когда я сказал, что был свидетелем разговора, в котором Страндеп, Ермолов, Юрасов, Ишутин говорили об цареубийстве, как об средстве, которое может служить их цели, то он, как и другие, решил, что нужно открыть об этом правительству, и даже взял на себя труд добыть бумаги от Ишутина и Ермолова, которые могли служить доказательством при открытии их намерения; с этою же целью он старался войти в доверенность к Ишутину,

чтоб Ишутин высказал, имеют ли пятовцы какие-нибудь тайны и революционные мысли. Кроме того, нужно сказать, что Иванов, как и Кичин, были привлечены в «Организацию» тем, что думали найти там возможность изучить экономические вопросы, но Иванов с первого же раза увидел, что цель эта не может быть достигнута в «Организации», то он хотел оставить Москву и уехать в Пензенскую губернию, чтобы там заниматься изучением наук, но чтобы уехать в Пензу, у него не было денег.

Министр юстиции. Вот все говорят об экономическом перевороте,—скажите, в чем же он состоял?

Мотков. Я говорил об экономической пропаганде.

Министр юстиции. Какая же ее цель?

Мотков. Научная разработка вопросов и потом пропаганда—учение об ассоциациях.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Кто первый ввел его в общество «Организации»?

Мотков. Не знаю, кто первый, кажется, Ишутин объявил об дне, когда будет сходка, и просил Иванова, чтобы он был на этой сходке: при этом Иванов сказал, что он посмотрит, пойдет ли на сходку, или нет, точно так же, как все мои товарищи.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Предположение ехать в Пензу было ли еще сделано до поступления в «Организацию»?

Мотков. Да, он тогда еще говорил, а после того говорил, что он думает заняться в Пензе тем же, чем думали заняться в «Организации».

Принц (защитник подсудимого). Вам не известно ли, по какому случаю остановилась его поездка в Пензу, вместо которой он поступил в «Организацию»?

Мотков. Сколько помнится, потому что не было денег.

Дмитрий Иванов. Помните ли вы, Мотков, что на первом собрании Страшен сказал такую вещь, что если между нами нашлись бы люди, которые захотели повредить планам «Организации» или вообще делу «Организации», то у нас нашлись бы карательные меры против таких людей?

Мотков. О карательных мерах было сказано в мыслях организации Ермолова, но эти мысли Ермолова никогда не были приняты.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Вы бывали в той переплетной, которая устроена была Дмитрием Ивановым, это заведение принадлежало ли членам общества «Организации», или образовалось совершенно другим путем?

Мотков. Оно образовалось гораздо раньше—за год до «Организации», и образовалось без всякого влияния членов общества «Организации». Сколько я слышал, эта переплетная была открыта Ивановым Воскресенским; кажется, инициатива этого дела принадлежала Васильеву, которого нет в Москве; переплетчики, кажется, не были вовсе знакомы с кружком пятовцев, и после

уже Шутин познакомился с Воскресенским и Ивановым и стал бывать в переплетной.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). С какой целью работал Дмитрий Иванов и другие его товарищи в переплетной?

Мотков. Если не ошибаюсь, может быть, он делал в видах улучшения рабочих, но, кажется, мне говорил Иванов, что это, кажется, была проба ассоциации [20].

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Не было [ли] это необходимостью для того, чтобы добывать себе средства жизни?

Мотков. Да, это так, потому что, когда он ушел из переплетной, то он, между прочим, должен был отказаться от поездки в Пензу за неимением средств.

Был введен Александр Иванов.

Председатель (Александру Иванову). Расскажите, в чем заключалось противодействие Дмитрия Иванова членам общества «Ад»?

Александр Иванов. Когда Моткова рассказывал свое подозрение относительно существования общества «Ад», относительно поездки Каракозова в Петербург, то Дмитрий Иванов вместе с нами решил отъезд Моткова за деньгами; потом, до тех пор, покуда приедет Моткова с деньгами, нам следует избегать сходок Организации, для того, чтобы не дать ей развиться; потом, по приезде Моткова мы должны были объявить на сходке, что знали от Моткова об ишутовцах, и настоять, чтоб Каракозова отдать в сумасшедший дом, а ишутовцев удалить из Москвы. Это мы сделали главным образом для того, чтобы лишить возможности ишутовцев сделать покушение на жизнь государя, но в этом мы только их подозревали, а главным образом мы хотели уничтожить общество «Организации».

Дмитрий Иванов. Хотели ли мы донести в случае удачи наших действий?

Александр Иванов. Мы решили так, что если ишутовцы на той сходке, когда Моткова приедет, ишутовцы будут сопротивляться нашим решениям, что они должны уехать из Москвы, и настоять на отдаче Каракозова в сумасшедший дом, то тогда, если ишутовцы будут сопротивляться решению, то мы им скажем, что донесем на них, и, действительно, донесли бы.

Дмитрий Иванов. Хотели ли мы попугать смертью Ишутина, для того, чтобы он нам рассказал о существовании Ада?

Александр Иванов. Да, это, действительно, было: это вследствие того, что Моткова советовал удостовериться в достоверности предположения об «Аде».

Был введен Кичин.

Председатель (Кичину). Объясните, в чем заключалось противодействие Дмитрия Иванова членам общества Ад?

Кичин. В том, что Иванов сочувствовал поездке Моткова

в Холм за тем, чтобы достать денег и разослать членов «Ада» из Москвы; потом он желал приобрести вещественные доказательства намерения пятовцев, с тем, чтобы потом об них донести, и потом он вообще сочувствовал уничтожению «Ада».

Дмитрий Иванов. Помните ли вы, Кичин, писал ли я небольшую речь против Ишутина, которую я хотел прочесть на одном из последних собраний, для того, чтобы не пустить Каракозова и Ишутина ехать в Пермь и Вятку?

Кичин. Я знаю, что вы приготовлялись читать вашу речь, но сам я не слышал, когда вы ее читали.

Дмитрий Иванов. Я ее никогда не читал, но я только вас спрашиваю, знаете ли вы, что я готовил эту речь?

Кичин. Что вы готовили,—это, действительно, так.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Вам неизвестно было о намерении «Организации» послать Иванова в Пензу?

Кичин. Да, в «Организации» он выражал свое намерение ехать в Пензу, говорил, что нездоров и хочет поправить свое здоровье; вообще у нас желанию у каждого члена желали придать вид, как делу, предписанному или решенному по определению целого общества; поэтому говорили, что Иванов едет в Пензу по распоряжению общества. Потом, на сходке я слышал, как Иванова, не помню кто, спросил: «желаете ли вы куда ехать?» Он отвечал: «Да, желаю ехать в Пензу!»

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Он желал ехать в Пензу, это справедливо, но ожидали ли вы, что он будет в Пензе действовать в интересах общества?

Кичин. Предполагалось, что он там будет пропагандировать.

Принц (защитник Дмитрия Иванова). Это было ли окончательно решено, что Иванов идет с этою целью в Пензу, или было это одно предположение?

[Кичин]. Я не знаю ни одного постановления, которому бы члены общества желали следовать, да и постановлений никаких не было, и были не более, как одни разговоры, и я положительно не знаю, было ли намерение у Дмитрия Иванова ехать в Пензу с целью пропагандировать, или, напротив, с целью поправления здоровья; также я не знаю, был ли Дмитрий Иванов намерен, уезжая[1], в Пензу, следовать постановлениям Организации или собственным своим побуждениям.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). В чем заключалось противодействие Дмитрия Иванова членам общества «Ад»?

Лапкин. О противодействии членам общества «Ад», что он относился враждебно к пятовцам, подобно тому, как Мотков и Малинин; потом, в то время, когда Странден собрался уехать

[1]) В подлиннике: «уезжаем».

на родину домой, он хотел его остановить [21]. Мотков и Иванов не были убеждены в том, что нигилисты составили общество «Ад». Для того, чтобы раскрыть цель этого общества, было необходимо удержать Страндена до приезда Моткова. Мотков ездил в Холм; Иванов старался как-нибудь удержать Страндена, представлял ему, что мы друг друга мало знаем, что нам нужно быть вместе, хорошенько познакомиться. Иванов доказывал, что мы не знаем даже всех целей и намерений общества, и всеми средствами хотел остановить Страндена, но это как-то не удалось, потому что Страден привел факт о необходимости ехать домой, и Страден сказал при этом: «Я только получу деньги, повидаюсь с родными, потом опять приеду назад».

Граф Панин. Это в какое время было?

Лапкин. Перед последним собранием, до того времени, когда Каракозов посягнул на жизнь государя.

Граф Панин. Ведь это обстоятельство весьма важно для оправдания вашего, -вы должны сказать, когда кружок ваш условился о том, чтобы противодействовать предполагаемым намерениям «Ада».

Лапкин. Хорошо не помню, но, должно быть, в среду, на пятой неделе.

Граф Панин. Мотков когда уехал в Холм?

Лапкин. На шестой неделе, в понедельник.

Граф Панин. Собрания были после того, когда Мотков уехал?

Лапкин. Нет, более не было.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Расскажите, что вам известно исключительно о противодействии Дмитрия Иванова членам общества «Ад»?

Воскресенский. Я ничего не знаю,—я знаю только то, что мы порешили вместе с Малининым, когда Мотков воротится и докажет, что, действительно, есть такое предположение, донести об том правительству.

Председатель. Что еще вы знаете? Вы помните, что это у вас спрашивается не к отягощению судьбы вашей, следовательно, вам нужно отвечать с полной откровенностью.

Воскресенский. Когда я не знал, что такое Ишутин и нигилисты, то Малинин говорил мне, что это народ нехороший, что он знает их уже недолго, что имел с ними много разных разговоров, что вообще Ишутин человек пустой.

Был введен Сергиевский.

Председатель Сергиевскому. Что вы знаете о противодействии Иванова обществу «Ад»?

Сергиевский. Не знаю ничего.

Председатель. Был ли он противник этого общества?

Сергиевский. Не знаю.

Председатель. Ничего не слыхали?

Сергиевский. Ничего не слыхал.

Дмитрий Иванов. Когда вы пришли на квартиру к Малинину, когда это было, не помню хорошенько,—но когда вы были на квартире, я сообщал вам, т.-е. не то, что существует общество, а существует предположение о существовании «Ада»; потом, когда пришел Мотков, то и Мотков рассказывал о том же.

Сергиевский. Вы говорили только об Ишутине, и с этой целью вы написали речь и сказали, что вы ее нам прочтете.

Дмитрий Иванов. Это так, но вы были в то время у Моткова вместе с Воскресенским и с Лапкиным, когда Мотков рассказывал о подозрениях на счет общества «Ад»: помню, что это еще вечером было.

Сергиевский. Я Моткова не видел тогда и не припомню, что он говорил.

Дмитрий Иванов был уведен, а Лапкин [22] приведен [1]).

Председатель (Лапкину). Объявите ваше имя, фамилию, звание и лета.

Лапкин. Федор Петров Лапкин, сын священника, слушатель Петровской академии, 19-ти лет.

Председатель. Сын священника, следовательно, православного вероисповедания. Где жили?

Лапкин. В городе Саратове. Я воспитывался там, начиная с двух лет до 19-летнего возраста, и потом переехал в Петербург, вступить в петербургский университет, потом в январе нынешнего 1866 года я переехал в Москву и поступил слушающим в Петровскую академию.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [2]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, слушатель Петровской академии, сын священника, Федор Петров Лапкин, 19 лет.

На слушателя Петровской академии Федора Петрова Лапкина падает обвинение, во 1-х, в том, что он принадлежал к тайному обществу, называвшемуся «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, и, во 2-х, в том, что знал о существовании тайного общества «Ад», имевшего целью цареубийство.

[1]) Далее в подлинном написано карандашом: «Защитником ему назначен Виктор Павлович Гаевский.» [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 30—32.

В принадлежности к обществу «Организация» и в знании об обществе «Ад» Лапкин добровольно сознался, объясняя, что он узнал о существовании общества «Организация» от Воскресенского и Сергиевского в начале 1866 года и по их приглашению поступил в это общество. От Воскресенского же Лапкин слышал, что Федосеев по наущению Юрасова должен был отравить своего отца и имущество последнего пожертвовать в пользу общества. От Меткова Лапкин узнал о существовании общества «Ад» и о преступных его целях. По словам обвиняемого, он поступил в общество «Организацию», чтобы содействовать ее планам, т.-е. содействовать пропаганде, взбунтовать народ, уничтожить дворян, лишить жизни государя и весь царствующий дом. «Я, — говорит Лапкин, — был еще прежде против монаршей власти». Кроме того, Лапкин показал, что когда на 6-й неделе великого поста Каракозов уехал в Петербург, они (Кичин, Малинин, Лапкин, Дмитрий и Александр Ивановы), узнав о том через два дня, тогда предположили, что он поехал посягнуть на жизнь государя императора, так как, по рассказу Малинина, долгое время пред сим Каракозов ездил для этой цели в Петербург, но был доставлен обратно в Москву Страненом (Моск. дело, л. 156—174 об.). Показание Лапкина о том, что он принадлежал к обществу «Организация», подтверждается показаниями Шаганова (т. V, л. 40, т. VI, л. 254), Сергиевского и Полумордвинова (особ. показ.).

Вследствие сего слушатель Петровской академии Федор Петров Лапкин обвиняется, во 1-х, в том, что он принадлежал к тайному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное в 250 ст. Улож. о нак., и, во 2-х, в том, что он знал о существовании тайного общества «Ад», имевшего целью цареубийство, и не довел о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное в 318 ст. Улож. о нак.

Поэтому вышепоименованный Федор Лапкин предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение, которое взведено на вас. Вы читали это обвинение,—признаете ли вы себя виновным в этом преступлении?

Лапкин. Я сознаюсь в моей виновности, но не в том, в чем меня обвиняют, потому что мои показания вынуждены,—я отвергаю их. Начиная с первого дня допроса, я встречал в комиссии какое-то недоверие ко мне, несмотря на то, что я старался и был откровенен. Мало того, я встречал какое-то враждебное предубеждение против меня, мне были делаемы угрозы, особенно угрожали мне, когда я должен был объяснить цель вступления моего в общество «Организацию». Объясняя эту цель, я говорил, что вступил в общество «Организацию» с тем, чтобы содействовать про-

паганде, которая цель была распространение социалистических идей, образование кружков с социалистическою целью, устройство школ для народа, заведение ассоциаций, наконец, то, что [так] как земля принадлежала и должна принадлежать народу, то мы хотели достигнуть того, чтобы правительство обратило внимание на бедственное положение народа и побудить его к тому, чтоб оно отдало землю народу, так как в то время мне казалось, что помещики неправильно владеют землею, но как нужно было этого достигнуть, каким путем, какими средствами, — этого я не мог себе выяснить. Наконец, я относился с сочувствием [к] освобождению Чернышевского, точно так же, как я отношусь с сочувствием ко всем заключенным в темнице и сосланным в ссылку, и особенно к Чернышевскому, так как он считается между молодежью хорошим человеком. На моим показаниям не поверили, сказали, что цель Организации — перерезать всех дворян, лишить жизни государя и весь царствующий дом; я объяснил, что никогда таких целей не имел, потому что желания каждого члена были совершенно не согласны с целями общества; что все показания мои назвали рассуждением. Мне угрожали, что я сам себе затягивал петлю на шею; обо мне хотели записать в журнал, что я упорствую в сознании, и говорили, что этим прибавится мне 5 лет ссылки; говорили, что они меня отправят к Михаилу Николаевичу Муравьеву, а между нами был слух, что Михаил Николаевич подвергал пытке Каракозова; об этом я говорил комиссии; мне ответили: может быть, Михаил Николаевич и подвергал Каракозова пытке, не знаем. Для меня это было положительным ответом. После всех этих угроз я решился было покончить [с] собой и хотел изойти кровью, но мне оставалась одна надежда, что в случае сознания мне обещали исходатайствовать милость от государя, обещали облегчение моей участи; я избрал последнее, вот почему я принял на себя такое страшное обвинение в том, в чем я никогда не был виновен, к чему я никогда не был склонен, — я принял на себя обвинение в том, что я был и прежде против монаршей власти [24].

Граф Панин. Вы говорите, что вы были приведены к сознанию, но, между тем, в тех показаниях, которые вас заставили подписать, нет того, что вы теперь говорите, потому что не три показания [1] были о том, чтобы перерезать дворян, но это не было общею целью, об Организации никто не говорил, чтобы она имела целью цареубийство, потому что цареубийство принадлежало другому кружку, следовательно, от вас не могли вынудить такого показания, и потому неправдоподобно, чтоб вы сами, несмотря на вашу молодость и неопытность, могли сделать такое показание, которое бы обвиняло вас в таких преступлениях, которые ведут прямо к казни. Но, кроме того, я еще хочу сделать одно замечание: вы сознаетесь, что вы имели в виду только рас-

[1] Так в подлиннике.

пространять социалистические идеи, о которых вы после объясните, до какой меры они шли, но, между прочим, вы указали, что вы хотели, чтоб земля принадлежала всему народу, между тем вы читали манифест государя императора, в котором он определил, как быть земле; следовательно, вы могли иметь ту мысль, что могло существовать общество, которое предпишет государю императору или укажет ему, каким образом он должен действовать. Таким образом, я желал бы привести в ясность обстоятельства: так как отчасти вы держитесь этих начал, я желал бы, чтобы вы объяснили, что собственно относится до вас, именно, какие вы имели социалистические цели и стремления и какое вы имели участие в обществе «Организации»?

Председатель. Вы говорите, что к вам не имели доверия; но как вы хотите, чтобы правительство могло иметь доверие к человеку, который без всякого принуждения сам показывает, что хотел ниспровергнуть государственный порядок? Граф Панин заметил, что вы касались несчастного положения народа,—вы не могли не знать, что народ счастливее теперь, чем он был прежде, вы не могли не знать, что вся Россия благодарна государю за освобождение крестьян; следовательно, каким образом, если вы видели такие действия правительства, вы могли еще думать о том, чтоб обратить внимание правительства на то, чтобы улучшить положение крестьян? Оно было обращено без вас, оно было обращено теми лицами, которые назначены к тому от бога, и вы хотели, чтобы правительство имело к вам доверие? Вы говорите, что вам обещали облегчение участи, если вы будете откровенны, но само собою разумеется, что откровенность всегда принимается в соображение. Обещали ли вам облегчение участи или не обещали—все равно, ваша участь была бы облегчена, коль скоро есть откровенность, есть раскаяние. Следовательно, теперь вместо того, чтоб думать уменьшить свою вину тем, что вы хотите сказать, что с вами комиссия не так действовала, как следует, вам надобно бы было сказать, в чем ваше преступление, в чем вы сознаетесь. Вы сознались, что вы думали об изменении существующего порядка в государстве, вы хотели социальную революцию, так ли вы говорили, или нет?

Ланкин. Говорил. Именно, я сочувствовал обществу, которого целью было распространение социальных идей.

Председатель. Что же вы подразумевали под социальными идеями?

Ланкин. Я желал образования кружков с социалистическою целью.

Председатель. Нет, вы не то сказали, вы желали, чтоб земля была отнята у помещиков.

Ланкин. Я именно был убежден прежде, что земля принадлежит народу, и распространением социалистических кружков думал достигнуть того, чтоб земля была отдана народу.

Председатель. Следовательно, вы хотели вашу прему-

дрость 19-летнего юноши противопоставить мудрости правительства. Сообразите теперь: правительству вверен народ и вверен ему богом, а вы думали противопоставить правительству вашу мудрость.

Принц Ольденбургский прочел закон об влиянии сознания на уменьшение вины.

Принц Ольденбургский (по прочтении закона). Следовательно, вы должны были знать, что сознание влечет за собой смягчение наказания уже в силу самого закона.

Председатель. Следовательно, теперь обратитесь к тем вопросам, которые вам были предложены.

Лапкин. Я вступил в «Организацию», но никакого намерения не имел перерезать всех дворян, лишить жизни государя; между прочим, в комиссии мне так объяснял цель «Организации».

Председатель. Отвечайте на то объяснение, которое граф Панин вам указывал, что в настоящее время «Организация» в цареубийстве, как средстве и цели, не обвиняется,—это составляет принадлежность другого кружка, «Ада». Объясните, с какою целью вы поступили в «Организацию»?

Лапкин. Вот я цель объяснил так, как я слышал от Воскресенского,—именно, цель была пропаганда, а пропаганда имела целью распространение социалистических идей, потом, наконец, я слышал, что земля должна принадлежать народу; правительство должно отдать народу землю, но всего этого я хорошенько не мог себе выяснить, я не мог себе выяснить всех целей «Организации».

Граф Панин. Вы от кого первого слышали эту мысль? Земля принадлежала государю, сначала государь дал ее кому заблагорассудил, потом часть розданной земли государь отдал крестьянам. Следовательно, у вас самих эта мысль не могла родиться. Скажите, кто дал вам эту мысль, как вы попали на эту мысль? Вы молодой человек, -каким образом у вас вдруг могла возникнуть такая мысль?

Лапкин. Я именно слышал ее в первый раз от Воскресенского.

Министр юстиции. Какие вы сведения имели об том обществе, которое имело преступную цель цареубийства?

Лапкин. В обществе «Организации» я не мог предполагать такой цели.

Министр юстиции. Но что вы слышали о том отдельном круге, который находился в обществе «Организации»?

Лапкин. Вот я именно слышал от Моткова, что было общество Ад, к которому принадлежали все ипатовцы, что цель этого общества будто бы была посягнуть на жизнь государя; для этого один должен итти и посягнуть на жизнь государя; если это ему не удастся, то идет другой и тоже посягает на жизнь государя: между прочим, всякий должен иметь при себе яд, так что

если дело не удастся, то он должен выпить яду; но насколько это было верно, я не знаю, и Мотков точно так же только догадывался.

Министр юстиции. Что же вы, услышавши такие рассказы, предполагали делать?

Лапкин. С этою целью мы хотели восстать против шпатовцев; с этою целью, когда Странден хотел уехать, то его всячески старались удержать, потому что, когда должно было последовать объявление об замыслах шпатовцев, Странден должен был быть тут. Кроме того, я заметил, что Мотков и Малинин враждебно относились к шпатовцам. Когда я вступил в общество, то я видел, что Мотков и другие старались действительно дознать, существует ли общество «Ад». С этою целью хотели восстать против шпатовцев, хотели выставить против них разные обвинения и тем доказать им... вызвать их на объяснение, с какою целью и что они хотят делать, но вместе с тем мы видели, что если восставать против них, то в таком случае могла бы разойтись и «Организация» потому он поехал к Маликову, чтоб запастись деньгами, и потом хотели выслать шпатовцев из Москвы.

Председатель. Ваше понятие об обществе «Ад» в чем состояло?

Лапкин. Я совершенно соглашался в этом отношении, что если существовало какое-нибудь общество, в роде общества «Ад», то ему следует противодействовать.

Граф Панин. Я хотел сделать то замечание: отчего вы старались выставить вынужденным такое показание, которое ведет к оправданию, вы старались объяснить, что то показание, которое дано вами в комиссии, вынуждено, а между тем оно вело к тому, что вы, узнав о преступных замыслах, хотели им противодействовать...

Лапкин. Я хотел оправдаться против того, что в моих показаниях так написано, что цель «Организации» перерезать дворян и совершить цареубийство.

Граф Панин. Да не об этом речь.

Лапкин. У меня так написано.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Расскажите, что вам известно о принадлежности Лапкина к обществу «Организации» и о том, какие сведения он имел об «Аде»?

Воскресенский. Он бывал на сходках, слышал там несколько разговоров; разговоры эти относились к распространению социализма, и когда мы возвращались домой, то мы старались выяснить то, что слышали на сходке. Вообще я ясного понятия о целях общества не имею, точно так же, как и Лапкин об «Аде»; он знает, что и я слышал от Малинина, и он вместе с другими соглашался, что когда Мотков узнает наверное, донести на шпатовцев правительству.

Председатель. Вы только можете сказать?

Воскресенский. Только.

Министр юстиции. Скажите, почему вы обратились к Лапкину с предложением поступить в общество «Организация»?

Воскресенский. Вот у меня в обвинительном акте это должно быть какая-нибудь неточность, или Лапкин неверно передал. Вообще это дело было так: я бывал прежде Лапкина на сходке и был на той сходке, на которой Странден, Засибалов и Юрасов и другие говорили о ниспровержении правительства; то, что я слышал, на этом основании Лапкин сказал, что «и я там буду»,—он просто сказал, что «и я тут буду», но я ему никакого предложения не делал.

Член суда Пинский. Вы передали Лапкину об том, что вся земля должна принадлежать крестьянам?

Воскресенский. Нет, не я.

Принц Ольденбургский. Он на вас показал, что вы сказали, что земля должна быть отобрана от помещиков.

Воскресенский. Верно, он это перепутал: ему, может быть, говорил кто-нибудь другой; я сам не имею такого понятия. (К Пинскому). Вы как говорите, что земля должна принадлежать крестьянам?

Член суда Пинский. Вы передали эту мысль Лапкину, вы передали мысль, что земля должна принадлежать крестьянам

Воскресенский. Я сам этого не знаю, может быть, он спутал,—вероятно, он слышал похожий разговор от кого-нибудь другого, по всей вероятности перепутал.

Лапкин. Нет. Вы говорили мне.

Воскресенский. Может быть, я и слышал какой-нибудь подобный разговор, может быть, я ему передал его.

Защитник Гаевский. Для подсудимого очень важно объяснить это; Лапкин прямо говорит, что он от вас слышал.

Председатель. Воскресенский не опровергает положительно, что он не говорил Лапкину, но он говорит, что, может быть, слышал подобный разговор и передал его Лапкину.

Воскресенский. По всей вероятности, приходя домой со сходки, я говорил ему это.

Председатель. На счет тех сведений, которые он имел об обществе «Ад», что вы можете сказать, вам что известно по этому предмету?

Воскресенский. Мне известно то, что вместе с ним я слышал от Малишина, что ишатовцы составили особый кружок, и говорили, что они стараются доказать намерение ишатовцев и и ином прежде всего скажут нам, потом донесут правительству, и мы будем свидетельствовать пред правительством о том, что действительно они нам об этом говорили.

Гаевский. Лапкин говорил, что на одном из последних собраний Организации происходили преступные разговоры об истреблении дворян, всего царствующего дома и цареубийстве?

Воскресенский. Нет, кажется, этого не было, по крайней мере этого я ни от кого не слыхал.

Гаевский. Вы сами не сообщали ничего Лапкину об цареубийстве?

Воскресенский. Может быть, он слышал от Моткова.

Гаевский. Но вы сами ничего не передавали?

Воскресенский. Ничего.

Гаевский. Вопрос этот важен в том отношении, что в показаниях следственной комиссии Лапкин сказал, что все слышал от Воскресенского.

Воскресенский. Я не отвергаю, что ему кто-нибудь говорил, но по крайней мере я ничего подобного не слышал.

Председатель. Это слишком важно, чтоб возможно было допустить, что вы мимо ушей это пропустили.

Воскресенский. Он говорит, что об этом говорили в последнем собрании, пускай же скажет, от кого он слышал, какой же я свидетель?

Граф Панин (Воскресенскому). Подсудимый показывал, что ужасался этой мысли и старался противодействовать ей; следовательно, это служит оправданием подсудимого, если бы его слова подтвердились.

Лапкин. Я не хочу взваливать на Воскресенского, говорить то, чего не было. Действительно, в предпоследнем собрании (я был на двух собраниях) я ничего не слышал о цареубийстве, а если я слышал об нем от Моткова, так только в частном разговоре, а не в собрании общества «Организации».

Воскресенский. По всей вероятности, дело было так, как он говорит, т.-е. что о цареубийстве он слышал от Моткова, но[1]) он не слышал на собраниях общества; если я при этом тоже был, то, значит, мы слышали от одного и того же лица, зачем же нам призывать друг друга в свидетели?

Гаевский (Воскресенскому). Вы положительно говорите, что ничего не говорили Лапкину об цареубийстве?

Воскресенский. Он мог слышать это от Моткова, но на тех собраниях «Организации», на которых он был, о цареубийстве ничего не говорилось.

Был введен Сергиевский.

Председатель (Сергиевскому). Расскажите, что вам известно о принадлежности Лапкина к обществу «Организации»?

Сергиевский. Мне ничего неизвестно.

Председатель. Он был в обществе на сходках?

Сергиевский. Мне ничего неизвестно.

Председатель. Он был в обществе на сходках?

Сергиевский. На сходках был.

---

[1]) В подлиннике: «то».

Председатель. Какие сведения имел он об «Аде»?
Сергиевский. Ничего не знаю.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Что вам известно о принадлежности Лапкина к обществу «Организации», а также о том, какие сведения он имел об «Аде»?

Мотков. К обществу «Организации», сколько я знаю, он не принадлежал.

Председатель. Не принадлежал к обществу «Организации»?

Мотков. Не принадлежал. Может быть, он был введен в «Организацию» после моего отъезда. Я слышал от Странденa, что он хочет предложить его в общество, но когда я был в Москве, то он тогда еще не был членом «Организации». Относительно сведений его об «Аде» я должен сказать, что он был у меня, когда мы, то-есть: я, Ивановы Дмитрий и Александр и Малинин говорили об том, что Странден, Ермолов и Нечаев высказывали мысль об образовании общества, одною из целей которого было цареубийство.

Председатель. Когда вы говорили сейчас, я вас не понял хорошенько,—вы сказали, что его хотели предложить в члены «Организации», и он сделался членом «Организации», когда уже вас не было в Москве, следовательно, вы говорите об нем по наслышке?

Мотков. Да, по наслышке.

Председатель. В чем состояла наслышка? Объясните.

Мотков. Когда говорили, что будем ли мы принимать больше членов в общество, Странден соглашался, чтобы больше членов не нужно, но что можно сделать исключение для одного господина, которого он знает; я слышал от него и от товарищей, что он говорил об Лапкине.

Председатель. На чем Странден основал эту мысль, что нужно принять Лапкина?

Мотков. Он говорил, что уже обещал Лапкину принять его в общество.

Министр юстиции. В разговорах ваших с Лапкиным о цареубийстве какое мнение выражал Лапкин о цареубийстве?

Мотков. Он ничего не говорил, но он был приглашен нами, потому что мы знали, что он так же, как его товарищ Сергиевский, был совершенно противоположного мнения, потому-то мы и могли его пригласить в наш кружок, но вообще я Лапкина видел только один раз и потому подробно ничего не могу сказать об нем.

Лапкин. Вы говорите, что вы сообщали мне об обществе «Ад», как о действительно существующем, которое устроили Нечаев, Странден и Ермолов?

Мотков. Нет, я этого не говорил.

Лапкин. Но вы сейчас высказали это, между тем как вы мне сообщали об «Аде» в виде предположения,—вы говорили, что «Ад» еще не был устроен.

Мотков. Вы меня плохо слышали,—я сказал, что вы присутствовали при разговоре моем с Малининым и Ивановым, в котором я передавал мысль Страндена, Ермолова и Ишутина о том, что нужно образовать общество; но я не говорил вам, что это общество уже существовало. Кроме того, я должен сказать, что Лапкин, присутствуя при этом разговоре, точно так же знал, что мы имели намерение открыть правительству об замыслах ишатовцев; это, вероятно, было ему сообщено Малининым. Малинин [был] в Петровской академии и говорил с Лапкиным, с Воскресенским и с Сергиевским; он им сообщил, что мы положили донести об ишатовцах.

Председатель. Последние слова ваши неясны или, по крайней мере, противоречивы: вы говорили, что намерены были противиться ишатовцам, и теперь говорите, что были намерены открыть ишатовцев,—которому же из ваших показаний верить, которое из них справедливее?

Мотков. Да, мы согласились противодействовать принятию устава Шаганова, противодействовали в покупке тайной типографии, мы должны были противодействовать всем действиям ишатовцев в «Организации» и должны были открыть правительству о мысли Страндена, Ишутина и Ермолова устроить тайное общество.

Председатель. Отчего же вы замешкали и не открыли о таком ужасном преступлении, которое могло быть совершено внезапно?

Мотков. Мы не допускали, чтоб тайное общество скоро устроилось; мы думали, что Каракозов мог совершить преступление, поэтому мы не медлили и поручили Худякову довести об нем до сведения правительства. Относительно того, что Ермолов, Странден и Ишутин имели мысль образовать общество, мы считали осуществление этой мысли невозможным.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Что вам известно о принадлежности Лапкина к обществу «Организации»?

Шаганов. Ваше сиятельство, я Лапкина видел всего два раза, так что ничего не могу сказать об нем. Раз я его видел на сходке, по какому-то случаю спросил одного из его товарищей, кто это такой; мне сказали, что это Лапкин, что он также принадлежит к нашему кружку. Больше я ничего не могу сказать об нем.

Председатель. Какие сведения он имел об Аде?

Шаганов. Он никаких положительно сведений не имел.

Гаевский. Не известно ли вам, когда и почему Лапкин поступил в «Организацию»?

Шаганов. Я не знаю,—я его видел только два раза.

Лапкин. Вы, кажется, сказали, что я принадлежал к обществу «Ад», чего положительно не было.

Шаганов. Нет, я сказал, что вы положительно не имели никаких сведений об «Аде» и что вас видел в Организации только два раза.

Был введен Полумордвинов.

Председатель (Полумордвинову). Расскажите, что вам известно о принадлежности Лапкина к обществу «Организации» и о том, какие сведения он имел об «Аде»?

Полумордвинов. Я Лапкина видел на сходках общества «Организации». О деятельности его в обществе «Организации» я ничего не знаю. Какие сведения он имел об обществе,—этого я не знаю.

Министр юстиции. Если он бывал на сходках, то какие он выражал мнения или он все время молчал?

Полумордвинов. По крайней мере, я не помню, чтобы он что-нибудь говорил,—он вообще не выказывал активного участия в действиях общества; по крайней мере, я ничего не знаю об нем.

Лапкин. Позвольте вас спросить, на скольких сходках вы меня видели.

Полумордвинов. Я вас видел на двух или на одной сходке, которые происходили в конце.

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Предполагалось ли в обществе «Организации» принять Лапкина в члены?

Малинин. Да, предполагалось.

Председатель. В какое время он был принят?

Малинин. В середине великого поста, числа точно не упомню.

Председатель. Скажите приблизительно, по крайней мере.

Малинин. Числа после 7 марта.

Гаевский. Просил ли вас Лапкин о принятии его в «Организацию»?

Малинин. Нет, не просил.

Лапкин был уведен, а Александр Иванов [25] введен [1].

Председатель (Александру Иванову). Объявите ваше имя, отечество и фамилию, звание и лета.

Иванов. Дворянин Александр Иванов, 23 лет.

Председатель. Жительство ваше?

---

[1] В подлиннике далее вписано карандашом «Защитником назначен Алексей Петрович Остряков».

Иванов. Родом я из Калужской губернии, жил последнее время в Москве.

Председатель. Занятие ваше?

Иванов. Я был в последнее время слушателем юридического факультета.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, дворянин Александр Иванов Иванов.

По обстоятельствам настоящего дела на дворянина Александра Иванова падает обвинение в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве.

Принадлежность Александра Иванова к обществу «Организация» доказывается показаниями двенадцати членов сего общества (Моткова—т. V, л. 384; Шаганова—т. V, л. 404; Ишутина—т. V, л. 423; Загибалова т. VI, л. 36, 105, 236, 388; Юрасова т. VI, л. 91, 92; Малинина т. V, л. 307; Ермолова—т. V, л. 316, т. VI, л. 45, 247; Странден а т. V, л. 344, т. VI, л. 104, 320; Соболева—Моск. дело, л. 79; Лапкина, л. 165; Сергиевского и Полумордвинова, особ. показ.) о том, что он был членом оного; показаниями Ишутина и Загибалова, что он бывал в собраниях Организации (т. VI, л. 76 и 105), собственным его показанием, что проект «Организации» читан был Шагановым в его, Иванова, квартире (т. VI, л. 149 об.), и что был на сходке, на которой сделано было предложение об ограблении почт, хотя и был против таковой меры (т. VI, л. 147); близкими его отношениями к лицам, составлявшим это общество, и в особенности к [так] называемым пятовцам (Ишутин, Юрасов, Ермолов, Странден, Каракозов, Загибалов), о которых Мотков говорил ему, что их надобно остерегаться, так как они хотели устроить общество с целью цареубийства, которое они (Мотков и Александр Иванов) хотели предупредить, достав денег для выезда их из Москвы (показ. Моткова т. VI, л. 141 об.); и тем, что по показанию Лапкина, когда на шестой неделе великого поста Каракозов уехал в Петербург, они (Лапкин, Александр Иванов, Дмитрий Иванов, Кичин, Малинин), узнав о том чрез два дня, тотчас предположили, что он поехал посягнуть на жизнь государя императора, так как по рассказу Малинина незадолго перед сим Каракозов ездил для этой цели в Петербург, но был доставлен обратно в Москву Страненом (Моск. дело, показ. Лапкина, л. 174) и по получении известия о покушении тотчас предположил, что оное сделал Каракозов (т. VI, л. 145).

---

[1] Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 34—36.

Посему дьяконин Александр Иванов обвиняется в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», которое имело целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное 250 ст. Улож. о нак.

Вследствие сего вышепоименованный Иванов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18-го августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали и читали обвинение, взведенное на вас,—признаете ли вы себя виновным?

Александр Иванов. Нет, положительно не признаю себя виновным. Позвольте мне рассказать подробно, каким образом я познакомился с нигатовцами, каким образом началось устройство этого общества и как оно кончилось.

Председатель. Раскажите все, что считаете нужным сказать в ваше оправдание.

Иванов. В 1865 году, в сентябре или октябре месяце, я приехал в Москву и, как обыкновенно, отыскал Кичина, с которым я прежде всегда жил на одной квартире. В той же квартире, где в то время жил Кичин, я нашел свободную комнату и поселился в ней; здесь же, в одном коридоре, жил Мотков и Малинин. Малинина я прежде уже знал и короче с ним сошелся. В половине второго месяца я познакомился еще с Мотковым. Через два месяца я, Кичин и Мотков переехали на другую квартиру и стали жить вместе. Через несколько дней переехал к нам Малинин, так как к Моткову ходил Ишутин, потом к нему же ходил Юрасов. С Ишутиным я встречался у Моткова и познакомился с ним таким образом: Ишутин ходил к нам до самых святок; тут часто, приходя к нам, Ишутин развивал теорию коммунизма; но мы смеялись как над теорией, так и над самим Ишутиным, хотя и не прямо в глаза ему. Таким образом время прошло до святок; перед самыми святками нас позвали к студенту юридического факультета Калачевскому [26]. Мы пришли туда. Калачевский начал говорить об том, что после уничтожения казенно-коштных студентов между студентами стало чрезвычайно мало общего, что они не хотят близко между собою знакомиться, смотрят хладнокровно на лишение бедных своих товарищей и не хотят им помочь ни в чем, между тем это могло бы быть устранено устройством кассы взаимного вспомоществования; мы на это согласились. Тоже говорилось в то время, что если у студентов есть свободное время, то лучше употребить его на какое-нибудь полезное дело, чем употреблять его так, как это делалось до сих пор, и при этом предложено было заняться школою, для этого предполагалось устроить даже даровую школу. На это мы ничего не сказали; но для образования и устройства кассы взаимного вспомоществования кто-то составил здесь же под-

писку; так как это было перед самыми святками, то, собственно, денег никто не дал, так как многие разъезжались на святки домой; Калачевский тоже уехал на святки. Когда Калачевский уехал, то мы собрались у Алексеева, офицера, какого полка, не сумею сказать [27]; на сходке у него собрали те деньги, которые были подписаны у Калачевского. Тут я встретил Николаева, Пшутина, Ермолова, Страндена и Юрасова и еще каких-то незнакомых господ; вот тут, исключая Пшутина и Юрасова, я в первый раз увидел ипатовцев. На этом собрании по поводу собранных по подписке денег кто-то стал говорить об устройстве школы и говорил, что это дело бесплодное; тут произошло разногласие: некоторые хотели устроить школы, другие хотели устроить общество переводчиков и переводчиц с кассою взаимного вспомоществования. На этом собрании ипатовцы пригласили нас к себе, с тем, чтобы поговорить относительно того, какое общество устроить: школу ли или общество переводчиков. Когда мы собрались к ипатовцам, то здесь Николаев предложил прямо просить разрешения правительства на устройство общества, для того, чтобы это общество существовало; мы соглашались на это. Тут Ермолов сказал, что если сходка опять соберется у Алексеева, если опять взойдет речь об обществе, то чтоб я предложил просить разрешения правительства. Действительно, так через неделю мы собрались у Алексеева; я предложил просить разрешения правительства; на это согласились все безусловно, но все-таки не решили, что устроить: школу или общество взаимного вспомоществования. Таким образом, в разговорах о том, каким образом устроить общество, прошло время до масленой, и ипатовцы в это время послали Николаева в Петербург за тем, чтобы справиться, куда нужно подать на утверждение этого общества, какой нужно устав, насколько подробный. Николаев, кажется, ничего не сделал. Мотков, кажется, за две недели до масленицы был в Петербурге. Вот когда Мотков на масленице вернулся в Москву, то на сходке, не помню, он ли или кто другой сказал, что в Петербурге устраивается точно такое же общество, которое заводит школу, что там уже подано на разрешение правительства и ждут этого разрешения; поэтому у нас решили пока вовсе не заниматься устройством общества, а подождать, пока его утвердят в Петербурге, и оттуда взять устав и тогда просить разрешения правительства по приезде в Петербург. Мотков, несмотря на то, что прежде был знаком коротко с ипатовцами, не пошел к ним и на другой день, когда к нему пришел Пшутин и звал его к себе, то он отказался быть у него; наконец, на третий день, когда Пшутин пришел вме[сте] с Ермоловым, то Мотков ушел к ним, а потом, когда возвратился от них, то сказал, что ипатовцы объявят через несколько дней Организацию»,—идею этого общества он тогда еще не знал, а понял ее так, что это общество также клонится к устройству школ. Потом ипатовцы позвали нас к себе: это было на первой неделе

поста. Мы пришли к ипатовцам; тут Ермолов от лица Юрасова и от лица других ипатовцев объявил, что они отдают деньги [для] своего общества: Ермолов отдавал свое имение, Ишутин свой завод, который, как он говорил, находится где-то под Москвою [28], и потом Юрасов также предлагал свое имение. Я выслушал все это и думал, что эти деньги общество употребит на школы или на что-нибудь подобное, тем более, что тогда говорили, что хорошо бы было устроить библиотеку, то-есть употребить капитал на библиотеку, как могущую приносить процент, но, между прочим, Ишутин в конце этой сходки развивал теорию коммунизма, но это была вещь обыкновенная в его устах, и мы не обратили никакого внимания и разошлись. Потом в то время между двумя сходками, в конце первой или в самом начале второй недели поста, Ишутин зашел к нам с Шагановым. Моткова не было дома; когда они взошли, Ишутин отрекомендовал: судебный следователь Шаганов. Ишутин спросил Моткова; я ему сказал, что его нет дома. Они пробыли у нас не более пяти или десяти минут и вышли. На второй неделе поста Шаганов пришел на сходку «Организации» вместе с ипатовцами. Шаганов сказал то, что мы уже знали,—что ипатовцы жертвуют деньги, и как общество предполагает распорядиться этими деньгами. Он прочел проект свой; в этом проекте предполагалось общество, которое должно было заниматься устройством коммунистических кружков,—каждый член «Организации», в свою очередь, должен был образовывать коммунистические кружки. Когда я выслушал этот проект, я прямого согласия не заявил и сказал, что это дело такого рода, что об нем надо сильно подумать; но это я сказал единственно для того, чтобы не возбудить подозрения, что я не сочувствую к теории, а между тем я хорошо знал, что из пропагандирования коммунистической теории ничего не выйдет, так как я знал, что коммунистическая теория неприложима на практике. Я слышал, что в Англии и во Франции были попытки применить теорию к практике, но эти попытки оказались неудачными. Но все-таки меня интересовало послушать, что они говорят, и видеть, какие из того будут последствия; поэтому я продолжал ходить на сходки, но когда на сходке было предложено ограбление почт, — кто это предложил, я не могу наверное сказать, но могу сказать только то, что все подобные предложения делал Ермолов и другой ли кто,—так вот, когда было сделано такое предложение, я прямо возразил, что такое средство недостойно честного человека, что этого нельзя сделать; но ипатовцы на этом не настаивали; так это средство и было оставлено. Мы уже считали своей обязанностью противодействовать ипатовцам. На следующей сходке Ермолов предложил завести тайную типографию, для того, чтобы печатать коммунистические сочинения. Мне не пришлось возражать на это, а возражал Юрасов,— он не был согласен на заведение тайной типографии, потому что, как он говорил, типография будет стоить дорого, а между тем будет печатать скверно и будет обхо-

диться дорого и поглотит все капиталы, и что эти капиталы гораздо лучше употребить на библиотеку. Ермолов все-таки настаивал на том, чтобы завести тайную типографию, но, видя, что общество с ним не соглашается, он решился тайно от общества приобрести станок и шрифт. Юрасов, поддержанный многими членами, начал говорить о том, как надо устроить библиотеку, как вообще устраиваются библиотеки, говорил, что надо прежде выучиться ведению конторских книг. Все это время я заметил, что Мотков избегал ипатовцев: когда ипатовцы к нему приходили, он старался не говорить с ними, уходил в другую комнату и даже уходил из дому; я заметил, что он несколько раз отказывался от их приглашения побывать у них и говорил, что он нездоров или у него есть другое какое-нибудь дело. После последней сходки, на которой была предложена тайная типография, я спросил Моткова, что за причина, что он удаляется от ипатовцев; он сначала ничего не отвечал, но ходил по комнате молча, но потом, наконец, сказал, что он все время от нас скрывался и думал, как ему вывернуться из положения, в которое он поставлен. Он объяснил, что он знает от ипатовцев, что они хотели устроить общество с целью цареубийства, что он думал, как ему выйти из этого положения, но когда он услышал, что Каракозов стал исчезать, он, зная Каракозова за сумасшедшего человека, стал бояться, чтоб Каракозов не совершил покушения: Мотков говорил, что думал, как бы предупредить это, но ничего не выдумал и решился посоветоваться с нами. Он предположил прежде всего донести на Каракозова, но сказал, что не решается донести, так как не имеет достаточных доказательств, что, действительно, это общество, об котором он говорил, и он сам хорошенько не знает о существовании «Ада», и вследствие этого он боялся, что его донос окажется ложным. Тогда мы решили удостовериться в том, действительно ли существует общество «Ад», и для того положили напугать Ишутина и допросить у него, что он знает об отлучках Каракозова, и убедиться, действительно ли существует такое общество. По этому случаю мы ходили посмотреть Девичье поле, куда мы хотели завести Ишутина, чтобы напугать его. Девичье поле, это—громаднейший пустырь, куда мы хотели завести Ишутина вечером и напугать его там. Раз как-то я вернулся из уроков в нашу квартиру и застал там какого-то незнакомого господина. Только что я пробыл с ним минут десять, пришел Мотков; как только Мотков пришел, он сейчас же ушел вместе с незнакомым господином. Часа через полтора вернулся Мотков и рассказал, что это у него был Худяков, что Худяков рассказывал ему: ко мне приходил в Петербурге какой-то Каракозов, сказал, что приехал из Москвы, и просил у меня денег,—не знаете ли, кто это такой Каракозов?» Когда мы узнали, что Каракозов в Петербурге, то решили лучше отложить вынытывание от Ишутина, поскорее достать денег и потом обезопасить себя в случае покушения. При этом Мотков сказал, что он постарается достать денег, что для

этого он поедет в Холм, Псковской губернии, где у него есть знакомый Маликов. Деньги эти нужны были для того, чтоб на них выслать шпатовцев из Москвы, Каракозова посадить в сумасшедший дом и таким образом предупредить возможность покушения. Это предполагалось сделать с согласия и настояния целой «Организации»; о замыслах шпатовцев предполагалось объявить на сходке «Организации» и потребовать от шпатовцев, чтоб они отказались от своих замыслов. Каракозова, как человека полоумного, который не дорожит своей жизнью (я слышал от Дмитрия Иванова, что он хотел отравить себя), как человека, от которого всего станется, настоять, чтоб шпатовцы отдали в сумасшедший дом, а если это невозможно, то отправить его к родным, которые бы следили за ним. Для того, чтобы не встретить сильного сопротивления со стороны шпатовцев, мы решили окончательно ослабить «Организацию», не дать ей развиться. Хотя мы и прежде не сочувствовали этому, но здесь, услышавши, что шпатовцы способны на такое преступление, мы решились окончательно уничтожить это общество, и мы видели, что удалением шпатовцев мы достигали этой цели, так [как] вся совершенно инициатива принадлежала шпатовцам. Так, Шаганов хотел предложить проект, и он его предложил под влиянием шпатовцев. Для того, чтоб не дать развиться «Организации», мы решили избегать сходок и расстраивать эти сходки. Когда Малинин сказал, что Воскресенский не сочувствует «Организации», что он сознает незаконность ее замыслов, и потому мы послали Малинина в Петровскую академию, чтоб положительно разузнать, как относится Воскресенский к «Организации». Малинин вернулся и сказал, что Воскресенский хохочет над шпатовцами и «Организацией». Малинин привел с собой Лапкина и Сергиевского. Мотков рассказал им о предположении, что существует «Ад». До этого времени Лапкин не бывал на сходках «Организации», но мы думали его ввести в «Организацию» для того, чтоб он помогал нам противиться шпатовцам. Лапкин, кажется, заявил на это свое согласие. Мотков уехал из Москвы на 5-й неделе, в понедельник: после этого мы согласились избегать сходок. Первая сходка, которая была назначена шпатовцами после это, должна была состояться на нашей квартире. Поэтому, чтоб сходка не состоялась, мы все вышли из дому. Мы, т.-е. [я] с Малининым, просто ушли шататься по Москве. Кичин ушел на уроки. Мы пришли в 10 час. вечера,—шпатовцы уже тогда разошлись: когда мы пришли, то уже никого не было, кроме Юрасова, но и он скоро ушел. Это было на шестой неделе. На 6-й неделе сходка назначалась у Шаганова. На сходку на 6-й неделе должен был итти только я с Малининым, а остальные из нашего кружка должны были не приходить. Мы пришли к Шаганову, но сходка, как неполная, не состоялась. На 7-й неделе сходки не было вовсе, потому что шпатовцы назначили сходку у нас. Мы им просто отказали в квартире, говоря, что на страстной неделе неудобно делать сходку,

так как не такие тогда дни.[1]) На святой неделе нам нельзя было ничем оттвориться. Шпатовцы назначили у нас сходку и решительно все пришли. Сходка эта состоялась. Эта сходка вот чем замечательна: сюда явился Каракозов, которого прежде на сходках я никогда не видел. Здесь Шпутин просил, чтоб ему позволили ехать на Волгу в рыбаки, вместе с Каракозовым. Мы расхохотались вместе с шпатовцами над подобным предложением, и Шпутин не настаивал на своей просьбе. На этой же сходке Ермолов заявил, что они хотели ехать в имение для того, чтобы продать его, но мы уговаривали его не ехать, именно из боязни, что они все разъедутся; тогда, хотя Мотков и вернется с деньгами, нам трудно будет распорядиться с шпатовцами так, как мы этого хотели: Ермолов желает продать имение, и шпатовцы будут с деньгами, по этому уже одному будут уже сильнее нас. Вскоре затем нами получено было известие о покушении на жизнь государя императора. Надо сказать, что как мы ни старались избегать сходок, но все-таки нам приходилось бывать на некоторых сходках, и в это время мы старались заминать вопросы, чтоб не состоялось какого-нибудь решения. Надо сказать, что шпатовцы столярничали, и преимущественно Загибалов; зная это, я им заказал висячие полки для книг за деньги, между прочим, несмотря на все коммунистические теории (Иванов улыбается при этом). Затем, когда на сходках[2]) подымали какой-нибудь вопрос, я заводил разговор об том, делаются ли полки, о подробностях столярного искусства, и таким образом почти всегда успевал заминать и расстраивать разговоры.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Расскажите, что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Мотков. Александр Иванов принадлежал к новичкам; познакомился у меня со Страденом, Ермоловым, Шпутиным; потом, когда они говорили, что намерены образовать общество «Организацию», они рассчитывали на него, и когда назначили день сходки, просили меня передать ему, чтоб он приходил. Я передал Иванову точно так же. Потом он участвовал в этом разговоре, который мы вели об замыслах шпатовцев. Он принадлежал к тому кружку, который составляли Малышин, Дмитрий Иванов и Кичин и который положил потребовать от Шпутина отчета об цели, с которою они устраивали отдельное тайное общество. Иванов был вообще недеятельным членом «Организации» до тех пор, пока я ему не рассказал об том разговоре, который я слышал от Страденa, Шпутина и Ермолова, которые высказывали мысль образовать общество, одним из средств которого было цареубийство. Я говорил ему по этому поводу, спрашивал его, как

[1]) Первоначально: «не такое время». [2]) Далее следует: «когда».

он думает об этом. Он сказал мне, что нужно донести. Потом я передал то же самое Кичину и Малинину, Дмитрию Иванову; все мы порешили на том, что нужно об нпатовцах, действительно, открыть правительству, но для этого нужны были доказательства какие-нибудь. Дмитрий Иванов взял на себя труд войти в доверенность к Ишутину и заставить его высказаться, действительно ли он имеет намерение устроить общество с целью цареубийства. Потом приехал в Москву Худяков, и я передавал Иванову результат разговора моего с Худяковым; я говорил ему, что Худяков намерен открыть правительству о Каракозове, если в чем-нибудь оправдаются подозрения, имевшиеся относительно Каракозова. При этом нужно еще сказать, что Иванов просил разузнать подробно о том, купил ли Ермолов действительно шрифт, и если он купил, то Иванов просил узнать, где можно найти шрифт Ермолова, с тем, чтобы потом его уничтожить.

Остряков (защитник Иванова). Я желал бы знать положительно, в чем заключалась цель общества «Организации», действительно ли существовал заговор против верховной власти и была ли цель переменить образ правления?

Мотков. Положительно за то, какая цель была, ручаться не могу, потому что все общество не имело определенной цели, а как мы думали, т.-е. с какими мыслями вступил в общество я, Малинин, с какими мыслями вступил в «Организацию» Иванов, один и другой, Кичин, Воскресенский, Сергиевский, потом, как высказывал Юрасов, Загибалов, то я должен сказать, что цель общества была экономическая пропаганда, и ничего у нас революционного не было, и если бы тут не было цели освободить Чернышевского, тогда нашему обществу не было бы надобности быть тайным: мы хотели по возможности не давать ему характера тайного общества, для каковой цели думали даже удалить некоторых из членов общества, именно первую группу, которую я называл раньше, если бы она вздумала нам противодействовать в том.

Александр Иванов (Моткову). Было ли решено между нами, после того, как вы рассказали о замыслах нпатовцев, избегать «Организации» во время вашего отъезда и вообще расстраивать сходки и отобрать типографию?

Мотков. Было решено. У нас было решено затягивать все дела «Организации» и не давать ввести очень скоро какой-нибудь устав. Это было решено.

Александр Иванов. Потом, было ли у нас устроено общество «Организации», как бы то ни было устроено, но было ли оно вообще устроено?

Мотков. Самой фирмы этой не существовало,—она явилась уже во время существования общества. Это название было синонимом общества. Мы говорили: «вот мы вступаем в организацию, мы организуемся».

Председатель. Однако же вы считали полезным противиться этому обществу?

Мотков. Мы думали противиться первой группе, если она издумала ввести какой-нибудь устав, потому что всякий устав не соответствовал нашим целям, так как у нас не были определены ни средства, ни цели.

Граф Панин. Что касается до названия, то вы сказали, что оно было синонимом общества.

Министр юстиции (Моткову). Какую вы имели в виду пропаганду? Вы все говорите о пропаганде.

Мотков. Пропаганду экономическую, с целью произвести экономический переворот. Мы думали заняться разработкой экономических вопросов, для этого нам нужно было похитить Чернышевского; потом мы думали заняться распространением книг, кроме того, мы думали наши мысли применить [1]) на практике, — таким образом явился вопрос об ассоциациях.

Александр Иванов. Вопросы, которые мы разрабатывали, не имели государственного, экономического значения, — мы вовсе не думали о преобразовании общества.

Мотков. Цель наша была экономическая пропаганда и в ней ничего не было революционного.

Министр юстиции. К чему же ваша пропаганда должна была вести?

Мотков. Быть может, пропаганда наша повела бы к тому, что мы отказались бы от наших идей. Все новички вступали в общество именно с тою целью, чтоб узнать, действительно ли возможны ассоциации.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Расскажите, что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации».

Шаганов. Я его встречал на сходках кружка почти каждый раз; сходки собирались в квартире Малинина, где жил Иванов, следовательно, он не мог не участвовать на сходках. Я не могу сказать, чтоб он чем-нибудь выдавался особенно. В последнее время Малинин, Иванов, Кичин, когда Мотков уезжал из Москвы, старались избегать товарищей Ишутина.

Председатель. Каких товарищей? Разве «Организация» и товарищи Ишутина одно и то же?

Шаганов. Я хочу сказать — товарищей Ишутина.

Председатель. Т.-е. ишатовцев?

Шаганов. Да, ишатовцев.

Председатель. Может, еще что припомните?

Шаганов. Больше я ничего не знаю.

Остряков. Вы, между прочим, составили проект Организации и читали этот проект на сходке, — какое мнение выразил Александр Иванов по прочтении вами проекта?

[1]) Далее следует: «наши мысли».

Шаганов. Мой проект не возбудил никаких последствий.

Остряков. Затем проект ваш у кого остался?

Шаганов. У Моткова; я ему передал рассмотреть проект,—может быть, он нашел [бы] в нем что-нибудь переделать.

Остряков. Следовательно, Ивановым не было выражено согласия на ваш проект?

Шаганов. Не было.

Александр Иванов. Я вам предложу вопрос: было ли наше общество устроено так, как вы предлагали, или было оно устроено как-нибудь иначе?

Шаганов. Оно не было никак устроено, кроме того, что это был товарищеский кружок.

Остряков. Вы не можете ли сказать, как держал себя Александр Иванов,—в последнее время не имел ли он старания уклониться от участия в обществе?

Шаганов. Да, я сказал, что последнее время Малинин, Ивановы, Кичин старались избегать сходок,—они нарочно уходили с своей квартиры, когда у них назначалась сходка.

Остряков. Между прочим, на страстной неделе была назначена сходка в их квартире, но почему она не состоялась?

Шаганов. Не помню.

Александр Иванов. Она не состоялась, но не помните ли, почему?

Шаганов. Я не помню совершенно, состоялась ли эта сходка, или нет.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Ишутин. Он был на сходках раза 2—3, и то только потому, что сходки эти были на квартире у Моткова, а он жил вместе с Мотковым. Относительно «Ада» там и вообще наших разговоров об Европейском комитете, я полагаю, что он ни от меня, ни от кого из моих знакомых не слышал.

Председатель. Были некоторые члены, которые не сочувствовали этому кружку и принимали против него меры?

Ишутин. Т.-е. относительно какого круга?

Председатель. Относительно круга «Ад». Не знаете ли вы каких-нибудь мер, которые принимались против «Ада»?

Ишутин. Этих мер не предполагалось и ничего такого не было.

Был введен Загибалов.

Председатель (Загибалову). Что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Загибалов. Мне известно, что он принадлежал к обществу «Организации», потому что я видел его на сходках довольно часто. Больше я об нем ничего не знаю.

Председатель. Об участии, какое он принимал в деятельности общества «Организации»?

Загибалов. Нет, я обыкновенно мало слушал, кто что говорил на собраниях; я не слышал ничего, чтоб он особенное говорил, кроме того, что говорил об предположениях устроить ассоциацию, передавал свое мнение о выгодах и невыгодах устроить ту или другую ассоциацию.

Остряков. Как вообще он относился к разным предложениям, находившимся в проекте Шаганова?

Загибалов. На счет проекта Шаганова я должен сказать, что я его не читал и не был на той сходке, на которой он читался.

Остряков. Да, вы не были на той сходке, на которой читался проект Шаганова, но вы бывали вообще на сходках. Скажите, было ли как-нибудь устроено общество «Организации», — вы говорите, что Иванов принадлежал к обществу «Организации»?

Загибалов. Да, он был на сходках общества.

Остряков. Вы говорите, что существовало общество «Организации», скажите, имело ли это общество целью восставать против власти, восставать против правительства?

Загибалов. Насколько я понял, это не было целью общества, общество нисколько не думало о политических переворотах, а именно: все говорили только об улучшении быта рабочих, об устройстве ассоциации и школ, и больше ничего.

Остряков. Упоминалось ли вообще на этих сходах при ваших разговорах о каких-нибудь мерах противоправительственных?

Загибалов. Я говорил даже в своих показаниях, что цель общества была улучшением быта, положения рабочих, улучшения ассоциации.

Александр Иванов. Вы не помните ли, как я относился к тем мерам, которые предлагались на сходках, именно к ограблению почт и к заведению тайной типографии?

Загибалов. Я положительно не помню, как вы относились к этим мерам.

Был введен Юрасов [29].

Председатель (Юрасову). Что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Юрасов. Он участвовал на сходках «Организации», и когда был написан устав, то он, как и другие, был согласен подчиниться всем правилам, находившимся в этом уставе; таким образом, одна из главных мыслей устава состояла в том, что члены «Организации» должны были ехать из Москвы в губернские города за тем, чтобы убеждать семинаристов идти в учителя сельских школ. Иванов, как и другие, согласен был ехать в губернские города для того, чтобы набирать учителей для сельских школ.

Председатель. На счет устава какое его было мнение?

Юрасов. Да, он знал об уставе, и, как я сейчас сказал, он обязался исполнять все то, что говорилось в уставе.

Остряков. В каком это уставе выражено было, что каждый член непременно, безусловно должен подчиняться большинству членов?

Юрасов. Это не был устав, а это так только говорили, что если будет устав, то все правила, какие там будут высказаны, должны непременно исполняться каждым членом.

Александр Иванов. Вы говорите, что я дал свое согласие вперед на те правила, которые еще только будут в уставе,—как же я мог это сделать?

Юрасов. Устав был, были определены рамки, были обозначены границы, в пределах которых каждый член должен был действовать.

Александр Иванов. В каком же это уставе?

Юрасов. Да именно в уставе Шаганова.

Александр Иванов. Шаганова?

Остряков. Какое Иванов выразил мнение относительно шаганковского устава?

Юрасов. На него все согласились.

Александр Иванов. По какому случаю устав Шаганова был взят Мотковым?

Юрасов. Мотков взял прочесть его.

Иванов. Да зачем, если на него согласились?

Юрасов. Мотков взял его, с тем, чтобы вам показать.

Иванов. Да ведь Шаганов читал свой проект при нас.

Юрасов. Может быть, для того, чтобы другой раз прочесть.

Иванов. Нет, проект был взят для того, чтобы его просмотреть, и согласия я своего на этот проект не выразил.

Юрасов. Не знаю, мне помнится, что с проектом устава Шаганова все были согласны.

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Что вам известно о принадлежности Иванова к обществу Организации?

Малинин. Он принадлежал к этому обществу с тех пор, как оно образовалось.

Председатель. Какое принимал он участие в том заседании, на котором был читан устав Шаганова?

Малинин. Он оспаривал устав.

Председатель. Устав Шаганова?

Малинин. Да, Шаганова; он оспаривал не могу указать какие статьи, но, кажется, оспаривал подчинение каждого воле всех.

Председатель. Сейчас было показание, что устав был принят. Иванов согласился покориться этому уставу.

Малинин. Насколько я говорил с ним об этом, так он никогда не соглашался с уставом.

Александр Иванов. Рассказывал ли после Мотков относительно намерения ипатовцев?

Малинин. Рассказывал.

Александр Иванов. Вследствие этого что мы решились сделать?

Малинин. Решились, если откроется, что, действительно, такой [план] был у ипатовцев, то им противодействовать

Александр Иванов. Как мы решили противодействовать,—решили ли мы избегать сходок и расстраивать их?

Малинин. Да, у нас было решено расстраивать сходки.

Александр Иванов. Помните ли, что мы пришли к Шаганову на сходку, а петровцы не пришли?

Малинин. Это так.

Александр Иванов. Помните, когда мы уходили с вами и прошлялись целый вечер по Москве? Кичина также не было дома; через это сходка не состоялась; мы вернулись домой и уже никого не застали,—это было на пятой неделе.

Малинин. Да, это было.

Александр Иванов. Потом, была ли у нас сходка на седьмой неделе? Вы помните, что она не состоялась вследствие того, что я отказал в квартире?

Малинин. Вы говорили, что и так хозяин жаловался, что много народу ходит, и потому отказали в квартире.

Александр Иванов. Помните, что было между нами решено, чтобы выманить у Ермолова шрифт и уничтожить его?

Малинин. Да, это было, мы это сделали.

Был введен Ермолов.

Председатель (Ермолову). Расскажите, что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Ермолов. Александр Иванов принадлежал к обществу «Организации», ходил на сходки. Я был с ним довольно мало знаком и не мог его знать хорошенько. Я передал Иванову шрифт, который достал от Степанова,—больше я ничего не знаю.

Председатель. Расскажите нам, что вы знаете о той сходке, на которой читан был Шагановым проект устава и в которой принимал участие Иванов.

Ермолов. Я не помню, ваше сиятельство, ничего особенного в отношении участия А. Иванова на этой сходке.

Председатель. Ведь вы особенно этим уставом занимались, он был предложен от вас, вы желали его чтения, каким же образом вы не припомните, что был прочтен проект и как к этому проекту отнеслись?

Ермолов. Я могу сказать, что Иванов был вообще на сходках: относительно предложений, которые высказывали так называемые ипатовцы, я могу только сказать, что они предлагали многие меры, например, они предлагали разграбление почт,

потом был разговор о том, чтобы вступить лакеем к купцу и ограбить его.

Председатель. Каким образом отзывался Иванов на подобное предложение?

Ермолов. Сколько мне помнится, он относился к этим предложениям смеясь и не придавал им значения.

Остряков. Вы говорите, что приобрели шрифт и потом отдали его Иванову,—с какой целью вы это сделали?

Ермолов. Я дал шрифт для того, чтобы он его разобрал.

Остряков. Как Иванов отзывался на предложение ваше назначить кого-нибудь в лакеи к купцу? Вы сказали, что он относился смеясь к этим предложениям,—смеясь ли только, или вместе с недоверием, равнодушно ли отнесся он к этому предложению, или положительно выразил свое несочувствие?

Ермолов. Да, я должен сказать, что он не сочувствовал этому предложению.

Принц Ольденбургский. А. Иванов слышал ли об ваших разговорах об цареубийстве?

Ермолов. Об этом он ничего не знал.

Был введен Странден.

Председатель (Страндену). Что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Странден. Я решительно об этом ничего не могу сказать, кроме того, что Иванов бывал на сходках «Организации».

Председатель. Как же вы говорите, что ничего не знаете, а между тем сказали, что он бывал на сходках?

Странден. Более ничего об нем не могу сказать, кроме того, что он бывал на сходках.

Председатель. На этих сходках был читан устав Шаганова,—какое участие принимал Иванов в обсуждении этого устава? Находил ли он, что членам нужно подчиняться безусловно большинству?

Странден. Теперь трудно вспомнить, кто что говорил. Он, как и все, относился к уставу, говорил об нем, с некоторыми пунктами соглашался, с некоторыми нет, обсуждал их.

Александр Иванов. Вы говорите, что с некоторыми пунктами я соглашался, а с некоторыми нет. Шаганов никаких пунктов не предлагал,—он указал только на цель и даже о средствах ничего не говорил.

Странден. Было же сказано там об отношениях членов к обществу?

Иванов. Да разве об этом рассуждалось на второй сходке, — это обсуждалось в другое время, не тогда, когда Шаганов читал свой проект.

Странден. Как не обсуждалось? Для чего же тогда устав читался?

Иванов. Я уж этого не знаю,—это знает тот, кто читал

устав,—но в уставе положительно ничего не было сказано об отношениях членов к обществу.

Председатель. Вы говорите, что вопрос об отношениях членов обсуждался,—как же к этому вопросу относился Иванов?

Страден. Я не могу припомнить этого, потому что там было 25 членов и каждый из них высказывал различные мнения.

Принц Ольденбургский (Иванову). Вы сказали, что Шаганов не предлагал пунктов, а только цель общества,—объясните, какая была эта цель?

Иванов. Образовать кружки с целью распространять учение коммунизма и социализма.

Страден. Этого не было высказано, подобного рода цели.

Министр юстиции (Иванову). Каким же образом распространять?

Иванов. Вот, как я объяснил: устраивать кружки, потом Ермолов предложил устроить тайную типографию.

Страден. В проекте было сказано, чтоб разъезжаться по губерниям, чтоб устраивать общества, на подобие общества взаимного вспомоществования, устраивать школы, ассоциации.

Был введен Соболев.

Председатель (Соболеву). Расскажите, что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Соболев. О принадлежности к обществу я знаю только то, что он впоследствии разделял мнение Малинина; больше я подробностей никаких не знаю.

Александр Иванов. На чем вы основываете свои слова, что я принадлежал к обществу, тогда как общество не было организовано, но было только в проекте?

Соболев. Я вообще не знаю, было ли это общество только в проекте, или нет. Я знаю только, что мы собирались на сходки.

Александр Иванов. Т.-е. вы можете сказать, что вы бывали на сходках.

Остряков. Вы сказали, что об обществе «Организации» Иванов был одинакового мнения с Малининым,—не угодно ли вам рассказать, из каких обстоятельств вывели вы это убеждение?

Соболев. Последнее собрание состоялось в квартире Малинина, и потом мы рассуждали об этом обществе и все были согласны на том, чтоб положительно отказаться от всех энергических средств и стараться по возможности избегать сходок. Потом, в тот же вечер, я заключил вообще, что все они относятся легко к обществу и вообще легко относились к ишатовцам.

Александр Иванов. Как вы говорите, что мы легко относились к ишатовцам,—я этого не понимаю.

Соболев. Вы смотрели на них не с серьезной точки зрения.

Александр Иванов. Был ли я коротко знаком с ишатовцами?

Соболев. Я уже этого не знаю.

Остряков. Вы сейчас сказали, что не сочувствовали энергическим мерам, но самые энергические меры в чем они состояли?

Соболев. Да в том, что они предложили вступить одному из членов в лакеи к богатому купцу... и, одним словом, они хотели грабить или вообще были такого мнения, что деньги можно приобретать всякими путями, какими кому заблагорассудится. Вот против этого восставал Иванов.

Остряков. Не было ли на ваших сходках решено восстать против правительства и притом верховной власти?

Соболев. Вообще об этом вопросе мы не рассуждали.—у нас рассуждения были больше об устройстве библиотеки.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Расскажите, что вам известно об принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Лапкин. Мне известно, что он принадлежал к обществу «Организации», но об деятельности его по этому обществу, которою бы он особенно отличался, я ничего не знаю.

Председатель. Об той сходке, на которой был читан устав Шаганова, объясните все, что вы знаете.

Лапкин. Я на этой сходке не был, потому что еще не был в «Организации» в то время.

Остряков. В деле есть ваше показание, что когда Каракозов поехал на 6-й неделе в Петербург, то Иванов предположил, что он поехал посягнуть на жизнь государя императора.

Лапкин. Во-первых, я не выражался так, что Иванов предположил, что Каракозов уехал для того, чтоб посягнуть на жизнь государя императора, но я сказал, что мы вместе предположили это.

Иванов. Как же вы говорите, что вы предположили? Вы или я предположил? Кто из нас двух предположил?

Лапкин. Дмитрий Иванов предположил и другие.

Иванов. Я у вас не спрашиваю, что предполагал Дмитрий Иванов и другие: я вас спрашиваю, что предложил собственно я.

Лапкин. Вы находились здесь и могли слышать.

Иванов. Да дело в том, я ли предположил или только слышал ваше предположение?

Лапкин. Я неточно выразился.

Иванов. В таком случае вы отказываетесь от того, что я предположил?

Лапкин. Да.

Был введен Сергиевский.

Председатель (Сергиевскому). Вы скажите нам все, что вы знаете о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации».

Сергиевский. Вот именно он мне сообщал, что шпатовцы хотели меня в лакеи запереть (с негодованием), то

Ильинов сказал, что он такой пошлости не допустит, и хотел отговорить общество.

Председатель. Вы видели Иванова только на сходках или и частным образом были с ним знакомы?

Сергиевский. Да, я у него в доме бывал.

Остряков. Так как об этом, что вас хотели поставить в лакеи, было известно Иванову, то как он сам к этому относился?

Сергиевский. Несочувственно.

Был введен Полумордвинов.

Председатель (Полумордвинову). Расскажите, что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Полумордвинов. Александр Иванов бывал на сходках этого общества, но какое участие принимал он в действиях этого общества, я положительно не могу вам сказать, об этом, только могу сказать, что он там неважную роль играл.

Председатель. Вы были на той сходке, на которой читан устав Шаганова?

Полумордвинов. Был.

Председатель. Какое Александр Иванов принимал участие в обсуждении устава и вообще что он говорил?

Полумордвинов. Не помню.

Был введен Дмитрий Иванов.

Председатель (Дмитрию Иванову). Что вам известно о принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Дмитрий Иванов. Мне известно то, что он принадлежал к этому обществу, что деятельность его на этих собраниях была незначительна, как и всех новичков вообще.

Председатель. На сходке, на которой был читан устав Шаганова, вы были?

Дмитрий Иванов. Был.

Председатель. А он был?

Дмитрий Иванов. Этого хорошенько не могу припомнить, но кажется, что был.

Александр Иванов (Дмитрию Иванову). Как я отнесся к предложению ишатовцев ограбить почту?

Дмитрий Иванов. На этом собрании я не был.

Александр Иванов. Как нами было решено относительно тайной типографии и шрифта, который был куплен Ермоловым?

Дмитрий Иванов. Отобрать его и не отдавать ишатовцам.

Александр Иванов. Для чего?

Дмитрий Иванов. Для того, чтобы не дать возможности печатать прокламации.

Александр Иванов. Потом, когда мы узнали от Моткова об его предположении на счет «Ада», было ли у нас предположено избегать сходок, расстраивать сходки?

Дмитрий Иванов. Да, у нас было решено избегать сходок, оттягивать предложения, какие б ни делались на них, удерживать шатовцев от отъезда; и действительно, мы не ходили на несколько сходок, отговариваясь тем, что или нам было некогда, или будто бы мы не знали, когда будет сходка.

Был введен Кичин.

Председатель (Кичину). Расскажите, что вам известно об принадлежности Александра Иванова к обществу «Организации»?

Кичин. Он передавал мне, что на квартире Шутина говорили, что шатовцы нам предложат «Организацию», но он сам не мог объяснить, в чем будет состоять «Организация». В понедельник, на первой неделе, он меня звал к шатовцам; мы пришли, и нам предложили «Организацию». Потом Иванов возражал против разных мер, предложенных шатовцами. Так, когда Ермолов предложил устроить тайную типографию, то Иванов отсоветовывал, возражал.

Остряков. Ермолов предлагал шрифт Иванову. Не знаете ли, как он поступил с шрифтом?

Кичин. Не знаю.

Александр Иванов. Когда Мотков сказал нам о замыслах шатовцев, то решено ли было между нами избегать сходки, расстраивать их?

Кичин. Это было решено; когда у нас на квартире была повещена сходка, то все мы разошлись и всеми мерами старались избегать сходок.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Известно ли вам, что-нибудь о противодействии Александра Иванова шатовцам?

Воскресенский. Я показал об этом прежде об Дмитрие Иванове и теперь могу повторить то же самое.

Председатель. Повторите. Вас спрашивают, и вы должны отвечать.

Воскресенский. Я был при разговорах, где Малинин Мотков и Иванов и другие собирались донести на шатовцев.

Председатель. И они действовали против шатовцев?

Воскресенский. Да, против шатовцев.

Александр Иванов (Воскресенскому). Было ли между нами решено избегать сходки и расстраивать их?

Воскресенский. Да, это было у нас решено.

Александр Иванов. Как вообще я относился к шатовцам,—был ли я близко знаком, в хороших ли я был с ними сношениях?

Воскресенский. Нет, вы постоянно враждовали с ними, именно Шутина вы называли: «пакостник, негодяй». Вот все такими именами.

Заседание 8 сентября.

Председатель. Мы остановились на Кичине. Введите Кичина.

Кичин [30] был введен.

Председатель (Кичину). Объявите ваше имя, отчество и фамилию, лета, звание.

Кичин. Константин Федоров Кичин, лет 22-х, вероисповедания православного.

Председатель. Жительство, занятие?

Кичин. Постоянного жительства не имел; по занятиям своим я проживал частью в Москве, частью у отца, в Калужской губернии; я студент филологического факультета.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, дворянин Константин Федоров Кичин.

По обстоятельствам настоящего дела на дворянина Константина Кичина падает обвинение в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, и в знании и недонесении правительству о существовании тайного общества «Ад» с целью цареубийства.

Принадлежность Константина Кичина к тайному революционному обществу «Организация», хотя он сам вполне и не сознается (собств. пок.—т. VI, л. 175—180), доказывается показаниями двенадцати членов сего общества (Моткова—т. V, л. 384; Шаганова—т. V, л. 404; Ишутина—т. V, л. 423; Загибалова—т. VI, л. 36, 105, 236, 388; Юрасова т. VI, л. 91, 92; Малинина—т. V, л. 307; Ермолова—т. V, л. 316, т. VI, л. 45, 247; Страндена т. V, л. 344, т. VI, л. 104, 320; Соболева—Моск. дело, л. 79; Лапкина—л. 165; Сергиевского и Полумордвинова—особ. пок.), участием, которое он принимал на сходках сего

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 38—41.

общества (показ. Ермолова—т. VI, л. 45, и показание Загибалова—т. VI, л. 105) и собственным показанием в том, что он был раз случайно на каком-то собрании и ничего не понял, что там говорилось, и другой раз на собрании, где Мотков читал устав «Организации»; но этот устав и самое собрание показалось такой нелепостью, что он сперва хотел донести об этом, но потом решился только отстраниться от своих товарищей. На означенных выше сходках он, Кичин, слышал о намерении освободить Чернышевского, о предположении ограбить почту, обокрасть купцов, купить всем членам револьверы, наказывать членов общества за измену смертью и отдать все имущество каждого члена в распоряжение прочих членов (собств. показ. т. VI, л. 175 -180).

Кроме сего, Кичин сознается в том, что Мотков говорил ему о принадлежности его, Моткова, к другому обществу, под названием «Ад», которое имеет целью достигнуть революции рядом цареубийств, почему он, Кичин, и предлагал своим товарищам, Иванову, Малинину и Моткову, донести о сем, на что они сначала согласились, но потом воспротивились; боясь их, Кичин не донес об обществе «Ад» и оставался при своем намерении отстраниться от товарищей.—Мотков для отвращения выполнения преступных замыслов членов общества «Ад» полагал необходимым выьезти этих лиц из Москвы и потому отправился в Холм к Маликову, чтобы взять у него на этот предмет денег (собств. показ.—т. VI, л. 175—180, показ. Моткова, л. 141 об.).

По показанию Лапкина, когда на шестой неделе великого поста Каракозов уехал в Петербург, они (Кичин, Малинин, Лапкин, Дмитрий и Александр Ивановы), узнав о том чрез два дня, тотчас предположили, что он поехал посягнуть на жизнь государя императора, так как, по рассказу Малинина, незадолго пред сим Каракозов ездил для этой цели в Петербург, но был доставлен обратно в Москву Страхденом (Моск. дело, л. 174).

По всем сим обстоятельствам дворянин Константин Федоров Кичин обвиняется в принадлежности к тайному революционному... [1])

Председатель. Вы слышали обвинение. Признаете ли себя виновным в тех преступлениях, в которых вас обвиняют?

Кичин. Какую общество «Организации» имеет цель, это не было выяснено, хотя я бывал на сходках «Организации»; потом не было выяснено, чтоб наша цель была свержение правительства, как показано в обвинительном акте. Цели «Организации» я хорошенько себе не уяснил, но, как мне говорили, «Организация» должна была заниматься распространением и вспомоществованием русским ассоциациям, что составляло ближайшую их цель. Вот, что именно я знал о цели «Организации». Я бывал в 6-и или 7-и собраниях. Действительно, когда Шагаков прочел свой проект устройства центральной агентуры,—это было на второй сходке,—то, действительно, их замыслы мне показались серьезными и вме-

[1]) В подлиннике не хватает последних строк обвинительного акта.

его с тем нелепым, и у меня явилось намерение донести об этом правительству, но потом из разговоров с Мотковым и Малининым я убедился, что проект Шаганова есть результат его личного, одному Шаганову принадлежащего, предположения, подтверждением чему служило то обстоятельство, что этот проект был отдан на рассмотрение Моткову. В продолжение времени, пока Мотков не сообщил свои сведения про «Ад», я было совершенно удалился от «Организации», не входил ни в какие дела, не интересовался социалистическими взглядами и всеми этими интересами собрания совершенно пренебрегал и исполнял только одну формальную сторону. После отъезда Моткова, когда он сообщил сведения об «Аде», то уступил просьбам как его, так Малинина, чтоб присоединить свой голос к числу голосов, противоположных шатовцам. Относительно знания моего об обществе «Ад» я не имею полного права сказать, что знал о существовании «Ада», потому что Мотков сообщал только, что ему известны одни предположения: о том, есть ли покушение 4 апреля дело одного Каракозова, или есть ли оно дело общества, об этом я тоже ничего не знаю. После этого, действительно, Малинин, спустя несколько времени, делал замечания; замечания эти могут относиться к тому обществу, которое известно под названием шатовцев. Он говорил, что это не что иное, как общество, или, пожалуй, его нельзя назвать обществом, собрание нескольких людей, желающих, как он выразился, чтоб даром не погибла их жизнь, людей, которые думали скоро умереть и заботившихся об том, чтоб даром не сойти со сцены и желающих ради этого осуществить подобное намерение, но все-таки я говорю, что все эти сведения получены от Моткова, так что об обществе «Ад» я положительно не могу дать никакого ответа, только, действительно, Мотков нам сообщил, что Ермолов, Странден и Шутиш имели намерение образовать подобное общество в числе 30-ти членов.

Председатель. Вы показали, что желали отстраниться от этого общества, потому что считали его нелепостью, и все-таки продолжали ходить на все сходки и, следовательно, принимали живое участие в деятельности общества: так как и все прочие члены, вы сознавали нелепость намерения «Организации», удивлялись нелепости, каким образом можно ограбить купца, зарезать богатого человека, вооружиться револьвером, подчинить себя обществу до того, что от председателя зависела смертная казнь членов, которые бы изменяли обществу, все это вы признавали нелепостью? Что же вас влекло далее и далее слушать эти нелепости к таким делам, за которые вы не могли не понять, какой вы подвергаетесь ответственности?

Кичин. Я смотрел таким образом, что «Организация» есть нелепость после второго собрания, и вот почему у меня явилось намерение сейчас же отделиться от общества. После этого я имел разговоры с Мотковым и Малининым, а также с Александром Ивановым, которые не сочувствовали революционным целям и

сочувствовали только распространению социальных идей. Мы смотрели на это дело, как на препровождение времени, как на беседы, потому что я сначала посещал их.

Председатель. Странное объяснение,—возможно ли, чтоб вы, человек с рассудком, могли считать, что такие беседы не влекут тех последствий, которых, конечно, вы не желали?

Кичин. Вот именно после 2-й сходки я рассуждал с Мотковым и объяснял ему, почему именно я называл проект Шаганова нелепостью, я говорил тогда то же самое, почему и после признавал проект нелепостью; между прочим, Мотков говорил мне, что этого ничего не будет, что все будет делаться с общего согласия членов, что так как члены не согласны, то ничего этого не сделается, что проект есть выражение мнения одного лица. Мое отделение есть именно переезд из квартиры; если я переехал из квартиры, то уже этим совершенно отделился от них, если я жил на одной квартире, то это просто потому, что это для меня было выгодно в чисто материальном отношении: я за дешевую плату получал отдельную комнату и, кроме того, пользовался теплым пальто Александра Иванова. Это самое принуждало меня жить на одной квартире. Я имел уроки, на которые ходить в холодном пальто мне было и холодно, нужно сознаться, и совестно: как только же у меня завелись деньги, то я тотчас же переехал на другую квартиру и таким образом отделился от них. Отделиться от них совершенно было невозможно, потому что я был знаком с ними. После разговора с Мотковым, после отъезда Моткова я уже находился совершенно в другом положении. Когда он уезжал за деньгами, он говорил, что нужно сопротивляться, что нужно не давать им делать никакого постановления и преимущественно воспрепятствовать им, чтоб они [не] заставили членов разбрасывать прокламации,—вообще он советовал восставать против ипатовцев. Ради этой цели, не помню через кого, мы пригласили и Лапкина в общество «Организации», чтобы доставить большее число голосов против «Организации». Мотков просил и меня посещать сходки, но я уже решился отделиться от них, и на 2-х или 3-х сходках я уже не был; вследствие этого Малинин мне говорил: «Что же, Мотков просил вас сходить на сходки, а вы не ходите: вы не придете, другой не придет, между тем, они настаивают на том, чтоб печатать прокламации». Когда Мотков говорил нам, что нам нужно бороться с ипатовцами, не давать им возможности, чтоб они заставили кого-нибудь из знакомых совершить что-нибудь преступное, я предлагал сейчас же донести на них, но Мотков и Малинин не согласились на это, но я говорил несколько раз, что донесу. Они вообще легко относились к «Организации»,—так, я помню выражение Моткова: «Не нужно никакой Организации»,—что это за глупости». Я неоднократно хотел донести, но вот слова Малинина, который останавливал меня: он говорил, что должно дожидаться приезда Моткова, который должен приехать через $1^1/_2$ недели, в противном случае мы не ска-

жен, что он вам говорил что-нибудь,—в таком случае, что же я мог сказать? Потом он умолял о сострадании и надеялся, что с приезда Моткова и «Ад», и «Организация» изменятся.

Председатель. Эти слова не заслуживают доверия. Вы сказали, что вас умоляли о сострадании в таком деле, в которое вас вовлекли, в деле, которое могло иметь такие последствия; нечего умолять о сострадании к злоумышленникам; от них зависело отстать от этого дела, от них зависело продолжать это дело,—какое же тут сострадание?

Кичин. Вот именно, Малинин сказал мне, что если я сейчас донесу, то Мотков пострадает сильно, а если Мотков сам донесет, будет в числе доносчиков, то меньше пострадает. Это, действительно, истинная правда, притом же тогда дело представлялось совершенно в другом виде, не имело такого серьезного и важного значения.

Председатель. Каким же образом, по вашим собственным словам, когда дело шло об том, чтоб подчинить свою жизнь председателю до того, что он мог наказывать смертью за измену, чтобы это дело не имело важного значения? Ведь в вашем обществе предполагалось ограбить купца, ограбить почту, убивать богатых людей, ведь это вело вас к самым ужасным преступлениям, так что вы не могли не считать такого дела серьезным. Нужно призвать свидетеля.

Кичин. Я смотрел на эти разговоры, как на пустые.

Был введен Мотков.

Председатель. Объясните все то, что вам известно о принадлежности к обществу Организации» и знании об «Ад» относительно Кичина, который, впрочем, сам в этом сделал свое сознание.

Мотков. В общество Организации» вступил он вместе с другими при самом открытии «Организации». Относительно разговора Страндена, Ермолова и Ишутина о предположении их основать общество, которое бы имело целью цареубийство, Кичину известно все, что я знал: я передал ему все подробности, так же, как передал Малинину и Иванову.

Председатель. Какие были его намерения с самого начала вступления в «Организацию»?

Мотков. Я не могу объяснить этого, потому что не спрашивал его о том,—мое личное мнение таково, что он последовал примеру моему, Малинина, Иванова, которые жили с ним. Мы сделали его невольным участником наших разговоров, мы не опасались откровенности при нем и свободно говорили об обществе.

Председатель. Желал ли он доносить об обществе Организации» и отговаривал ли от этого кто-нибудь?

Мотков. Когда мы собирались на первую сходку, то мы все: Иванов, Малинин, я и Кичин,—мы все сговаривались подробно узнать о цели этого общества, не желая полагаться на

Ишутина и его товарищей, которые ничего определенного не говорили, но о намерении своем донести на общество «Организация» он мне не высказывался.

Министр юстиции. Что вы говорили Кичину о тайном обществе «Ад», имевшем целью цареубийство? Какое Кичин выражал по этому предмету мнение?

Мотков. Я передал ему в присутствии Малинина и Иванова разговор между Ишутиным, Странденом и Ермоловым: я говорил ему, что они имели целью образовать общество, одним из средств которого было цареубийство; он точно так же, как и другие, говорил, что нужно открыть об этом правительству.

Краузольд (защитник Кичина). Вы в своем показании говорите, что решили пригласить Кичина в «Организацию» и объявить ему о плане «Организации».

Мотков. Я объявил, что решение это было сделано в мое отсутствие в Петербурге Ишутиным, Странденом и Ермоловым.

Краузольд. Так вы не решали об этом?

Мотков. Это решение состоялось до меня.

Краузольд. Спрашивал ли Кичин у вас, что такое ассоциации?

Мотков. Не помню.

Краузольд. Припомните, кажется, вы его спрашивали... что он отвечал вам на этот вопрос?.. Вы, кажется, отвечали ему, что это компания на акциях.

Мотков. Быть может, я ему это и отвечал, но положительно не помню.

Краузольд. Знал ли Кичин о цели «Организации»?

Мотков. Цель «Организации» вообще не разъяснена; он знал по крайней мере, что «Организация» будет стараться заводить ассоциации.

Кичин. Вы, Мотков, знали мое отношение к «Организации» и на 2-й или на 3-й сходке вы как выразились обо мне,—вы сказали: «Я не знаю, что будет делать Кичин в «Организации».

Мотков. Не знаю, быть может, это говорил кто-нибудь без меня.

Кичин. Вы сами это говорили после того, как Шаганов прочел проект; на следующей сходке стали рассуждать о том, кто будет пропагандировать, при этом кто-то спросил: «А Кичин что будет делать?»—вы отвечали, что Кичин будет заниматься математикой, потому что вы знали мое намерение отстраниться от «Организации».

Мотков. Вы высказывали недовольство «Организацией», как высказывал это Малинин и Иванов.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Скажите все, что вам известно о принадлежности Кичина к обществу «Организации».

Шаганов. Кичин жил с Малининым вместе с Мотковым.

С Кичиным я познакомился в квартире Моткова. Я не могу сказать про Кичина, он не высказывался. Вообще я был мало с кем знаком, исключая шатовцев. С Кичиным я был мало знаком, точно так же, как со всеми саратовцами и студентами Петровской академии. В последнее время Кичин, как и его товарищи, стал уклоняться от сходок.

Был введен Шутин.

Председатель. Что вы знаете относительно Кичина, о принадлежности его к обществу Организации?

Шутин. Я знаю, что Кичин раза два или три, когда сходки собирались у Моткова на квартире, то и Кичин был там, так как он жил вместе с Мотковым.

Председатель. Принимал ли он какое-нибудь участие в этом обществе?

Шутин. На сходках разговор был общий, поэтому, вероятно, и он говорил что-нибудь, но что он говорил, теперь не сумею определительно сказать.

Был введен Загибалов.

Председатель. Расскажите, что вам известно о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Загибалов. Я встречал его на сходках, которые происходили в 1866 году; больше я ничего не знаю.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Что вам известно о принадлежности Кичина к обществу Организации?

Юрасов. Он был членом общества Организации, знал об уставе, который был написан Шаховым, участвовал на собраниях общества, так что те разговоры, которые были на собраниях, ему были известны; разговоры эти главным образом о полезности лечебницы и школ, потом о том, что членам Организации следовало разъезжаться по губернским городам для пропаганды.

Председатель. Назначался ли он куда-нибудь?

Юрасов. Он в Москве оставался оканчивать курс.

Кичин. Скажите, возражал ли [я] против планов, которые[1], высказывали на сходках, относительно разграбления почты?

Юрасов. Я вам заметил уже, что относительно разграбления почт я не предлагал ничего, и другие свидетели этого [не] подтверждают.

Кичин. Я не знаю, вы ли это, или кто другой из ваших товарищей делал такое предложение, но вы не возражали против предложения ограбить почту.

---

[1]) В подлиннике: «которых».

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Что вам известно о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Малинин. Он участвовал на сходках, но принимал больше пассивное участие, никаких ни предложений не делал, ни об чем не выражал согласия, тем более, что голоса никогда не собирались у нас на собраниях.

Председатель. А что вы знаете об Кичине по обществу «Ад»?

Малинин. Он слышал предположение от Моткова о том, что не составили ли ипатовцы отдельное общество.

Был введен Ермолов.

Председатель. Что вы знаете о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Ермолов. Я знаю, что Кичин принадлежал к «Организации» и ходил на сходки, но никаких взглядов на дело и ничего особенного я от него не слышал. Кичин более молчал.

Кичин. Не вам ли я возражал против предложения вашего ограблять почт...[1]) Вы делали предложения относительно того, что члены должны быть подчинены безусловно обществу,—я против этого возражал или нет?

Ермолов. Нет, этого не помню.

Кичин. Вы неоднократно хотели провести эту мысль.

Ермолов. Действительно, раз Кичин выразился против этого.

Граф Панин. Необходимо сделать общее замечание. Подсудимому дается возможность делать всевозможные вопросы к его оправданию, но Верховный Уголовный Суд оценит такого рода ответы, которые почти вынуждаются. Таким образом, мы слышали от подсудимых, что они повторяли свои требования и принуждали свидетелей показывать то, чего они не помнят. Этим не препятствуется подсудимым делать вопросы, но оставляется замечание, что оценка ответов будет сделана Верховным Уголовным Судом.

Председатель. В чем состоит ответ на тот вопрос, который был предложен вам Кичиным, он вас спрашивал относительно почты?

Ермолов. Относительно разграбления почт—эта мысль принадлежит Странденту, который высказывал ее на сходке.

Принц Ольденбургский. Странден высказывал эту мысль?

Ермолов. Один раз высказывал.

Кичин. Но я возражал против этого?

Ермолов. Возражали.

[1]) Так в подлиннике.

Был введен Странден.

Председатель. Что вам известно о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Странден. Бывал на сходках, обсуждал вопросы.

Министр юстиции. Какое участие он принимал на сходках?

Странден. Трудно определить, в чем состояло его участие. — у нас мнения не требовалось, а кто-нибудь подымал вопрос, и все общество делилось на кружки, по 4 и по 5 человек, и рассуждали в них о поднятом вопросе до тех пор, пока кто-нибудь не подымал другого вопроса, но при этом ни у кого не отбиралось никакого голоса.

Принц Ольденбургский. Вы предлагали грабить почты?

Странден. Да.

Кичин. Я возражал противу этого?

Странден. Не знаю. Это было на частной сходке.

Кичин. Я возражал противу этого. Сходка, на которой предлагалось грабить почты, была на шестой неделе, может быть, вы в другой раз делали предложение, при частном разговоре?

Странден. Это было у нас на квартире; тут был я, Ермолов и Юрасов, и все мы трое развивали эту мысль.

Кичин. Да, и я вам возражал, это тем более справедливо, что когда я свидетельствовал против Юрасова, он мне против этого ничего не возразил.

Странден. Вы против меня не свидетельствовали.

Кичин. Я против Юрасова свидетельствовал; это было у вас на квартире; сначала предложил кто-то из вас трех, но потом вы трое поддерживали это предложение. Вообще втроем вы развивали все проекты. Проект, о котором я говорю, состоял в том, что надобно членам общества поступать чиновниками в казначейства, другие должны были поступать кондукторами на почты, с тем, чтобы ограбить почты и деньги из казначейства; при этом предполагалось, при удобном случае, при пересылке несколько сот тысяч, либо напасть, показывая будто силу, [на] провожающий экипаж почтовый, либо просто в качестве кондуктора выкинуть из почтового экипажа деньги. Когда говорилось об ограблении почты, то тут не имелось в виду ни разъяснения теории, т.-е. можно ли пользоваться деньгами, добытыми воровством, а просто говорилось, что нужно ограбить почты и имелось в виду употребить на это дело Сергиевского. Я свидетельствовал против Юрасова и говорил, что я возражал против предложения, сделанного Юрасовым; Юрасов не возражал против моего свидетельства, но теперь отказался. Я не знаю, кто из вас 3-х первый начал говорить, но могу сказать, что вы все трое поддерживали это предложение.

Председатель (Страндену). Вопрос состоит в том, что Кичин спрашивает вас, возражал ли он против того предло-

жения, которое сделано было на счет ограбления почты и поступления какого-нибудь члена в лакеи. Скажите, возражал ли он против этого?

Страшден. Теперь трудно сказать, что он говорил тогда. Я не могу сказать, сочувствовал ли он этому предложению, или нет.

Председатель. Он говорит, что он вам противоречил, — вы должны сказать то или другое.

Страшден. Я положительно не помню. На сходке при мне никогда не предлагалось ограбить почту, или, может быть, это было без меня.

Был введен Соболев.

Председатель (Соболеву). Что вы знаете о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Соболев. Я с ним об этом мало говорил, впрочем, было видно, что он «Организацией» мало интересуется, тем более, что он постоянно занимался наукою, потом уроки еще давал, потом он также принимал участие, когда хотели действовать против ишатовцев.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Что вы знаете о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Лапкин. Я знаю, что он принадлежал к обществу «Организации», потом я знаю то же, что он точно так же, как и Могилов, я, Воскресенский, Сергиевский, Александр Иванов, Дмитрий Иванов старались противубороться мысли о цареубийстве, следовательно, он в этом не сочувствовал и желал об этом донести правительству.

Председатель. А при разных предложениях о преступлениях, которые делались на сходках, какое он выражал свое мнение, что он говорил, когда предлагалось ограбить почту и одному из членов поступить в лакеи?

Лапкин. Этого я ничего не слышал; при мне Страшден говорил, что члены «Организации» должны повиноваться большинству голосов, так что он приводил такой пример, что если большинство членов присудит кому-нибудь взять камень, повесить его на шею и броситься в воду, так он должен это исполнить. Против этого многие восстали, и Страшден должен был сказать, что большинство голосов не так же глупы, чтоб решиться послать человека на такое дело.

Кичин. Об обворовании купца говорили так: что один из членов должен поступить в лакеи, потом воспользоваться удобным случаем и украсть у купца деньги.

Лапкин. Нет, этого при мне не говорилось.

Кичин. При вас подобного предложения не было сделано?

Лапкин. Не было.

Кичин. Это было предложено на святой неделе, в понедельник или во вторник.

Лапкин. Видите ли, в чем дело, на святой неделе не было собрания.

Кичин. Нет, было собрание и на святой неделе.

Лапкин. По крайне мере я на этом собрании не был,—я был на двух собраниях: на предпоследнем собрании, которое было в квартире Малишина, потом я был на последнем собрании.

Кичин. Ведь вы поступили в Организацию при отъезде Моткова?

Лапкин. Нет, я поступил после отъезда Моткова.

Кичин. Я знаю, с какой целью вы поступили после отъезда Моткова; на всех собраниях, которые были после отъезда Моткова, вы были; вот какие были эти собрания: на первом собрании после отъезда Моткова предлагалось об устройстве тайной типографии, против этого возражали, но не было принято, потом предлагали ограбить почты, потом составлялся список об разъезжающихся по разным губерниям.

Лапкин. Это было на одном собрании?

Кичин. Это было не на одном собрании, а на нескольких, кажется, на двух или на трех.

Лапкин. Видите, в чем дело, когда Мотков уехал,—это было великим постом,—я не сейчас же был принят в «Организацию», и вот только на одном из собраний, бывших после отъезда Моткова, я был предложен в «Организацию»; потом я был на одном собрании в квартире ипатовцев, где Страшден предложил такой вопрос, об котором я уже говорил.

Кичин. Когда было первое заседание, на котором вы были?

Лапкин. На 6-й неделе великого поста.

Кичин. Но вы были на квартире у ипатовцев? Вот именно в то время, когда Страшден сделал то предложение, о котором вы говорите, в то же время он и предложил о разграблении почты.

Лапкин. Нет, при мне был предложен один только вопрос, который я здесь уже высказал: против этого, помню еще, возражал Полумордвинов и другие, так что Страшден должен был ограничить свое предложение. Он сказал, что «Организация» не будет так глупа, чтоб требовала подобные вещи.

Был введен Сергиевский.

Председатель (Сергиевскому). Что вам известно о принадлежности Кичина к обществу Организации?

Сергиевский. О принадлежности его к обществу Организации я ничего не знаю, кроме того, что он бывал на сходках.

Кичин. Не помните ли о том, что я делал возражения против разных предположений, делаемых ипатовцами?

Сергиевский. Я знаю, что Кичин был против ипатовцев: что он говорил об ограблении почты, я не слышал, а против ограбления купца Кичин восставал,—из частного разговора с Кичиным я знал.

Был введен Полумордвинов.

Председатель (Полумордвинову). Что вам известно о принадлежности Кичина к обществу «Организации»?

Полумордвинов. Я видел Кичина каждый раз, когда бывал на сходках, но какое участие он принимал в этом обществе, как относился к идее этого общества, я не знаю.

Председатель. Однако же вы объяснили, что он принадлежал к обществу Организации»,—вспомните что-нибудь об его отзывах или об некоторых из его мыслей. Не можете ли объяснить этого?

Полумордвинов. Теперь не припомню.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Расскажите о деятельности Кичина в тайных обществах?

Воскресенский. Он бывал на сходках Организации», где иногда говорились мысли, несообразные с здравым рассудком или не согласные с мыслями, которые принимались правительством.

Председатель. Вы выскажите так, чтоб было внятно,—вы говорите вообще,—не вспомните ли каких-нибудь подробностей, каких-нибудь случаев?

Воскресенский[1]). По крайней мере я не слышал, чтоб он говорил.

Министр юстиции. Вы сейчас упомянули, что на сходках приводились мысли, несогласные с видами правительства. Объясните, что эта за мысль?

Воскресенский. Я разумею вот те рассуждения, об которых говорилось вчера по делу Лапкина,—вот, например, рассуждение о земле.

Министр юстиции. Какие это рассуждения о земле?

Воскресенский. Я не помню хорошенько, как рассуждалось о земле, но мы с Лапкиным рассуждали так, что кто-то на сходке говорил, что земля должна принадлежать народу.

Министр юстиции. Какие еще мысли высказывались на сходках?

Воскресенский. Еще более ничего не помню.

Кичин. Вам известно, как относился я к средствам, предлагаемым ипатовцами?

Воскресенский. Вы вообще смотрели и говорили об ипатовцах нехорошо, вы, конечно, говорили... не припомню в ка-

[1]) В подлиннике: «Полумордвинов».

ких словах, но припоминаю вашу мысль; вы смотрели на все предложения шпатовцев, как на несообразное, вообще вы не думали когда-нибудь соглашаться с такими мерами.

Был введен Александр Иванов.

Председатель (Александру Иванову). Расскажите, что знаете о деятельности Кичина в тайных обществах?

Александр Иванов. Кичин был на сходках и слышал, как читался проект Шаганова на сходе, не согласился с ним и не возражал против него, но после говорил, что устав этот ни в каком случае не может быть принят; потом, когда Мотков рассказал об намерениях шпатовцев, он был согласен, что следует избегать сходок, расстраивать их. Вообще Кичин с шпатовцами никогда не был коротко знаком, с Ишутиным даже враждовал в последнее время. После решения нашего избегать сходок, он действительно избегал их, — вот на 5-й неделе он ушел от сходки на уроки, потом на следующей сходке у Шаганова он не был, и сходка таким образом не состоялась, потом он отказал точно так же, как и я, от квартиры для сходки; я один не мог отказать от квартиры, потому что Кичин жил со мною.

Кичин. Можете ли вы подтвердить, что я возражал против ограбления почты?

Александр Иванов. Да.

Кичин. Против тайной типографии?

Александр Иванов. Да.

Был введен Дмитрий Иванов.

Председатель (Дмитрию Иванову). Расскажите, что вам известно о деятельности Кичина в тайных обществах?

Дмитрий Иванов. Участие Кичина на собраниях было незначительно; кроме того, когда предложили членам разъехаться по губерниям, то Кичин сказал, что не желает выходить из университета и потому не хочет покидать Москвы; тогда ему предложили ехать в Харьков, так как там есть университет; он, кажется, согласился на это, но это было, насколько помню, уже после того, как Мотков сообщил нам о своем предположении об «Аде», и поэтому тогда уже весь наш кружок относился к разъезду самым шутливым образом.

Краузольд. Вам только казалось, что Кичин согласился ехать в Харьков?

Дмитрий Иванов. Он сказал только, что поеду, но это не могло [иметь] того серьезного значения, потому что у нас тогда уже был другой план.

Председатель. Какой план?

Дмитрий Иванов. Относительно «Ада», так что тут уже о поездках нечего было думать.

Кичин. Относительно моей поездки в Харьков не было

ничего[1]) предположено в обществе, но я сам говорил, что намерен кончить курс в университете, только не знал, где,—в Москве или в Петербурге и Харькове: Малинин мне советовал переехать в Харьков.

Принц Ольденбургский. Дмитрий Иванов сказал, что он имеет разные виды на счет «Ада». Это что за виды?

Дмитрий Иванов. Я сказал не так, ваше высочество, я говорил, что у нас были другие планы, что мы уже не думали разъехаться для пропаганды, а хотели уничтожить «Ад».

Кичин был уведен, а Воскресенский[31] приведен.

Председатель (Воскресенскому). Объявите ваше имя, отчество, фамилию, вероисповедание, лета и занятия.

Воскресенский. Дмитрий Алексеев Воскресенский, духовного звания, слушатель Петровской академии, 22-х лет.

Председатель. Жительство ваше до поступления в Петровскую академию?

Воскресенский. Был прежде в семинарии, из семинарии перешел в Петровскую академию.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, слушатель Петровской академии Дмитрий Алексеев Воскресенский, 22 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на слушателя Петровской академии Дмитрия Алексеева Воскресенского упадает обвинение в том, что он принадлежал к тайному обществу, называвшемуся «Организация» и имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве.

Сознаваясь в знакомстве с лицами, составлявшими общество «Организацию», к которым он ходил будто бы только для приискания уроков, он, Воскресенский, отвергает упадающее на него обвинение и показывает, что он в этом обществе никаких разговоров об изменении государственного порядка не слыхал (т. VII, л. 53—55). Но, несмотря на такое запирательство обвиняемого, он, Воскресенский, в принадлежности к вышеозначенному обществу уличается показаниями: Каракозова (т. VII, л. 82), Моткова (т. V, л. 384, т. VI, л. 231,233), Шаганова (т. V, л. 40, т. VI, л. 254), Ишутина (т. V, л. 423, т. VI, л. 76, 381), Загибалова (т. VI, л. 36, 105, 236, 388), Юрасова (т. VI, л. 92, 238), Малинина (т. V, л. 307), Ермолова (т. V, л. 316, т. VI, л. 45, 247), Николаева (т. VI, л. 389), Соболева (Моск. д., л. 79), Лапкина (Моск. д., л. 165), Сергиевского и Полумордвинова

[1]) Далее следует: «н.». [1]) Дело № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 42—44.

особые показания), которые все положительно удостоверили, что Воскресенский принадлежал к тайному революционному обществу «Организация». Из числа поименованных выше лиц некоторые рассказали такие подробности, относящиеся до Воскресенского, которые вполне убеждают в том, что Воскресенский не только был знаком с лицами, составлявшими общество «Организацию», но и участвовал в этом обществе. Так, Лапкин показал, что он сам вовлечен в общество Воскресенским (т. VII, л. 168), что Воскресенский рассказывал ему, Лапкину, что Федосеев, по наущению Юрасова, должен был отравить отца и оставшееся после смерти отца его имущество пожертвовать обществу (Моск. д., л. 159); а Борисов и Соболев объяснили, что общество предполагало разослать по губерниям своих членов, которые должны были содействовать ему в достижении предположенных революционных целей, и что таким агентом в г. Тверь назначался Воскресенский (т. VII, л. 84, 134).

Вследствие чего слушатель Петровской академии Воскресенский обвиняется в том, что он принадлежал к тайному обществу, называвшемуся «Организация», имевшему целью ниспровержение правительства во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное в ст. 250 Улож. о наказ.

Посему вышепоименованный Дмитрий Алексеев Воскресенский предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение,—признаете ли себя виновным в этом преступлении?

Воскресенский. Я вообще желаю рассказать все мои отношения, начиная с того времени, когда я выбыл из семинарии; я хочу рассказать, каким образом я познакомился со всеми этими людьми. Я хочу рассказать, что мне кажется в обвинительном акте справедливым и что несправедливым. Если позволите, я начну с того времени, когда я вышел из учебного заведения.

Председатель. Говорите все, что вы считаете нужным, говорите внятно, чтоб все вас могли слышать.

Граф Панин. Какой вы губернии?

Воскресенский. Саратовской губернии. Я начну с того времени, как задумал учиться где-нибудь в высшем учебном заведении. Причина эта заключалась в том, что я прежде всегда успевал в науках. Отец у меня был дьячок, и у всех духовных есть сильное желание пробиться дальше, у всех духовных есть убеждение, что нужно каким бы то ни было образом стараться пробиваться дальше, в особенности это считается удачным, если кто попадет в высшее учебное заведение. Прежде я слышал от моего двоюродного брата о Петровской академии, в которую будут принимать из всякого сословия, и он сказал также, что туда можно будет поступить из высшего учебного заведения; поэтому

я старался пробыть год здесь, в духовной академии, и потом отправиться в Петровскую академию. Конечно, я не рассчитывал на средства отца, так как он получает всего 30 руб. в год, и хотя до сих пор он меня содержал, но все деньги, которые он мне присылал, он добывал их чисто своим трудом. Конечно, я ошибся, неправильно понял Петровскую академию, предполагая, что туда принимают из высших заведений. Таким образом, я прибыл в Петербург для того, чтоб поступить в петербургскую духовную академию. Здесь у меня нашлись знакомые мои прежние товарищи Лапкин и Сергиевский. Здесь, в Петербурге, я узнал о возможности поступить в Петровскую академию, не бывши предварительно в высшем учебном заведении, и, кроме того, я услышал, что академия откроется не через год, а что она откроется прошлою осенью [1]). Я рассчитал поступить в университет и, добывши себе уроки, как-нибудь прожить до тех пор, пока можно будет поступить на стипендию в Петровскую академию. Согласно с этим, я ходил здесь на лекции в университет и потом, когда открылась Петровская академия, то я переехал в Петровскую академию; при этом я должен объяснить, что в Петровскую академию хотел поступить не я один, но и другие мои товарищи, но у всех у нас недоставало денег настолько, чтоб заплатить за проезд всех нас из Петербурга в Москву, поэтому мы выезжали не вместе. Когда мы приехали в Петровскую академию, у нас осталось только два рубля с копейками. Прежде всего [2]), приехавши в Москву, я отыскал Борисова, который был уже на стипендии в Петровской академии, но у него у самого было всего 5 руб. Это поставило нас в дурное положение. Мы должны были поместиться в дрянной лачужке в подмосковной деревне, где устроена Петровская академия. Мы предполагали, что там будут дешевые квартиры, так как думали, что в Петровской академии будут только бедняки, но мы ошиблись: туда съехались богачи и аристократы, а в деревне было всего 20 дворов, и квартиры были страшно дороги. Нас приехало в Петровскую академию человек пять, и мы были принуждены нанять только одну комнату, в которой можно было только стоять. Я, конечно, знал, что наука будет мне мешать чем-нибудь другим заниматься, но пока я мог поступить на стипендию, я все-таки думал какой-нибудь месяц давать уроки, и для того, чтобы достать их, я старался всячески найти себе знакомых, которые бы могли достать мне уроки. Вот таким образом я познакомился с князем Черкезовым.

Граф Панин. Он был одним из товарищей ваших по Петровской академии?

Воскресенский. Да, он товарищ мой по Петровской академии. Он оказался человеком хорошим. Для того, чтоб дешевле было жить, мы не захотели покупать провизию в той лавочке, которая была в деревне, а мы отправлялись пешком за картофелем

[1]) Так в подлиннике. [2]) Далее зачеркнуто: «из нашей компании».

и говядиной в Москву. Таким образом, раз, бывши вместе с Черкезовым в Москве, я начал просить, чтоб он завел меня к кому-нибудь из своих знакомых.—мне хотелось просто чаю напиться, потому что итти обратно из Москвы за 10 верст и пройти это расстояние в мороз, не отогревшись и с пустым желудком, было трудно. Черкезов завел меня к своим знакомым. Это оказались ипатовцы. Мы прежде всего решили, что будем пить чай, потом вообще ипатовцы мне понравились; когда я сказал, что мне нужно найти уроков, они сказали, что в Москве есть такая община, которая занимается постоянно доставлением уроков для своих членов, что если мне надо уроков, то чтоб я вступил в эту общину. Я прежде спросил, каким образом устроена эта община. Мне отвечали, что об этом будет толковаться после, когда сформируется община, когда будет получено разрешение правительства, но что вообще мне, как посторонему человеку, трудно достать уроков, если я не поступлю в общину. Потом они рассуждали об том, что нужно испросить разрешение правительства на устройство общества, но они не думали останавливаться на одной общине, а хотели устроить сперва одно общество, потом другое, потом третье, и т. д. Они сказали мне, когда притти на какую сходку. Я, действительно, пришел на сходку, и это была сходка общества взаимного вспомоществования, где, действительно, говорилось, что так как между нами по большей части народ все бедный, то трудно будет устроить кассу, говорилось об том, как бы устроить такую квартиру, где бы можно было давать уроки приходящим, и что кто будет давать уроки, тот будет здесь же и проживать. Я охотно слушал такие рассуждения и вообще старался, чтобы это общество скорее устроилось, чтоб можно было скорее иметь работу. В это время приехал Ланкин из Петербурга, где он дожидался присылки денег. Вот таким образом я продолжал ходить на сходки общества взаимного вспомоществования. Потом начали говорить, что много народу теряется из нашего общества по другим обществам, что нужно хлопотать, чтоб общество поправить. Как мы начали замечать, что народу уменьшается, мы начали толковать об том, что сами ничего не можем сделать, что нам нужно похлопотать об том, чтоб человека знатного, богатого попросить, чтоб он похлопотал об нашем обществе перед правительством. Мы слышали, что в Петербурге есть подобное же общество поощрения женского труда, которое существует с разрешения правительства[32]. Вообще я интересовался обществом взаимного вспомоществования, потому что желал всегда того, как бы поправить свое положение. Потом обстоятельства начали разъясняться, я вообще начал смотреть на членов общества, как на товарищей, потому что были, например, такие примеры. Раз в обществе как-то стали говорить об удовлетворении потребностей. Я вышел и говорю, что у меня есть потребность давать уроки: чем толковать об удовлетворении потребностей,—не можете ли сейчас удовлетворить мою потребность. Мне на это ответили: Вы, стало

быть, ничего не понимаете,—ведь мы здесь только теоретически говорим, практически наши слова еще теперь не могут быть осуществлены. Тогда я понял, что они только теоретически толкуют, что практически из этого не выходит никакого толку. Потом начали называть «Организацию», начали разные цели выкликивать, но при этом всякий толковал свое, никакой у них цели общей не было; потом начали толковать о средствах. Здесь опять толкуют, кто о чем, ничего общего, положительного. Наконец, тут я начал замечать такие рассуждения Ишутина, что-де нужно толковать об ассоциациях. Может быть, в ассоциациях есть какая-нибудь цель, но как они рассуждали, так это положительно ни к чему не вело. Я не изучал политико-экономических наук, потому что я получил чисто духовное образование, и то понимаю, что они говорили чистые глупости. Такие рассуждения взглядов никаких не давали. Они говорили, что если ассоциации будут устроены, так будет право всех на землю. Отчего это так, я хорошенько не понял. Вот таким образом все у нас время проходило в обсуждении чисто теоретических вопросов. Теперь вот еще такой факт был. Я и Лалаши были в Москве,—мы покупали картофель, нам попался Ишутин. Мы ходили с ним, потом нам захотелось поесть. Ишутин сказал, что есть в Москве сундучный ряд. Мы отправились туда; первое, что мы заметили там,—так это страшную нечистоту: мне приходилось видеть в Саратове обжорный ряд, но такой нечистоты я нигде не видывал. Мы спросили Ишутина, что это такое сундучный ряд. А, -говорит, это ты ничего не понимаешь, сундучный ряд должен всякий знать. Тут, говорит, -буржуа, тут сословия разные сходятся и расходятся, тут все одно из другого выходит; это одно из важнейших мест, куда все стремятся переговорить, от наших к вашим и от ваших к нашим. Вот в подобном роде были почти все их рассуждения. Может быть, я их не понимал, потому что не знал тех наук. Но вообще все их разговоры мне казались нелепыми, но я был поставлен в такое положение, что должен был выслушивать все их нелепости, не был в состоянии их опровергнуть, не зная экономических наук. Я видел, что это было с моей стороны преступление, что я должен был выслушивать такие вещи.

Председатель. Вы говорите, что должны были выслушивать такие вещи, и вы продолжали ходить на сходку?

Воскресенский. Да ходил, потому что надеялся таким образом получить уроки.

Председатель. Следовательно, вас влекла ваша надежда, но все-таки, когда вы ходили на сходки общества «Организация», где вы слышали предложения такие, которых по могли не признать преступными, например, ограбление почты, зарезание какого-нибудь купца, поступление к купцу в лакеи для того, чтобы ограбить его, подобные предложения не могли не вести к преступлению.

Воскресенский. Я теперь помню, откуда явились эти рассуждения ограбить почту. Приходит, бывало, к нам Ишутин в квартиру Юрасова, сядет за стол и начинает тужить, что человечество погибнет, если за него не заступятся, что если все за человечество не заступятся, то оно так в пропасть и упадет; потом он задавал вопрос, отчего все мы бедны. Мы ему отвечали: очень просто, оттого, что у нас нет средств. Ишутин на это говорил: Нет, оттого, что тому назад триста лет помещики ограбили вас, следовательно, вы имеете право теперь ограбить их. Я Ишутина считал пустым человеком; из всех ипатовцев я одного Юрасова считал за хорошего человека[33].

Председатель. Когда вы слышали от них подобные речи, то нельзя предположить, что вы надеялись, чтоб они вас поставили в такое положение, где б вы могли вашим честным трудом зарабатывать себе пропитание: вы видели, что они сами обнаружили себя и бедными, и ничтожными людьми, которые не находили других средств к существованию, как только в преступлении[1]).

Воскресенский. Вы видите, как я понимал Юрасова, я нисколько не понимал его бедным человеком; напротив, когда у меня ничего не было, он мне давал по 5-ти руб., по 10. Я его не считал бедным человеком, одежда его всегда была хорошая.

Председатель. Да, это один человек, который вам давал деньги, десять,—которые предлагали вам преступные деянья.

Воскресенский. Я не могу объяснить, я не знаю почему, но я был убежден в том, что предположения эти не могли осуществиться,—я был знаком с Юрасовым, прихожу к нему, ожидаю, чтоб устроили общество,—о чем же я мог возражать, когда мне есть было нечего?

Граф Панин. Вы объяснили, каким образом вас вовлекли в общество,—вы говорили, что присутствовали при рассуждениях об таких предметах, которых вы не понимали и на которые вы не отвечали, но вы видели, что, во-первых, это тайное общество, а во-вторых, вы не могли не видеть, что в этом обществе затевается восстание против распоряжения правительства. Вы не могли не понимать, что это общество имеет преступную цель. Кроме того, вы говорили, что вы знали, что общество имело преступную цель, но что вы полагали, что до дела не дойдет и что потому вы не доносили, но это все равно, что если бы кто-нибудь помышлял вас убить, о чем было бы известно вашему товарищу, вы бы, конечно, попрекали бы его, отчего он вас не известил. Вот так желательно, чтоб вы поступили таким же образом в этом отношении.

Принц Ольденбургский. Вы всегда, если бы захотели, имели бы пропитание,—вы могли поступить в духовное звание. Вы знали, что Федосеев хотел отравить своего отца?

---

[1]) В подлиннике: «к преступлению».

Воскресенский. Да, я слышал об этом.

Принц Ольденбургский. Как же вы, молодой человек, вышедший из духовного звания, слышите подобные вещи и принимаете их совершенно равнодушно?

Воскресенский. Отчего же равнодушно?

Принц Ольденбургский. По всей вероятности, что так.

Воскресенский. Нет, я был поражен, когда услышал о намерении Федосеева; об этом может засвидетельствовать Лапкин, с которым я разговаривал об Федосееве, когда мы вместе с ним шли от Николаева, когда начали всех брать.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Что вам известно о принадлежности Воскресенского к обществу «Организации»?

Мотков. Я видел его на сходках; он был введен в «Организацию» Странденом.

Председатель. Странден же ввел и Лапкина?

Мотков. Лапкина при мне в «Организацию» не было.

Воскресенский. Мотков, скажите что-нибудь, как вы обо мне понимали.

Мотков. Я могу только то сказать, что когда мы сговаривались противодействовать первой группе, то мы слышали об Воскресенском, как о человеке, который будет с нами согласен, который будет помогать нам мешать введению устава, противодействовать распространению каких-нибудь революционных мыслей, поэтому Малинин отправился в Петровскую академию пригласить Воскресенского в наше общество.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Что вам известно о принадлежности Воскресенского к обществу «Организации»?

Шаганов. Когда Нечаев ввел меня в это общество, то Воскресенский был там,—я видел его на нескольких сходках, но Воскресенский ничем особенным не высказывался; вообще я мало Воскресенского знаю, так как исключительно виделся с ним на нескольких сходках.

Председатель. Но на сходки он ходил исправно?

Шаганов. Ходил.

Серебряный. Показания всех лиц, перечисленных в обвинительном акте, заключаются в том, что они поместили Воскресенского в списках, приложенных к их показаниям, но по вопросу о принадлежности к обществу «Организации», в виду его собственного показания, что он бывал на сходках, показания этих свидетелей не имеют значения, кроме показания Лапкина.

Министр юстиции. Я совершенно согласен с этим; десять человек, которые поименованы в обвинительном акте, показывают, что он принадлежал к обществу «Организации», но теперь

в виду его собственного сознания. Показания этих десяти человек нам более дела не разъяснят.

В это время был уже введен Пшутин.

Председатель. Вы видели Воскресенского на сходках «Организации»?

Пшутин. Нет, кажется, он там не бывал; во всяком случае я Воскресенского только всего-то три раза видел и никаких рассуждений с ним не имел.

Председатель. Где вы его видели? Вы, вероятно, видели его на сходках общества «Организации»?

Пшутин. Предварительно мы хотели составить общество взаимного вспомоществования[1]. Вот там я его раз видел; другой раз его я видел у Страндена, но с ним положительно я не знаком.

Председатель. Так вы о принадлежности его к обществу «Организации» ничего не можете сказать?

Пшутин. Определительно не сумею сказать, принадлежал ли он или нет.

Принц Ольденбургский. В сундучном ряду вы были вместе с ним?

Пшутин. Да, был. Позвольте, ваше сиятельство, заявить вам одну просьбу,—позвольте повидаться с Каракозовым.

Председатель. Каракозов получил наказание за свое преступление. Почему вы имели желание видеться с Каракозовым?

Пшутин. Родственное желание и братское чувство, как человека к человеку.

Председатель. Но ведь родственное желание ваше относится к такому преступлению, которое совершил Каракозов.

Пшутин. Ваше сиятельство, он виноват перед вами и перед законом, но [я] всегда был с ним в хороших отношениях, в братской дружбе и, несмотря на всю его виновность, я не могу отрешиться от дружбы и уважения к нему.

Председатель. Какое уважение вы можете [иметь] к нему?

Пшутин. Не уважение, а вообще я не могу отрешиться от тех отношений, в которых был с ним в последнее время.

Председатель. Вы бы обратили внимание на собственное свое положение.

Пшутин. Мое положение чрезвычайно печальное.

Председатель. Вам следует обратить внимание на те все действия, которые были вами совершены, которыми вы могли вовлечь других в преступление, стараться искренностью вашей доказать свое положительное раскаяние. Вы должны знать, что раскаяние состоит не в словах, а в действиях. Вы постарайтесь об этом подумать, когда будете в вашей комнате.

Пшутин. Я желал объяснить дело, старался сделать его ясным. Когда первый раз меня привели к допросу, я по требо-

[1] В подлиннике: «существования».

ванию разъяснить это дело, по требованию графа Муравьева, я насколько мог разъяснил дело, затем по требованию графа Муравьева я ходил к Каракозову и умолял его разъяснить все то, что он знает,—я сделал все что мог... я сделал все, что мог, ваше сиятельство... я сделал все, что мог... Относительно Худякова я ничего не скрывал,— я рассказал вам все, что он мне сообщал об Европейском комитете, я вам рассказал об существовании общества офицеров, об котором мне говорил Худяков, наконец, я рассказал об желаниях этих офицеров[41], я сказал сверх того...

Председатель (перебивая Ишутина). Гр. Муравьев положительно сказывал мне, что искренности у вас нет никакой, что он затруднялся той изворотливостью, к которой вы прибегали, вместо того, чтоб отвечать с тою откровенностью, которую правительство в праве требовать от вас; я теперь от вас не требую никакого отзыва. На ваш вопрос я отвечал вам тем, [к] чему вы должны быть готовы,—вы могли только удивляться, отчего так долго не получено наказание за такое ужасное преступление, но теперь вы должны помнить, что раскаяние не состоит в словах, а состоит в действиях. Отведите его.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Что вам известно о принадлежности Воскресенского к обществу «Организации»?

Лапкин. Я знаю, что он принадлежал к обществу Организации, об деятельности его я ничего особенного не могу сказать. Я знаю также, когда Мотков сообщил эту мысль, что не существует ли общество «Ад», то он был приглашен для того, чтоб противодействовать «Аду». Воскресенский согласился на то, чтоб обо всем донести правительству.

Министр юстиции. Вы показали, что Воскресенский вас привлек в общество Организации, что именно он вам при этом случае сообщал?

Лапкин. Он говорил мне, что цель «Организации» есть пропаганда, что члены должны разъехаться по губерниям для того, чтоб пропагандировать социализм, для того, чтоб образовывать кружки, члены «Организации» должны были находиться везде и везде распространять социальные идеи.

Принц Ольденбургский. Вы рассказали Воскресенскому, что Федосеев хотел отравить своего отца,—как Воскресенский отнесся к этому?

Лапкин. Он изражался: можно ли предположить, чтоб человек мог покуситься на жизнь отца своего.

Министр юстиции. Не известно ли вам, кроме вас, Воскресенский привлекал ли кого-нибудь в общество «Организации»?

Лапкин. Я не знаю это; я знаю только то, что когда я приехал в Москву, то Воскресенский жил с Сергиевским вместе, но привлекал ли кого-нибудь Воскресенский в общество «Организации», этого я не знаю.

Серебряный. В вашем показании вы говорите, что Воскресенский вовлек вас в общество «Организации». это показание дано вами в московской следственной комиссии,—показание это довольно большое, на нескольких листах: в начале этого показания вы говорите, что были вовлечены Воскресенским в общество «Организации», в конце того же показания вы все то, что говорили о Воскресенском, говорите о Малинине, -какая половина вашего показания правильнее, первая или вторая?

Лапкин. Как же это я говорил, может быть, Воскресенский сам вспомнит, как это было?

Серебряный. Вы должны сами вспомнить, что вы говорили, Воскресенскому не приходится об этом вспоминать.

Лапкин. Я это могу объяснить таким образом, что об обществе Организации» мне первоначально сообщил Воскресенский, но собственно в «Организацию» я вступил по предложению Малинина, как это сам Малинин сказал, что он предложил мне вступить в «Организацию».

Председатель. К Воскресенскому что же относится, то, что он сообщал вам об «Организации»?

Серебряный. Так, значит, выражение ваше, что вы были вовлечены в общество Воскресенским, вы поддерживаете? У вас есть два показания: с одной стороны, вы указываете на Воскресенского, а с другой стороны, на Малинина.

Председатель. Он говорит, что от Воскресенского он слышал об существовании общества Организации».

Серебряный. Это его теперешнее показание, но обвинительный акт сделал ссылку на показание Лапкина, что он был вовлечен Воскресенским.

Министр юстиции. Он сейчас сказал, что Воскресенский сообщил ему о цели общества «Организации».

Лапкин. Рассказами Воскресенского об Организации я увлекся, и, между прочим, он предложил мне, не хочу ли я поступить в «Организацию». Я заявил на это согласие, но дело в том, что действительно поступил я в «Организацию» по предложению Малинина.

Воскресенский. Не можешь ли ты припомнить, что мы вместе слышали от Николаева о намерении Федосеева отравить своего отца,—ты помнишь, что я говорил об этом?

Граф Пален. Я считаю нужным сделать одно замечание: показание свидетеля совершенно ослабляет обвинение по этому предмету.

Воскресенский. Не припомнишь ли ты нашего разговора насчет Федосеева? Это было в то время, когда я шел от палатовцев вместе с Лапкиным, мы рассуждали об этом деле. (К Лапкину.) Не припомнишь ли ты в то время, когда палатовцы были арестованы, мы шли от Николаева и разговаривали об Федосееве,—что я тогда говорил об нем?

Лапкин. Мне кажется, что нам сообщал Малинин об Федосе-

еве тогда еще, когда мы еще жили у священника; он нам сообщал что Федосеев хотел отравить своего отца, ты говорил, что этого не может быть, чтоб сын отравил своего отца; что же это будет, если сын восстает на отца, а отец восстает на сына; если это так, то должно быть второе пришествие.

Воскресенский. Вот именно, я так отзывался об этом деле; из этого видно, что никакого сочувствия с моей стороны не было к Федосееву,—я не верил тому, чтоб это могло быть.

Лапкин. Мы говорили, что человек, желающий убить своего отца, должен быть зверем.

Был введен Странден.

Серебряный (Страндену). Расскажите, что вы знаете о деятельности Воскресенского по обществу «Организации»?

Странден. Он вообще не принимал участия в деятельности «Организации», жил в Петровской академии и оттуда ходил на сходки очень редко; потом, я слышал от Полумордвинова, что он отзывался об Воскресенском, как о человеке бесполезном для «Организации».

Министр юстиции. Я бы просил Верховный Уголовный Суд допросить двух свидетелей Борисова и Соболева, которые показывают, что Воскресенский был отправлен от общества агентом в Тверь.

Серебряный. Я прошу допросить Юрасова насчет того, приглашал ли он Воскресенского в общество «Организацию».

Председатель. Я думал, что допросы в этом отношении кончились, потому что он сам изъявил согласие вступить в «Организацию».

Серебряный. Нет, Юрасов только показал Воскресенского в списке, но вот какое обстоятельство необходимо разъяснить: действительно ли Юрасов объяснял Воскресенскому, что то общество, которое предполагало доставить уроки, должно было существовать с разрешения правительства.

Был введен Юрасов.

Серебряный (Юрасову). Вы не помните ли, как вы объясняли Воскресенскому цель того общества, в которое вы приглашали его вступить?

Юрасов. Я не знаю, я его не приглашал вступить в «Организацию»; он сначала принадлежал к обществу взаимного вспомоществования.

Серебряный. Припомните, что вы говорили ему по этому поводу?

Юрасов. Этого я не припомню, но потом он бывал уже на собраниях в «Организации».

Серебряный. А не помните ли, было ли у вас выражено такое мнение, когда вы рассуждали об уроках, что следует просить разрешение от правительства или нет?

Юрасов. Может быть, это и говорилось об обществе взаимного вспомоществования.

Воскресенский. Вообще в первый раз вы говорили мне, что в какое общество вы меня вводите?

Юрасов. Что касается до общества взаимного вспомоществования, то на это общество предполагалось просить разрешение правительства, а относительно «Организации» не предполагалось.

Был введен Борисов.

Министр юстиции. Скажите, с какой целью общество «Организации» предполагало Воскресенского отправить в Тверь?

Борисов. Я не знаю, с какой целью.

Министр юстиции. Какое же вы дали показание следственной комиссии?

Борисов. Я говорил, что туда предполагалось его отправить, но на собрании не было сказано, с какой целью.

Министр юстиции. Если говорили, чтоб отправить, то для чего же отправить?

Борисов молчит.

Серебряный. Позвольте. Борисов, когда было предположено отправить Сергиевского агентом, спрашивали ли его согласия? Что разумелось под именем агента?

Борисов. Я думал, что каждый разумел это по-своему.

Серебряный. Но вы как разумели об этом?

Борисов. Я разумел то, что туда нужно было ехать с целью приготовлять сельских учителей.

Был введен Соболев.

Министр юстиции. Для чего общество «Организации», с какой целью предполагало отправить Воскресенского в Тверь?

Соболев. Я не знаю, с какой целью,—вероятно, с целью пропагандировать. Воскресенский хотел ехать в Тверь собственно за тем, чтоб выдержать там гимназический экзамен или потому, что Тверь по дороге в Петербург.

Министр юстиции. Вы сейчас сказали, что Воскресенский ехал в Тверь с целью пропагандировать,—что пропагандировать?

Соболев. Да идеи об устройстве кружков.

Серебряный. Когда предполагали послать Воскресенского агентом в Тверь, знал ли об этом Воскресенский и изъявлял ли он на то согласие?

Соболев. Я не знаю этого, только Воскресенский говорил, что он едет в Тверь, потому что Тверь ближе к Петербургу.

Воскресенский. Я соглашался поступить в какой-нибудь город, чтоб уроки достать, и я между прочим, говорил, что мне нужно выдержать дополнительный экзамен для поступления в уни-

ренитет, и как Тверь была всех ближе к Петербургу, то я избрал[1]) Тверь.

Воскресенский был уведен, а Борисов был введен.

Председатель (Борисову). Имя, отчество и фамилию, лета, вероисповедание?

Борисов. Вероисповедания православного, Феофан Алексеев Борисов.

Председатель. Звание.

Борисов. Государственный крестьянин.

Председатель. Каких лет?

Борисов. Двадцать один год.

Председатель. Чем занимался?

Борисов. Учился в Петровской академии.

Председатель. Какой губернии?

Борисов. Саратовской.

Председатель. Прежде поступления в Петровскую академию чем занимался?

Борисов. Был в саратовской гимназии.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[2]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, слушатель Петровской академии, из государственных крестьян, Феофан Алексеев Борисов, 21 года.

На слушателя Петровской академии Феофана Борисова падает обвинение в том, что он принадлежал к тайному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве.

Приехав в Москву из С.-Петербурга 5 января 1866 года и поступив в Петровскую академию, Борисов бывал у товарища своего по гимназии Полумордвинова; здесь он познакомился с дворянином Страденом, который ввел его сперва в общество взаимного вспомоществования, а потом и в тайное общество «Организация». Он, Борисов, посещал сходки этого общества и слышал, как Мотков и Шаганов читали проекты устава общества; подобно некоторым другим, он, Борисов, должен был ехать в одну из губерний в качестве агента общества, и именно в Самару (Моск. дело, л. 127—136). Это сознание Борисова в принадлежности к тайному обществу «Организация» подтверждается показаниями Моткова (т. V, л. 384, т. VI, л. 231, 233), Шаганова (т. V, л. 40, т. VI, л. 254), Ишутина (т. V, л. 423, т. VI, л. 76, 381), Загибалова (т. VI, л. 36, 105, 236, 388), Юрасова (т. VI, л. 91, 92, 238), Малинина (т. V, л. 307), Ермолова (т. V,

[1]) Далее зачеркнуто: «Петербург». [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 47—48.

л. 316, т. VI, л. 45, 247), Страндена (т. V, л. 344, т. VI, л. 104, 320), Соболева (Моск. дело, л. 79), Лапкина (Моск. дело, л. 165), Серпецкого и Полумордвинова особые показания.

Вследствие сего слушатель Петровской академии Феофан Борисов обвиняется в том, что он принадлежал к тайному обществу, называвшемуся «Организация» и имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное 250 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Феофан Борисов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Борисов, вы слышали обвинение? Признаете ли вы себя виновным в этом преступлении?

Борисов. Нет, не признаю.

Председатель. Почему вы не признаете себя виновным? Вы принадлежали к обществу «Организации»?

Борисов. Я бывал на сходках «Организации», но не знал, что это общество имеет целью ниспровержение правительства.

Председатель. Вы слышали все то, что там говорилось?

Борисов. Я слышал, как читался проект Моткова. Этот проект не был принят вследствие того, что никто не понимал самого значения слова социализм, и затем дальше об этом проекте ничего не упоминалось. Затем я никогда не слышал ни об каком другом проекте.

Шаганов проекта своего никогда не читал, хотя об этом и говорится в обвинительном акте.

Председатель. Вы должны были ехать в одну из губерний?

Борисов. Когда в обществе распределяли, кому куда ехать, меня, не помню кто-то, кажется что Юрасов, спросил, куда бы я хотел ехать. Я сказал, что всего лучше, если уже куда-нибудь следует ехать, так это в Самару.

Председатель. Да, но вы знали, что вы должны были ехать, как член общества?

Борисов. Я только говорил, что если куда ехать, так уж в Самару.

Председатель. Следовательно, вы принимали посылку общества?

Борисов. Но мне не говорили, куда именно ехать и зачем.

Председатель. Кто ввел вас в общество?

Борисов. Странден.

Член суда Пинский. Какие у вас сношения были со Странденом?

Борисов. Никаких сношений.

Член суда Пинский. Почему же вы его знали?

Борисов. Я познакомился с ним через Полумордвинова.

Член суда Шпицкий. Какой же цели желали вы достигнуть, поступая в общество «Организации»?

Борисов. Я полагал, что оно имеет целью распространение сельских школ.

Был введен Странден.

Председатель. Расскажите, кто ввел Борисова в общество «Организацию»?

Странден. Я, должно быть. Меня познакомил с ним Полумордвинов.

Председатель. В чем заключалась деятельность его, Борисова, в этом обществе?

Странден. Он не принимал большого участия в деятельности общества; однако же было предположение, по которому он назначался агентом этого общества в Самару.

Борисов. Это, кажется, не было в то время, когда общество распоряжалось рассылкою членов. Это частным образом Юрасов спросил меня, куда бы я поехал. Я сказал, что в Самару.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Что вам известно о принадлежности Борисова к обществу «Организации» и о его деятельности в этом обществе?

Мотков. Он принадлежал к «Организации», посещал сходки, но никакой особенной деятельности его там не высказывалось.

Председатель. Назначался ли он агентом общества для посылки его в губернию?

Мотков. При мне такого назначения не делалось.

Министр юстиции. Когда читался проект устава общества. Борисов находился ли при этом и какое мнение он выражал?

Мотков. Когда проект устава читался, Борисов был при этом, но какое он выражал при этом мнение, я не помню; кажется, что он ничего не говорил.

Член суда Шпицкий. Кем составлялся этот читанный проект?

Мотков. Шагановым.

Член суда Шпицкий. А ваш проект?

Мотков. Я проекта не составлял.

Борисов (Моткову). Чей же проект читался?

Мотков. Вы согласились еще прежде, что это был проект Шаганова.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Что вам известно о принадлежности Борисова к обществу «Организации»?

Шаганов. Я должен сказать, что он принадлежал к обществу; точно, бывал на сходках его, так что, когда я там бывал, то и его видел.

Председатель. Читали ли вы при нем устав?

Шаганов. Кажется, что он тут был; я не могу сказать наверное, но кажется, что он тут был.

Борисов. Вы не помните, когда же вы читали свой устав?

Шаганов. Это было в субботу, на первой неделе, на сходке.

Борисов. На первом заседании?

Шаганов. Я не знаю, на котором.

Борисов. По крайней мере, на одном из первых заседаний?

Шаганов. Да, на одном из первых заседаний.

Борисов. Я не слышал, когда вы читали.

Шаганов. Я об вас не могу наверно сказать, что вы были. Я вас мало знаю, и о вас так же, как и о прочих ваших товарищах, не могу сказать: такой-то был тогда-то, такой-то тогда-то.

Член суда Пинский (Шаганову). Участвовал ли он в обсуждении вопросов?

Шаганов. Не могу ничего сказать особенного об нем, он не выдавался ничем особенно.

Был введен Загибалов.

Председатель (Загибалову). Что вам известно о принадлежности Борисова к «Организации» и его деятельности в этом обществе?

Загибалов. Борисова я видел на сходках в 66 году, но он бывал не часто, так как жил в Петровской академии; предложений от него я не слышал, чтоб он их делал, а также я не слышал, чтоб он высказывал какое-нибудь мнение,—обыкновенно он держал себя молчаливо.

Председатель. Известно ли вам, назначался ли он в посылку в Самарскую губернию?

Загибалов. Нет, неизвестно.

Член суда Пинский. Но вы его не признавали членом «Организации»: вы в списке членов его поместили, но показали в примечании, что вы его помещаете только потому, что он бывал на сходках.

Загибалов. Да, я не признавал его членом, потому что он ничего особенного не говорил.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Что вам известно о принадлежности Борисова к «Организации», какая его была там деятельность?

Ишутин. Я Борисова почти совсем не знал, только раз его видел у г. Страндена. О деятельности его я положительно ничего не знаю, так как почти с ним не знаком.

Был введен Юрасов.

Председатель. Что вы знаете о принадлежности Борисова

к «Организации», об участии, которое он принимал в деятельности этого общества?

Юрасов. На собраниях «Организации» он бывал, но я не помню, чтоб он говорил что-нибудь на этих собраниях. Я не могу даже сказать, знал ли он об уставе.

Член суда Пинский. Вы его не признаете членом «Организации»? В показаниях ваших вы не показали даже членом «Организации»; в показаниях ваших даже говорится, что вы не знаете даже, можно ли его назвать принадлежащим к «Организации».

Юрасов. Но теперь я говорю, что я не знаю даже, знал ли он об «Организации».

Член суда Пинский. Вы ему предлагали ехать в Самару агентом?

Юрасов. Да, я ему говорил, не возьмется ли он.

Принц Ольденбургский. Отчего же вы ему предлагали ехать в Самару, если не считали его членом «Организации»?

Юрасов. Я, не считая его членом «Организации», мог предлагать ему отправиться в Самару без всяких особенных целей: дело тут простое: у меня открывалось место довольно выгодное в Самаре, потому я ему предлагал, не захочет ли он занять это место?

Был введен Соболев [36], а Борисов уведен.

Председатель (Соболеву). Ваше имя, отчество и фамилия?

Соболев. Василий Иванов Соболев.

Председатель. Ваши лета?

Соболев. 22 года.

Председатель. Вероисповедания?

Соболев. Православного.

Председатель. Где вы имели жительство до взятия вашего под арест?

Соболев. В Москве.

Председатель. Чем занимались?

Соболев. Я слушал лекции в Петровской академии.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, вольнослушатель Петровской академии, сын причетника, Василий Иванов Соболев, 22 лет.

На вольнослушателя Петровской академии Василия Соболева падает обвинение в том, что он принадлежал к тайному обще-

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 50—52.

ству «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве и в знании и недонесении правительству о существовании тайного общества под названием «Ад», с целью цареубийства.

Приехав зимою 1864/65 года в Москву, он, Соболев, познакомился с Дмитрием Ивановым, Ишутиным и их товарищами; безденежье и нищета вовлекли его в этот кружок, в котором Ишутин пропагандировал социалистические идеи. Ишутиным Соболев введен сперва в общество взаимного вспомоществования, а потом, в начале 1866 года, в общество «Организация». Бывая на сходках этого общества, Соболев слышал чтение Шаганевым составленного им проекта «Организации». От Малинина Соболев узнал об учреждении ишатовцами особого тайного кружка «Ад», и о его целях. Не донес он об этом правительству потому, что боялся, что донос останется недоказанным в том случае, если обвиненные им не сознались бы в своем преступлении.

От Борисова Соболев слышал, что ишатовцы целую неделю готовились к аресту и сожгли свои бумаги; то же самое сделал и он, Соболев (Моск. дело, л. 77—89). Это чистосердечное признание Соболева подтверждается показаниям Моткова (т. V, л. 384, т. VI, л. 231, 233), Шаганова (т. V, л. 40, т. VI, л. 254), Ишутина (т. V, л. 423, т. VI, л. 76, 381), Загибалова (т. VI, л. 36, 105, 236, 388), Малинина (т. V, л. 307), Данкина (Моск. дело, л. 165), Сергиевского и Полумордвинова (особые показания), которые единогласно причислили Соболева к числу членов тайного общества «Организация». Из них Борисов и Сергиевский показали, что Соболев предназначался в Нижний Новгород губернским членом общества «Организации» (Моск. дело, л. 134; особые показания Сергиевского).

Вследствие сего слушатель Петровской академии Василий Иванов Соболев обвиняется в том, что он принадлежал к тайному обществу, называвшемуся «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве и в знании и недонесении правительству о существовании тайного общества «Ад», имевшего целью цареубийство, что составляет преступления, предусмотренные 250 и 318 ст. Улож. о наказ.

Посему вышепоименованный Василий Соболев предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель (Соболеву). Вы слышали обвинение. Признаете ли вы себя виновным?

Соболев. Признаю себя виновным только в том, что был в обществе «Организации», но только я не определял мнений этого общества: я собственно имел в виду общество «Организацию» только как средство, которым я могу получить себе занятия какие-нибудь,—я в то же время был в критическом положении

и мне некогда было выбирать средства. Прежде, однако, я все старался обойтись без «Организации», но все мои старания остались без последствий: вообще, сколько я ни хлопотал, мои старания не удавались. Я, например, просил Ишутина, чтоб он нашел мне место, и он мне несколько раз обещал, но он еще с прошлого лета все меня обманывал. Сперва он обещал мне приказчика, потом через несколько времени это не осуществилось, и я принужден был у него деньги занимать; потом он и обещал мне место помощника директора фабрики, но это тоже не удалось.

Принц Ольденбургский. На какой фабрике?

Соболев. А я не знаю, право, вообще он таким образом меня водил. Потом я в последнее время уже на него не надеялся и сам искал для себя место. Вот, действительно, через студента московского университета я познакомился с Масловым, председателем земского уездного собрания. Председатель Маслов обещал мне предоставить место помощника секретаря, но он меня с месяц почти не извещал, потом пришло извещение, что место это уже занято другим. Впоследствии я был доведен до такой крайности, что мне нельзя было оставаться ни в академии, нигде, потому что я жил в такой комнате, где положительно нельзя было заниматься: я жил в маленькой комнатке, которая положительно никогда не топилась. Крестьянин, которому принадлежала квартира, в которой я жил, ушел хлопотать об том, чтоб сына его возвратили из рекрут и дома осталась одна старуха 90-летняя, так что она положительно никогда не слезала с печи; если соседи приносили хворосту, то я топил печку, а если не приносили, так, бывало, положительно сидишь в нетопленной комнате, зуб на зуб не сведешь или уйдешь к товарищу. Такое положение отбивало всякую охоту заниматься, и вследствие этого я уже положил окончательно оставить Петровскую академию и писал письмо к одному моему знакомому, к управляющему именьем одного помещика, и просил его приискать мне какое-нибудь место. Он мне, действительно, приискал место лесного смотрителя в Нижегородской губернии, на моей родине, и прислал на проезд 25 руб., но только я не поехал, потому что знал, что меня арестуют.

Председатель. Какие бумаги вы сожгли?

Соболев. Я сжег бумаги вместе с Кичиным, письма 3, кажется, не больше. Я собственно сжег их потому, что опасался того, что если меня будут обыскивать и найдется фамилия Ишутина, то мне будет плохо, а собственно тут серьезного ничего не было. В одном письме, например, одна старуха спрашивала меня о здоровьи.

Председатель. Старуха спрашивала о здоровьи и фамилия Ишутина,—это что-то непонятно... Почему же вы не донесли об обществе «Ад» после всего того, что вы об нем слышали?

Соболев. Я плохо верил Малинину, потому что знал, что всякому слуху, который приходил через Ишутина, положительно

нельзя было верить. Я считал, что об этом надо подробно и верно узнать, прежде чем доносить, но на это времени не было, потому что я это слышал не раньше, как за неделю до 4 апреля.

Председатель. Вы назначались агентом в Нижний-Новгород,—с какою целью вас посылали в Нижний-Новгород?

Соболев. Это было только предположение, но меня никуда не посылали, я сам не заявлял желания ехать в Нижний-Новгород: для меня было положительно все равно, в какой город ни ехать, я поехал бы куда угодно, только бы мне дали работу.

Председатель. Если вас посылали, то при этом вам, вероятно, давали какое-нибудь поручение, в чем состояло это поручение?

Соболев. Я думал только об одном, как бы место получить. А от общества, разумеется, поручение вот такое,- чтоб социальные идеи пропагандировать.

Председатель. В чем состояло это распространение[1]) социальных идей? Например, вы приехали бы в Нижний Новгород, как бы вы там завелись, что вы начали бы делать?

Соболев. Если б я туда приехал, то я не стал бы ничего делать, у меня была одна цель, чтобы получить образование в каком-нибудь высшем заведении.

Председатель. Хорошо это вы говорите, что вы хотели делать, но что вам общество поручало делать,- объясните, как бы вы распространяли социальные идеи?

Соболев. Мне бы следовало заниматься устройством школ там... потом заботиться об устройстве ассоциаций... знакомиться с молодежью... потом, на счет библиотек там...

Граф Панин. Вы сами какой губернии?

Соболев. Нижегородской.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Что вы знаете об участии Соболева в «Организации»?

Ишутин. Соболев раза два был там, но я не сумею вам ничего сказать ни насчет его образа мыслей, ни насчет образа действий, потому что там он ничего не высказывал.

Председатель. Но вы, может быть, об нем слышали от других: он назначался в Нижний-Новгород с поручением от общества?

Ишутин. Я этого ни от кого не слышал и потому не сумею вам сказать. Господин Соболев учился в Петровской академии, и так как он человек бедный, то мы помогали ему, и из собственных моих рук я дал ему рублей 70 серебром. Но и бедных людей в Петровской академии было много, —человек семь: они желали образоваться, учиться. Так как у них средств не было, то

[1]) Далее зачеркнуто: «революционных».

мы те деньги, которые были у нас, употребляли для ради того, чтоб дать им возможность образоваться.

Принц Ольденбургский. Разом ли вы ему дали 80 руб.?

Ишутин. Нет, не разом. Мы не одному Соболеву давали деньги, а давали Иванову, Черкезову и Воскресенскому. У меня есть записочка, кому и что я давал.

Принц (защитник подсудимого). Не можете ли вы сказать, кто ввел Соболева в «Организацию»?

Ишутин. Не сумею вам сказать, так как он был совсем незнаком, и «Организация» не представляла выгод, то членом ее мог быть всякий.

Соболев. Вы не помните ли, как Мотков ввел меня к вам, к ишатовцам, и сказал: «Вот куда я тебя привел, здесь ты добудешь деньги и место и все, что тебе нужно».

Ишутин. Нет, я этого не помню.

Соболев. Как же вы не помните, что Мотков[1]) привел меня и сказал: «Теперь ты можешь считать, что имеешь деньги и место».

Ишутин. Т.-е. вы хотели сказать, что «Организация» давала вам деньги, но это не так, и если я вам давал деньги, то не потому, что вы были в «Организации», а потому, что видел в вас человека, желающего учиться.

Соболев. Я не знаю, почему вы мне давали деньги, но знаю, что вы мне их давали.

Был введен Малинин.

Председатель (Малинину). Расскажите, что вам известно об участии Соболева в «Организации»?

Малинин. Я об нем могу только сказать то, что он участвовал на сходках.

Председатель. Вы не припомните ли, на скольких сходках он был?

Малинин. Нет, не припомню.

Министр юстиции. Что вы именно сообщали Соболеву об учреждении особого тайного кружка «Ад»?

Малинин. Я говорил, что обманывают нас ишатовцы, что у них что-то другое, и я говорил Соболеву об этом в самых неопределенных чертах, но ничего не говорил, что они именно устроили. Говорил ему, что Ишутин обманывает его, так как он ожидал, что Ишутин даст ему какое-то место.

Министр юстиции. Однако, вы ему сообщили о целях этого кружка?

Малинин. Нет, едва ли я ему сообщал о целях этого кружка,—я говорил ему, что чуть ли не существует ли тут особый заговор.

Министр юстиции. Какой заговор?

---

[1]) Слово: «Мотков» написано над зачеркнутым «Ишутин».

Малинин. Т.-е. отделение от нашего общества: об этом я ему говорил в общих чертах.

Принц (защитник подсудимого). В числе лиц, которых предполагалось соединить для противодействия нигилистам, рассчитывали вы на Соболева?

Малинин. Да, рассчитывал. Я спрашивал Воскресенского, сообщал ли он ему об чем-нибудь другом, кроме того, что говорилось на сходках у нигилистов; он отвечал, что нет; я спросил, можно ли рассчитывать на Соболева; он мне отвечал, что можно.

Принц. Об «Аде» вы ему говорили?

Малинин. Нет, не говорил об «Аде».

Министр юстиции. Однако же вы сейчас сказали, что говорили ему в общих чертах?

Малинин. Я ему говорил только, что что-то такое есть, но ничего не говорил определительно.

Соболев. Вы говорили мне, что вот нигилисты составили отдельный кружок.

Малинин. Но я вам не говорил о подробностях.

Соболев. Вы рассказывали мне подробности об их кружке,— вы говорили, что цель их такая, чтоб убить государя.

Малинин. Вам не говорил ли об этом Воскресенский, но я вам лично ничего не говорил такого.

Соболев. Вы тогда еще приезжали к Воскресенскому и при нашем разговоре присутствовал и Сергиевский.

Малинин. Может быть, Воскресенский что-нибудь вам говорил, но я лично вам ничего не говорил.

Принц Ольденбургский (Соболеву). Что он вам говорил?

Соболев[1]. Он говорил при Воскресенском и Сергиевском, что вот существует «Ад».

Принц (защитник подсудимого). Вы не слыхали ничего о посылке его в Нижний-Новгород?

Малинин. Он просил меня, когда я ездил в Саратов, что если там есть какое-нибудь место, то чтоб я похлопотал об этом месте для него.

Был введен Борисов.

Председатель (Борисову). Расскажите, что вам известно об участии Соболева в «Организации»?

Борисов. Он бывал на заседаниях «Организации», но я больше ничего об нем не знаю; он никаких предложений не делал.

Министр юстиции. Скажите, какие бумаги жгли нигилисты, когда готовились к аресту?

Борисов. Не знаю.

Министр юстиции. Однако же Соболев от вас это слышал.

Борисов. Нет, я этого не знаю.

---

[1]) В подлиннике: «Малинин».

Соболев. Я слышал, что шпатовцы приготовлялись уничтожить бумаги, но какие бумаги,—он мне об этом не говорил.

Принц (защитник подсудимого). На скольких сходках присутствовал Соболев?

Борисов. На трех или на четырех собраниях.

Принц. От кого вы слышали, что Соболев предполагал ехать в Нижний-Новгород?

Борисов. Это я, кажется, слышал от самого Соболева.

Соболев. Я говорил, что хотел ехать к себе на родину.

Борисов. Я только помню, что от кого-то слышал.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Объясните, что вам известно об участии Соболева в «Организации»?

Мотков. Соболев был введен туда Шутиным, но никакого участия не принимал в деятельности «Организации». Я знаю только, что встречал его на сходках.

Председатель. Назначался ли он куда-нибудь в отправление?

Мотков. Ваше сиятельство, при мне вообще не поднимался такой вопрос.

Председатель. На тех сходках, на которых были читаны уставы, был ли он или нет?

Мотков. Только проект устава Шаганова был читан, и я не знаю, был ли он или нет.

Принц. На скольких сходках вы видели Соболева?

Мотков. Я не могу сказать, на скольких, но на последних сходках его я не видел.

Принц. Вы в ваших показаниях объяснили, между прочим, что в составе «Организации» был отдельный кружок, и что вы и Малинин с некоторыми другими лицами задумали уничтожить шпатовцев.—так я хотел бы знать, к какому кружку из этих двух вы причисляете Соболева: к кружку ли шпатовцев, или к своему кружку?

Мотков. Мы с ним ничего не говорили о своем намерении, но его, как и прочих, причисляли к своему кружку.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Что вам известно об участии Соболева в «Организации»?

Лапкин. Я знаю, что Соболев был в «Организации», но больше об нем ничего не могу сказать.

Председатель. Вы только можете сказать, что видели его на сходках «Организации»,—другого ничего не можете об нем сказать?

Лапкин. Да, и то еще я должен сказать, что видел я его только на одной сходке.

Принц. Вам неизвестно было, предполагал ли Соболев оставаться в Москве или хотел куда-нибудь уехать?

Лапкин. Кажется, он хотел домой ехать. Видите, в чем дело: мы были обязаны подпискою не переезжать из квартир, никуда не уезжать, поэтому никто из нас не мог уехать.

Принц Ольденбургский. Кто же обязал вас этою подпискою?

Лапкин. Подписку у нас взяли, когда у нас был обыск.

Соболев. Вы не помните, не говорил ли я, что хотел ехать к одному помещику и поступить к нему в лесники?

Лапкин. Вы хотели какую-то должность искать, но не знаю положительно какую.

Соболев. Помните, что еще мне прислали денег?

Лапкин. Действительно, помню, что вам прислали 25 рублей.

Председатель. Лапкин, вы обязались подпискою не переезжать из квартиры, кто вас обязал этою подпискою?

Лапкин. Эту подписку с нас взяли, когда у нас был обыск 28 апреля, произведенный полковником Языковым и становым приставом.

Председатель. Следовательно, подписка эта была взята от [вас] правительством, но не вашим обществом?

Лапкин. Да, правительством.

Был введен Сергиевский.

Председатель (Сергиевскому). Что вам известно об участии Соболева в «Организации»?

Сергиевский. Я слышал от него, что он тяготится обществом и желал только иметь удобный случай, чтоб выйти из этого общества.

Принц. Когда у вас был Малинин? Между прочим, Соболев припомнил, будто бы вы слышали вместе с ним от Малинина об обществе Ад. — так не можете ли вы об этом припомнить?

Сергиевский. Я об обществе Ад ничего не слышал, а Малинин был при мне у него, но я не понял того, что он говорил, потому что мои московские знакомые и знакомые Малинина разные. Он говорил что-то об Ишутине и об Николаеве, но из этого разговора я ничего не понял.

Принц. По крайней мере, вы дали показание об том, что Соболев предполагал отправиться в Нижний-Новгород губернским членом.

Сергиевский. Да, я слышал, что они хотели его послать туда, а Соболев не хотел ехать, я слышал от него, он говорил, что тяготится этим положением, тем более, что они обеспечили его, он не имел средств, а они помогали ему.

Председатель (Соболеву). Что вы скажете против этих слов, потому что эти слова не те, которые вы сказали, вы объяснили, что сами изъявили желание ехать в Нижний-Новгород.

Соболев. Я изъявил желание, но у меня цель была как-нибудь отделаться.

Председатель. Я спрашивал только ваших объяснений, потому что то, что сказал Лапкин, было несогласно с вашим объяснением.

Соболев был уведен, а Сергиевский[37] был введен.

Председатель. (Сергиевскому). Скажите ваше имя, отчество и фамилию?

Сергиевский. Алексей Сергиевский.

Председатель. Сколько вам лет?

Сергиевский. 20 лет.

Председатель. Какие были ваши занятия?

Сергиевский. Я был слушателем Петровской академии.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, слушатель Петровской академии Алексей Егоров Сергиевский, 20 лет.

По обстоятельствам дела на слушателя Петровской академии Алексея Егорова Сергиевского падает обвинение в том, что он принадлежал к тайному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве.

Познакомившись зимою 1864/65 года у товарища своего Полумордвинова со Странденом, он, Сергиевский, был вовлечен Странденом в общество «Организация».—был раз двенадцать на сходках этого общества, и хотя в душе был чужд революционных стремлений, но продолжал бывать на сходках оного, на которых слышал прочитанный Шагановым проект устава общества, узнал о предположении разослать агентов по губерниям, о намерении Федосеева отравить отца своего для обращения его достояния в пользу общества, о намерении поместить его, Сергиевского, лакеем к какому-либо богатому купцу, которого он, Сергиевский, должен был обокрасть в пользу общества. Принадлежность Сергиевского к обществу «Организация» удостоверяется, сверх того, показаниями Моткова, Шаганова, Ишутина, Загибалова, Юрасова, Малинина, Страндена, Соболева, Лапкина и Полумордвинова (Моткова—т. V, л. 384, т. VI, л. 231, 233; Шаганова—т. V, л. 40, т. VI, л. 254; Ишутина—т. V, л. 423, т. VI, л. 76, 381; Загибалова—т. VI, л. 36, 105, 236, 388, Юрасова т. VI, л. 91, 92, 238; Малинина т. V, л. 307; Страденя—т. V, л. 344, т. VI, л. 104, 320; Соболева Моск. д.,

1) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 54—55.

л. 79; Лапкина—Моск. д., л. 165; Сергиевского и Полумордвинова—особые показания).

Вследствие сего слушатель Петровской академии Алексей Сергиевский обвиняется в том, что он принадлежал к тайному обществу «Организация», имевшему целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное в ст. 250 Улож. о наказаниях.

Посему вышепоименованный Алексей Сергиевский предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в том преступлении, в котором вы обвиняетесь?

Сергиевский. Нисколько не виноват,—я именно приглашен был в общество взаимного вспомоществования. Там сначала толковали об обществе взаимного вспомоществования, потом об ассоциациях, потом стали говорить об «Организации». Шагапов проект читал: были личности, которые говорили разные вещи; я не знал, чем дело кончится, не мог ничего сделать. Об Федосееве я ничего не слышал, с Федосеевым я не был знаком.

Председатель. Но как же вы объясните то обстоятельство, что вы назначались в лакеи?

Сергиевский. Ведь они мне об этом в глаза не говорили,—мне сообщил об этом Александр Иванов, но я бы никогда не согласился на это.

Председатель. Однако же они, вероятно, видели у вас какие-нибудь наклонности, если предложили вам поступить в лакеи?

Сергиевский. Они нисколько не могли видеть во мне таких наклонностей.

Председатель. Но если они вас выбрали для исполнения преступного действия, самого омерзительного и скверного, какое только может быть, следовательно, они надеялись на расположения ваши?

Сергиевский. Я не знаю, что руководило ими, но я, с своей стороны, не подавал им повода ничуть.

Граф Панин. Получали ли вы от них деньги?

Сергиевский. Нет, не получал,—я не успел с ними хорошенько познакомиться, но на сходках я бывал.

Председатель. Сколько раз вы бывали на сходках?

Сергиевский. Я не могу в точности определить, на скольких сходках, но вообще на сходках бывал.

Был введен Странден.

Председатель (Страндену). Что вам известно о деятельности Сергиевского в обществе «Организации»?

Печать для книг

Страден. Он почти не принимал участия в деятельности общества и только ограничился тем, что бывал на сходках.

Председатель. По какому случаю он был избран в лакеи для поступления к купцу?

Страден. Это, вероятно, была без меня какая-нибудь сходка, потому что я не знаю ни разъезда по губерниям и вот также этого факта не слышал.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Что вам известно об участии и деятельности Сергиевского в обществе «Организации»?

Мотков. В обществе Организации он посещал сходки. Был введен туда Страденом. Мы его причисляли к составу того кружка, который должен был противодействовать ишатовцам.

Министр юстиции. Каким образом и именно когда избрали его в лакеи к купцу для того, чтоб его обокрасть в пользу общества? Кто дал эту мысль и когда это было принято обществом?

Мотков. Ваше высокопревосходительство, при мне ничего подобного не было.

Был введен Загибалов.

Председатель (Загибалову). Что вам известно об участии и деятельности Сергиевского в обществе «Организации»?

Загибалов. На сходках я его видел, но это было довольно редко, так как Сергиевский жил в Петровской академии, которая довольно далека от Москвы; в то время, когда он бывал на сходках, я не слышал от него никаких суждений, [он] не делал никаких предложений и не рассуждал пред обществом.

Министр юстиции. Был ли он на той сходке, на которой читался проект Шаганова?

Загибалов. Я сам не был на этой сходке.

Был введен Александр Иванов.

Председатель (Александру Иванову). Что вы знаете о деятельности Сергиевского в обществе «Организации»?

Александр Иванов. Я насчет деятельности его не знаю ничего, по крайней мере, он хотел совсем отстать от этого общества. У нас был разговор с ним; он мне передавал, что ишатовцы его хотят назначить лакеем. Я уговаривал его, что это один пустяки, что на это не стоит обращать внимания, что ишатовцы вообще нечестно поступают с нами всеми, и мы уговорились восстать против них.

Председатель. Когда он говорил с вами об этом, указывал ли он на тех лиц, которые хотели назначить его лакеем?

Александр Иванов. Он говорил, что ишатовцы. Мы говорили [после] одного заседания, на котором он был и после которого он передавал: «Вот что хотят со мною сделать ишатовцы».

Был введен Полумордвинов.

Председатель (Полумордвинову). Что вы знаете о Сергиевском относительно общества «Организации»?

Полумордвинов. Он бывал в этом обществе, но делал ли он с своей стороны какие-нибудь предложения, я этого не помню, вообще он очень мало бывал на сходках.

Председатель. О назначении его в лакеи что вы можете сказать?

Полумордвинов. Да, я помню, что был разговор об этом, но сам Сергиевский в это время не был.

Остряков (защитник Сергиевского). Не известно ли вам, каким образом попал Сергиевский в «Организацию»?

Полумордвинов. Он приехал в Москву. Я был знаком с ним: у меня он познакомился и со Странденом; потом Сергиевский познакомился со всеми. Я его видел на сходках общества взаимного вспомоществования [1]), потом он был введен в общество «Организации».

Остряков. Объясните, каким образом сделалось известно подсудимому Сергиевскому о назначении его в лакеи?

Полумордвинов. Александр Иванов и Малинин сообщили ему, что это намерение ишутовцев, а сами они слышали от ишутовцев.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Что вам известно об участии Сергиевского в обществе «Организации»?

Воскресенский. Он бывал на нескольких сходках; потом я слышал рассказ Сергиевского о предложении ему вступить в лакеи,—он с отвращением отзывался об этом.

Председатель. Кто же ему предлагал это,—не вспомните ли?

Воскресенский. Он мне рассказывал только, что вот какую гнусную вещь ему говорили.

Был введен Лапкин.

Председатель (Лапкину). Видели ли вы на сходке «Организации» Сергиевского?

Лапкин. Да, я видел раз на сходке, потом Мотков приглашал Сергиевского противодействовать ишутовцам, точно так же, как мне, Воскресенскому и другим.

Сергиевский был уведен, а князь Черкезов[38] введен.

Председатель (Черкезову). Объявите имя ваше, отчество и фамилию?

Черкезов. Варлаам Джан-Аслановпч [2]).

Председатель. Сколько вам лет?

---

[1]) В подлиннике: «существования». [2]) В подлиннике: «Еруслан».

Черкезов. 20 лет.

Председатель. Вероисповедания какого?

Черкезов. Православного.

Председатель. Жительство и занятие?

Черкезов. До настоящего времени я был студентом Петровской академии, куда я поступил в январе 1866 года; воспитывался я во 2-м московском кадетском корпусе, откуда вышел в 1864 году, и до поступления в Петровскую академию ничего не делал.

Принц Ольденбургский. Вы не служили в военной службе?

Черкезов. У меня грудь болит, и [я] был выпущен домой с правом, если поступлю на гражданскую службу, получить чин наравне со сверстниками.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1],

коим предается суду, Верховного Уголовного Суда учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, князь Варлаам Джан-Асланов Черкезов, 20 лет.

На привлеченного к настоящему делу князя Варлаама Черкезова падает обвинение: 1) в недонесении об известном ему публичном распространении в школе Мусатовского[39] учения, клонящегося к возбуждению неповиновения верховной власти, и 2) в знании о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение установленного законами образа и порядка правления.

Обвиняемый князь Черкезов, признавая себя в означенных преступлениях виновным, на допросах при следствии показал, что, вращаясь постоянно в кругу молодых людей и занимаясь чтением разных книг социального содержания, он приобрел первые понятия о социализме. (Собственное показание, л. 2.)

Сближаясь с людьми одинакового с ним направления, Черкезов познакомился с Вознесенским, Дмитрием Ивановым и Пшутиным. Последний пригласил Черкезова посетить устроенную им школу Мусатовского. В этой школе, кроме Пшутина, были учителями Юрасов, Ермолов, Загибалов и Каракозов.

При первом посещении этой школы Черкезов, войдя в класс, по собственному его выражению, заметил: «большое безобразие в способе преподавания». При нем во время урока математики Юрасов, объясняя ученикам арифметические задачи, между прочим, указывал, что 72 000 000 более 1, и выводил из этого, что 72-миллионное население составляет такую силу, пред которою власть одного государя ничтожна; Ермолов же на уроке естественной истории, описывая орла, говорил, что птица эта хищная, кровожадная, пожирающая слабых животных, как-то: кроликов,

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 57—61.

нят и друг., а потому орел и избран для эмблематического изображения герба императорской власти.

Черкезов обо всем слышанном им не только не донес правительству, но сам поступил в эту школу учителем географии (собственное показание, л. 5).

Отрицая затем принадлежность к обществу «Организация», Черкезов объяснил, что он находился в числе членов клуба, основанного пятовцами, в котором разъяснялась цель, к которой «Организация» должна стремиться.

В начале октября 1865 г., когда Черкезов жил с Дмитрием Ивановым, к ним пришел Ишутин и передал проект устава тайного революционного общества, которое должно было иметь две главные конторы в Петербурге и Москве. Петербургская контора должна была подчиниться московской, которая состояла бы из президента, столичных членов и кассира. Президенту предоставлялось право на жизнь всех членов. Столичным членам предположено было подчинить губернских, которые обязывались распространять необходимость уничтожения царской власти и всех вообще властей, крупных землевладельцев и капиталистов, для произведения всеобщей революции и резни, с целью водворения в государстве порядка управления на социальных началах. (Собственное показание, л. 8 об. и 9.)

Черкезов показал также, что Ишутин сообщал ему о своем намерении каким-нибудь действием заявить правительству, что есть недовольные его распоряжениями (собственное показание, л. 12 об.), а Мотков в квартире Малинина рассказывал ему, что в январе 1866 г., на одном из собраний пятовцев, Ишутин говорил Ермолову, Загибалову, Каракозову, Страндену, Юрасову и Моткову, что он не может выполнить возложенного ими на него поручения привлекать к их обществу молодых людей и потому просил разрешения совершить цареубийство. (Собственное показание, л. 13.)

На основании вышеизложенного собственного показания князя Черкезова, он обвиняется: 1) в недонесении об известном ему публичном распространении в школе Мусатовского учения, клонящегося к возбуждению неповиновения верховной власти, т.-е. в преступлении, предусмотренном 126 и 251 ст. Улож. о наказ., и 2) в знании о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение установленного законами образа и порядка правления и недоведении о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о наказ.

Вследствие сего вышепоименованный князь Черкезов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен 18 августа 1866 года в С.-Петербурге.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Черкезов, признаете ли вы себя виновным в том преступлении, в котором вы теперь обвиняетесь?

Черкезов. Признаюсь.

Председатель. Что вас побудило не доносить об школе Мусатовского, которую вы сами признали ни с чем несообразною?

Черкезов. Об школе Мусатовского, о системе преподавания в ней я показал на основании слухов, —я сделал в моем показании примечание, что это все мне рассказывал Дмитрий Иванов: из его рассказов я видел, как безобразна эта школа.

Председатель. Вы приняли на себя звание учителя географии?

Черкезов. Да, я был.

Председатель. Следовательно, каким же образом вы можете объяснить ваши слова, что вы, бывши учителем в школе, не знали, что там происходило?

Черкезов. В мае месяце, когда мне рассказывал Иванов об Мусатовской школе, тогда я уже там не бывал,—я посещал школу с марта месяца по 1-е мая, тогда я не мог слышать подобных вещей. В школе у нас тогда было, действительно, безобразно, но этого самого, что я слышал от Иванова, я сам никогда не слышал.

Председатель. Какое же было безобразие в вашей школе?

Черкезов. Прежде всего, у нас не было означено как следует, кто чем занимается; дети, которые тут должны быть, не сидят на месте, а где хотят, там бегают, так что у нас, при условии, что занимались в одной комнате два класса, было так, что один класс бегает и мешает другому.

Председатель. Это беспорядок?

Черкезов. Это беспорядок.

Председатель. Но не безобразие. Безобразие относилось к преступным учениям, к вредным учениям в школе, а теперь вы говорите о беспорядках.

Черкезов. В показаниях своих показал, что это безобразие, а это только беспорядок. Об способе преподавания я сам ничего лично не знаю, а мне передавал об этом Дмитрий Иванов, но и он мне не говорил, что это именно Юрасов и Ермолов учили детей таким образом, как я показал,—он просто сказал мне, что учитель математики и учитель естественной истории. Я, будучи в этой школе преподавателем географии, знал, что математику преподавал Юрасов, а естественную историю—Ермолов.

Председатель. Но однако же, если вы приняли на себя обязанность учителя, то, вероятно, вам прежде было заявлено, какое направление дается учению в вашей школе?

Черкезов. Меня пригласил Ишутин, которого я просил показать школу: он мне сказал при этом, что вот я могу быть там учителем. Я согласился принять на себя обязанность учителя географии; тогда мне Ишутин, действительно, сказал, что цель школы такая, чтобы давать мальчикам по возможности хорошее развитие.

Председатель. Что понимал он под хорошим развитием?

Черкезов. Что понимает Шутин под хорошим развитием, я тогда не мог понять, это было в начале моего знакомства; но если судить по тому, как я узнал потом Шутина[1], то для него нужны были хорошие деятели для его идей.

Председатель. Как вы теперь объясняете, в чем состояли эти идеи?

Черкезов. В том, чтоб заводить артели, потом чтоб главным манером стремиться к уничтожению верховной власти, потом в том, чтоб уничтожать по возможности неравномерное распределение собственности.

Председатель. Уничтожать что?

Черкезов. Неравномерное распределение собственности, ввести социализм. Вот идеи Шутина, сколько я его знаю теперь. Что же касается до его других товарищей, то, как я уже показал, я этого лично от них ничего не слышал подобного, потому что я с другими лицами не был в близких сношениях, так что я не могу сказать, согласны ли они были с Шутиным, или нет. От Ермолова и Страндена и других я лично ничего не слышал.— напротив, они стремились друг другу противоречить. Так, Шутин [говорил] мне, что они стремились бумажки фальшивые выпустить, а Ермолов говорил, что это вздор.

Председатель. Когда вы поступили в учителя, какое вам было дано наставление?

Черкезов. Мне никакого наставления не было дано, и я, бывши учителем, был посторонним им человеком. Я бывал в школе только для того, чтоб преподавать географию. Они со мной ничего не говорили, даже, разговаривая между собою, они говорили намеками: вот фраза Шутина: «Школа дело пустое, его не стоит серьезно заниматься». Этим я объясняю то, почему шатовцы мало занимались своими предметами.

Председатель. Объяснив принадлежность свою к «Организации», вы объяснили, что вы находились в числе членов клуба, основанного шатовцами, в котором разъясняли цель, к которой «Организация» должна стремиться. Объясните в подробности, где был клуб, чем преимущественно занимались члены клуба, какие разговоры были в этом клубе; объясните в подробности все то, что вам было известно, как члену клуба.

Черкезов. Как я показал в своем показании, Шаганов пригласил меня к себе. «Приходите ко мне, у меня дельное общество соберется»,—сказал он мне.

Председатель. Вы назвали это общество клубом?

Черкезов. Да. Когда я пришел к Шаганову, я не знал, что это клуб; так как он говорил мне, что у него дельное общество соберется и так как он мне говорил это на собрании общества взаимного вспомоществования, то я думал, что здесь соберутся знакомые наши: Ивановы, Кичин и другие, но когда я

---

1) Далее следует: «потом».

пришел туда, то увидел только Юрасова, Шаганова и Николаева, а из других молодых людей были только те лица, которых нашатовцы считали нужным подготовить, в том числе и я был приглашен. Я знал еще раньше, что на меня так смотрит Ишутин, так что я был приглашен на собрание для того, чтобы меня развивать. Я не знал, кто были члены «Организации», но слышал от Ишутина, что «Организация» существует, что для этого общества нужно избирать членов из общества взаимного вспомоществования и пропагандировать им сначала разные идеи и потом, уже подготовленных, присоединять к «Организации», так что клуб—это была переходная ступень к «Организации». В клубе я пробыл недолго.—в половине шестого я ушел в академию: уходя, я сказал, что не буду у них больше бывать, что все то, что они тут говорили, что я уже слышал от Ишутина.

Председатель. Что же вам говорил Ишутин?

Черкезов. Он говорил, что не надо много заниматься наукою[10], а что нужно заниматься пропагандою между молодежью, преимущественно между семинаристами, потому что это, он говорил, плодородная почва.

Председатель. Так вы разумели, что это общество имело целью подготовлять вас, молодых людей, и назвали это общество клубом? Теперь вы жили с Дмитрием Ивановым. Расскажите о том, как пришел к вам Ишутин и передал вам проект устава тайного революционного общества, которое должно было иметь две конторы: одну в Петербурге, а другую в Москве, и председателю которого предоставлялось право на жизнь и на смерть членов,—скажите, кому именно передал Ишутин этот проект и для чего?

Черкезов. Он дал этот проект Дмитрию Иванову для того, чтоб он переписал его. Ишутин пришел к нам поздно ночью, разбудил нас: разбудил он сначала одного Дмитрия Иванова и передал ему рукопись. Я в это время сам проснулся и слышал, как Ишутин просил Иванова не передавать ни самой рукописи, ни ее содержания. Я тут спросил Ишутина: «А я могу прочесть эту рукопись?» Ишутин постоял, постоял, потом говорит: «Ну, вы, пожалуй, можете».

Председатель. Теперь[1]), следовательно, Иванов переписал этот проект,—когда он был переписан, кому он был вручен?

Черкезов. А уж этого не знаю.

Председатель. И вы не имели любопытства, видевши проект, который имел столько для вас важности, узнать, куда пошел этот проект,—ведь в этом проекте предполагалось председателю дать право над жизнью членов общества, ведь это выходит из ряда обыкновенного.

Черкезов. Я не интересовался судьбой этого проекта, так

---

[1]) В подлиннике: «теперича».

как его принес[1]) Ишутин, который во всех своих поступках выходил из порядка обыкновенного либо своею глупостью, либо дерзостью.

Председатель. Ишутин передавал при вас проект, вы попросили его позволения прочесть этот проект и потом, прочитавши[2]) такой странный проект, вы не пожелали знать, куда был отдан этот проект?

Черкезов. Я не имел любопытства спросить Дмитрия Иванова, отнес ли он этот проект Ишутину, или по его поручению передал кому другому.

Председатель. Вспомните хорошенько, не спрашивали ли вы его, ведь это ничего не прибавляет к вашему обвинению.

Черкезов. Я знаю, что не прибавляет ничего, я хотя и не спрашивал Дмитрия Иванова, но почти утвердительно могу сказать, что я знаю, что этот проект непременно должен был вернуться к Ишутину, так как Ишутин был центром деятельности. Я даже не знаю, читал ли Ишутин кому проект, не знаю даже, сам ли он его писал или кто другой.

Председатель. Что вы понимали под тем показанием, которое вы сделали, что Ишутин сообщал вам о своем намерении заявить каким-нибудь действием правительству, что есть люди, недовольные его распоряжениями,—что вы разумеете под этими словами, объясните, не стесняйтесь.

Черкезов. В своих показаниях я показал, что Ишутин мне говорил, что он хотел произвести какой-нибудь взрыв какой-нибудь крепости или железной дороги гремучею ртутью, которую он должен был получить от члена Европейского комитета [11].

Председатель. Почему же вы не донесли об этом?

Черкезов. Я не донес, потому что из общества нигилистов мне была известна только личность Ишутина, стало быть, тогда я мог бы донести только на личность Ишутина, но как я, так и большинство моих знакомых смотрели на Ишутина, как на человека недалекого ума, постоянно бредящего об пустяках. Именно, когда я Воскресенскому сказал, что вот Ишутин желает чем-нибудь заявить себя, на это мне Воскресенский сказал: «Охота же вам слушать его бредни». Кроме того, Ишутин никогда ничего того не исполнял, что говорил. Он ничего говорит, что хочет завести библиотеку—не заводит, на счет фабрики хлопочет—не заводит, артели хочет устроить—ничего не устраивает; на счет разных обществ говорил, например, общество взаимного вспомоществования завел, а сам никогда почти там не бывал. Я вообще не знал, насколько другие люди были причастны к делам Ишутина,—все мои сношения с Юрасовым были, как с простым знакомым,—во всех делах являлся Ишутин, потому мы смотрели на него, как на единичное лицо, которое никогда ничего не делает того, что

[1]) Далее следует: «его». [2]) В подлиннике: «прочевши».

говорит. Он целый день бегал из квартиры в квартиру, каждый день непременно обегал всех своих знакомых.

Председатель. Но вам не приходило в голову, что такой человек, который хотел себя ознаменовать взрывом крепости или дороги,—это такие вещи, которые составляют самые сильные преступления,—вам не приходило на ум, что такой человек может быть опасным и что вам нужно донести об нем?

Черкезов. Понятное дело, что тут было желание ознаменовать себя подобным преступным действием, но на такого человека нельзя было донести. Это желание явилось у него среди многих других желаний, которых он никогда не исполнял. Он говорил, например, что он с Каракозовым пойдет в извозчики,—не пошел; он говорил, что он просился в экспедицию за Чернышевским и жаловался, что его не отправляют, а посылают Странден, который отправится на-днях, между тем Странден не отправился: Ишутин хотел заводить школы,—не заводил; Ишутин хотел издавать общеевропейский журнал,—не издавал. Так что мы смотрели на него вовсе не как на человека деятельного: во всех стремлениях его и деятельности было разноречие, все, что ни затевал Ишутин, он ничего не исполнял, вследствие этого Ишутин упал в наших глазах, и я не мог обратить серьезного внимания на его желание.

Принц Ольденбургский. Говорил он вам что-нибудь об решении совершить цареубийство?

Черкезов. Он мне этого не говорил сам; Мотков говорил об этом.

Принц Ольденбургский. Отчего же вы на него не донесли?

Черкезов. Мне Мотков об этом рассказывал, но при этом он сказал, что ишатовцы, которым Ишутин делал подобное предложение, осмеяли его, и что они не позволили ему этого сделать. Мотков говорил, что после того, как ишатовцы не позволили Ишутину покуситься на жизнь государя, он просился у ишатовцев в экспедицию за Чернышевским, но они и этого ему не позволили, и, как Мотков говорил, именно ему не позволил Юрасов: вообще ишатовцы бранили Ишутина между нами[42].

Краузольд (защитник Черкезова). Так как никто в своих показаниях, данных следственной комиссии, не указал на Черкезова, как на члена Организации, то я считаю возможным ограничиться допросом тех, на которых Черкезов указывает, как на учителей школы Мусатовского.

Министр юстиции. Я совершенно с этим согласен, потому что обвинительный акт основывается на собственном сознании Черкезова, потому я полагал бы спросить Юрасова, Ермолова и Ишутина.

Председатель. Моткова не нужно?

Министр юстиции. Нет, он может показать только то, что уже есть в показаниях Черкезова. Еще нужно спросить Дми-

трия Иванова, так как он показал, что о безобразии школы он слышал от Иванова.

Председатель. Моткова надо спросить на том основании, что он в квартире Малинина рассказал об том, что Пшутин сообщал пинтовцам о своем намерении заявить правительству, что есть люди, недовольные его распоряжениями. (К Черкезову.) Вы упомянули также об Николаеве, — в каком отношении вы упомянули об нем?

Черкезов. Он в клубе говорил.

Был введен Дмитрий Иванов.

Председатель министру юстиции. Не угодно ли вам, ваше высокопревосходительство, спросить его, Дмитрия Иванова?

Министр юстиции (Дмитрию Иванову). Вы что говорили Черкезову о школе Мусатовского, о том, что Юрасов с каким безобразием преподавал уроки математики, а Ермолов уроки естественной истории, что вы говорили по этому поводу? Черкезов показывает, что он от вас слышал.

Дмитрий Иванов. Я не упомню хорошенько, кто преподавал уроки математики и естественной истории, но что, действительно, я передавал ему, что вот я слышал, что в школе Мусатовского преподают таким революционным образом. Именно, я передавал ему, что учитель естественной истории говорил детям об орле, характеризуя его, конечно, назвал хищной птицей, кровожадной, способной только нападать на слабых животных, терзать их и есть их. Поэтому учитель говорил, что глупо делают те правительства, которые имеют орла в своем гербе, этим они доказывают, что они так же кровожадны, как и орлы. Потом учитель математики, я говорил, что он таким образом уроки преподавал: он писал на доске единицу и 72 м[иллиона] и спрашивал учеников, какое отношение единицы к 72 м[иллионам]. Они отвечали ему, что, конечно, единица перед 72 м[иллионами] ничтожество. Учитель говорил после этого: Вот и у нас таким образом: единица это — царь, а 72 м[иллиона] это народ; значит, царь перед народом ничто. Но я не могу вспомнить, кто были эти учителя, кто преподавал таким образом.

Министр юстиции. Вы были сами в школе во время преподавания?

Иванов. Нет, не был, и я передавал это по слуху.

Министр юстиции. От кого же вы слышали?

Иванов. Этого не сумею сказать.

Министр юстиции. И вы таким же образом передавали Черкезову, как слух?

Иванов. Да, таким же образом.

Председатель. Теперь не можете ли объяснить следующее:

Ишутин ночью вас разбудил и дал вам проект тайного революционного общества, с тем, чтобы вы его переписали.

Иванов. Да, это было.

Председатель. Вы переписывали, следовательно вы не могли позабыть такого важного обстоятельства; не можете ли вы рассказать, что у вас осталось в памяти из того проекта, который вы переписывали?

Иванов. Мне помнится, что этот устав имел большое сходство с тем уставом, который у нас читался на собраниях, именно, в нем говорилось о цели основания революционного общества,— цель эта была ввести социализм в государстве; затем говорилось, что средствами для достижения этой цели должны служить кружки революционные, эти кружки должны соединиться с заграничными кружками; потом они должны были заниматься устройством экономических учреждений, должны были заниматься устройством школ, ассоциаций; потом, мне кажется, говорилось, чтоб эти кружки сносились с раскольниками, подбивали бы их тоже на революционную деятельность.

Председатель. Но вы не могли не помнить, что учреждались две главные конторы революционного общества, что одна из них должна была быть в Москве, другая в Петербурге.

Иванов. Действительно, это так, но хорошенько этого запомнить не могу.

Председатель. Конечно, вы могли позабыть, но отчасти припоминаете. Предоставлялось ли председателю право на жизнь и смерть членов?

Иванов. Этого не помню положительно, но помню, что там говорилось, что общество должно действовать не только путем устной пропаганды, но не обращать внимания и на средства для достижения цели—употреблять и нож.

Принц Ольденбургский. И, между прочим, цареубийство?

Иванов. Нет, этого не было.

Председатель. Скажите, губернские члены обязывались распространять идеи против царской власти, это было?

Иванов. Да, было.

Председатель. Уничтожение всех властей, крупных землевладельцев, произведение революции и резни—тоже было?

Иванов. Да.

Председатель. Когда вы переписали устав, что вы сделали с переписанным уставом?

Иванов. Я отдал его Ишутину.

Председатель. На другой день?

Иванов. Кажется, в тот же день.

Председатель. Спрашивали вы Ишутина, куда поступает этот устав?

Иванов. Не спрашивал.

Председатель. По какому случаю вы приняли на себя

переписку устава и не пожелали знать, какая цель этого[1]) устава, что будет дальнейшим его последствием?

Иванов. Во-первых, когда я взял устав, то я не знал содержания его, потом, когда я переписал и принес к Ишутину, Ишутин куда-то торопился, говорил, что ему нужно, вследствие этого я его не спросил ничего об уставе. Да я и не мог у него спросить,—я предполагал, что это один из проектов, который они предполагают ввести в своем кружке.

Председатель. Как же вы не догадались донести про такое обстоятельство, когда вы имели в руках доказательство, - вам опасного ничего не было. У вас был[2]) списанный проект, который вы сами переписывали,—каким же образом, когда вы видели такие преступные, самые пагубные для государства, для целого, предположения, вам не пришло в голову, что вам следует донести? Вам это легко было,—вы имели в своих руках доказательство. Что вы против этого скажете?

Иванов (сначала молчит). Я не знаю, каким образом ответить на это,—тут, я полагаю, было много побочных обстоятельств; одно из них -это, во-первых, мое тогдашнее расположение к Ишутину, наконец, моя зависимость от него.

Член суда Пипский. В чем была ваша зависимость?

Иванов. Да тогда он еще говорил мне, что я могу попасть сам в политические деятели,—он таким образом заинтриговал меня; кроме того, была зависимость чисто материальная.

Председатель. При вас Черкезову сообщал Ишутин, что он хочет каким-нибудь действием[3]) заявить правительству, что есть недовольные его распоряжениями?

Иванов. Нет, я показал в своих показаниях, что он мне об этом отдельно говорил.

Председатель. От вас желают (принц Ольденбургский), чтоб вы заявили, в какой это вы находились материальной зависимости от Ишутина.

Иванов. Я был в критическом положении с материальной стороны, и Ишутин иногда мне помогал. Кроме того, я собирался в Пензу ехать, он мне обещал денег дать.

Граф Панин. Не помните ли, сколько вы получили вообще от Ишутина денег?

Иванов. Хорошенько не могу припомнить, должно быть рублей 30 всего.

Был введен Ишутин.

Министр юстиции. Какой проект устава тайного общества вы передали Дмитрию Иванову и Черкезову в начале октября 1865 года?

Ишутин. Я не передавал никакого проекта тайного обще-

---

[1]) Далее следует: «этого». [2]) Далее следует: «был». [3]) Далее следует: «хочет».

ства; вероятно, я что-нибудь другое давал, так как у меня было много проектов общества переводчиков и переводчиц; там много писалось проектов, но я не припомню, чтоб я кому-нибудь давал проект тайного общества... У меня не было проекта тайного общества; тем менее я мог давать такой проект Черкезову, он совсем человек не такого рода; если б у меня и был проект, то я бы его не дал Черкезову: я не имел с ним никаких сношений.

Министр юстиции. Черкезов жил с Дмитрием Ивановым, который переписывал вам проект.

Пшутин. Этого никогда не было.

Министр юстиции. Не было? И однако Иванов показал, что переписывал проект и отдал вам в руки его.

Пшутин. Этого обстоятельства не припомню... Может быть, я и давал ему какой-нибудь проект, но во всяком случае не проект тайного общества; а Черкезов не имел никаких сношений со мною, он учился в Петровской академии и больше ничего.

Министр юстиции. О каком намерении вашем заявить правительству, что есть люди недовольные его распоряжениями, сообщали вы Черкезову?

Пшутин. Этого я не припомню. Согласитесь сами, ваше высокопревосходительство, если б в самом деле желал заявить свое неудовольствие я, другой, третий, тут бы не было логики: меня, другого, третьего возьмут и повесят.—я не мог говорить этого Черкезову в силу здравого смысла.

Председатель. Пшутин, каким же образом вы объявили, что если бы вы говорили Черкезову об вашем желании, то в этом нельзя бы было найти логику,—какую же логику вы найдете в том, что человек на себя принимает преступление, объявляет, что он переписывал проект,—какая же тут логика? Видите ли, как это было: вы пришли ночью к Дмитрию Иванову, разбудили его и отдали проект, с тем, чтобы он был переписан; вы поручили это Дмитрию Иванову. Он сейчас здесь был и объявил нам, что он переписывал этот проект и потом отдал вам его. Уж тут не логика,—тут факт, который сильнее вашей логики, потому что тут был налицо человек, который объявил это. Есть еще и другой свидетель. Черкезов, который утверждает, что вы приходили ночью и отдали проект.

Черкезов. Да, вы приходили ночью и отдали проект.

Пшутин. И вы говорите, что я передавал вам проект?

Черкезов. Не мне,—Иванову.

Пшутин. Проект тайного общества?

Черкезов. Да.

Председатель. Следовательно, Пшутин, где же ваша откровенность?

Пшутин. Это совершенно верно, ваше сиятельство. Если бы я давал проект, я сказал бы вам, так [как] я поставлен в такое печальное положение, которого я не могу сделать хуже, если б

я действительно давал проект. Может быть, они получили проект от кого-нибудь другого, только не от меня. Я мог бы без опасения сказать, я ли писал проект, я не могу уже больше себя скомпрометировать. Действительно, у меня было много проектов, с которыми я хлопотал, но у меня не было ни одного проекта тайного общества.

Председатель. Вы разбудили Иванова и принесли ему проект, какой бы то ни было?

Ишутин. Этого не сумею сказать,—может быть, приходил.

Председатель. Какой же вы даете отзыв об собственных своих действиях?

Ишутин. Может быть, и давал проект, но не тайного общества.

Председатель. Вы говорите, что у вас было много проектов. Давали ли вы проект переписывать Иванову?

Ишутин. Этого не сумею сказать,—может быть, и давал какой-нибудь проект переписывать, но проекта тайного общества не давал, и во всяком случае я бы не дал его Черкезову.

Председатель. Вы слышали от Черкезова, что не ему давали проект, а лишнему с ним Иванову, который переписал вам проект и возвратил вам его. Как вы могли забыть, что ночью к Иванову разбудили его и просили переписать проект? Как же, все это сделали сами, а теперь говорите, что не приносили.

Ишутин. Не припомню... Ваше сиятельство, позвольте мне просить очной ставки с Худяковым, я имею много доказательств, что он действительно мне говорил, что он находится в сношениях с Европейским комитетом. Худяков в первых показаниях сказал, что ему сообщал об Европейском комитете, он слышал от своего знакомого Ножина, который принадлежал к с.-петербургской политической партии,—этого ничего не было, но так как господин Ножин умер неестественною смертью в больнице, удавился, как говорят [13], то в этом предположении я заключаю, что Худяков хотел отвести от себя всю преступность его самого. Позвольте мне сказать Худякову, что он лжет.

Председатель. Слушав ваши объяснения, рассудим его и сообщим вам через г. коменданта, что будет решено.

Был введен Юрасов.

Министр юстиции. Известно ли вам, кто преподавал математику в школе Мусатовского, кто объяснял арифметические задачи?

Юрасов. Арифметику я преподавал, по крайней мере в старших классах.

Министр юстиции. Вот тут есть показание, что вы объясняли арифметические задачи самым преступным и безобразным образом.

Юрасов. Я задавал задачи, но никогда в задачах и намеками не говорил об чем-нибудь преступном.

Председатель. От кого же была предложена детям единица и семьдесят два миллиона, которые были поставлены для сравнения, что один ничего не значит против 72-х миллионов?

Юрасов. Не знаю, по крайней мере я ничего подобного не говорил.

Председатель. Что вы знаете относительно Черкезова по Мусатовской школе?

Юрасов. Он там географию, кажется, преподавал; я не присутствовал при его преподавании, но знаю, что он географию преподавал.

Председатель. Какое направление учения было в Мусатовской школе?

Юрасов. Мы старались по возможности облегчать детей, чтоб они больше знали в более короткое время,—мы не придерживались тех учебников, которые вообще введены в преподавании, выпускали вещи, имеющие менее значения, и обращали более внимания на существенные, которые могли им пригодиться в жизни: мы обращали внимание на арифметику, практические сведения из географии.

Министр юстиции. Не преподавал ли еще кто-нибудь математики, кроме вас?

Юрасов. В младших классах сначала, действительно, другой преподавал.

Министр юстиции. Не припомните ли кто?

Юрасов. Не могу припомнить, кто, потому что в младших классах преподавало несколько человек, так как класс разделялся пополам, и у каждого стола был особый учитель.

Был введен Ермолов.

Министр юстиции. Вы были учителем в Мусатовской школе?

Ермолов. Был.

Министр юстиции. Вы естественную историю там преподавали?

Ермолов. Да.

Министр юстиции. В одном из ваших уроков вы, описывая орла, говорили что птица эта хищна, кровожадна, пожирает слабых животных, кроликов, ягнят и других, и потому орел избран для образования герба императорской власти?

Ермолов. Это неправда,—это говорил некто Александров[41].

Министр юстиции. Какой Александров?

Ермолов. Александров был учителем этой школы: я не учил там зоологии, а преподавал анатомию.

Министр юстиции. Географию там преподавал Черкезов?

Ермолов. Да.

Министр юстиции. Какое общее направление учения было в вашей школе?

Ермолов. Я слышал, что Александров говорил про орла.

Министр юстиции. Что вы слышали на счет математического учения о сравнении, которое было сделано между единицей и 72-мя миллионами?

Ермолов. В первый раз я слышал здесь.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Черкезов показал, что Ишутин сообщил вам о своем намерении каким-нибудь действием заявить правительству, что есть недовольные его распоряжениями.

Мотков. Я этого ничего не знаю.

Черкезов. Мотков в квартире Малинина рассказывал ему, что в генваре, на одном из собраний ишутинцев, Ишутин говорил Ермолову и Моткову, что он не может выполнить возложенного на него поручения привлекать к обществу молодых людей, и потому просил разрешения совершить цареубийство.

Мотков. Таких разговоров об цареубийстве не было, я их не передавал Черкезову. Черкезов дурно отзывался об Ишутине, я соглашался с ним; потом Черкезов говорил, что Ишутин неблагоприятно отзывается о Юрасове, я подтверждал это и говорил, что Юрасов обыкновенно сдерживает Ишутина, что Ишутин выражал мнение оставить свою деятельность между молодыми людьми и заняться другою деятельностью, то это он действительно говорил.

Председатель. Что понимаете вы под словами «заняться другою деятельностью»?

Мотков. Он хотел заняться пропагандою между другими людьми, в каком-нибудь другом классе.

Был введен Николаев.

Черкезов (Николаеву). Помните, Николаев, когда было собрание у Шаганова, вы говорили, что нужно заняться пропагандою и устройством кружков преимущественно из семинаристов?

Николаев. Это совершенно верно.

Заседание 10 сентября.

Председатель. Первый, подлежащий к допросу в настоящее заседание,—Маликов. Введите Маликова.

Маликов[45] был введен.

Председатель (Маликову). Объявите ваше имя, отчество и фамилию.

Маликов. Александр Капитонов Маликов.

Председатель. Звание ваше?

Маликов. Действительный студент.

Председатель. Ваши лета?

Маликов. 27.

Председатель. Вероисповедания?

Маликов. Православного.

Председатель. Жительство ваше и занятие ваше?

Маликов. Я был судебным следователем города Холма.

Председатель. А прежде чем занимались?

Маликов. С самого начала я был судебным следователем в Калужской губернии, потом в Псковской.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, действительный студент Александр Капитонов Маликов, 27 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на действительного студента Александра Капитонова Маликова падает обвинение в знании и недонесении правительству о существовании тайных обществ «Организация» и «Ад».

Александр Капитонов Маликов был привлечен к следствию по участию, которое он принимал в предположении устроить в Жиздринском уезде, Калужской губернии, завод на началах ассоциации.

Засим, когда следствием было обнаружено существование тайного революционного общества «Организация» и многие из уча-

---

[1]) Л. № 9, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 63—67.

стьовавших в этом обществе сделали сознание в своей вине и назвали прочих членов, один из сознавшихся главных участников поместил в составленном им списке членов общества и Александра Маликова (т. VI, л. 91). По исследованию этот оговор не подтвердился, напротив того, было доказано, что Маликов на сходках «Организации» никогда не был и в ней участия не принимал, но вместе с сим было обнаружено, что по предположению об устройстве Людиновского завода Маликов находился в сношениях с Ишутиным, Ермоловым, Каракозовым, Загибаловым, Юрасовым, Странденом, Мотковым. Подтверждая это последнее обстоятельство, Маликов показал, что он сочувствовал социальным убеждениям означенных лиц, считал социальные идеи истинными и признавал своим долгом их распространять (т. VI, л. 365)[46].

При таком образе мыслей Маликов легко сблизился с Ишутиным и его товарищами и принял участие в предположении об освобождении государственного преступника Чернышевского (показание Ишутина, т. VI, л. 76).

По показанию Леонида Оболенского, Маликов предполагал жениться на купчихе и часть приданого употребить на освобождение Чернышевского (т. III, л. 318); по показанию жены Оболенского, он уговаривал ее мужа ехать с этой целью в Сибирь и сам намеревался ехать (т. VII, л. 351) и, по показанию Ишутина, он познакомил Юрасова с крестьянином Дарочкиным, с тем, чтобы сей последний сопровождал в Сибирь то лицо, которое будет избрано для поездки за Чернышевским (т. III, л. 174).

Сознаваясь в своем участии в предположении освободить Чернышевского, Маликов объяснил, что в бытность свою в Петербурге он говорил с Елисеевым и Ишутиным о доставлении денег для Чернышевского и знал о намерении Страндена ехать в Сибирь (т. IV, л. 53, т. VIII, л. 322), но был согласен жертвовать деньги не на освобождение Чернышевского, а на улучшение его участи (т. V, л. 67) и считал освобождение Чернышевского делом невозможным (т. VI, л. 306).

Когда в великом посту настоящего года, вследствие поездки Каракозова в Петербург, некоторые из членов общества «Организация» по предложению Моткова решились противодействовать членам общества «Ад» и было положено принудить Каракозова, Ишутина и Ермолова уехать из Москвы, для чего нужно было достать денег, Мотков поехал в Холм к Маликову, который был ему должен 200 р. (т. II, л. 452, 449 об.). При этом свидании Мотков рассказал Маликову о существовании тайных обществ «Организации» и «Ад», показал ему устав «Организации», написанный Шаганом, и обсуждал с ним свои предположения о преобразовании «Организации» (показания Моткова, т. VI, лл. 193, 200, 235). Маликов сделал в этом сознание, при котором подтвердил вполне оговор Моткова и сообщил подробные сведения об обществах «Организация» и «Ад», вполне согласные с

имеющимися об этих обществах в деле сведениями (т. VI, л. 306, 307).

Кроме сего, из дела видно, что Маликов познакомил Ишутина с Худяковым (т. III, л. 164), и по получении известия о покушении, сделанном 4 апреля на священную жизнь государя императора, был сильно встревожен (показание Гернета — т. VI, л. 213, и собственное показание—т. VI, л. 307).

Вследствие сего действительный студент Александр Капитонов Маликов на основании собственного его сознания, подтверждаемого оговором Моткова, обстоятельствами дела и сведениями о личности Маликова и отношениях его к главнейшим членам тайных обществ «Организация» и «Ад», обвиняется в знании о существовании и об истинном свойстве общества, которое имело целью цареубийство, и недонесении о сем до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное в 318 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный действительный студент Александр Капитонов Маликов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение? Признаете ли вы себя виновным в знании и в недонесении об том, что вы знали об «Организации» и «Аде»?

Маликов. Нет, не признаю себя виновным, и если позволите, я представляю те доводы, которые имею, и тогда я смею надеяться, что господа судьи также разделят мое убеждение о моей невинности.

Председатель. Мы здесь сидим для того, чтобы выслушивать ваши объяснения, следовательно, говорите все, что считаете нужным для вашего оправдания.

Маликов. Первый пункт обвинительного акта говорит, что будто бы я сочувствовал социальным убеждениям Каракозова, Ермолова, Ишутина и тому подобных лиц. В моем показании ясно сказано, что я действительно сочувствовал вообще социальным убеждениям, но таким убеждениям, которые выражены авторитетом науки, которые признала сама наука, следовательно, я строго отделяю свои убеждения от убеждений этих людей. Они могли делать какие-угодно выводы из положений науки, давать им какое угодно значение, но я не отвечаю за их убеждения; я же имел убеждения настолько социальные, насколько они были признаны в литературе, а следовательно, и законом. Второе,— что, по показанию жены Оболенского [17], я будто бы подговаривал ее мужа ехать в Сибирь; но это неосновательно, и сам Оболенский, вызванный как свидетель, должен подтвердить, что я не подговаривал его ехать в Сибирь. Далее, я обвиняюсь в том, что хотел часть приданого моей невесты употребить на осво-

ждение Чернышевского. Действительно, я имел намерение жениться в Холму на купчихе, но я не знал, какое за ней приданое, а также и того, мог ли я им распоряжаться без ее согласия: следовательно, вопрос здесь идет об таком обстоятельстве, которое зависело еще от согласия третьего лица, которого еще не имелось. Потом, в обвинительном акте говорится, что, по показанию Нипутина, я будто бы познакомил крестьянина Дарочкина[18] с Юрасовым, который виделся с ним и уговорился с ним об освобождении Чернышевского, но это опровергается самыми обстоятельствами дела, потому что мысль об освобождении Чернышевского явилась в конце июля месяца, а Дарочкина я познакомил с Юрасовым в мае месяце,—каким же образом в этом знакомстве Дарочкина с Юрасовым могла явиться цель та, которая явилась спустя два месяца? Я познакомил Дарочкина с Юрасовым вот по какому случаю,—я ехал с Бибиковым в Жиздринский уезд, навстречу нам попался Дарочкин, который с другим крестьянином ехал хлопотать насчет выдачи суды для устройства завода и насчет уничтожения Мальцевских бумажек[19]. Бибиков, как посредник их, остановил их и сказал, что рассмотрит их претензию и даст совет, как лучше хлопотать, и поэтому он их пригласил в деревню. Тот день, который я провел в деревне, я составил прошение министру финансов; но так как Дарочкин собирался ехать в Москву на-завтра, и я отправлялся в Жиздру, то я не имел ни времени, ни материалов, нужных для того, чтобы написать прошение, потому я остановился на мысли, что, может, обратиться к Юрасову, и тот напишет ему прошение, и тогда мог он отправиться в Петербург,—вот по какой причине и когда я познакомил Юрасова с Дарочкиным. О времени же разговора насчет Чернышевского может подтвердить Елисеев, именно то, что этот разговор был два месяца спустя, то есть в конце июля месяца. Наконец, самое важное в моем обвинении,—это именно оговор Моткова.

В марте месяце, действительно, я получил от Моткова коротенькую записочку, где излагалось глухо, что Мотков желает приехать ко мне весною. Действительно, он прибыл ко мне весною нынешнего года, и когда [я] стал его расспрашивать, что хорошего делается в Москве, он сказал, что много хорошего делается, что с целью распространения социальных идей думают основать общество, цель которого есть устройство школ, открытие библиотек, устройство артели. Я сказал, что вполне одобряю их намерение, и говорил, что такое общество вещь хорошая; при этом я спросил, какие же лица участвуют в этом обществе; он сказал, что большею частью участвуют лица мне не знакомые, при этом я спросил его, а что же делает Юрасов и его товарищи,—они тоже, кажется, имеют социальные идеи. Мотков мне отвечал, что он на этих лиц менее всех надеется; я был удивлен этим и спросил, на каком основании он говорил это; он отвечал, что шпионы с некоторого времени отделяют от

от всех, что они большею частью молчат, а Ишутин смеется над начинаниями устраивающегося общества. Мотков зло отзывался об некоторых из шатовцев, а об Ишутине он сказал, что он корчит красного революционера; я, очень естественно, сказал на это, что в таком случае не следует иметь с ним никакого дела и следует отдалиться от него совсем; «да, наконец,—сказал я,—что смотрит на него его товарищ?» Мотков отвечал мне на это: в том-то и дело, что одни из них молчат, а другие поддакивают ему, наконец, Ермолов, который обещал дать денег для устройства Людиновского завода находится под исключительным влиянием Ишутина, так что, вероятно, Ермолов не даст денег для устройства завода. Так как меня чрезвычайно интересовала мысль об устройстве завода в Людинове, и это мне показалось весьма неприятным. При этом Мотков мне сказал: «хорошо бы было удалить от Ермолова Ишутина и уничтожить его влияние, что для этого есть возможность. Ишутин собирается ехать в деревню, но постоянно отговаривается недостатком денег; если [бы] можно было достать денег и предложить их на поездку Ишутина, то, конечно, [он] не имел бы цели, не имел бы средств отказаться от поездки в деревню, таким образом, тогда бы Ишутин уехал, а Мотков и другие успели бы установить взгляд на Ишутина вполне для него неблагоприятный. Я поверил тому, что Мотков говорил, тем более, что я сам замечал, что Ишутин любит фигурировать на первом плане, был чрезвычайно самолюбив. Мотков при этом обратился ко мне с вопросом: «Не можете ли вы мне дать денег?» Я подумал и сказал, что дам на это денег. В этом состоял решительно весь наш разговор: потом, под конец, Мотков в то же самое время, как рассказывал все это, смеялся над Ишутиным и над шатовцами и сказал, что мефистофельские выходки Ишутина произвели такое дурное влияние на всех, что он потерял уважение до того, что все смеялись над ним и называли его сумасшедшим. Ни об каком обществе «Организации» я ничего не слыхал от Моткова, самого даже слова «Организация» я никогда не слышал от Моткова. Таким образом разговор наш окончился,—я обещал дать ему денег. В день самого отъезда, во время хлопот, когда я отпускал свою сестру с ребенком, которую я просил Моткова проводить до Москвы,—в день отъезда, утром, подходит ко мне Мотков и подает листочек бумажки: это был маленький листочек почтовой бумажки, мелко, неразборчиво написанный; подавая этот листок, Мотков мне сказал: «Вот хотите посмотреть проект устава общества для распространения ассоциации». Я взял в руку эту бумажку и подошел к окну; ко мне тоже подошел Мотков, но в это время вошли в комнату знакомые, которые собирались провожать мою сестру, так что я, не читавши проект, возвратил его Моткову. Очень естественно, что я не желал читать проект, — после того, как я слышал рассказ Моткова, которого я считал автором этого проекта, я предполагал, что в проекте сказано точно то же, что мне говорил Мотков, поэтому у меня не было цели

читать проекта. Я проект, этот считал произведением Моткова и его товарищей. В тот же день, когда Моткову нужно было уезжать, я ему сказал: «Дайте мне ваши бумаги, чтобы взять подорожную». Мотков мне сказал: «мне нельзя дать своих бумаг». «Почему?» я спросил его. «У меня чужие бумаги. Я с чужими бумагами приехал, которые я взял у своего товарища Иванова». Очень естественно, я спросил у него, какая цель у него была ехать с чужими бумагами; Мотков сказал мне, что свои бумаги ему было долго доставать и нужно было выправлять их, а Иванов жил вместе с ним, и бумаги у него были выправлены. Я думал, что из этого ничего не выйдет и не обратил на это обстоятельство внимания, поэтому я должен был взять подорожную на имя своей сестры. В тот же день Мотков уехал, но таким образом вот все, что я знаю [об] оговоре Моткова. Насколько этот оговор справедлив,—я предоставляю справедливости господ верховных судей. Вместе с тем, я прошу обратить внимание на то, что Мотков в своем показании говорит, что он хотел было получить мое содействие для противодействия целям «Ада», но он мне никогда не говорил, что он сам член «Ада», как это видно из показания. Странное дело, от человека, от которого хотел получить содействие, нечего скрывать такой сравнительно ничтожной вещи, т.-е. того, что он сам член «Ада», для которого он желал моего противодействия: но он мне не говорил, что он член «Ада», поэтому я просил бы предложить ему вопрос, говорил ли он мне, что он сам член «Ада». Наконец, Мотков дал мне проект общества «Организации» в день самого отъезда из Холма, утром, и если бы я действительно знал о каких-нибудь противозаконных намерениях Моткова и общества, о котором он мне говорил, в особенности после того, когда получено было в Холму известие о преступлении Каракозова, то, спрашивается, для чего бы я ему дал деньги. Я не был бы так наивен, чтобы не знал, какие последствия влечет за собою такое дело. Я смотрел на дело Каракозова, как на его личный поступок; мне говорили, что Каракозов страдал постоянно меланхолией и был больной человек, покушался на самоубийство, кроме того, я просил Моткова провожать мою сестру, которую я отпустил с ребенком, неужели же я, зная о существовании связи покушения 4 апреля с приездом ко мне Моткова, просил бы его провожать мою сестру? Мало того, с моей сестрою было письмо к ее мужу, в котором говорилось о Чернышевском; очень естественно, что это письмо могло компрометировать меня: вероятно, если я отпустил мою сестру с ребенком вместе с Мотковым, то вероятно, что я не знал, что приезд Моткова ко мне имел отношение к этому делу; кроме того, об поступке Моткова с бумагами я узнал в самый день отъезда.

Что касается до того, что я познакомил Ишутина с Худяковым, то я познакомил их между собой вследствие просьбы самого Ишутина. Это было таким образом. При проезде моем через

Петербурге я там познакомился с Худяковым, говорил ему на счет Людиновского завода, что как трудно устроить такое хорошее дело, потому что нет никаких средств. В то время Худяков сказал: Погодите, я узнаю в Петербурге, у некоторых знакомых, нельзя ли достать средств; когда я приеду в Москву, то побывайте у меня, я сообщу вам результат того, что узнаю». Затем я уехал в Москву и, видевши там Ишутина, говорил, что Худяков хотел приехать в Москву, и что он узнает, можно ли достать в Петербурге какие-нибудь деньги. В это время Ишутин сказал мне: «Говорят, что Худяков хороший человек, мне бы было приятно с ним познакомиться; пожалуйста, передайте ему, что мне сильно хотелось бы с ним познакомиться». Я, конечно, не имел ничего возразить против этого, поэтому, когда был у Худякова, я передал ему желание Ишутина; Худяков сказал, что я увижусь с ним,—вот все решительно, что я знаю о знакомстве Худякова с Ишутиным; зачем Ишутин хотел познакомиться с Худяковым и познакомился ли он с ним,—мне это неизвестно.

Наконец, последнее показание Гернета [50]. Я был потерявшись при получении известия о покушении 4 апреля, то Гернет сам говорит, что он слышал от другого, от Гасабова [51], следовательно, Гернет есть свидетель по слухам, и в этом случае Гасабов сам может служить лучшим свидетелем моего чувства при получении известия о покушении 4 апреля; точно так же Гасабов, который первый сообщил об этом происшествии, действительно, говорил в своем показании, что я был очень встревожен, когда узнал о покушении 4 апреля; но очень понятно, что это такое происшествие, которое на каждого русского должно было произвести такое впечатление, как и на меня.

Председатель. Настоящее ваше показание считаете ли вы совершенно согласным с тем, которое вы прежде давали?

Маликов. Да, я считаю их совершенно согласным, может быть, упустил что-нибудь в своем рассказе.

Граф Панин. В каком университете воспитывались?

Маликов. В Москве.

Граф Панин. Когда вы туда поступили?

Маликов. В университете я кончил курс в 1863 году, а пробыл в университете семь лет.

Граф Панин. Когда вы поступили в университет?

Маликов. Следовательно, я поступил в университет в 1857 году.

Граф Панин. С кем из настоящих подсудимых вы были знакомы, когда были в университете?

Маликов. Ни с кем.

Граф Панин. Когда вы познакомились с Мотковым?

Маликов. С Мотковым я познакомился в 1865 году у моего зятя Оболенского.

Граф Панин. В Москве?

Маликов. Нет, в Твери.

Принц Ольденбургский. Позвольте вас спросить...

Граф Панин. Позвольте, ваше высочество. (Маликову). Когда вы познакомились с Оболенским?

Маликов. Тотчас по выходе из университета.

Граф Панин. То есть в 1863 году?

Маликов. Да.

Граф Панин. На каком основании вы желали устроить Людиновский завод?

Маликов. На основании товарищества.

Граф Панин. Какого товарищества?

Маликов. Полного товарищества между участвующими.

Граф Панин. А последствия этого товарищества какие были?

Принц Ольденбургский. На какой земле вы хотели устроить Людиновский завод?

Граф Панин. Позвольте, ваше высочество, пускай он отвечает.

Маликов. Последствия нашего товарищества были именно те выгоды, которые допускаются законом.

Граф Панин. Это легко говорить, но полагается ли в вашем товариществе общий дележ?

Маликов. Одним словом, наше товарищество было бы устроено на тех основаниях, как допускает закон.

Мы хотели просить разрешения правительства, следовательно, завод мог быть устроен на тех законных основаниях, какие дает сам закон; закон дает три формы; полное товарищество было формою, по которой предполагалось устроить завод.

Граф Панин. Какие это три формы?

Маликов. В законе определены три формы товарищества: на акциях, на вере и, наконец, самая главная форма — это полное товарищество, где один отвечает за всех и все за одного.

Граф Панин. Вы сейчас говорили, что не разделяете тех социальных идей, которые распространяли пропагандисты, и что разделяете те социальные идеи, которые были высказываемы в литературе. В литературе выражались под предлогом передачи теорий, которые существуют за границей, самые крайние идеи. Следовательно, не мешало бы точнее определить предел, до которого доходят ваши социальные идеи.

Маликов. Я сказал, что мои социальные идеи заключаются в том, что целью их было устройство артели и благосостояния членов, которые будут составлять эту артель.

Граф Панин. Но могли ли вы полагать, что, занимая должность по службе правительству, вы могли, действуя по делу о Людиновском заводе, вы могли итти путем противоправительственным?

Маликов. Да ведь мы хотели просить разрешения правительства и мы не видели в этом ничего незаконного.

Граф Панин. Хорошо; но вы собирались просить не у ть

для рабочих, следовательно, приводил отчасти в действие свои намерения относительно Людиновского завода.

Маликов. Я прошение писал к министру финансов об уничтожении бумажек Мальцевского завода.

Граф Панин. Но вы сами побуждали их писать прошение?

Маликов. Я встретил их на дороге,—как же я мог побуждать их [к] чему-нибудь?

Граф Панин. Когда именно вы познакомились с Худяковым?

Маликов. С Худяковым я познакомился летом прошлого года, в мае месяце.

Граф Панин. Когда произошло это знакомство Худякова с Ишутиным?

Маликов. Это уже после.

Граф Панин. Как после?

Маликов. Это было через месяц.

Граф Панин. Кого встречали вы у Худякова?

Маликов. У Худякова я видел жену, потом двух его родственников по жене.

Граф Панин. Вы сейчас объяснили, что Мотков показывал вам устав перед самым отъездом...

Маликов (перебивая графа Панина). В день самого отъезда.

Граф Панин. Вы показали, что не читали того проекта, потому что он был вам известен из разговоров с Мотковым, вы сейчас все это объяснили в том предположении, что объяснениями вашими произведется полезное впечатление насчет ваших действий: но между тем, из этого объяснения видно, что вы знали обо всех замыслах общества,—каким бы образом Мотков обратился к вам с тем, чтобы показать вам проект устава, если не считал вас своим единомышленником?

Маликов. Я совершенно не знаю, каким образом, но дело в том, что он обратился ко мне в самый день отъезда, и сам Мотков может засвидетельствовать, что проект пробыл у меня в руках минуты две или три, так что понятное дело, что я не мог прочесть его и сейчас же возвратил Моткову.

Граф Панин. Да это именно не имеет никакого смысла, что вы объясняете непрочтение проекта тем, что он был объяснен вам в разговоре с Мотковым.

Маликов. Я объяснил, что я слышал от Моткова; потому говорю, что я не интересовался знать содержание проекта, предполагая, что в нем заключается то же самое, что мне говорил Мотков.

Граф Панин. В какое время вы виделись в Москве с другими лицами —с Ишутиным, Странденом и Ермоловым?

Маликов. Это было в то время, когда Худяков приезжал в Москву; я тоже, съездив в Жиздру, съездив из Жиздры, проезжал через Москву, —это было в конце мая. В начале июня месяца я

видел там Юрасова, Ишутина и Страндена. Об Страндене я, впрочем, не помню, в какое время я его видел.

Граф Панин. Вы видели ли их вместе с Худяковым?

Маликов. Нет, не видел, они все вместе жили с Юрасовым, и потому, когда я был у Юрасова, то я видел их всех там.

Граф Панин. Худякова вы у них не встречали?

Маликов. Нет, Худяков у них не был.

Граф Панин. Сколько вы раз их видели?

Маликов. Один раз.

Граф Панин. С согласия ли Мальцева вы хотели устроить завод?

Маликов. Нет, мы ему об этом ничего не говорили.

Граф Панин. Следовательно, вы хотели устроить завод в его имении без его согласия?

Маликов. Нет, это мы хотели устроить на другом месте.

Принц Ольденбургский. Но вы хотели устроить Людиновский завод, а Людиновский завод принадлежит Мальцеву, следовательно, вы хотели устроить его завод без его согласия .. Вы говорите, что вы хотели устроить Людиновский завод?

Маликов. Это только так называется. Но очень ясно, что мы не могли устроить завода на чужих землях без согласия владельца.

Принц Ольденбургский. Но ведь вы хотели устроить Людиновский завод, который принадлежит Мальцеву?

Маликов. Нет, мы хотели устроить другой завод.

Принц Ольденбургский. Людиновский завод... вы хотели устроить его на артельных основаниях, помимо желания владельца?

Маликов. Нет, я говорю, что мы хотели устроить другой завод, не Мальцева.

Принц Ольденбургский. Но на его же земле?

Маликов. Даже и не на его земле.

Граф Панин. Что такое уничтожение бумажек Мальцева?

Маликов. У него были выпущены кредитные бумажки, в роде денег, для расчета с рабочими, — они ходят по всему уезду и совершенно вытеснили государственные кредитные бумажки; для мастеровых это очень тяжело, потому что даже мальцевских бумажек весьма высок на государственную монету, все продукты возвысились в цене, меняла пользуются этим и берут дорого за промен мальцевских бумажек на государственную монету.

Граф Панин. Но они ценились, эти бумажки, имели ценность?

Маликов. Нет, не особенную: Мальцев держит до 50 000 рабочих рук, с которыми он расплачивается своими билетами. Понятно, что раздать билеты 50 000 рабочим, это значит наводнить ими целый уезд.

Председатель. Теперь[1]) введите Ишутина.

---

[1]) В подлиннике: «Теперече».

Ишутин был введен.

Председатель Ишутину. Расскажите, в чем заключались ваши сношения с Маликовым?

Ишутин. Я с Маликовым познакомился у Юрасова; он приезжал к Юрасову с тем, чтобы получить рекомендательное письмо, не сумею вам сказать, для чего; но он хотел ехать в Петербург, чтобы выхлопотать позволения правительства на открытие фабрики на ассоциационных началах, из мальцевских рабочих. Я также потом поехал в Петербург, дабы вместе с ним хлопотать насчет открытия подобной фабрики и по возможности будем, если найдем средство, строить эту ассоциацию. Вот все мои отношения к Маликову, я с ним всего раза два или три виделся и больше с ним я никогда не встречался в Петербурге, я провел вместе с Маликовым дня два или три,—это было летом в 1865 году.

Министр юстиции. Расскажите, какое принимал Маликов участие в предположении об освобождении Чернышевского и какое он оказал содействие [для] поездки за Чернышевским.

Ишутин. Этого я ничего не знаю, я знаю, что Маликов человек бедный, потому тут денежного участия не могло быть, другого какого участия также не могло быть.

Председатель. В какое время, где и по какому случаю Маликов познакомил вас с Худяковым?

Ишутин. Он меня познакомил с Худяковым летом в 1865 г., в июне месяце: когда Худяков приезжал в Москву с целью издать свою книгу, Маликов рекомендовал меня Худякову, так как я мог помочь Худякову в издании его книги.—это в 1865 году в июне месяце.

Председатель. Где это было?

Ишутин. В Москве.

Председатель. Известно ли вам, что Маликов познакомил Юрасова с крестьянином Дарочкиным, а если известно, то объясните нам все, что вам известно.

Ишутин. Крестьянина Дарочкина я не знаю. Я не знаю, какие были отношения у Маликова с Дарочкиным, но я знаю то, что Дарочкин был также в числе рабочих, желавших устроить ассоциацию, вступить в качестве рабочего на эту фабрику.

Принц Ольденбургский. Об какой фабрике вы говорите, на какую фабрику он хотел поступить?

Ишутин. На фабрику, устрочную на ассоциационных началах.

Член суда Пинский. Расскажите, пожалуйста, у кого родилось желание познакомиться с Худяковым, у вас ли первого или Маликов сделал вам это предложение?

Ишутин. Этого я не сумею вам сказать.

Член суда Пинский. Но я ведь спрашиваю вас об ваших собственных действиях, желали ли вы познакомиться с Худяковым?

Пшутин. Я был не против этого.

Член суда Пинский. Я вас спрашиваю, у вас ли родилось желание познакомиться с Худяковым, или вам это Маликов предложил?

Пшутин. Обстоятельно не сумею вам сказать, у меня ли явилось желание познакомиться с Худяковым, или мне это предложили: вот я объясняю, ваше превосходительство, что Маликов познакомил меня с Худяковым по поводу того, что Худяков приезжал в Москву для того, чтобы издать свою книгу.

Член суда Пинский. Я требую от вас возможного,—я спрашиваю вас о собственных ваших действиях. Вы можете отвечать положительно: от вас ли возникло желание сблизиться с Худяковым, или вам это предложил Маликов?

Пшутин. Да, именно это Маликов мне сказал, что он встретился с Худяковым, и что Худяков приехал в Москву издавать свою книгу; при этом Маликов мне сказал: «Не хотите ли, я вас с ним познакомлю?» Но до того времени я даже не слышал фамилию Худякова.

Член суда Пинский. Значит, вы говорите, что мысль познакомиться с Худяковым подал вам Маликов?

Пшутин. Но и я не против этого был.

Принц Ольденбургский. Вы хотели завести Людиновский завод с согласия ли владельца или против его согласия?

Пшутин. Этого я не сумею сказать, ведь народ нынче освобожден.

Принц Ольденбургский. Вы хотели завести завод на его земле, с согласия ли его, или без согласия?

Пшутин. Не сумею я вам этого сказать, во всяком случае это было частное предприятие.

Гаевский (защитник подсудимого). Не припомните ли, когда возникла мысль об освобождении Чернышевского, и какое время?

Пшутин. Кажется, что в начале зимы или в конце осени.

Гаевский. То есть во второй половине прошедшего года. Когда Маликов познакомил Юрасова с крестьянином Дарочкиным?

Пшутин. Кажется в июне месяце.

Гаевский. Следовательно, во всяком случае знакомство с Дарочкиным произошло раньше, чем возникла мысль об освобождении Чернышевского.

Был введен Оболенский.

Председатель (Оболенскому). Объясните, какие предположения были у Маликова относительно освобождения Чернышевского?

Оболенский. Предположений собственно об освобождении Чернышевского я от Маликова не слышал,—он высказывал просто желание оказать ему денежную помощь, но потом даже он раздумал оказать ему и эту помощь; потом, когда я ехал в Мо-

скву, так он просил меня спросить у Юрасова, в каком положении находится это предположение об Чернышевском; я спрашивал об этом Юрасова, но он мне никакого ответа не дал. Таким образом, это дело так и осталось [52].

Министр юстиции. Как узнали вы о намерении Маликова жениться на купчихе?

Оболенский. Он в Холме говорил.

Министр юстиции. Кто говорил?

Оболенский. Маликов.

Министр юстиции. Об том, что хотел жениться на купчихе?

Оболенский. Да.

Министр юстиции. Жениться на купчихе, чтоб часть приданого употребить на освобождение Чернышевского?

Оболенский. Да, он хотел помочь Чернышевскому, но именно освобождение Чернышевского у нас не имелось в виду. Надо заметить, что в разговорах наших мы не могли употреблять этих слов, потому что это слово опасное,—мы говорили таким образом: «на дело Чернышевского», и так далее. Мы знали об стесненном положении Чернышевского, и когда разговаривали об нем, то мы не выражали желания освободить Чернышевского, а просто предполагали помочь ему, то есть дело шло собственно об передаче ему денег.

Гаевский. Говорил ли вам Маликов, что нужно ехать в Сибирь для освобождения Чернышевского?

Оболенский [1]). Нет, не говорил.—может быть, мечтал и думал, но не говорил.

Гаевский. Следовательно, показание жены Оболенского не подтверждается?

Оболенский. Если она показала, так именно потому, что мы иногда при ней разговаривали об Чернышевском.

Гаевский. Говорил ли вам Маликов о собственном намерении ехать в Сибирь?

Оболенский. Он выражался просто, что нужно поехать в Сибирь по делу Чернышевского, вот как собственно у нас был разговор.

Гаевский. Но поехать в Сибирь просто и поехать в Сибирь по делу Чернышевского, но это две разные вещи: говорил ли он просто про поездку свою в Сибирь?

Оболенский. Иногда говорил про поездку по делу Чернышевского, а иногда просто про поездку в Сибирь.

Гаевский. В какое время вы это слышали?

Оболенский. Сначала я слышал тогда, когда мы были в Твери.

Гаевский. В какое это время было, в каком месяце?

Оболенский. В июле кажется, или в июне.

---

[1]) В подлиннике: «Маликов».

Гаевский. Вообще, когда впервые зашла[1]) речь об освобождении Чернышевского?

Оболенский. После поездки его в Петербург; я не помню, когда это было,—в августе или в июле.

Гаевский. В августе или когда?

Оболенский. В августе или в июле.

Маликов. После желание это также высказывалось ли, в сентябре или ноябре?

Гаевский. В Холме также высказывалось это желание?

Оболенский. Собственно об освобождении Чернышевского?

Гаевский. Нет, о поездке в Сибирь.

Оболенский. От поездки в Сибирь он впоследствии отказался совершенно и более не думал ехать туда. В какое время он отказался, вот это я не могу хорошо сказать.

Гаевский. Говорил ли Маликов о том, что он хотел уговорить свою будущую жену употребить часть приданого на устройство Людиновского завода?

Оболенский. Он не говорил, что уговорит ее, а сам думал помочь из тех средств, которые у него будут,—из тех денег, которые он получит, когда женится, а также и из других своих средств.

Маликов. Я желаю только один вопрос предложить: когда вы слушали об моем желании ехать в Сибирь, служить ли, или за чем другим, слышали ли об этом в августе или сентябре, бывши в Холме, одним словом?

Оболенский. Когда вы были в Холме, вы не говорили о поездке Чернышевского.

Маликов. Вот только мне об этом хотелось знать. Я предложил этот вопрос, потому что в июле месяце я искал себе место в министерстве юстиции, место судебного следователя; мне предложили список всех вакантных мест в России, и я получил место в Холму, а раньше у меня было такое намерение, чтобы ехать даже в Сибирь, на том основании, что в Сибири скорее можно получить место, чем в России; но когда в министерстве юстиции мне предложили список вакантных мест, я заявил желание получить место где-нибудь или в Тверской, или в Московской, или в Псковской губернии.

Был введен Мотков.

Председатель (Моткову). Объясните, какие были ваши отношения с Маликовым?

Мотков. С Маликовым я познакомился в 1865 году в Твери у его родственника Оболенского,—он тогда проезжал в Калужскую губернию из Петербурга. Он рассказывал, что ездил в Петербург по делам службы, говорил, что в Калужской губернии

[1]) В подлиннике: «взошла».

устраивается завод на артельном начале. Потом я видел его в Москве в сентябре месяце в 1865 году,—я видел его несколько минут в комнате Ишутина; затем в 1866 году, в марте месяце, я был у него и был намерен пригласить в общество «Организацию», так как я надеялся найти в нем человека, который будет противодействовать Ишутину и его товарищам [во] введении устава и тому подобного; но я не сделал этого предложения просто потому, что он был намерен приехать в Москву в начале лета, и я отложил свое предложение до того времени, но я говорил ему, что в Москве у нас устраивалось общество экономическое для экономической пропаганды, но я не сказал, какое это общество, и вообще не говорил подробности: он меня расспрашивал об этом обществе, я сказал ему, что для этого общества был написан устав, и предложил ему просмотреть этот устав. Разговор об уставе происходил у нас уже перед самым моим отъездом: прочесть устав Маликов не успел, потому что ему помешали, так что я взял устав обратно. Не показывал я устава Маликову потому, что он не соответствовал цели нашего общества, о чем я, впрочем, сказал уже раньше, но также и потому, что он смотрел на тайное общество, как на плохое средство: это я узнал вот почему: когда был у него, мы читали Шлоссера, и именно по поводу тайных обществ, их неуспешных действий; Маликов заметил, что это отжившие средства, что в настоящее время люди не прибегают к таким средствам, поэтому я считал за лучшее не показывать Маликову проект. Я говорил Маликову, что в нашем кружке идут несогласия между Ишутиным, его товарищами и остальными, и именно, что Ишутина подозревали в крайних революционных идеях, но что Ишутин никогда не высказывается определенно, потому мы не знали, что с ним делать. Потом, после, пришло известие о покушении 4 апреля, и Маликов находился в некотором смущении, потому что знал, что это дело Каракозова; я говорил ему, что перед моим отъездом высказывались некоторые подозрения относительно Каракозова, что мы не были уверены, что он поехал с этою целью, но все-таки мы допускали возможность, что он совершит покушение. Маликов спросил меня, как же мы не приняли мер против этого; я говорил, что мы говорили Худякову об этом, и Худяков обещал открыть об нем полиции; потом, когда я взял следующий номер газеты, я там прочел, что, действительно, полиция знала, что она была извещена, что на жизнь государя императора будет покушение[55], что ходил слух, что полиция сопровождала государя императора, и из Холма я уехал в полной уверенности, что, действительно, Худяков известил полицию.

Председатель. Я не нашел той ясности, которая бывает обыкновенно в ваших объяснениях. Вы говорите, что Маликов вас расспрашивал насчет общества, что вы дали ему устав, потом ему помешали его читать.

В чем состояли эти расспросы, которые он делал и которые вас побудили дать ему устав и который вы получили в то же вре-

мя назад, потому что ему помешали прочесть устав? Но в чем состояли разговоры, вследствие которых вы ему дали прочесть устав?

Мотков. Я ему сказал, что в Москве устроилось общество для экономической пропаганды; он спрашивал, как же вы будете пропагандировать; я ему отвечал, что, понятное дело, будем учреждать ассоциации и распространять социальные, экономические учения; потом он спрашивал также, кто принимает участие в этом обществе; я ему отвечал, что в этом обществе участвуют люди, которые ему известны, потом еще много неизвестных; потом он спрашивал, устроено ли это общество, или только есть намерение его устроить; я говорил, что нет, общество еще не устроено, но, впрочем, уже написан проект устава этого общества, который, однако, не соответствует цели этого общества.

Член суда Инский. Это чей проект?

Мотков. Шаганова.

Министр юстиции. Он вам возвратил этот проект в Холму?

Мотков. Это был один момент,—я положил устав на стол, в это время подошел Маликов и взял проект со стола.

Министр юстиции. Что вы сделали с этим проектом?

Мотков. Уничтожил.

Председатель. Вы говорите, что положили проект на стол, и сейчас Маликов сказал, что вы сами подошли к нему и подали ему устав.

Мотков. Устав у меня выпал из жилета, и Маликов, кажется, поднял его.

Председатель. Напротив того, его показания совершенно согласны с вашими прежними показаниями: он показал, что проект был написан на какой-то бумажке, до того мелко исписанной, что он должен был подойти к окну, чтобы разобрать его; как вы согласны с тем, что он показывает, что вы подали ему проект и вместе с ним подходили к окошку и начали было уже читать, но вам помешали, -как вы согласны с этим ваше показание, что вы положили проект на стол, и Маликов взял его со стола?

Мотков. Я точно обстоятельств этого не могу припомнить, но помню, что я сидел у стола, стол стоял недалеко от окна, у стола сидела сестра Маликова, а он все ходил по комнате и подошел ко мне, и вот тут уже, как было,—я не помню.

Председатель. Когда вы именно ссудили деньгами Маликова?

Мотков. У меня не Маликов брал лично деньги, а брал их у меня Оболенский, который говорил, что передал их Маликову. Маликов брал деньги в разное время, когда проезжал через Москву, потом брал еще, когда жил в Москве в 1865 году.

Председатель. По из ваших слов видно, что вы нередко видели Маликова; случалось, что вы несколько раз видели его?

Мотков. Оболенского я точно так [же] несколько раз видел.

Председатель. Из каких же разговоров вы заключили, что Маликов может быть привлечен в Организацию с той целью, чтобы противодействовать шпатовцам?

Мотков. Частью из разговоров с Оболенским, а частью из личных разговоров с Маликовым в Твери. Маликов говорил об ассоциациях и находил их полезными для рабочего класса, потом Маликов был согласен в выборе книг, которые я читал, но при этом он не высказывал никаких крайних революционных идей, так что я заключил, что он имеет те же понятия, которые и я имею, и что он будет точно так же противодействовать революционным идеям.

Гаевский. Вы показали, что не помните, отдали ли вы проект устава в руки Маликову, или положили его на стол; припоминаете ли: читал ли Маликов этот проект?

Мотков. Я помню, что он его не читал, потому что этому помешали.

Маликов. Помните, сколько времени был в руках у меня проект?

Мотков. Я не могу [с] точностью этого припомнить, но не более одной или двух минут.

Маликов. Сказал ли я какое-нибудь мнение свое?

Мотков. В показании своем я уже сказал, что вы никакого мнения не высказывали, вообще вы никогда не старались показывать своих мнений.

Гаевский. С какою целью Маликов или Оболенский давали вам деньги?

Мотков. Маликов давал мне деньги, потому что я его просил лично для меня. Надо, ваше сиятельство, сказать, что я также имел поручение от моих товарищей взять от Маликова деньги для «Организации», но тогда собственно я не понимал, для чего нужны деньги, я им и прежде возражал, что для наших противодействий Нечушину и его товарищам денег не нужно, поэтому об этом я не говорил Маликову и деньги взял лично для себя.

Председатель. Это в полном противоречии с тем, что вы объясняли прежде, потому что вы показали, что брали деньги для того, чтоб удалить шпатовцев, это ваше показание: даже и здесь то же самое говорили.

Мотков. Быть может, я не вполне определенно выразился; мне говорили товарищи, чтобы я взял у Маликова денег; потом, когда я уезжал, я сказал им, что возьму деньги, но я не говорил Маликову, что беру у него деньги для общества «Организации».

Член суда Пинский. Вы смешиваете два обстоятельства: относительно себя вы сознавались, что, познакомившись противодействовать Нечушину, вы в числе средств противодействия им, вы полагали удаление их из Москвы, что для этого вам нужны были деньги, что с этою целью вы поехали в Холм

взять у Маликова деньги на высылку Ишутина и других из Москвы.

Мотков. Ваше высокопревосходительство, я, действительно, с этою целью поехал к Маликову и взял такое поручение от товарищей, но я не говорил об этом Маликову.

Член суда Пинский. Вот теперь другой вопрос. Сообщали ли вы об этом Маликову?

Мотков. Нет.

Председатель. На чем основано было то, что товарищи ваши поручили вам взять деньги от Маликова для этой цели?

Мотков. На том обстоятельстве, что я сказал им, что Маликов брал у меня деньги.

Председатель. Какие деньги? Какую сумму? Разумели вы те двести рублей, которые вам был должен Маликов, которые вы давали Оболенскому, а он передал Маликову,—так эти ли двести рублей или большую сумму вы имели в виду?

Мотков. Я подразумевал несколько большую сумму.

Граф Панин. Я сделаю одно замечание: г-н председатель сказал, что вы не выражаетесь сегодня с полной откровенностью, это вполне доказывается; нужно, чтобы вы приняли в соображение, что ваша вина в известной мере уменьшается тем, что вы противодействовали крайним замыслам ишутовцев; теперь это ваше старание будет взвешено в свое время, но чтобы взвесить это, необходимо, чтобы вы показывали вполне откровенно.

Гаевский. Предлагали вы Маликову поступить в общество для противодействия ишутовцам?

Мотков. Я не предлагал ему поступать в общество, но о том, что у нас устраивается общество, я говорил ему.

Гаевский. Объявляли Маликову, что сами принадлежите к какому-нибудь обществу к Организации или к Аду?

Мотков. Я ему никакого названия не говорил.

Гаевский. Маликов утверждает, что будто бы вы сказали ему про «Ад» шуткою.

Мотков. Может быть, я ему это и говорил, но решительно не помню.

Гаевский. Какие отношения Маликов был [к] членам вашего кружка Каракозову, Странден и Ермолову?

Мотков. Каракозов, Странден, Загибалов и Ермолов, сколько мне известно, не имели никаких отношений к Маликову; он был знаком хорошо только с Юрасовым, с которым он рассуждал о Люциновском заводе, потом он был знаком с Ишутиным. С Ишутиным он был в Петербурге у Елисеева; там они говорили об освобождении Чернышевского.

Гаевский. Те бумаги, с которыми вы приезжали к Маликову, были ли ваши, или Иванова, и когда узнал об том Маликов, что вы приезжали с бумагами Иванова?

Мотков. Мне не известно, узнал ли Маликов об этом раньше, как перед самым отъездом.

Гаевский. По подорожная при вашем отъезде на чье имя была взята?

Мотков. Подорожная была выдана на имя его сестры.

Гаевский. По чьему паспорту?

Мотков. По ее паспорту... Вы (председателю) сказали, что я был сегодня неоткровенен; я сознаюсь, в некоторой неоткровенности, но только не теперь, когда я давал показания об Маликове, но в прежних моих показаниях. Я чувствовал всю величину того обвинения, которая ложится на меня при объяснении своей посылки к Маликову: я настаивал на том, что рассказывал ему, для чего я у него беру деньги, и таким образом я думал, что Маликов меня поддержит, и будет яснее доказано, что я, действительно, думал противодействовать шпатовцам: но я сознаюсь теперь, что я прежде показывал несправедливо, но в настоящее время я откровенен.

Маликов. Скажите, кроме того, просил ли я вас, чтобы [вы] сопровождали мою сестру, отпускал ли я ее с вами и с ребенком?

Мотков. Да.

Маликов. Потом, во второй раз, вы поехали с ней, я просил вас провожать ее до Москвы?

Мотков. Да.

Председатель. Какое теперь ваше объяснение справедливо, мы в затруднении, которому из ваших показаний должно верить: то показание, которое вы давали прежде, вы положительно утверждали: теперь вы говорите, что то, что вы прежде говорили, то было несправедливо. Я не требую ответа на мои слова, но это показывает, как важно то, как граф Панин вам объяснял, чтобы мы были положительно уверены, что высказываете с чистосердечием все то, что вам известно, что таким показаниям только можно дать веру, иначе вы отнимаете всякую возможность давать какую-нибудь веру вашим показаниям; вы объяснялись несколько раз очень ясно и чисто, но сегодняшнее ваше объяснение не в пользу вашу, следовательно, придите в себя и постарайтесь быть чистосердечным.

Был введен Худяков.

Председатель (Худякову). С какою целью познакомил вас Маликов с Ишутиным?

Худяков. С Ишутиным я хотел издавать в Москве книги. Ишутин хотел мне в этом помогать, потом он хотел мне предложить редакцию народного журнала[54], кроме того, Ишутин об заводе хлопотал; потом Ишутин раз был в Петербурге и заходил ко мне. Я Маликова очень мало знаю, всего раза два или три видел.

Председатель. Так он вас желал познакомить с Ишутиным?

Худяков. Он мне только говорил, что Ишутин желает со

мне не познакомиться: собственно, познакомился с Ишутиным я после, у Спиридовых, на даче, помимо Маликова.

Министр юстиции. Когда вы познакомились с Маликовым, по какому случаю?

Худяков. Маликов был в Петербурге у меня.

Министр юстиции. Когда?

Худяков. В мае месяце, весною.

Министр юстиции. По какому случаю?

Худяков. Он привозил статью ко мне от Елисеева.

Гаевский. Познакомил ли вас Маликов лично или предоставил самим познакомиться?

Худяков. Маликов сказал мне собственно, что Ишутин будет у Спиридовых, и что у Спиридовых я могу познакомиться с ним; там я с ним и познакомился.

Гаевский. Не привел ли вас Маликов к Ишутину, или Ишутина привел к вам?

Худяков. Нет, мы сами познакомились.

Гаевский. Одним словом, можете ли вы сказать, что Маликов вас лично познакомил или передал вам желание Ишутина?

Худяков. Да, только передал желание Ишутина.

Был введен Гернет [1]).

Председатель (Гернету). Скажите, какое впечатление произвело на Маликова известие о покушении 4 апреля на жизнь государя императора?

Гернет. Он, получивши это известие, испугался, но вследствие того, что знал фамилию Каракозова, но он не знал его лично, слышал только об нем.

Председатель. Вы никаких особенных обстоятельств не заметили,—скажите все, что вы знаете.

Гернет. Больше ничего не смогу сказать.

Министр юстиции. Когда и где вы видели его после получения известия об покушении 4 апреля?

Гернет. Я видел его только в Холму, больше нигде не видел.

Министр юстиции. Вы сами в то время были в Холму?

Гернет. Я был в Москве, когда было совершено покушение на жизнь государя, но потом отправился в Холм для того, чтобы предупредить Моткова о том, что его отыскивают, чтобы он ехал в Москву и не навлекал бы на себя подозрения, что он скрывается.

Принц Ольденбургский. Вы знали Моткова?

Гернет. Я его знал в продолжении целого года.

Принц Ольденбургский. Когда вы познакомились с Мотковым и по какому случаю?

Гернет. Случая особенного не было, я с ним случайно встретился.

---

[1]) В подлиннике здесь и далее: «Вернет».

Принц Ольденбургский. Вы студент?

Гернет. Нет, не студент.

Принц Ольденбургский. Кто же вы такой?

Гернет. Дворянин.

Принц Ольденбургский. Нигде не учились?

Гернет. Воспитывался в Павловском кадетском корпусе.

Гаевский. Когда вы виделись с Маликовым в первый раз после покушения 4 апреля? Этот вопрос был уже вам предложен, но вы на него не отвечали.

Гернет. 24-го числа, когда я приехал к Моткову в Холм.

Гаевский. Следовательно, спустя 20 дней после покушения, так что вы сами не могли видеть, какое впечатление произвело известие о покушении на Маликова. От кого вы слышали, что на Маликова [известие] о покушении 4 апреля произвело сильное впечатление?

Гернет. От Гасабова.

Гаевский. Значит, вы не лично знаете то, что говорите, вы свидетель по слуху?

Гернет. По слуху.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Знакомил ли вас Маликов с Дарочкиным и какая цель этого знакомства?

Юрасов. Дарочкина я видел в Москве. Дарочкин проезжал в Петербург хлопотать по какому-то делу, я был у Маликова и тут встретил Дарочкина. Дарочкин тогда говорил об заводе, на котором он работает, говорил о плохом состоянии рабочих, и что рабочие очень бедствуют, получая маленькое жалованье; тогда мне в голову пришла мысль заняться устройством этого завода, с тем, чтобы, сначала управляя этим заводом на началах простого хозяина, потом передать его в ведение самих рабочих, в их собственное распоряжение, когда оплатятся те деньги, которые будут затрачены на завод. Вот с Маликовым и Бибиковым мы говорили об том, сколько будет стоить устройство завода, каким образом лучше его устроить. Маликов знал об этом заводе и тоже с своей стороны хлопотал об том, чтобы достать денег за небольшие проценты для устройства завода.

Председатель. Я вас спрашивал, какая была у вас цель знакомства с крестьянином Дарочкиным?

Юрасов. Тут цели особенной не было, - я рассказывал, каким образом я познакомился с Дарочкиным,—чисто случайно я познакомился с ним у Маликова и Бибикова, когда они были в Москве, где в то время был и Дарочкин.

Гаевский. Когда именно Маликов познакомил вас с Дарочкиным?

Юрасов. В 1865 году, в апреле или мае месяце, вот так.

Гаевский. Когда возникла мысль об освобождении Чернышевского?

Юрасов. Это после.

Председатель. Вы не упомянули об том, что предполагалось ли у вас с Маликовым употребить Дарочкина для вспомоществования освобождения Чернышевского.

Юрасов. Маликов в этом никакого участия не принимал. Вот Бибиков говорил с Дарочкиным, и Дарочкин, вероятно, согласился бы ехать в Сибирь, если бы ему дать хорошие средства и, вместе с тем, если обеспечить его семейство.

Маликов. Вам, господин Юрасов, известно, имел ли я с вами или вашими товарищами противозаконное отношение?

Юрасов. Относительно этого я могу сказать то, что Маликов знал о заводе, сочувствовал ему, и из разговора, который я имел с ним, было заметно, что дальше этого он ни чему не сочувствует, и он не принадлежал ни к какому обществу.

Был введен Елисеев[55]. Елисеев находится на свободе и приведен к присяге.

Председатель. Расскажите во всей подробности разговор, который вы имели с Маликовым об Чернышевском?

Елисеев. Это было так давно, что не только не помню того, что было говорено о Чернышевском, но я даже не помню, что у нас был такой разговор.

Председатель. Вы после учинения присяги, памятуя всю святость ее, утверждаете, что не помните разговора об Чернышевском, не знаете даже, был ли такой разговор?

Елисеев. Так точно, не помню, был ли у нас разговор об этом.

Гаевский. В таком случае, позвольте спросить вас, в чем состояли ваши отношения к Маликову?

Елисеев. Мои отношения к Маликову состояли в том, что Маликов просил у меня совета по Мальцевскому делу.

Член суда Пинский. Какое это дело?

Елисеев. Мальцевское дело, как мне говорил Маликов, сколько я припомню, состоит в выпуске Мальцевым ассигнации, которые он выдавал рабочим вместо денег, так что, наконец, ассигнации эти потеряли всякую ценность, и их никто не стал брать.

Председатель. Он на этом не остановился? Он объяснил, вероятно, какое влияние было вследствие упадка ассигнаций и что он замышлял?

Елисеев. Маликов хотел просить начальство об том, чтобы это злоупотребление было прекращено и чтобы крестьянам была оказана помощь.

Председатель. Упоминал ли он вам о мере, какая могла [быть] принята относительно бумажек Мальцева, не упомянул ли он вам какой-нибудь меры, которая могла бы улучшить положение крестьян?

Елисеев. Этого не было сказано, я рассказываю то, что я слышал.

Председатель. Говорил ли вам Маликов, чтоб вы достали денег для улучшения участи Чернышевского?

Елисеев. Как, чтоб я достал денег для помощи Чернышевскому?

Председатель. Найти ли денег, или другое что, одним словом, не было ли у вас разговора об освобождении Чернышевского?

Елисеев. Нет.

Маликов. Вы можете сказать, когда я познакомился с вами и в какое время?

Елисеев. Вы познакомились со мною весною прошлого года.

Маликов. Не можете ли упомнить месяц и где: в Петербурге или в Москве?

Елисеев. В Петербурге, месяца не припомню.

Маликов. Приблизительно.

Елисеев. Это, вероятно, было в мае месяце, потому что я приехал из Москвы и тогда видел его.

Председатель. Надобно прочесть показание Дарочкина.

Секретарь прочел показание Дарочкина.

Председатель. Не име[ете] ли вы чего-нибудь объяснить?

Маликов. Я именно хотел сказать насчет письма: письмо это дал я; Бибиков не знал Юрасова; наконец, прошение составлял я.

Маликов был уведен, а Кутыев[66] приведен.

Председатель (Кутыеву). Объясните ваше имя, отчество и фамилию, лета и звание, вероисповедание.

Кутыев. Николай Яковлев Кутыев, дворянин, 26[1] лет, вероисповедания православного.

Председатель. Жительство где вы имели? Какие были ваши занятия?

Кутыев. Родился в Пензенской губернии, воспитывался в пензенском институте.

Председатель. Занятие ваше?

Кутыев. Потом я отправился в Москву для поступления в университет, был в университете, потом перешел в Петровскую академию.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[2],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, дворянин Николай Яковлев Кутыев, 26 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на дворянина Николая Кутыева падает обвинение в том, что [он] знал об устройстве тайного революционного общества под названием «Ад».

---

[1]) В подлиннике «34». [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 69—70.

Принадлежа в 1863 году к обществу, имевшему целью распространение между студентами социалистических идей, дворянин Кутыев посещал сходки, на которых разъяснялось учение социализма и вменено было составлять отдельные кружки по губерниям; затем, по возвращении 6 января 1866 г. в Москву, из которой уехал в марте 1864 г., сошелся с своими бывшими товарищами дворянин Страшен и др. и был приглашен поступить в общество, на открытие которого предполагалось испросить разрешение правительства и которое должно было иметь целью взаимную помощь посредством издания книг и переводов, при чем Страшен передал ему, что общество их есть преддверие, из которого будет переход в общество под названием «Ад», цель которого произвести в России революцию посредством пропаганды в обществе и народе устройством ассоциации (показание Кутыева, л. 22—32).

Вследствие сего дворянин Николай Кутыев обвиняется в знании об учреждении тайного общества, имевшего[1] целью ниспровергнуть правительство во всем государстве и недонесении о сем преступлении, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о нак.

Поэтому вышепоименованный Кутыев предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в этом преступлении?

Кутыев. Признаю.

Председатель. Что вы хотели сказать?

Кутыев. Мне никто ничего не объяснил об Аде, мне Страшен передавал только сравнение, он говорил, что есть другое общество.

Председатель. Что же он говорил?

Кутыев. Он говорил в роде сравнения, что это преддверие, из которого переход в Ад, но цели его не объяснил.

Председатель. К какому обществу вы принадлежали в 1863 году?

Председатель. Где была книга, в которую записывались распространением грамоты, школ, мастерских на ассоциационном начале.

Председатель. По возвращении вашем в Москву вы пристали к тому же кружку. Как вы нашли этот кружок, — без перемены или распространившимся и имевшим другие цели?

Кутыев. Этот кружок изменился.

Председатель. Как обширен был кружок, когда по воз-

---

[1]) В подлиннике: «имевшем».

вращении вашем вы стали посещать этот кружок, чем там занимались?

Кутыев ничего на это не сказал.

Председатель. В январе 66 года кто вас принимал в новое общество?

Кутыев. Страшден.

Председатель. Как вам объяснили цель этого общества, в которое вас приглашали?

Кутыев. Устройство артелей.

Председатель. Тогда это бы не было[1] новое общество, если его была та же самая цель.

Кутыев. Я пришел в это общество. Тут лежала книга, в которой записывались члены. Это общество было без разрешения правительства, но хотели просить разрешения правительства. Меня просили в него записаться членом.

Председатель. Где была книга, в которую записывались члены?

Кутыев. Это была собственно не книга, а лист бумаги. Я сам не записывался, но меня записали другие.

Председатель. Вы сами не записывались, но вы не видели, многие были там записавшись?

Кутыев. Многие записались.

Тимрот (защитник подсудимого). Из дела видно, что подсудимый Николай Кутыев в 66 году был только на одной сходке, в январе месяце, и все впечатления свои вынес из этой одной сходки, в которой был предложен проект устава общества. Больше он ничего не знает. Это его единственное показание. В деле об Кутыеве нет никаких свидетелей, кроме Страшена, который должен будет показать из его же слов.

Был введен Страшден.

Председатель (Страшдену). Объясните все, что вы знаете относительно Кутыева, о принадлежности его к тем обществам, в которых он был как в 64 году, так и в 66.

Страшден. В 64 году общества никакого не было, кроме того, что на квартире чьей-нибудь сходился кружок знакомых, но там Кутыев никакого участия не принимал.

Председатель. В 66 году кто пригласил Кутыева в «Организацию»?

Страшден. В 66 году он не принял жалк «Организации».

Министр юстиции. Что вы ему именно говорили об обществе, в которое вы приглашали его вступить?

Страшден. Это об обществе взаимного вспомоществования?

Министр юстиции. Нет, о другом обществе, имевшем

[1]) Далее следует: «не было».

целью произвести в России революцию, — что именно вы говорили?

Страшден. Я не знаю, я ничего не говорил ему об этом.

Принц Ольденбургский. В каком это обществе был какой-то лист, на котором записывались члены?

Страшден. Это об обществе взаимного вспомоществования там записывались.

Принц Ольденбургский. Про «Ад» вы ему ничего не говорили?

Страшден. Не только про «Ад», про общество «Организацию» ничего не говорил.

Кутыев был уведен, Маркс[1] [57] был введен.

Председатель (Марксу). Объявите ваше имя, отчество и фамилию, лета, вероисповедание, жительство, занятия.

Маркс. Максимилиан Маркс, католического вероисповедания, 50-ти лет.

Председатель. В чем состояли занятия ваши по настоящее время?

Маркс. Учитель географии.

Председатель. Позволяет ли вам здоровье ваше отвечать на все вопросы, которые вам будут сделаны?

Маркс. Постараюсь отвечать [58].

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[2].

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного 29 июня 1866 года, учитель Максимилиан Осипов Маркс, 50 лет.

По обстоятельствам дела из учителя Максимилиана Маркса падает обвинение в доставлении средств для совершения преступлений тайному обществу, имевшему целью ниспровержение правительства во всем государстве и в недонесении об укрывательстве дворянином Мацевским польских политических преступников.

При производстве следствия о преступном покушении на жизнь государя императора дворянин Шаганов показал, что Юрасов и другие его товарищи, объясняя о предположении освободить государственного преступника Чернышевского просил его достать яду. Он был знаком с учителем Трусовым и обратился к нему с просьбой добыть яду, а Трусов его познакомил с учителем Марксом, который ему дал стрихнин, и он передал его Загибалову (т. V, л. 275).

Трусов, подтверждая это показание Шаганова, объяснил, что

---

[1]) В подлиннике здесь и далее: «Маркус». [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 72—75.

ему Шаганов говорил, что яд им нужен для самоубийства, если не удастся освободить Чернышевского (Моск. д., л. 5).

Обвиняемый Маркс показал, что Трусов ему рекомендовал Шаганова, который, придя к нему, говорил о существовании у них революционного общества, многочисленного, раскинутого по Волге, и просил яду для отравления Каткова. Яд этот он достал от провизора Ланггауза и передал его в первый день пасхи Шаганову. Когда же ему, Марксу, было объявлено, что яд дан был не для Каткова, Маркс объяснил, что Трусов, излагая ему просьбу Шаганова о стрихнине, сказал, что русские хотят начать революцию, и стрихнин им для того нужен. После того, при встрече его с Шагановым о цели, для которой назначался яд, говорено не было, но зная из разговора с Трусовым, что русские хотят начать революцию, он понимал, что стрихнин назначался на жизнь государя императора. Он видит весь огром[1] своего преступления и повергает себя с покорностью заслуженной казни, тем более, что во мраке душевной деятельности он сделался участником покушения на жизнь государя императора. При последнем свидании с Шагановым после 4 апреля, последний уверял что выстрел есть дело изолированное, не происходящее из организации революционного общества, прибавив при этом: «не та была бы обстановка». Независимо от сего, Маркс показал, что ему было известно, что дворянин Маевский способствовал побегам и снабжал деньгами и фальшивыми паспортами политических преступников Оржеховского, Олтаржевского и Верницкого, и что он, по поручению Маевского, ездил в 1864 г. в Петербург к Мокржицкому[2] с письмом. Мокржицкий дал ему фальшивые паспорты, сказав: «вот ответ Маевскому», а он, испугавшись, возвращаясь в Москву по железной дороге, их уничтожил. (Моск. д., л. 101, и след., 120—122).

Провизор Ланггауз подтвердил показание Маркса относительно того, что ему дал яд стрихнин в 1-й день пасхи 1866 г. (т. VIII, л. 177 и 184).

Хотя учитель Максимилиан Маркс показал, что, давая яд Шаганову, он понимал, что яд назначается на жизнь государя императора, но как по обстоятельствам дела яд, который у него просил Шаганов, был предназначаем не для этой крайне преступной цели, а для других преступных целей тайного революционного общества под названием «Организация», то он, Маркс, обвиняется в доставлении средств для содеяния преступлений тайному обществу, имевшему целью ниспровержение правительства во всем государстве, что составляет преступление, предусмотренное 13 и 250 ст. Улож. о нак., и в недонесении об укрывательстве Маевским польских политических преступников, т. е. в преступлении, предусмотренном 316 и 126 ст. Улож. о нак.

---

[1] Так в подлиннике. [2] Мокржицкий заочным приговором военного суда присужден к каторжным работам. (Прим. подл.)

Посему вышепоименованный Марке предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение, вы читали вам обвинительный акт, признаете ли вы себя виновным в тех преступлениях, которые взведены на вас?

Маркс. Признаю.

Председатель. Говорил ли вам Шаганов, что выстрел 4 апреля есть дело изолированное, не происходящее из Организации»?

Маркс. Говорил.

Председатель. Знали ли вы о том, что Маевский способствовал побегам политических преступников?

Маркс. Знал.

Граф Панин. Господин Маркс, вы видите из вопросов, что цель Верховного Уголовного Суда есть удостовериться только в том, что казалось объяснений, вами данных, что, конечно, все будет взвешено, все то, что будет в вашу пользу, но есть одно обстоятельство, по которому бы я желал, чтобы вы дополнили ваше объяснение. Вы были знакомы с Маевским, — что вы знали об деятельности Маевского?

Маркс. Больше ничего не могу сказать, я все сказал: что припомню еще, так скажу.

Председатель. Стрихнин вы дали Шаганову?

Маркс. Я дал, не помню только в первый или во второй день пасхи.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Маркс давал вам стрихнин? С какою целью?

Шаганов. Маркс передал мне стрихнин, но я не к нему прямо обратился, я к Трусову сперва обратился, — я сказал ему, что у нас имеется в виду освободить Чернышевского, что для нас ему нужен какой-нибудь яд и паспорт для проезда в Сибирь. Трусов обещал мне познакомить с одним знакомым ему полковником, что завтра будут именины его жены, чтоб я пришел в этот день к нему, что таким образом я буду видеться с тем, кто мне нужен. Я пришел к Трусову. Тут я увидел Маркса, и я познакомился с Марксом. Он мне сказал: Я знаю вашу просьбу и исполню ее, мы не будем говорить между собою, для чего [1] и что. Действительно, Маркс достал яд и передал мне его, но паспорта не достал. Яд я передал Страндену.

Министр юстиции. Не припомните ли вы, в чем Маркс принес вам яд?

[1] Далее зачеркнуто: «нам нужен яд».

Шаганов. Марке не приносил мне яду, я сам пришел за ядом к нему на квартиру, и Марке отдал мне яд на квартире, завернутый в маленькой бумажечке, свернутой в величину содового порошка.

Серебряный (защитник Маркса). Не было ли у вас каких разговоров об революционном обществе?

Шаганов. Такого разговора у нас не было. Я сказал, что точно, существует кружок, но об революционном обществе ничего не говорил, так [как] сам не знал о существовании такого общества.

Серебряный. Для какой же цели и о чем вы говорили, когда просили яд?

Шаганов. Он сам мне сказал: Я вашу просьбу знаю, не буду спрашивать, зачем, но вы также не спрашивайте меня, откуда и что». Но потом он меня спрашивал, для какой цели мне нужен был яд. Я ему отвечал, что для поездки в Сибирь для освобождения Чернышевского.

Серебряный. Вы не помните ли, при свидании вашем после 4 апреля, какой у вас был разговор с ним об этом преступлении?

Шаганов. Не помню.

Серебряный. Но вы помните, видели ли вы Маркса после этого события?

Шаганов. Не помню.

Был введен Трусов.

Председатель (Трусову). Вы познакомили Шаганова с Марксом; с какою целью вы его познакомили?

Трусов. Ваше сиятельство, был у меня Шаганов; после моего разговора с Шагановым о Чернышевском и о яде я говорил с ним об научных делах, о том, что я хочу заниматься практической механикой в приложении к статистике. Я говорил ему, кроме того, что в этом мне мой знакомый поможет, который занимается географией и статистикой. Я говорил вообще, что общими силами хотел бы популяризировать науку, сделать вообще доступными научные сведения. Шаганов просил меня, чтоб я ему позволил участвовать в моем предприятии и познакомил бы с моим знакомым. Вследствие этого я и предложил Марксу, угодно ли ему познакомиться с Шагановым или нет.

Министр юстиции. Говорили ли вы Марксу, что русские хотят начать революцию, что им для этого нужен яд? Кого вы разумели, каких русских, какие они имели цели?

Трусов. Я этого не говорил Марксу, — я не знаю об том, будет ли революция, какая или нет. Не говорил также ему о стрихнине: я говорил только, что молодой человек из русских желает познакомиться с ним. Мы говорили об деятельности нашей литературной, которою хотели заниматься; потом я тоже припомнил о том, что Шаганов по этому поводу хотел познако-

ниться с Марксом,—я говорил ему, что один молодой человек из русских желает познакомиться с ним для общей деятельности нашей, и что он желает иметь, я не сказал яды, но сказал, что он имеет [1] некоторые средства и какие-то еще мещанские бланки.

Председатель. Какое вы заключение делали из того, что Шаганов хотел яды достать,—такие разговоры не бывают. Какое вы заключение сделали из вашего разговора с ним?

Трусов. Я, ваше сиятельство, вообще не спрашивал как следует в то время, но я знал Шаганова, как человека кроткого. Я думал, что при его болезненном состоянии он ничего не может такого сделать. Я заметил, что он говорил что-то дурное, но об этом с ним не рассуждал.

Граф Панин. Это не прямой ответ на вопрос, который нам сделал председатель. Председатель вас спросил: почему такое требование Шаганова не возбудило в вас сомнения; вы на это отвечаете, что Шаганов был человек больной и от этого говорил дурное,—это никакого смысла не имеет: это только способ избегать прямых ответов. Быть не могло, чтобы это требование яда, и яда такого крепкого, не возбудило в вас сомнения. Отвечайте на это, а Верховный Уголовный Суд будет судить об откровенности или неоткровенности вашего ответа.

Трусов. Я хотел сказать, что видел дурное намерение со стороны Шаганова, но серьезности никакой не приписывал, то есть я не предполагал, что Шаганов хотел исполнить свое намерение; я, с своей стороны, не хотел никаких ему средств доставить.

Председатель. Но если вы не желали доставить средств, то почему познакомили вы Шаганова с Марксом для доставления этих средств?

Трусов. Я имел другую причину познакомить их между собою: я надеялся на Маркса, что если Шаганов обратится к нему с этим, то он не исполнит его просьбу.

Граф Панин. Таким образом, вы сваливаете на другого исполнение дурного намерения?

Трусов. Я мог передать желание.

Председатель. Позвольте теперь задать другой вопрос. С какого времени вы познакомились с Маевским?

Принц Ольденбургский. Вы говорите, что он дурно говорил, что вы были дурного мнения об нем, как об больном. С какою же целью вы доставили ему яд, такому человеку, который говорит дурное?

Трусов. Я вообще, ваше высочество, не думал, не предполагал, что Маркс мог доставить яду.

Серебряный. Что вы говорили с Марксом, когда передавали ему просьбу Шаганова об яде?

[1]) Так в подлиннике.

Трусов. Я сказал ему, что один молодой человек из русских желает с ним познакомиться, но я не сказал, что он желает иметь яд, а сказал, что он желает иметь бланки и некоторые средства; потом я говорил ему, что во всяком случае желает ли он с ним познакомиться.

Был введен Ланггауз.

Председатель (Ланггаузу). Стрихнин вы Марксу давали?

Ланггауз. Давал.

Председатель. С какою целью и почему вы давали ему яд?

Ланггауз. Когда я давал ему яд, то я не знал, с какою целью ему даю,—Маркс мне ничего не сказал; я спросил его только, для чего ему нужен яд; он мне сказал, что для мышей. Я Марксу верил, потому что он честный человек; я не знал, что яд этот назначался для Каткова[39]. Маркс мне сказал, об этом на второй или на третий день. Узнавши об этом, я убеждал Маркса отобрать от Шаганова яд. Впоследствии, когда было написано в «Московских Ведомостях», что у Каракозова найден стрихнин, Маркс прибежал ко мне и говорит, не Шаганов ли передал яд Каракозову, говорил, что Шаганов просил у него яд для Каткова, а, может быть, отдал его Каракозову. Маркс был сам в таком состоянии, что слег в постель и почти был помешанный. Я пошел к Маевскому и просил, что если он знает Шаганова, то чтобы он взял у него яд обратно. Маевский мне сказал на это, что насколько он знает Шаганова, то он на подобное преступление не решится, чтоб быть соучастником Каракозова; во всяком случае, он обещал пойти к Шаганову и узнать, куда дел стрихнин. На другой день Маевский зашел ко мне и говорил, что Шаганов сказал ему, что стрихнин у него, что он им не нужен, а что теперь им нужен яд, который медленно действует. После того, 10 апреля Трусов приходил ко мне и говорил, что он боится принимать у себя Шаганова, и если придет к нему Шаганов, так чтоб я передал ему, чтобы он у него не бывал. Вечером в 7 часов приходит ко мне Николаев и прямо начинает с того, чтобы я дал ему яду медленно действующего; я сказал ему, что я ничего не дам; я спрашивал его, что они сделали с стрихнином. Николаев мне сказал, что будьте покойны, стрихнин у нас, и мы не решились бы его употребить на подобное преступление, что стрихнин им был нужен для другой цели; после того он просил, чтобы я свел его к Маевскому познакомить их. Я свел его к Маевскому; что говорили они между собою, я не знаю, только 12 или 13 числа я встретил у Маевского Николаева.

Председатель. Вы будете обо всем этом отвечать Верховному Уголовному Суду, когда дойдет очередь до вас, теперь же от вас требуется, чтоб вы объяснили, с какою целью вы передали яд Марксу?

Лангауз. Я этого не знал: я не знал до тех пор, пока на другой или на третий день [Марке] не сказал, что это для Каткова, что он хотел отравить Каткова.

Граф Панин. Я должен заметить относительно Маркса, что он именно показал, что он взял яд обманным образом не для Каткова, а для другой цели. Это для разъяснения преступления будет важно.

Лангауз. Господин Маркс показал, что он взял у меня яд для Каткова: я просил очных ставок с Марксом, но мне не позволили. Я не знал, для чего я давал яд. Если бы я виноват был, я бы сказал все откровенно, но я не знал, для чего нужен Марксу яд.

Маркс был уведен, Трусов[60] приведен.

Председатель (Трусову). Объясните ваше имя, отчество и фамилию, занятие, вероисповедание и жительство.

Трусов. Болеслав Трусов, учитель математики, католического вероисповедания; жил в Москве.

Председатель. Какой губернии вы уроженец?

Трусов. Минской губернии.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, учитель московской 3-й гимназии коллежский советник Болеслав Данилов Трусов, 33 лет.

По обстоятельствам дела на учителя Болеслава Трусова падает обвинение в знании о существовании тайного общества, имевшего целью произвести общественный в государстве переворот, и недонесении об этом обществе правительству, и в доставлении этому обществу средств для содеяния преступления.

При производстве следствия о преступном покушении на жизнь государя императора дворянин Шаганов показал, что Юрасов и другие его товарищи, объясняя о предположении освободить государственного преступника Чернышевского, просили его достать яду; он был знаком с учителем Трусовым и обратился к нему с просьбой добыть яду, а Трусов его познакомил с учителем Марксом, который и дал ему, Шаганову, стрихнин (т. V, л. 275).

Маркс, подтверждая показание Шаганова о яде, показал, что Трусов, излагая ему просьбу Шаганова, объяснил, что русские хотят начать революцию, и им для того нужен стрихнин (Моск. д., л. 101 и след.)

Обвиняемый Трусов, подтверждая показание Шаганова и Мэр-

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 77—78.

ка, объяснил, что Шаганов ему говорил, что яд нужен для самоубийства тому лицу, которое должно освободить Чернышевского в том случае, если это не удастся (Моск., д., л. 5).

Далее Трусов показал, что он знал о принадлежности Шаганова к тайному обществу, которое имело целью произвести общественный в государстве переворот и которое весьма распространено по Волге. В общество это он, Трусов, поступить не хотел.

Вследствие сего учитель Болеслав Трусов обвиняется в том, что он знал о существовании тайного общества, имевшего целью произвести общественный в государстве переворот, не довел о том до сведения правительства, и в том, что он доставлял этому обществу средства для содеяния задуманного преступления, что составляет преступления, предусмотренные в 318, 13 и 250 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Болеслав Трусов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в августе 18 дня 1866 г. в С.-Петербурге.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в тех преступлениях, в которых вы обвиняетесь?

Трусов. Смею просить покорнейшее дозволение рассказать обстоятельства.

Председатель. Расскажите.

Трусов. В августе, в конце августа или в начале сентября прошлого года, не помню хорошенько, но помню только, что на Никитском бульваре я встретил Шаганова. Он говорил мне, что составилось общество, которое имеет целью для молодых людей, желающих учиться, для студентов доставлять материальные средства заведением артелей, приглашая туда хороших рабочих, так как они большей частью жили у мастеровых людей, для произведения нравственного влияния и для того, чтобы хозяева лучше обращались с рабочими, чтобы они давали им побольше плату, сколько заслуживают рабочие. Общество их имело целью распространение грамотности и гуманности и вообще улучшение рабочего класса и доставление студентам и молодым людям средств учиться, что для этого каждый жертвует что может. Я прервал рассказ Шаганова тем, что сказал, что не хочу поступить в это общество, и потому просил его дальше мне об обществе не рассказывать. Потом Шаганов уехал на службу в Сергач. В 1866 году, в начале марта, сколько я могу припомнить, Шаганов был у меня и просил уроков, он пришел ко мне в другой раз и говорил, что ему нужны какие-то мещанские бланки и яд; я сказал ему, что он замышляет что-то недоброе; он ответил мне, что это ему нужно для поездки за Чернышевским и для освобождения его.

Председатель. Что же вы сказали ему на это?

Трусов. Сказал, что у меня для этого нет средств, и сказал, что спрошу об этом у одного моего знакомого. После того я познакомил Шаганова с Марксом, и после он уже разговаривал с Марксом, об чем, я не знаю.

Председатель. Стало быть, вы сочувствовали освобождению Чернышевского, вы сказали, что хотя у вас нет средств, но их нужно достать. В каких вы вообще были сношениях с Шагановым?

Трусов. Я с ним был еще в сношениях до того, как он на службу поехал. После того, когда он вернулся, он был у меня. Я с ним продолжал быть в хороших отношениях, как и прежде. В первый раз как он был у меня, он просил меня достать урядов: я обещался исполнить просьбу, насколько это будет возможно; потом, во второй раз, он явился ко мне и просил мещанских бланков и яду. Я заметил ему, что он замышляет что-то недоброе. Он мне на это сказал, что один молодой человек, живущий [1] подговорил крестьянина ехать в Сибирь для освобождения Чернышевского, что вот мещанские бланки и яд нужны для этого дела. Я сначала ничего не отвечал, а потом сказал, что я спрошу об этом у моего знакомого. Я в сущности не желал доставить средства, но я не сочувствовал ему, не придавал никакого серьезного значения тому, что говорил Шаганов. Виноват только в том, что я познакомил Шаганова с Марксом; но я не предполагал, чтоб из-за этого знакомства вышли такие последствия, но, впрочем, я чувствую себя в этом виноватым.

Председатель. Вы ведь знали о существовании тайного революционного общества?

Трусов. Нет, я этого не знал.

Председатель. Но ведь вам говорил Шаганов, что у них есть кружок, в котором занимаются вопросом об освобождении Чернышевского?

Трусов. Он не говорил, что это от общества, также не говорил, кто это молодой человек, живущий на фабрике, -принадлежит ли он к какому-нибудь обществу: так как он мне этого не объяснил, то я предположил, что освобождение Чернышевского есть что-нибудь личное предприятие. Что касается до общества, так как я не считал его позволенным правительством, то считал тайным, хотя это общество не имело вредных целей, -может быть, оно впоследствии и произвело бы какое-нибудь изменение в экономическом быте, в нравственном и умственном быте народа, но я думал, что это общество касалось учреждений государственных начал.

Турчанинов. В обвинительном акте об Трусове высказано: Обвиняемый Трусов, подтверждая показания Шаганова о яде, объяснил, что Шаганов ему говорил, что яд нужен для са-

---

[1]) Так в подлиннике, очевидно, пропущено: «на фабрике». [2]) В подлиннике: «что без».

моубийства тому лицу, которое должно освободить Чернышевского, в том случае, если это не удастся». В том же обвинительном акте выше сказано, что Маркс, подтверждая показания Шаганова об яде, показал, что Трусов, излагая ему просьбу Шаганова, объяснил, что русские хотят начать революцию, и что им для этого нужен стрихнин. По этому предмету обвиняемому Трусову не было предложено никакого вопроса в следственной комиссии, поэтому Трусовым не было дано никакого ответа, так что полагаю, что в обвинительном акте какое-нибудь недоразумение. Действительно, Трусов подтвердил то, что Шаганов просил познакомить его с Марксом, но об том вопросе, что русские хотят начать революцию, об том у него не было ничего показано.

Граф Панин. Этот пункт будет объяснен свидетельскими показаниями; что касается до того, что находится в акте, то это будет сверено и принято в соображение в этом отношении; так как обвинительный акт был прочтен, то каждый, если найдет нужным, может отрицать и отвергать то, что в нем находится.

Турчанинов. Я желал сделать это отрицание; потом я еще желал обратить внимание на тот пункт, в котором объясняется, вследствие чего Трусов вошел в сношения с Шагановым, почему именно он вступил с ним в знакомство.

Трусов. Он был моим знакомым, потому что он прежде был моим учеником: он был трудолюбив, но неспособен к математике, которую я преподавал в частном пансионе; потом я встретил его на улице однажды и говорил с ним, где он находится. В пансионе Дебрант, где он учился, выбор средств для учения был неудачен. Я спрашивал его, где он находится; он сказал, что вышел от Дебрант и готовится в университет. Спустя несколько времени я опять встретился с ним и спросил его: что же, вы поступили в университет? Он мне отвечал, что поступил. После того, в 1864 году, я встретился опять с ним и спросил его: «я слышал, что вы давали деньги моему брату»: он отвечал, что денег брату не давал, а что, может быть, деньги моему брату дал кто-нибудь из их общины; я спросил, что это за община.

Председатель. Какой же на это он дал ответ?

Трусов. Ответ был тот, что община эта — их кружок, имевший целью доставлять средства молодым людям учиться, завести рабочие артели, потом вспомоществование рабочим, которые оказывают хорошие успехи, потом распространение грамотности. До того времени существовали вскрытые школы, в которых занимались студенты, но впоследствии их деятельность оказалась невозможной [1] в этом деле, не знаю почему, вследствие этого они хотели заниматься таким образом. После этого я прервал Шаганова, когда он сказал: в пользу этой общины всякий, кто что может, может то жертвовать. Я сказал ему, что я не хочу принять ее-

1) В подлиннике: «невозможным».

жать к этой общине и не желаю слушать даже разговора об ней[1]. Я слышал, кроме того, что существуют кружки студентов, которые устроены таким образом, что студенты одной и той же губернии живут тесно вместе, поддерживают друг друга в нравственном, умственном и материальном отношении. Говорили, что у каждого кружка была своя собственная касса, все эти кассы впоследствии времени соединились в одну общую студенческую кассу, которая теперь находится под ведением университета.

Был введен Маркс.

Председатель (Марксу). Теперь[2] вы только спрашивайтесь, как свидетель,—доставляли ли вы яд [по] просьбе Трусова для Шаганова?

Маркс. Доставлял.

Председатель. Что же вам сообщал Трусов об Шаганове, чтобы побудить вас решиться дать ему яд?

Маркс[3]). Да, говорил.

Турчанинов. Что же вам Трусов говорил?

Маркс. Он говорил, что русские хотели сделать маленькую революцию.

Турчанинов. Что вы разумели под этими словами, по показанию Шаганова, яд был им нужен для освобождения Чернышевского, а об Чернышевском вам ничего не говорили?

Маркс. Я все спрашивал, для какой цели Трусову был нужен яд?

Турчанинов. Что же г-н Трусов вам сказал?

Маркс. Я помню хорошо. Трусов у меня просил яду, это было, кажется, когда мы вместе с Трусовым возвращались домой.

Турчанинов. Говорил ли вам Трусов, для чего ему нужен яд?

Маркс. Говорил, что русские хотели сделать революцию.

Турчанинов. Он вам объяснял какие-нибудь обстоятельства?

Маркс. Нет, никаких обстоятельств не объяснял.

Турчанинов. Я предложил несколько вопросов Марксу: те слова, которые он сказал, весьма важны для обвинения, но если Маркс не в совершенно здравом положении, то слова его не могут иметь значения.

Председатель. Мы его спросили, чувствует ли он возможным отвечать на вопросы в его положении; он сказал, что постарается. Положение его весьма бедственно, и все ответы, которые им даны, будут судом взвешены.

---

[1]) В подлиннике: «об нем». [2]) В подлиннике: «тепереча». [3]) Далее зачеркнуто: «ничего не говорил».

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Объясните сколько можете подробно и отчетливее, когда вы обращались к Трусову с просьбой о доставлении яда: с какою целью вы просили яда, говорили ли вы Трусову о существовании революционного общества? Вам нужно объяснить два предмета: относительно яда, и другой вопрос—относительно революционного общества.

Шаганов. Ваше сиятельство, когда я приехал в Москву, то был у Трусова, так как я давно с ним знаком; я рассказал ему, между прочим, что у нас существует кружок, но я ему не говорил, что цель этого кружка революция: я говорил, что этот кружок преимущественно обращает внимание на экономическую пропаганду, что он имеет целью распространение [1]) ассоциаций. Трусов знал еще об этом кружке и прежде, по слухам, именно он знал, что кружок наш имел школу и ассоциацию. Потом я объяснил Трусову, что этот кружок имеет своею целью освобождение Чернышевского, который бы вел экономическую пропаганду; я ему говорил, что для этого нужны яды и паспорты, и спросил его, не может ли он мне этого достать; Трусов сказал, что не может достать, но что он познакомит меня с своим знакомым, и вот познакомил с Марксом.

Министр юстиции. Когда вы просили у Трусова достать яду, что именно сказали вы ему, чтобы побудить исполнить вашу просьбу?

Шаганов. Я, ваше высокопревосходительство, не помню точно слов, которые я сказал, если вы [показания] Трусова можете повторять, то я, может быть, припомню.

Турчанинов. После возвращения вашего в Москву, в феврале 1866 года, вы несколько раз или один раз были у Трусова?

Шаганов. Да, я довольно часто его видел.

Турчанинов. Не припомните, как разговоры относительно кружка и об яде происходили ли в одно свидание с Трусовым, или в разное время?

Шаганов. Мне кажется, в это свидание я говорил ему только об яде.

Турчанинов. Когда же происходил разговор об кружке?

Шаганов. Об этом очень часто говорилось.

Турчанинов. Называли ли вы ему лиц, участвующих в этом кружке, и кого вы именно ему называли?

Шаганов. Я не помню, называл ли я ему кого-нибудь, но, кажется, не называл.

Трусов. Вы вспомните, в 1864 году, когда вы шли из университета, и я с вами встретился, на счет чего я с вами говорил?

Шаганов. Я не помню, если вы вспомните, я скажу.

Трусов. Я говорил вам о брате и о деньгах.

[1]) В подлиннике: «распространением».

Шаганов. Так.

Трусов. Что же вы отвечали?

Шаганов. О брате, который бежал?

Трусов. Да, о брате, который уехал за границу; я спрашивал вас, вы ли ему ссудили деньги?

Шаганов. Я сказал, что я не знаю, кто ему ссудил денег.

Трусов. При этом что вы еще сказали?

Шаганов. Припомните, пожалуйста, — я не отопрусь от своих слов, которые я сказал.

Трусов. Вы сказали, что не давали ему денег сами, но что деньги дал ему кто-нибудь из вашей общины.

Шаганов. Т.-е. я, может быть, так предположил?

Трусов. Да, вы сделали такое предположение, и я спросил вас, что же такое за община, и вы сказали, что кружок людей.

Шаганов. Говорил.

Трусов. Вы объяснили мне, какая его цель, говорили, что этот кружок распространен и за границей.

Шаганов. Т.-е. как за границей.

Трусов. Вы говорили, что кружок ваш имел целью экономическую пропаганду.

Шаганов. Я говорил вам, что у нашего кружка есть школа, говорил на счет других вещей, которых я теперь, может быть, не повторяю, но я вам никогда не говорил об экономической пропаганде, которая могла бы распространиться и за границей.

Трусов. За границей—вы мне ничего не говорили.

Турчанинов. Одним словом, в 1864 году вы говорили о том, что существует кружок, потом, когда вы были в 1866 году у Трусова, к тем сведениям, которые вы передавали в 1864 году, вы прибавили что-нибудь?

Шаганов. Почти ничего не прибавил, кроме обстоятельства об освобождении Чернышевского.

Турчанинов. Больше ничего не прибавили?

Шаганов. Ничего.

Трусов был уведен, а Лангауз[61] введен.

Председатель (Лангаузу). Объявите ваше имя, отчество и фамилию.

Лангауз. Адольф Лангауз.

Председатель. Сколько вам лет?

Лангауз. 29 лет.

Председатель. Вероисповедания?

Лангауз. Лютеранского.

Председатель. Жительство и занятие?

Лангауз. Провизор, в последнее время жил в Москве.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, провизор Адольф Францов Лангауз, 29 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на провизора Лангауза падает обвинение в том, что, зная о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение установленного законами образа и порядка правления, не довел о том до сведения правительства.

В преступлении этом обвиняемый Лангауз изобличается показанием подсудимого дворянина Николаева, который на допросах при следствии объяснил, что при Лангаузе он рассказывал Маевскому план действий общества «Организации (показания Николаева—т. VII, л. 422 об.) и собственным обвиняемого признанием в том, что учитель Марке обращался к нему в январе сего года с просьбой дать ему яд для отравления собаки, но он Маркеу в этом отказал, так как находился в то время без места, а когда Марке снова повторил свою просьбу, в четверг, на страстной неделе, прося яд для отравления издателя «Московских Ведомостей» Каткова, то Лангауз в первый день пасхи дал Маркеу около 3-х граиов стрихнину (т. VIII, л. 170, 177). Передав яд, Лангауз испугался и просил Маркеа возвратить ему, но Марке сказал, что данный ему стрихнин передал уже одному из русских революционеров для отравления Каткова (т. VII, л. 189). Яд этот, как потом оказалось, Марке отдал Шаганову (т. VIII, л. 177—180). Кроме того, Лангауз показал, что Николаев просил у него яд для одного из членов московского тайного общества, который решился отравить своего отца, чтобы воспользоваться наследством для целей тайного общества, которое предполагало, чрез распространение в народе учения социалистов, достигнуть в 10 или 15 лет государственного переворота и уничтожить императорскую фамилию (т. VII, л. 435 об.).

Посему, провизор Адольф Лангауз обвиняется в знании о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение установленного законами образа и порядка правления, и недоведении о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о нак.

Вследствие сего вышеупомянутый Лангауз предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы обвиняетесь в знании о существовании революционного общества и о недоведении о том до сведения правительства,—признаете ли вы себя виновным?

---

[1] Л. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 80—82.

Лангауз. Разумеется, признаю себя виновным, потому что знал об этом; но я узнал об этом только 12 апреля. Об существовании этого общества и об цели его я не знал от Маркел, когда я дал ему яду; цель общества я не знал до тех пор, пока не выделся с Николаевым, которого я встретил у Маевского 12 апреля. Я Николаева прежде не знал до 10 апреля. 10 апреля пришел ко мне Трусов и говорит мне, чтобы я принял Николаева. Он мне сказал: примите его от моего имени и скажите, чтоб он не ходил ко мне. 10 числа ко мне приходит Николаев и просит, чтоб я дал ему медленно действующего яда. Я яду не дал; тогда он меня спрашивает: не знаете ли вы, из чего состоит aqua tophana [1]. Я ему и этого не сказал. После того он мне говорит, чтоб я его к Маевскому свел. Я его свел к Маевскому: у Маевского было много гостей, я сказал Маевскому, что пришел к нему Николаев и говорит, что он имеет к нему дело. Маевский ушел из дому ко мне, и в моей комнате они разговаривали, об чем, я этого не знаю. После разговора с Маевским Николаев меня спрашивал опять, не знаю ли я, из чего состоит aqua tophana, но я не сказал, из чего она состоит. У меня, — я говорю, — нет руководства, и потому я не могу сказать, из чего она состоит. Потом Николаев просил меня, чтоб я ему сказал, по крайней мере, как действует aqua tophana. Я сказал, что она действует, как все мышьяковистые, если ее принять и потом через два или три месяца увеличить прием, то она действует, как холера. 12 числа, вечером, я пошел к Маевскому и встретил у него Николаева. Тут Николаев рассказывал об цели общества, говорил, что нужно какие-то библиотеки учреждать, для этого нужно достать 100 000 рублей, после говорил о идеях [2] социализма и через 15 лет или через 10 сделать революцию и уничтожить государей,—я говорил об этом в своих показаниях. Вот все, что я знаю об существовании тайного общества.

Председатель. Из ваших слов выходит, что вы понимали всю важность того, что даете яд, потому что вы видели, что они у вас спрашивают яд для того, чтобы получить сто тысяч. Каким же образом вы с этими людьми могли иметь и продолжать сношение и разговоры? Вы водили Николаева к Маевскому, вы принимали его в своей квартире вместе с Маевским и на другой день имели с ним сношение у Маевского. Каким образом вы можете оправдать подобные действия в таком важном деле.—вам правительство доверяет сохранение яда, а вы входите в сношение с людьми, которые имеют целью отвращать вас от исполнения вашей обязанности?

Лангауз. Я хотел отобрать у них стрихнин; я не знал причины, для чего ко мне Николаев придет, — мне Трусов сказал,

---

[1]) В подлиннике здесь и далее слово «tophana» пропущено; введено в текст из следственного дела. [2]) Слово: «идеях» вписано над зачеркнутым: «поляк».

чтобы я принял Николаева, а потом мне главная вещь была, что у них был мой стрихнин, от этого мне покоя не было; не будь стрихнина, я бы их на порог к себе не пустил; в другое время, если бы он спросил у меня яду, то я сейчас бы ему отказал, но мне было нужно знать, где мой стрихнин. Я просил Николаева: «ради бога, скажите, что сделалось с стрихнином». Он сказал, что стрихнин у Шатанова; будьте покойны, — никто не отравлен; нам не стрихнин нужен, нам нужен яд, медленно действующий».

Председатель. Ваше беспокойство, о котором вы говорите, произошло от вашего противозаконного действия.

Ланггауз. Я дал стрихнин, но я не знал, что у меня его брали для отравления человека. Если бы Марке мне сказал, что яд нужен для отравления Каткова, то я никогда не дал бы его Маркеу; я просил... очных ставок... Сколько раз Марке извинялся передо мною, что он меня обманул.

Граф Панин. Да ведь вам был ближайший способ получить обратно яд. Как только вы бы узнали, что яд был взят у вас для Каткова, вы бы явились в полицию и сказали, что у вас был взят яд для отравления мышей, а между тем его хотят употребить на отравление человека.

Ланггауз. Марке заболел в то время, и я не мог от него ничего добиться.

Граф Панин. Когда вы приехали в Москву?

Ланггауз. В 1862 году.

Граф Панин. Прежде где вы жили?

Ланггауз. Прежде жил в Полесье.

Граф Панин. Чем вы там занимались?

Ланггауз. Был в аптеке.

Граф Панин. Вы сейчас объяснили всю преступность вашего поступка, когда вы дали яд для того, чтобы отравить другого человека. Положим даже, что вы не знали этой цели, что хотели отравить известное лицо, но вы христианин, вы должны чувствовать всю тяжесть преступления. Потом, когда вы заметили, что яд назначался для революционной цели, когда вы заметили, что имелось в виду преступление против государства, против личности, потом, по объяснению вашему, вас подробно расспрашивали о действии медленного яда, вы не могли не понять, какая то цель была этого. Как вы при всех уликах, которые имеются против вас, вы не понимаете, что откровенное признание может облегчить ваше положение? Не имеете ли вы чего-нибудь прибавить к тому, что вы уже сказали, например, вы были знакомы с Маевским, — с какого времени вы были с ним знакомы?

Ланггауз. С 1863 года. Я искал себе квартиру и нашел ее в доме, где жил Маевский, и пока у меня не было места, я жил вместе с ним в одном доме.

Граф Панин. Вы часто с ним виделись?

Ланггауз. Нет, не часто.

Граф Панин. Но вы, живя в одном доме с ним, могли видеть, кто к нему ходил?

Ланггауз. Я ничего не видел.

Граф Панин. О том, что вас спрашивают, вы должны сказать все, что вы знаете, вы должны во всем откровенно признаться.

Ланггауз. Я сказал все до маленькой подробности, и сам чувствую свою обязанность быть откровенным, если бы я что-нибудь знал.

Председатель. Вам нельзя было не знать, для чего у вас брали яд,—вам объяснили, что ядом они хотели составить капитал: здесь не могло быть речи о чем-нибудь другом, как об отравлении человека.

Ланггауз. Но я тогда и не дал яду.

Член суда Шпицкий. Они могли у другого достать яд, а вот если бы вы донесли, так их бы взяли.

Граф Панин. Кроме того, если бы вы донесли, тогда бы арестовали Шаганова и могло бы быть предупреждено преступление.

Ланггауз. Я не знал, что мой яд мог попасть к Шаганову, и только 8 апреля мне Марке сказал, что дал яд Шаганову.

Граф Панин. А Николаев когда у вас просил яд?

Ланггауз. С Николаевым я виделся 12 апреля.

Принц Ольденбургский. Вы где служили в Москве?

Ланггауз. В аптеке Голубицкого.

Принц Ольденбургский. Сколько времени вы служили в аптеке Голубицкого?

Ланггауз. Я служил два года в аптеке Голубицкого.

Принц Ольденбургский. Вы сами уроженец из каких мест?

Ланггауз. Я уроженец западной губернии.

Принц Ольденбургский. Кто такой ваш отец?

Ланггауз. Отец мой служил в западных губерниях военным аптекарем.

Принц Ольденбургский. Где вы воспитывались?

Ланггауз. В каменец-подольской гимназии.

Был введен Николаев.

Председатель (Николаеву). Что вы сообщали Ланггаузу о действиях Организации и для чего вы просили у него яду?

Николаев. Я сообщал ему план действия Организации в самых общих чертах.

Председатель. Что вы разумеете под словами «в самых общих чертах»?

Николаев. Я говорил ему, что план Организации состоит в том, чтобы пропагандировать социализм; яду я просил у него для Федосеева.

Председатель. Что вы ему объясняли по поводу того, для чего вам был нужен яд для Федосеева?

Николаев. Я ему прямо не сказал ничего, я намекнул только, что от этого зависит получение большой суммы денег.

Председатель. Каким образом вы решились сделать такое откровенное объяснение Лангтаузу, с которым до того времени вы не были знакомы, или, если вы были с ним знакомы, то в чем состояло ваше знакомство?

Николаев. Я не был знаком прежде, меня отрекомендовал ему Шаганов, который был хорошо знаком с Лангтаузом, и Шаганов мне сказал, что я могу обратиться за ядами к Лангтаузу.

Тимрот (защитник Лангтауза). Николаев, когда это происходил разговор, ваш разговор с Лангтаузом?

Николаев. Я не могу припомнить точно числа, кажется, что это было после 12 числа.

Был введен Маевский.

Председатель (Маевскому). Какие сведения об Организации сообщал вам Николаев в присутствии Лангтауза?

Маевский. Николаев не сообщал мне никаких сведений об Организации ни в присутствии Лангтауза, ни без него.

Граф Панин. С какого времени вы знакомы с Лангтаузом?

Маевский. С 63 года.

Граф Панин. По какому случаю вы с ним познакомились?

Маевский. Я встретился с ним у знакомого доктора

Граф Панин. Часто вы бывали с ним в сношениях?

Маевский. Бывал у него редко.

Член суда Пинский. Вы с ним на одной квартире не жили?

Маевский. Две недели жил.

Лангтауз. Я был с ним знаком прежде, и когда я потерял место в аптеке, то я перешел к нему жить вместе, и так мы жили одну или две недели, до тех пор, пока я не поступил на другое место.

Граф Панин. Показания Лангтауза не согласны с показаниями Маевского, который сказал, что Лангтауз жил с ним в одной квартире.

Лангтауз. Показание Маевского совершенно согласно с моим. Мы жили на одной квартире, т.-е. мы жили у одного хозяина,—не больше.

Председатель. Вы слышали теперь показания первого свидетеля, который сказал, что именно он вам сообщал, что просил у вас яд для того, чтобы с помощью яда получить большую сумму в пользу общества. Я это поставляю вам на вид для того, чтобы вы убедились в том, какая польза от неоткровенности.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Кем был дан Маркеу яд, переданный им вам?

Шаганов. Кем был дан яд Маркеу, это мне неизвестно.

Председатель. Вы об этом понятия не имеете?

Шаганов. Я об этом не спрашивал Маркса, и уже об этом в комиссии узнал, но до тех пор, пока был в комиссии, я об этом не знал.

Был введен Маркс.

Председатель (Марксу). Вы только объясните, от кого вы получили яд, который вы передали Шаганову.

Маркс. От господина Ланггауза.

Председатель. Объяснили ли вы ему, для чего вам был нужен яд?

(Маркс сначала не отвечал, и председатель повторил вопрос.)

Маркс. Кажется, говорил.

Председатель. Скажите, сколько помните, что вы говорили Ланггаузу, для чего вам нужен яд?

Маркс. Повторил те же самые слова, которые я слышал от Шаганова, сколько помню.

Председатель. Для чего вы просили у Ланггауза яд, для какой цели?

Маркс. Я два раза имел разговор с Шагановым: раз, помню, это было у Трусова, это тот учитель, который математику[1]) преподавал,—а другой раз Шаганов был у меня.

Председатель. Нет, теперь вопрос не об том. Вас спрашивают, что вы сказали Ланггаузу, когда просили у него яду?

Маркс. Повторил то же самое, что мне Шаганов говорил.

Председатель. Просил ли вас Ланггауз возвратить ему яд?

Маркс. Да, просил, нельзя ли возвратить яд.

Тимрот. Я не в силах спрашивать господина Маркса: он не ответит или отвечает такими ответами, которые чрезвычайно неясны. Господин Маркс, позвольте узнать...

Председатель. Отвечайте, если помните.

Маркс. Все помню.

Тимрот. Позвольте узнать, что вы говорили Ланггаузу, когда просили у него яд, скажите пожалуйста, что вы говорили? При следствии вы довольно подробно показывали; тут вы показали, что вы говорили Ланггаузу то, что вам сообщал Шаганов, но что же именно говорил?

Маркс. Шаганов мне говорил, что яд нужен русскому революционному обществу, для получения большой суммы денег. Из обвинительного акта я узнал, что это общество— Организация.

Тимрот. Для чего вы просили яд у Ланггауза? Что вы ему говорили?

Маркс. Я ему сказал, что меня просили достать яду для русского революционного общества.

---

[1]) Слово: «математику» вписано над зачеркнутым: «географию».

Председатель (Ланггаузу). Говорил ли вам Маркс, что этот яд ему нужен для того, чтоб доставить большую сумму денег для русского тайного общества?

Ланггауз. Ничего этого я не помню.

Граф Пален. Говорил ли вам Маркс, что этот яд ему нужен для домашнего употребления или для отравления кого-либо?

Ланггауз. Нет, я этого не помню.

Граф Пален. Вы сейчас говорили, что помните,—именно, вы показывали, что Маркс просил у вас яду для Каткова...

Ланггауз. Да, он это говорил. Господин Маркс, вы должны помнить, что когда вы мне объявили, что взяли у меня яд для Каткова, я начал вам выговаривать; вы начали у меня просить извинения и раскаивались, что отчего вы не сказали, для чего вы брали яд; после у Маевского я вам опять выговаривал, зачем вы не сказали мне; вы начали опять извиняться.

Маркс. Не помню.

Ланггауз. После, когда арестовали Трусова, вы пришли и спросили меня, знал ли Трусов об яде, и, помните, вы еще мне сказали: «не сознавайся, что ты мне дал яд»... (Молчание.)

Маркс. Этого не помню.

Был введен Трусов.

Председатель (Трусову). Объясните все, что вам известно о Лангтаузе.

Трусов. В марте месяце настоящего года Лангтауз мне говорил, что Маркс его обманул, попросил яду для собак. При этом мне Лангтауз рассказал, что Маркс уже наделал много глупостей, в силу которых отнято у него значение агентуры польского комитета. Я сказал Лангтаузу, чтобы он мне ничего не говорил об агентуре: зачем он рассказывает об агентуре, что я об агентуре ничего не хочу знать. Он мне тут же сказал про себя: «Я тоже не принадлежу к польскому обществу, а принадлежит Маевский, с которым я знаком». Потом он мне говорил, что Маркс со страху просил Шаганова[1] нельзя ли ему возвратить стрихнин, который дал ему Лангтауз, но Шаганов ему на это отвечал, что стрихнин уже употреблен, что теперь его возвратить трудно. Тут же я спрашивал на счет печати. Маркс особенно смутился, когда я его просил взять лотерейные билеты,—на этом билете была печать. Я спросил Лангтауза, зачем тут печать: он отвечал мне, что печати не нужно, что она ни к чему не служит. Потом я спросил, что значит П и К на печати. Лангтауз отвечал, что это значит польский комитет, но что это особенно ничего не значит. О подробностях я ничего не спрашивал, не спрашивал, какое значение имеет агентура Маевского и Маркса.

Лангтауз (Трусову). Когда вы Николаева прислали, зачем вы не сказали, что ему требуется яд?

---

[1]) Слово: «Шаганова» вписано над зачеркнутым: «Николаева».

Трусов. Я от него этого не слышал. он у меня яду не просил, и я не хотел, чтобы он приходил ко мне.

Лангтауз. Зачем же вы дали ему мой адрес?

Трусов. Адреса вашего я ему не давал; он был у меня с Шаганым, и мне не было надобности знакомить с вами Николаева; я сказал Шаганову, что вы сами знаете, где живет Лангтауз, и, сколько мне помнится, вы говорили, что они оба были у вас.

Лангтауз. Нет, один Николаев.

Трусов. Может быть, не знаю.

Председатель Лангтаузу. Остается вас спросить одно: в показании Трусова, которое вы слышали, сказано было, что вы не говорили, что сами принадлежите к польскому комитету, но что знаете, что Маевский член этого комитета?

Лангтауз. Я не показал, что Маевский принадлежал к польскому комитету, я знаю только то, что я пришел к Маевскому в августе месяце, раскрыл часы, там лежала бумажка почтовая, на которой было написано: агент опеки народовой скалка, и рукою нарисована печать агентуры. Я спросил Маевского, что это такое; он мне отвечал, что он агент опеки народовой; я спросил его, в чем состоит эта агентура, он мне отвечал, что он собирает деньги и старое платье и отдает бедным полякам, — вот все, что я знаю.

Лангтауз был уведен, а Полумордвинов[62] введен.

Председатель. Защитник предполагает, что достаточно спросить трех: Борисова, Серпевского и Воскресенского, что прочие не нужны, потому что сам Полумордвинов сознается.

Министр юстиции с этим согласился.

Председатель (Полумордвинову). Ваше имя, отчество и фамилия, лета, вероисповедание, жительство и занятие?

Полумордвинов. Аполлон Петров Полумордвинов, отроду 21 год, вероисповедания православного, был слушателем Петровской академии в Москве.

Председатель. Это весьма недавно, а прежде где вы были?

Полумордвинов. Прежде я был в гимназии, потом поступил в Петровскую академию.

Председатель. Жительство где прежде имели?

Полумордвинов. В Саратове.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, слушатель Петровской академии Аполлон Петров Полумордвинов.

По обстоятельствам дела на слушателя Петровской академии Аполлона Полумордвинова падает обвинение в том, что он знал

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 84—86.

о существовании общества «Организация», имевшего целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, и не довел об этом до сведения правительства.

Познакомившись летом 1865 года в Саратове с Страденом и прибыв затем в Москву, он по предложению Страдена поступил первоначально в общество взаимного вспомоществования, а потом, в начале 1866 года, в общество «Организацию». Бывая на сходках этого общества, он слышал чтение проектов уставов этого общества, толки об освобождении Чернышевского, о средствах общества и т. п. Сперва он сам принимал деятельное участие в действиях этого общества, старался воодушевить Борисова, Сергиевского и Воскресенского, но потом, по мере того, как пятерцы яснее высказывались о необходимости прибегнуть к крайним революционным средствам, он, не сочувствуя этому направлению, начал все более и более уклоняться от своих товарищей, реже посещал их и избегал откровенных разговоров. Это было замечено пятерцами, и из них Страден осуждал нерешительность членов «Организации», говорил, что они должны отказаться от всяких нравственных начал, что они должны быть готовы на все, даже на убийство. После этого разговора Полумордвинов, который возненавидел общество, начал прямо высказываться против него и, наконец, прекратил всякие с ним сношения (особ. пок. Полумордвинова).

Принадлежность Полумордвинова к обществу «Организация» доказывается показаниями Моткова, Шаганова, Загибалова, Юрасова, Малинина, Николаева, Соболева, Лапгина и Сергиевского (Моткова т. V, л. 384, т. VI, л. 231, 233; Шаганова — т. V, л. 40, т. VI, л. 254; Загибалова т. VI, л. 36, 105, 236, 388; Юрасова т. VI, л. 91, 92, 238; Малинина т. V, л. 307; Николаева т. VI, л. 389; Соболева Моск. д., л. 79; Лапкина Моск. д., л. 165; Сергиевского—особ. показ.), из них Борисов подтвердил показание Полумордвинова и о том, что последний оставил общество «Организацию» (Моск. д., л. 127—136).

Вследствие сего слушатель Петровской академии Аполлон Полумордвинов обвиняется в том, что, зная о существовании тайного общества «Организация», имевшего целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, он не довел о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Аполлон Полумордвинов предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге 18 августа 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение,—признаете ли вы себя виновным в том, что вы знали о существовании тайного общества и [не] донесли о том, правительству?

Полумордвинов. Да, я бывал на некоторых сходках этого общества, слышал, что там говорили, и не доносил об том правительству.

Председатель. Следовательно, вы признаете себя виновным в том, что не доносили правительству?

Полумордвинов. Да.

Председатель. Скажи[те], в чем состояли эти «отношения к этому обществу Организации»: с самого начала какие были отношения к нему?

Полумордвинов. Поступил я в это общество по приглашению Страндена: прежде этого приглашения я начал посещать собрания общества взаимного вспомоществования и после, кажется, на второй сходке, я разговаривал со Страденом и выразил сомнение в том, что из этих сходок могло бы выработаться что-нибудь дельное. Он подтвердил мои слова и объявил, что его товарищи имеют намерение образовать другие сходки, кроме общества взаимного вспомоществования, что на сходках этих должно участвовать меньшее число лиц, поэтому Странден полагал, что на этих сходках можно скорее договориться до чего-нибудь дельного. Он мне предлагал, что не хочу ли я посещать сходки; я отказался от этого. О своем намерении из этих сходок организовать потом тайное общество Странден мне ничего не говорил об этом,—я узнал уже в то время, когда Шаганов прочел свой проект устава этого общества: до того времени я на эти сходки смотрел, как на желание людей сходиться, говорить о вещах, которые могут интересовать каждого человека. Дальше, после прочтения этого проекта когда я начал хорошо узнавать никатовцев, я начал замечать совершенно другое направление и не сочувствовал ему, поэтому я начал удаляться от этого общества и хотел окончательно выйти из этого общества, но пока я не находил удобного случая выйти из этого кружка, то я его посещал все дальше и дальше, был на некоторых собраниях, но когда было приступлено к рассмотрению проекта устава этого общества, то я при первом же пункте выразил свое несогласие. В этом пункте заключалось главное основание, на котором хотели построить «Организацию», то-есть здесь был затронут вопрос о том, в каком отношении должны находиться члены общества друг [к] другу и каждый отдельный член ко всему обществу, должен ли каждый член подчиняться безусловно решениям этого общества; я воспользовался этим обстоятельством, и отказался принять эти условия, и таким образом я больше уже не посещал собрания общества «Организации».

Граф Панин. Когда вы вступили в общество взаимного вспомоществования?

Полумордвинов. В начале января нынешнего года.

Граф Панин. Когда вы вступили в общество «Организации»?

Полумордвинов. Или же в конце января, или в феврале.

Граф Панин. А когда вы оставили это общество?

Полумордвинов. Оставил в первой половине марта.

Был введен Борисов.

Председатель (Борисову). Расскажите, что вам известно об отношениях Полумордвинова к «Организации»?

Борисов. На заседаниях «Организации» он бывал; знал ли он цель «Организации»,—кажется, что не знал; в последнее время он выбыл из «Организации».

Председатель. В какое время он выбыл из «Организации»?

Борисов. Кажется, на пасху.

Председатель. Вы говорите, что не знаете, знал ли он о цели «Организации», но ведь он был на той сходке, на которой был читан устав, в котором обнаружилась цель «Организации».

Борисов. Он мне об уставе ничего не говорил, притом же устава никто не одобрял и не порицал: так как в уставе упоминалось о социализме, поэтому был сделан вопрос, что такое социализм. На это не было дано ответа, и проект был оставлен без внимания.

Петренко (защитник Полумордвинова). По какому поводу вас уговаривал Полумордвинов в обществе остаться?

Борисов[1]). Нет, это я его уговаривал остаться.

Петренко. А вас кто уговаривал, вас, Сергиевского и Воскресенского, кто уговаривал остаться в обществе?[2])

Петренко. В то время, когда Полумордвинов посещал общество, не проводили никаких революционных идей?

Борисов. Ничего решительно...

Петренко. Полумордвинов восставал против того, когда он услышал в обществе революционные идеи?

Борисов. Революционных идей никаких не было, но вот когда шатовцы предложили членам безусловное повиновение обществу, то Полумордвинов, не надеясь на благоразумие шатовцев, отстал от этого общества.

Был введен Сергиевский.

Председатель (Сергиевскому). Объясните, что вам известно об отношении Полумордвинова к обществу Организации»?

Сергиевский. Он посещал сходки, на сходках ничего не говорил, потом перед пасхой перестал ходить на сходки.

Председатель. Чему вы относили то, что он перестал ходить на сходки?

Сергиевский. Он говорил, что его приглашали в общество взаимного вспомоществования, а между тем вышло не общество взаимного вспомоществования, а что-то другое, поэтому он перестал ходить на сходки.

---

[1]) В подлиннике: «Сергиевский». [2]) Ответа Борисова в подлиннике не имеется.

Был введен Воскресенский.

Председатель (Воскресенскому). Что вам известно об отношениях Полумордвинова к «Организации»?

Воскресенский. Первоначально он бывал на некоторых сходках, потом ему не понравилось, и он говорил, что не будет бывать больше; потом он говорил, что думал прежде, что на сходках будет встречать порядочных людей, а теперь вижу, что там говорят только одни пустые речи.

Председатель. В какое время перестал он ходить?

Воскресенский. Определенно не могу сказать

Петренко. Вы не знаете, что заставило его выйти из общества «Организации»,—он вам говорил об этом?

Воскресенский. Не помню, кажется, что не говорил.

Полумордвинов был уведен, а Шостакович[3] введен.

Председатель (Шостаковичу). Объясните ваше имя, отчество и фамилию, лета, вероисповедание, жительство и занятие.

Шостакович. Имя мое Болеслав Петров Шостакович, лет 22-х, держал экзамен на домашнего учителя, вероисповедания римско-католического.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[2]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, сын чиновника Болеслав Петров Шостакович, 22 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на сына чиновника Болеслава Шостаковича падает обвинение в укрывательстве заведомо государственного преступника Ярослава Домбровского, присужденного к каторжной работе, и в составлении для него подложных видов. Когда при производстве исследования о преступном покушении на жизнь государя императора оказалось, что осужденный в каторжные работы государственный преступник Ярослав Домбровский, бежавший в Москве из казарм бывшего Колымажного двора, был приведен на квартиру подсудимых дворян Загибалова и Юрасова сыном чиновника Болеславом Шостаковичем, то было сделано распоряжение о производстве по сему предмету следствия (Дело о побеге Домбровского, л. 1) и препровождены выписки из показаний о сем,—подсудимых дворян Загибалова, Юрасова, Ермолова и Ишутина, которые объяснили: 1-й, Загибалов, что в начале декабря 1864 года на общую квартиру его и [illegible] пришел Шостакович и, переговорив с Юрасовым, остал[illegible] их приговоренного к каторжным работам на 15 лет Домбровского, что Домбровский пробыл у них 3 или 4 дня и в это время к нему

[illegible]

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 68—[illegible]

приходил несколько раз Шостакович, вел с ним переговоры о паспорте и принес настоящий вид на имя какого-то учителя, в котором они делали подчистки. После сего Домбровский ночевал одну ночь у Ермолова. (Дело о побеге Домбровского, л. 7). 2-й, Юрасов, и. 3-й, Ермолов, что они подтверждают относящееся до них показание Загибалова (дело о побеге Домбровского, л. 11 и 13) и 4-й, Ишутин, что Шостакович просил его отдать ему его, Ишутина, паспорт для того, чтобы отправить одного преступника за границу, но он не дал (Дело о побеге Домбровского, л. 4).

Спрошенный по вышеизложенным обстоятельствам Шостакович сначала ни в чем не признавался, но впоследствии показал, что около 5 часов вечера 1 декабря 1864 г. он встретился на улице с Домбровским, который ему объяснил, что он, надев женскую юбку под полушубок и взяв с собою платок, отправился вместе с другими арестантами в комнату, где собрались продавцы и продавщицы разных вещей, и, присев в угол, надел платок на голову и вышел из Колымажного двора в числе продавщ около 12 часов дня. В 1-й день они ночевали в трактире «Крым», а на другой день отправились в дом Мухина, где жил Ишутин вместе с Юрасовым и Загибаловым, и просил Ишутина принять на несколько дней Домбровского. Через несколько дней он, Шостакович, зашел к Ермолову, и, взяв там Домбровского, привез к себе на квартиру. У него, Шостаковича, было свидетельство на имя Шатилова[64], оставшееся после его ареста; в этом свидетельстве была выскоблена часть начальной буквы, и таким образом оно переделано на фамилию Матилова. Под этою фамилиею Домбровский жил в Москве, а в конце декабря принес лист гербовой бумаги, на котором внизу была приложена печать и, кажется, были 4 подписи и черновой указ об отставке, который Домбровский просил переписать на означенный лист бумаги. Какою фамилиею был назван Домбровский, не помнит. 1 января 1865 г. Домбровский уехал в Петербург (Дело о побеге Домбровского, л. 34 об. и след).

По вышеизложенным обстоятельствам сын чиновника Болеслав Шостакович обвиняется в укрывательстве заведомо осужденного к каторжным работам Ярослава Домбровского и в составлении для него подложных видов, т.-е. в преступлениях, предусмотренных 2 ч. 316, 975 и 152 ст. Улож. о нак. изд. 1886 г.[65].

Посему вышепоименованный Шостакович предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге, августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в тех преступлениях, в которых вы обвиняетесь?

Шостакович. Признаю.

Председатель. Что вас побудило, когда вы встретили Домбровского, который уходил из арестных рот, каторжник, что вас побудило принять участие в нем?

Шостакович. В первое время, когда я встретил Домбровского, я не знал, что он каторжник; он встретился со мной на улице и просил, чтобы я принял его к себе; дорогой он мне сказал, что он Домбровский и что он бежал с Колымажного двора.

Председатель. Следовательно, вы узнали его на улице, что он Домбровский,—он вам это объявил?

Шостакович. Да, когда он мне это объявил, то я не считал возможным на это [не] согласиться, на его просьбу, так как я видел в нем несчастного человека.

Председатель. Странное объяснение. Всякий преступник в несчастном положении, а между тем общество требует, чтобы оно было ограждено от преступления, и чтоб преступление было наказано. Всякий преступник несчастный человек, несчастный по собственному своему произволу, поэтому он не может заслуживать сочувствия.

Шостакович. Я не стараюсь себя оправдывать, и я только привожу причину, почему я поступил так. В обвинительном акте есть только маленькая ошибка: фамилия Домбровского показана в моих показаниях.

Председатель. Какая ошибка?

Шостакович. Там сказано, что я фамилии не помню, а между тем фамилия мною показана.

Председатель. Свидетели не должны быть спрашиваемы, потому что тут полное сознание.

Шостакович. Мне кажется, что в обвинительном акте сказано, что я сначала не сознавался,—это тоже несправедливо, потому что я на первом или на втором вопросе сознался.

Председатель. На первом вопросе, следовательно, не сначала, не на первом вопросе?[1])

Шостакович. В законе[1]) сказано, что на одном из первых вопросов.

Председатель. Это будет принято во внимание.

Шостакович был уведен, а Петерсон[ъ] введен.

Председатель (Петерсону). Объявите ваше имя, отчество и фамилию, лета.

Петерсон. Николай Павлович Петерсон.

Председатель. Звание ваше?

Петерсон. Учитель.

Председатель. Лета?

Петерсон. 16 июня мне было 22 года, а я показал, что мне 21 год, так как меня спрашивали раньше.

Председатель. Вероисповедания?

Петерсон. Православного.

Председатель. Жительство и занятия?

---

[1]) Так в подлиннике.

Петерсон. Жил в Бронницах, в последнее время был уездным учителем.

Председатель. Учителем чего?

Петерсон. Учителем математики и геометрии.

Председатель. Учителем от правительства или частным?

Петерсон. От правительства.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года. Николай Павлов Петерсон, 21 года, сын титулярного советника, бывший учитель бронницкого уездного училища.

По обстоятельствам настоящего дела на бывшего учителя бронницкого уездного училища Николая Павлова Петерсона падает обвинение в знании и недонесении о лицах, укрывавших беглого государственного преступника Домбровского. Когда в г. Бронницы было получено известие о преступном покушении, сделанном 4 минувшего апреля на священную жизнь государя императора, Николай Павлов Петерсон необдуманными разговорами навлек на себя подозрение в знании участников преступления Дмитрия Каракозова.

Вследствие сего Николай Петерсон был арестован и доставлен в Москву, где на допросах следственной комиссии первоначально давал уклончивые ответы, но впоследствии изъявил готовность сделать чистосердечное признание. На последующих за сим допросах Николай Павлов Петерсон показал, что он был знаком с Каракозовым, Ишутиным, Ермоловым, Загибаловым, Странденом и, находясь в Москве в 1863 году, принадлежал к их обществу, разделял их противуправительственные мысли и имел общее с ними намерение распространять социалистические идеи.

Продолжая свой рассказ, Петерсон объяснил, что в марте 1864 года он отправился в Богородск, где получил место уездного учителя, там он подчинился новым влияниям, переменил свой образ мыслей и, бывая в Москве только изредка, не имел уже никаких коротких отношений с своими прежними товарищами, однако не прекращал с ними сношений и всякий раз, когда приезжал в Москву, посещал их. Когда означенные лица были арестованы, он выражал о них сожаление, потому что всех их знал за людей честных и бескорыстных.

При посещении им однажды зимою 1865 г. Юрасова, он видел на квартире его беглого государственного преступника Домбровского, который был приговорен к каторжным работам, бежал из

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 93—95.

Колымажного двора в Москве и укрывался Юрасовым и его товарищами. (Соб. пок., т. VI, лл. 342—353—379). Более Николай Петерсон ни в чем не сознался. За сим на основании собственного его сознания Николай Павлов Петерсон обвиняется в том, что, зная о преступном укрывательстве Юрасовым и его товарищами беглого государственного преступника Домбровского, он не донес о сем правительству, что составляет преступление, предусмотренное 316 и 126 ст. Улож. о наказ.

Посему Николай Павлов Петерсон предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен августа 18 дня 1866 года, в С.-Петербурге.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным?

Петерсон. Признаю.

Граф Панин. Вы заявили в комиссии раскаяние и желание чистосердечно признаться во всем. Объясните, в 63 году вы принадлежали к кружку Каракозова, Ишутина и прочих—Ермолова и Странден?

Петерсон. Каракозова не было.

Граф Панин. В чем состояли тогда ваши занятия?

Петерсон. В то время у нас определенных занятий не было.

Граф Панин. Но в чем состояла деятельность этого общества?

Петерсон. Деятельность этого общества состояла в разговорах противоправительственных.

Граф Панин. Кроме того, не было ли у вас учреждено рабочих ассоциаций, швейных и т. п.?

Петерсон. Не было ничего.

Граф Панин. Теперь вы говорите, что переменили свой образ мысли, живя в Бронницах, между прочим, приезжая в Москву, вы каждый раз их посещали. Что вы говорили с ними во время своих приездов, что вы слышали на сходках, что они вам говорили о своих намерениях?

Петерсон. Когда я приезжал в Москву, то я не могу сказать, чтобы они были со мною откровенны, но у них учредились швейные в то время, переплетные учредились.

Граф Панин. Других заведений не было?

Петерсон. Не было.

Граф Панин. С Маевским вы были знакомы?

Петерсон. Нет.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Перед последним посещением Петерсона вас в вашей квартире имели ли вы какие-нибудь сношения?

Юрасов. Никаких сношений я с ним не имел.

Председатель. В котором году в последний раз у вас был Петерсон?

Юрасов. В 1865 году, кажется; может быть, еще когда-нибудь приезжал. В 1864 году он уехал из Москвы уездным учителем [в] Бронницы.

Председатель. И с тех пор вы никаких сношений с ними не имели?

Юрасов. Никаких сношений.

Заседание 12 сентября.

Председатель. Мы остановились на допросе Маевского.

Был введен Маевский[67].

Председатель (Маевскому). Скажите ваше имя, отчество и фамилию, лета, звание, вероисповедание, жительство и занятие до настоящего времени.

Маевский. Дворянин Павел Петрович Маевский, родом Виленской губернии, вероисповедания римско-католического, 27-ми лет; по настоящее время я занимался приобретением сведений для деятельности польской литературы, с 1863 года занимался преподаванием уроков[1]) в частных домах.

Председатель. Вы в Москве с которого года жили?

Маевский. С 1856 года.

Председатель. С 1856 года вы все жили в Москве?

Маевский. Постоянно жил.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, дворянин Павел Петров Маевский, 27 лет.

По обстоятельствам дела на дворянина Павла Маевского падает обвинение: 1-ое в укрывательстве в Москве и снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников, как-то: Ковалевского, Оржеховского, Верницкого, Олтаржевского, Домбровского и друг., 2-е в знании о существовании в Москве тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства, и 3-е в имении сочинений возмутительного содержания.

I. Из дела видно, что Маевский в 1856 году перешел из виленского дворянского института в московский университет, по исключении из коего в 1862 г. за малоуспешностью был привлечен к следствию по поводу обнаружения у него значительного количества возмутительных сочинений на польском языке, но в мар-

---

[1]) В подлиннике: «урока». [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 97—103.

то 1863 года освобожден из-под стражи и остался в Москве, где, по его показанію, занимался пріобретеніем свѣденій для польской литературной дѣятельности (т. VIII, л. 60 об. и слѣд.).

В укрывательстве польских политических преступников и снабженіи их фальшивыми паспортами и деньгами для побѣгов Маевскій не признался, но уличается слѣдующими обстоятельствами:

1) Рядовой из дворян Тит Олтаржевскій показал, что он познакомился с Маевским через учителя Маркса, послѣ того как в 1864 г. бѣжал из полка, что Маевскій был у него, когда он лежал в Москве в арестантском отдѣленіи госпиталя, и дал ему при этом от 10 25 р. с. и потом два раза давал деньги на проѣзд в С.-Петербург раз 7 р., другой 15 р. с. (т. VIII, л. 139, 140), но Маевскій совершенно отвергнул это показаніе Олтаржевского, объяснив, что его не знает, а только слыхал фамилію Олтаржевского от учителя Маркса (т. VIII, л. 66 об.), и остался при своем запирательстве и на очной ставкѣ с Олтаржевским, которым уличал его согласно своему показанію (т. VIII, л. 162). Марке в относящемся до него подтвердил показаніе Олтаржевского (Моск. д., л. 106).

2) Подсудимые Лангауз и Юрасов показали: первый что Маевскій дал бѣжавшему государственному преступнику Домбровскому адрес лица, которое устроило его выѣзд за границу, и второй, Юрасов, в квартирѣ которого жил государственный преступник Домбровскій послѣ побѣга,—что его Домбровскій познакомил с Маевским, и он с Домбровским был у Маевского, и уличали его в этом на очных ставках, но Маевскій отверг эти показанія, говоря, что с Юрасовым его познакомил сын чиновника обвиняемый Шостакович, и уличал в этом сего послѣдняго, но Шостакович показал, что он, сколько помнит, дѣйствительно, не знакомил Маевского с Юрасовым, но как это было давно, то утверждать не может, а Юрасов объяснил, что с Маевским его познакомил не Шостакович, а Домбровскій (т. VIII, л. 170, 161, 160, 141).

3) Подсудимый провизор Лангауз показал, что он видѣл на квартирѣ Маевского бѣжавших преступников: Ковалевского, Оржеховского, Вержицкого, Ровинского и других, которых фамилии не знает (т. VIII, л. 170).

4) Прикосновенный к сему дѣлу Барановскій, живший одно время с Маевским, объяснил, что в маѣ 1866 года бѣжавший из арестантских рот Оржеховскій был при Маевском в его, Маевского, комнатѣ, и что Маевскій посылал его к Марксу для полученія денег на проѣзд Оржеховского в С.-Петербург (т. VIII, л. 202 и 314).

5) Учителя Трусов и Марке также показали, что Маевскій укрывал и снабжал деньгами и паспортами бѣглых ссыльных поляков (Моск. д., л. 13 и слѣд. 106 и слѣд.).

6) Подсудимый Марке показал, что Маевскій поручал ему отвезти в Петербург письмо к офицеру Лѣсного корпуса Мокржиц-

кому [1], который ему дал фальшивые паспорты, сказав: «вот ответ Маевскому», но он, испугавшись, возвращаясь в Москву по железной дороге, их уничтожил. (Моск. д., л. 101 и след.).

7) Подсудимый Лангауз показал, что Маевский был агентом опеки народовой, что у Маевского был патент, который он давал ему, Лангаузу, на сохранение, что Маевский также давал ему на сохранение печать с буквами П К (Польский Комитет) и портфель, говоря, что в нем важные бумаги, и поручил ему составлять симпатические чернила (т. VIII, л. 170 об.), а подсудимый Трусов объяснил, что, по словам Лангауза, Маевский был агентом «опеки народовой» (Моск. д., л. 14 и след.).

II. В знании о существовании тайного революционного общества Маевский также не признался, но уличается в этом следующими обстоятельствами.

Подсудимый Трусов, показал, что, по словам Лангауза, Маевский предлагал подсудимым Шаганову и Николаеву паспорты, чтобы скрыться, и взялся в случае их ареста быть руководителем московского тайного общества (Моск. д., л. 14 и след.; Дело о побеге Домбровского, л. 241), а Маевский объяснил, что он Шаганова и Николаева не знает и, несмотря на улики подсудимых Юрасова, Николаева и Шаганова, что они, Шаганов и Николаев с ним знакомы, остался при своем показании (т. VIII, л. 142, 156, 161, 164.); при этом Николаев объяснил, что Шаганов рекомендовал ему Маевского, как человека, имеющего сношения с заграничными партиями и потому могущего быть полезным для деятельности Организации доставлением ей нужнейших средств, и что познакомился с Маевским через Лангауза. Через него, Николаева, должны были продолжаться в случае ареста Шаганова сношения Организации с Маевским, которому он рассказывал о существовании общества, к которому принадлежит, но Маевскому об этом обществе было известно—не знает от кого (т. VIII, л. 165), и улики в этом Маевского на очной ставке, но Маевский остался при упорном запирательстве (т. VIII, л. 218).

III. Наконец, по особому делу, производившемуся в московской уголовной палате, Маевский по обстоятельствам, обнаруженным произведенным исследованием и собственному признанию, уличается в имении в 1862 году значительного числа польских сочинений возмутительного содержания.

По всем этим обстоятельствам дворянин Павел Маевский обвиняется:

1) В укрывательстве в Москве и снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников Домбровского, Оржеховского, Олтаржевского, Верницкого, и друг., что составляет преступления, предусмотренные 316, 975 и 152 ст. Улож. о нак.

---

[1] Мокржицкий заочным приговором военного суда присужден к каторжной работе. (Прим. подл.)

2) В знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, и недонесении о том правительству, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о нак.

3) В имении сочинений возмутительного содержания, что составляет преступление, предусмотренное в 4 части 251 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Маевский предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен августа 18 дня 1866 года в С.-Петербурге.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель: Вы слышали: 1) обвинения в укрывательстве и снабжении средствами для побега названных людей, второе — в знании о существовании революционного общества в Москве, и, в 3-х, в имении у себя сочинений возмутительного содержания; признаете ли вы себя виновным?

Маевский. В имении у себя возмутительных сочинений в 1862 году признаю себя виновным, но в других двух преступлениях не признаю.

Председатель. В имении у себя сочинений возмутительного содержания вы признаете себя виновным, но признаете ли себя виновным в укрывательстве и снабжении политических преступников фальшивыми паспортами?

Маевский. В этом не признаю.

Председатель. Какие же тогда были ваши сношения с Олтаржевским, Домбровским, Ковалевским и другими бежавшими преступниками, которых видел в вашей квартире Лангауз?

Маевский. На счет Олтаржевского я ничего не могу сказать, потому что этого человека не знаю, хотя он и говорит, что он у меня был, но я не помню, был ли у меня Олтаржевский, или нет; на счет других преступников, на счет Домбровского, кажется, Лангауз не говорил, что он видел его у меня[1], а говорит только, что я дал адрес лица, которое устроило его побег за границу, затем Лангауз говорит, что он видел у меня Оржеховского, Ковалевского, Верницкого, Ровинского и других, которых я не упомню. Он мог это совершенно сознательно говорить, но между тем, это несправедливо; отношения мои к Лангаузу были такие, что я не входил с ним ни в какие рассуждения. Я заметил в его характере черту — это ложь, стремление никогда не говорить правды; я это ему и в глаза говорил и за глаза. В дружеских отношениях никогда не был, хотя он и называл меня своим другом. Когда я говорил с ним, то я не входил с ним ни в какие рассуждения,—я знал, что такого человека, как Лангауз, у которого нет убеждений, что его по-

1) Слова: «он видел его у меня» вписаны над зачеркнутым: «я устроил его побег».

возможно в 30 лет переделать, что всякие разговоры с ним останутся бесполезными; видя это, я не входил с ним ни в какие рассуждения: на все, что он говорил, я на все соглашался. Бывали такие случаи, что он приходил ко мне и заставал человека незнакомого ему: улучив минуту, он спрашивал меня, кто этот незнакомый, не бежавший ли преступник Верницкий, Оржеховский, или он говорил какую-нибудь другую фамилию. Я на все фамилии соглашался, так как я знаю, что все разговоры с Ланггаузом напрасны.

Председатель. Я не прерывал вас, хотел вам дать высказать все, что вы считаете нужным по вопросу об том, какие вы имели сношения с бежавшими политическими преступниками. Рассказ о ваших сношениях с Ланггаузом не составляет ответа на этот вопрос: к вашему делу не имеет отношения то, имел ли Ланггауз привычку лгать, или нет. Вы говорите, что вы соглашались на те все фамилии, которые говорил вам Ланггауз, а почему же он знал эти фамилии?

Маевский. Я этого уже ничего не знаю.

Председатель. Но сношения ваши с ним были?

Маевский. С Ланггаузом?

Председатель. Вы говорите, что он не был вашим другом, что вы соглашались на фамилии, которые он говорил, но фамилии эти, которые действительно существуют и которые он действительно называл, откуда он знает? Вы говорите, что не знаете, откуда он их знает, но какие были ваши сношения с этими людьми?

Маевский. Никаких сношений с ними я не имел.

Председатель. Но они бывали у вас?

Маевский. Не бывали, с ними я незнаком и никаких сношений не имел.

Председатель. Довольно странно, чтоб Ланггауз, не имевший сношений с бежавшими поляками, знал имена бежавших, а вы их не знаете.

Маевский. Не знаю.

Председатель. И всякие сношения с ними отвергаете?

Маевский. Отвергаю.

Член суда Башуцкий. Кто были те лица, которых Ланггауз заставил у вас, которых вы ему не называли?

Маевский. Не могу припомнить.

Член суда Башуцкий. Верно, кого-нибудь да можете припомнить?

Маевский. Я большею частью имел знакомых по клубу.— в Немецком клубе я бывал, и некоторые члены бывали у меня, Ланггауз мог их встречать.

Председатель. Так вы решительно останавливаетесь на том, что вы с ними никаких сношений не имели?

Маевский. Не имел.

Председатель. Не знаете, по какому случаю Ланггауз знал их имена?

Маевский. Не знаю.

Председатель. С какою целью вы были агентом опеки народовой?

Маевский. Агентом опеки народовой я никогда не был.

Председатель. В каких отношениях вы находились с Шагановым и с Николаевым?

Маевский. Николаева я вовсе не знаю, но Шаганова я видел, я был знаком с Юрасовым. В январе или феврале 1866 года зашел ко мне Юрасов и привел с собою другого человека, рекомендовал его; при этом я не помню, говорил ли мне его фамилию, или нет, но помню только, что я фамилию не слыхал. Это было вечером, он приходил ко мне с какою-то просьбою. Юрасов сообщил мне эту просьбу, потом они посидели у меня минут 5 или 10 и ушли. Оказалось впоследствии, что это был Шаганов, но в то время, когда был у меня Шаганов, я фамилии его не слышал; и действительно, Юрасов был у меня с другим человеком: может быть, он мне его и рекомендовал, может быть, он говорил, что Шаганов будет иметь ко мне просьбу, но этого я не слышал, и фамилию Шаганова я не слышал, я не отвергаю, что у меня был Шаганов, но Шаганов показывает, что он был у меня в другой раз. Вот это я отвергаю.

Председатель. Какой же у вас разговор был с Шагановым и Юрасовым, когда они у вас были?

Маевский. Юрасов говорил мне о том, что обращался ли я с дозволением на мой перевод, что для этого нужно обратиться к профессору петербургского университета; спрашивал меня, где я буду печатать свой перевод; я сказал, что в Варшаве, и не помню, что мы еще говорили,—может быть, о литературе

Председатель. А об революционном обществе, что вы говорили?

Маевский. Ни одного слова.

Председатель. Знали ли вы от кого-нибудь другого об революционном обществе?

Маевский. Об революционном обществе я узнал после события 4 апреля, когда об этом было известно всем из газет.

Председатель. А прежде не знали?

Маевский. Ничего не знал.

Председатель. По какому случаю вы держали у себя польские сочинения возмутительного содержания?

Маевский. В 1862 году?

Председатель. В 1862 г.

Маевский. Три года тому назад. Я с тем их держал, чтоб уничтожать; и несколько раз действительно уничтожал. До 1861 года я воспитывался и развивался под влиянием тех идей, которые произвели события 1863 года, я совершенно был такой же узкий патриот, как и большая часть [1]) из поляков, но первое

[1]) В подлиннике: «большей части».

событие 1861 года, первые манифестации в Варшаве заставили меня одуматься, заставили меня вникнуть в дело и показали мне, что все прежние мои идеи не более, как мечты. Я не отказывался, что был таким же узким поляком, как и многие мои соотечественники, до 1861 года, но когда я увидел, что мои мечты, что то, к чему я стремился, начинают осуществляться, тогда я начал рассматривать последствия этого. Я хотел понять больше и начал сомневаться в этом, начал заниматься наукою и впоследствии этого времени я сильно изверился[1]) в действительности той мечты, которою я жил 22 года; я смутно понимал все те последствия, которые выйдут от восстания, от революции в Польше. В это время начались агитации, которые имели свое влияние на Москву. В Москве начали появляться прокламации, различные брошюры возмутительного содержания, сильно действующие на польскую молодежь. Содержание этих брошюр и прокламаций было в высшей степени возмутительно и вместе с тем бессмысленно, это был набор фраз трескучих, воззвание к убийству и мести. Я уже понимал, хоть и смутно, все последствия и несостоятельность такого положения поляков, но не имел никаких еще твердых убеждений относительно этого дела и восставал против всех прокламаций. Я имел много знакомых в Москве, товарищей своих. Ко мне попадали эти прокламации. Я нападал на их бессмысленность и неуместность, показывал их другим товарищам, убеждал их брать эти прокламации и уничтожать их; таким образом, я сам три или четыре раза уничтожал прокламации. Я приведу свидетелей, других своих товарищей. Этот факт есть при деле следственной комиссии; у меня осталась еще часть этих прокламаций, и при обыске они найдены у меня. Вот по какому случаю я имел прокламации.

Председатель. Как вы это можете объяснить, что хотели уничтожать, но между тем оставили у себя? Если вы возражали против них, с какою целью вы их сохраняли четыре года?

Маевский. Я все жег, что имел в разное время. (Как только у меня собиралось побольше прокламаций, я их вместе и сжигал.

Был введен Олтаржевский[68].

Председатель Олтаржевскому. В каких сношениях вы были с Маевским?

Олтаржевский. С Маевским я познакомился в госпитале в Москве.—Маевский приносил мне деньги. Впоследствии, когда я находился в отлучке, я бывал у Маевского; после, когда я ездил в Петербург, я из Петербурга приезжал с письмом от Никольского[69] и отдал это письмо Маевскому.

Председатель. Сколько раз вы всего бывали у Маевского?

---

[1]) В подлиннике: «изменился».

Олтаржевский. У Маевского всего бывал я только 2 раза на его квартире и один раз он приходил ко мне в госпиталь.

Министр юстиции. Скажите, давал ли вам Маевский деньги на проезд в Петербург и сколько именно?

Олтаржевский. Он давал мне деньги только 2 раза: 1-й раз—7 руб., во 2-й раз—15 руб.

Министр юстиции. С какою целью вы ездили в Петербург?

Олтаржевский. Я в Петербург ездил, потому что бежал из полка.

Министр юстиции. Зачем же вы возвращались опять в Москву?

Олтаржевский. С письмом от Павла Никольского.

Председатель. Вы слышали, что объяснил Олтаржевский, что он был у вас 2 раза и что 3-й раз вы сами к нему приходили?

Маевский. Я слышу, что он говорит, что я был у него один раз, что он мне привез письмо от Никольского. Я только доказываю, что это неправда, я уличаю в том, что с Никольским я не был знаком и от него писем не получал.

Председатель. Все-таки он был у вас два раза, а третий раз вы сами приходили к нему.

Маевский. Нет, я у него не был, и он у меня не был.

Председатель. Олтаржевский, слышите, что он говорит?

Олтаржевский. Я подтверждаю, что я был у него 2 раза, и он был у меня 1 раз.

Председатель. Известно ли вам содержание письма?

Олтаржевский. Содержание письма было о высылке денег, собранных в Москве.

Маевский. Я только могу сказать, что уличаю Олтаржевского в несправедливости слов его, потому что я с Никольским не знаком и от него никаких писем не получал, никаких сношений с ним не имел.

Был введен Ланггауз.

Председатель. Ланггаузу. Каких политических преступников видели вы у Маевского?

Ланггауз. Мне об них Марке сказал: я видел у Маевского две личности,—какого-то Ковалевского и Верницкого, но Маевский мне не называл их, а Марке мне в 1866 году в апреле месяце сказал, что те две личности, которых видел у Маевского, были политические преступники, Ковалевский и Верницкий, что они бежали за границу; способствовал ли их побегу Маевский, Марке мне об них ничего не говорил. 3-го я видел Оржеховского: находился ли он у Маевского или у Барановского, я этого не знаю. Марке также мне сказал, что год тому назад он бежал, но способствовал ли ему Маевский, или нет, я этого не знаю.

Председатель. Какие бумаги и печать давал он вам на сохранение?

Лангтауз. Печати на сохранение он мне не давал, он мне ее показывал только и, может быть, шутил, что это знак польского комитета, а бумаги он мне один раз оставил,—зашел ко мне и просил меня, нельзя ли оставить портфель, потому что он шел в гости; на другой день он зашел ко мне и взял эти бумаги; потом Маевский оставлял еще у меня бумаги во 2-й раз.

Председатель. И вы не любопытствовали посмотреть, что это за бумаги?

Лангтауз. Они были связаны шнурком и запечатаны печатью, и потому я их не мог видеть. Маевский после мне намекал, что это были важные бумаги.

Председатель. Можете ли вспомнить, какие Маевскому предложения делали Шаганов и Николаев?

Лангтауз. Я даже не знаю, виделся ли он с Николаевым; я знаю только, что Николаев раз пришел ко мне вечером в первый раз и просил меня, чтоб я познакомил его с Маевским; я его свел к Маевскому; на другой день Маевский и Николаев были у меня и говорил об 100 000-х.

Председатель. Об каких это ста тысячах?

Лангтауз. Об ста тысячах, которые они хотели достать, кого-нибудь отравивши.

Председатель. Для употребления этих ста тысяч для какого дела?

Лангтауз. Они не говорили при мне об этом,—вероятно, Николаев говорил об этом с Маевским наедине, потому что я их познакомил 10-го числа, а 11-го вечером Маевский с Николаевым был у меня. Весь 1865 год до апреля 1866 года я Маевского в глаза не видал, и когда случилась эта история с стрихнином, который я дал Марксу, я пошел к Маевскому посоветоваться, что мне сделать, чтоб он мне посоветовал, что мне в этом деле делать, в котором Маркс поступил со мною так неделикатно. После того Маевский ходил к Шаганову узнать, что сделал он с стрихнином; 11-го числа пришел ко мне Маевский и сказал, что он виделся с Шагановым, что стрихнин находится у него, что им не нужен, что им нужен яд, который медленно действует; 11-го же пришел ко мне Маркс. Это было при Маевском, когда Маркс на коленях со слезами просил прощения, что он обманом взял у меня яд. Маевский, если сознается во всем, может подтвердить это. 12 апреля я был вечером у Маевского и застал Николаева. Николаев рассказывал, что у них составилось целое общество, что они хотят сделать революцию в России, может быть, лет через 10 или 15, что на те 100 000, которые они достанут, они хотят учредить ассоциации, что они хотят какое-то учение социалистов распространять между народом. 14-го числа я отправился к Шагалову, чтоб отобрать у него стрихнин и на Патриарших прудах встретил я Маевского. Когда мы под-

ходили к квартире Шаганова, нам попался навстречу Николаев. Николаев сказал, что Шаганова нет дома, просил нас обождать немного, сам пока он сходит изыскать Шаганова, но между тем он не нашел его; таким образом, мы с Маевским пошли домой, дорогой мне Маевский говорил: «какой ты сумасшедший, что дал ему яду,—пожалуй, он впутает тебя».

Министр юстиции. Вы показали, что Маевский был агентом опеки народовой. Объясните, что такое опека народовая?

Ланггауз. В августе 1864 г. я случайно нашел у Маевского лоскуток почтовой бумаги, на котором было напечатано «агент опеки народовой» и пером нарисована печать агентуры; я спросил у Маевского, что это такое; он отвечал, что это больше ничего, как пустяшная бумажка, но что он собирает деньги и старые платья для бедных поляков и передает им, и сказал, что и ты можешь давать, и я, что мог, давал.

Министр юстиции. Где же находилась опека народовая?

Ланггауз. Не знаю, но сколько я мог заключить из слов Маевского, что опека народовая находится в Вильне.

Остряков. В каких отношениях вы находились с Маевским,—в дружеских?

Ланггауз. Нет, как простой знакомый; в 1865 году, в начале года, я с ним рассорился и до апреля 1866 года я у Маевского не был.

Остряков. Вы не помните, в каких отношениях Маевский был с Марксом?

Ланггауз. Маркс и все его семейство терпеть не могли Маевского за какие-то сплетни.

Остряков. Между прочим, вы в ваших показаниях упомянули фамилию Барановского. Скажите, какие отношения были между Маевским и Барановским?

Ланггауз. Этого сказать не могу,—знаю только, что они жили вместе.

Остряков. Вы показали, что Маевский дал адрес лица, которое устроило[1]) побег Домбровского.

Ланггауз. Это я говорил со слов Маркса. Он мне рассказывал, что будто бы Маевский способствовал Домбровскому бежать за границу, но правда ли это, этого я не знаю; это уже было в апреле месяце 1866 года, что Маркс мне об этом говорил.

Остряков. Помните, между прочим, что нашли лоскуток бумаги, на котором была печать: «агент опеки народовой»,—так вы сказали?

Ланггауз. Я в часах его нашел маленький листок бумаги, на котором было написано «агент опеки народовой»,—скалка и на этом же листке печать нарисована.

---

[1]) Слово: «дал адрес... устроило» вписаны над зачеркнутым: «не придавал никакого серьезного значения».

Остряков. Что значит скалка?

Ланггауз. Не знаю.

Остряков. Вы объясните поподробнее, по какому поводу вы познакомили Маевского с Николаевым?

Ланггауз. Николаев просил, чтоб я его свел к Маевскому. Я его свел.

Остряков. Не объяснял вам Николаев, с какою целью он хотел познакомиться с Маевским?

Ланггауз. Нет, он ни с какою целью не объяснял.

Остряков. В какое это было время?

Ланггауз. 10 апреля. До тех пор я Николаева в глаза не видал. 10 апреля он пришел ко мне от имени Трусова и просил свести его [к] Маевскому.

Остряков. Скажите, пожалуйста, давал ли Маевский Николаеву и Шаганову паспорты и брался ли он быть руководителем тайного революционного общества в случае ареста Шаганова и Николаева?

Ланггауз. Это Трусов сказал, но я об этом ничего не знаю.

Маевский. Говорил ли я вам (Ланггаузу) в последнее время до моего ареста, что с Барановским я в ссоре нахожусь, что желаю с ним расстаться, и еще я просил вас, чтобы вы мне достали какое-нибудь место, потому что мне невыносимо оставаться с Барановским?

Ланггауз. Действительно, на Тверском бульваре вы встретили меня и просили меня, чтоб я, ради бога, отыскал вам место, что у вас не с чего жить.

Маевский. А о ссоре с Барановским я вам вспоминал?

Ланггауз. Да, вспоминали.

Маевский. Признаете ли вы за собою способность никогда не говорить правды? (Маевский сказал это тихо.)

Председатель, граф Панин и принц Ольденбургский. Что, что он сказал?

Маевский. Я спросил его, признает ли он за собою способность никогда не говорить правды.

Граф Панин. Вы не имеете права поставлять такие вопросы, тем более, что собственное ваше показание вовсе не согласно с тем, что сказал Ланггауз, потому что вы говорили, что сами называли ему какими-то именами приходивших к вам, а он показал, от кого он эти имена слышал, следовательно, вы сами тогда неправду говорили.

Председатель. Вещи, подобной той, которую вы сейчас сказали, не могут быть допущены. Вам дано право спрашивать у свидетеля на счет тех обстоятельств, которые относятся к делу, но ругать человека вы не имеете права. Вы этого права нигде не имеете. Вы видите, что ваши показания на счет тех людей, которых он у вас видел, и на счет Шаганова и Николаева совершенно не согласны с тем, что он говорил, и после того, вместо того, чтоб допрашивать о том, на чем основывается

свое оправдание, вы вдруг зададите ему такой вопрос. Если вы хотите спрашивать, то можете спросить без ругательств, о тех обстоятельствах, которые вас оправдывают.

Маевский. Я не имел намерения рутать господина Лангауза,—я его спросил с тою целью, чтоб объяснить показанию господина Лангауза. [1])

Председатель. Это объяснение такого рода, которое не может быть допущено,—вы можете спрашивать об таких обстоятельствах, которые служат к вашему оправданию, потому что показания ваши несогласны с его показаниями.

Лангауз. Я говорю, что, кроме агентуры, которой я не придаю значения, я ничего не слышал от Маевского, а слышал все от Маркса, на которого я положиться не могу, потому что он тогда был в болезненном состоянии и теперь болен.

Был введен Юрасов.

Председатель. Кто вас познакомил с Маевским?

Юрасов. Домбровский.

Председатель. Какие были сношения между Маевским и Домбровским?

Юрасов. Этого мне не известно.

Председатель. По какому случаю вас Домбровский познакомил с Маевским,—какая цель этого знакомства?

Юрасов. Домбровский сказал, что у него есть в Москве знакомый, что не хочу ли я, чтоб он меня познакомил с ним; я сказал, что буду очень рад этому. Таким образом, Домбровский меня познакомил с Маевским.

Председатель. Не сказал ли вам Домбровский, какой был человек Маевский, с которым он вас познакомил?

Юрасов. Он только говорил мне, что у Маевского есть еще знакомые, но собственно про него Домбровский только сказал, что Маевский хороший человек, не хочу ли я с ним познакомиться.

Председатель. Тут нет откровенности в вашем объяснении: каким образом не знавший вас, не имея никакого повода, никакой причины, Домбровский, на которого вы не могли полагаться [2]), предлагал вам знакомство с Маевским, и вы ни цели не имеете, ни причины знакомиться с Маевским, между тем идете знакомиться с ним?

Юрасов. В это время я недавно еще приехал в Москву и никого не имел знакомых и вообще я нуждался в знакомстве.

Председатель. В какое время это было?

Юрасов. Это было в 1863 году, кажется, так, если я не ошибаюсь, только что приехал в Москву и еще не имел ника-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «но я не хотел бросить на них . . .». [2]) Слова: «не могли полагаться» вписаны над зачеркнутым: «не знали, что он за человек, мог вам».

кого знакомства в Москве, поэтому мне было приятно всякое новое знакомство, и это главная побудительная причина, почему я не отказался от знакомства с Маевским.

Председатель. Это объяснение имеет весьма мало смысла. Часто вы имели сношение с Маевским?

Юрасов. Я почти не видался с Маевским. Раз я был у него с Домбровским, потом раза два был у него отдельно и всякий раз только на несколько минут заходил, и третий раз я познакомил его с Шагановым, который меня просил об этом. Шаганов меня спрашивал, есть ли у меня знакомый между поляками и не хочу ли я знакомство с поляками, если таковое у меня есть, передать Шаганову. Я сказал, что у меня есть единственный знакомый, именно Маевский, которого если Шаганов желает, то я его познакомлю с ним. Шаганов согласился, и я его познакомил с Маевским. Вот тогда-то я видел Маевского в последний раз, больше уж я его не видел.

Председатель. Вы говорите, что желали иметь знакомства в Москве, поэтому обращались знакомству с Маевским. Вы познакомились с Маевским для того, чтоб пользоваться знакомством с Маевским, но не продолжали иметь сношения. Следовательно, это не соответствовало той цели, которую вы сейчас объясняли.

Юрасов. Ведь побудительной причины невозможно объяснить, но она заключается в чувстве, известном для всех: Маевский мне после первого впечатления не понравился; когда я познакомился с ним, то первое впечатление, которое он на меня произвел, мне не понравилось, и вследствие этого я стал редко ходить к нему; если бы он более мне понравился, я стал бы чаще к нему ходить.

Председатель. Не можете ли объяснить, в чем он вам не понравился?

Юрасов. Определенного я не могу ничего сказать о нем, потому что с Домбровским я пробыл у него каких-нибудь 10 минут, разговор у нас был об идейных предметах, и никакого особенного разговора я с ним не имел,—больше я не могу объяснить, почему он мне не понравился.

Остряков. Вы все-таки объясните, имели ли вы с Маевским рассуждение о тайном обществе, и не знаете ли вы, не имел ли Маевский сношения с этим обществом?

Юрасов. Он ни с кем не был знаком до тех пор, пока я с ним не познакомил Шаганова, и после того, кроме Шаганова, он не был знаком. Это мне положительно известно.

Маевский. Вы говорите, что между нами был разговор об революционном обществе,—у нас никогда таких разговоров не было.

Юрасов. Я не мог вам говорить об революционном обществе, которого никогда не было.

Маевский. Так вы говорите, что у нас разговора такого не было?

Юрасов. Не было.

Маевский. Потом, брался ли я быть руководителем этого общества?

Юрасов. Нет.

Был введен Шостакович.

Председатель. Знакомы ли вы с Маевским?

Шостакович. Знаком.

Председатель. В чем состояло ваше знакомство,—давно ли вы познакомились и часто ли с ним встречались?

Шостакович. Я познакомился с ним в 1864 году, сначала виделся очень редко, потом вместе жили.

Председатель. Расскажите все, что вам известно. Сколько вы жили с ним, вам должны быть известны многие обстоятельства,—чем вы с ним занимались, какие были у вас знакомые, какие люди приходили к вам, приходили ли к вам польские уроженцы, политические преступники?

Шостакович. Этого не знаю.

Председатель. Что вам известно, расскажите?

Шостакович. Маевский занимался уроками и больше ничего; у него бывали Маркс, Стотцкий, Кучинский (раздумье). Вообще мы жили с ним в отдельных комнатах и редко были вместе и не все наши знакомые были общие.

Министр юстиции. Домбровский бывал у Маевского?

Шостакович. Нет... т.-е. я не знаю, может, и бывал, но мне это неизвестно.

Остряков. Не известно ли вам, в каких отношениях был Маевский с Ланггаузом и Марксом?

Шостакович. Этого мне не известно.

Остряков. Вам не высказывал ли Маевский своего образа воззрения на последнее событие в Польше?

Шостакович. Не случалось мне никогда говорить об этом.

Остряков. Не известно ли вам, кто познакомил Юрасова с Маевским?

Шостакович. Кажется, я его познакомил.

Маевский. Ты сказал, что я ничего не говорил о Марксе и Ланггаузе,—сколько помню, я тебе несколько раз говорил об них.

Шостакович. Может быть, ты мне говорил, но где же все припомнить.

Маевский. Ты не помнишь ли, мы иногда разговаривали, иногда касались тайных обществ, деятельности честного гражданина, революции? Помнишь ли, как я отзывался о тайных обществах и революции, что они ни к чему никогда не ведут, что тайные общества и революции никогда не могут итти прямым путем, что они должны избирать для себя средства незаконные, интригу, убийство, что тайные общества и революции никогда не достигают цели, что последствием их бывает верная гибель людей,

которые своею гибелью приносят вред как себе, так и обществу, что для того, чтоб действовать с пользою, нужно избрать для себя законный путь, а что главное—нам нужно учиться и учиться.

Шостакович. Это действительно, что ты говорил, и это также было говорено и с моей стороны.

Маевский. Я тебе указывал на Польшу, как на пример последствий революции.

Шостакович. Это такая мелочь, которую можно было и позабыть, но что ты указывал на вред тайных обществ, то это было; я был согласен с тобою.

Был введен Барановский[70].

Председатель. Какие поручения давал вам Маевский для содействия побегу Оржеховского?

Барановский. Мне никаких поручений Маевский не давал. Оржеховского[71] я встретил в комнате Маевского, и так как я был знаком с Оржеховским, то я позвал его к себе и был вместе с ним; потом мне Оржеховский объяснил, что он хочет бежать из России. Он просил у меня денег, говорил, что нет денег, и потому обратился ко мне. У меня тоже немного было денег. Я обратился к Маевскому и спросил его, каким образом помочь Оржеховскому, каким бы образом достать денег. Маевский посоветовал обратиться к Марксу: на это я сказал так как Маркса я всего видел раз-в пять или шесть, и я не очень хорошо с ним был знаком, то мне неловко было просить у него денег. Я просил Маевского пойти к Марксу и взять у него денег; Маевский сказал, что он с ним не в ладах; поэтому я отправился к г. Марксу и сам просил от него денег.

Председатель. Сколько Маркс вам дал денег?

Барановский. Шесть рублей, и я эти деньги передал Оржеховскому.

Председатель. Где вы нашли Оржеховского,—он дожидался у Маевского?

Барановский. Видите ли, я жил в одной квартире с Маевским; моя комната была смежною с комнатой Маевского, и у нас была общая прихожая, но Оржеховский всегда ко мне приходил, но в этот раз, когда я возвратился домой, то я не нашел Оржеховского дома. Потом он через несколько дней пришел, то я ему вручил эти деньги.

Маевский. Когда вы приехали в Москву и познакомились со мною, вы сказали мне, что у вас есть рекомендательное письмо к Марксу; вы спрашивали меня об Марксе,—что я сказал вам тогда? Я назвал его узким патриотом, человеком, который правды никогда не говорил, человеком тщеславным, не советовал бы вам с ним знакомиться, говоря, что знакомство с ним есть бесполезная, скучная трата времени.

Барановский. Действительно, вы мне говорили об этом, но письма к нему не было при мне.

Маевский. Может быть, и так, но вы спрашивали у меня, стоит ли знакомиться с ним?

Барановский. Да.

Маевский. Не помните ли, как [я] отозвался о Лангаузе?

Барановский. Вы нехорошо отозвались об нем, и сколько я сам знал о ваших сношениях с Лангаузом и Марксом, мне известно было, что вы с ним были не в ладах.

Был введен Маркс.

Председатель. Что вам известно о Маевском, собственно об участии его в освобождении политических преступников?

Маркс. Я знаю, что у него скрывались Олтаржевский, Ковалевский и Домбровский.

Председатель. Об Олтаржевском вы знали,—что вы знали о нем?

Маркс. Меня не было дома, и в это время заходил ко мне Олтаржевский; он бежал из Колымажного ли двора, или из тюремного замка, я [этого] не знаю. Не заставши меня дома, Олтаржевский оставил у меня записочку, в которой он просил меня, чтоб я к нему зашел. У меня как-то выбрался свободный день, и я был у Олтаржевского в военном госпитале, просил позволения видеться с ним: мне дал это разрешение, кажется, смотритель. Когда я виделся с Олтаржевским, то он обратился ко мне с просьбою, во-первых, я не знаю, на каком основании, он просил у меня денег, во-вторых, он просил отдать Маевскому письмо: он, между прочим, говорил мне, что он хочет бежать за границу. Я передал письмо Маевскому, и Маевский был у Олтаржевского в госпитале.

Председатель. Следовательно, вы утверждаете, что Маевский был у Олтаржевского?

Маркс. Да, я заходил к Олтаржевскому. Он меня просил, чтоб я прислал к нему Маевского, и Маевский был у него. После, в другой раз, в 1864 году, я только что приехал из Петербурга, вдруг ко мне является Олтаржевский: он был в папахе и в тулупе. Он приходит и говорит мне: «вы меня не узнаете?»; он мне говорил, что он уходит из полка. Я его сейчас же и отправил от себя.

Министр юстиции. Я имел бы один вопрос предложить. Объясните, зачем Маевский посылал вас в Петербург к офицеру лесного корпуса Мокржицкому?[72]

Маркс. Я ездил по собственному делу, и накануне моего отъезда из Москвы господин Маевский дал мне письмо к Мокржицкому. Я Мокржицкого знал еще прежде, потому что, когда я был в Смоленске, то Мокржицкий приезжал к своему дяде, у которого я бывал и у которого я видел Мокржицкого. Когда я ехал в Петербург, то Маевский просил, чтоб я отдал письмо Мокржицкому. Больше никакого особенного поручения не было.

Председатель. Вы дали это показание в следственной комиссии?

Маркс. Дал.

Председатель. Стало быть, вы подтверждаете показание, которое вы дали следственной комиссии?

Маркс. Я хорошо не помню в своих показаниях подробности, но только я подтверждаю то, что я сказал в следственной комиссии.

Министр юстиции. Что Мокржицкий вам дал?

Маркс. Дал билеты, один и другой.

Министр юстиции. Что же вы с ними сделали?

Маркс. Я их уничтожил.

Маевский. К вам приходил Барановский в последнее время за деньгами, говорил он вам, что он пришел к вам от моего имени?

Маркс. Этого не помню.

Маевский. Вы не помните ли следующий разговор, который был между нами вскоре после побега Домбровского, спустя месяц или полтора: вы пришли ко мне и сказали, что, слава богу, Домбровский уже за границей, и что вы совершенно спокойны, что вы ему способствовали к побегу деньгами, паспортом и адресом. Я на это вам сказал: как же это так, когда Домбровский жил у меня целый месяц, и я ему способствовал к побегу деньгами, паспортом и адресом. Вы пришли в смущение от этого обстоятельства; когда я сказал, что у меня Домбровский жил, вы замялись, смутились и старались оправдаться: да,—вы говорили,—я его видел на Страстном бульваре и там передал ему деньги и паспорты. Я, видевши ваше смущение, прекратил разговор. Вы припоминаете это обстоятельство?

Маркс. Этого обстоятельства я не припоминаю.

Маевский (настойчиво). Нет, помните, вы мне говорили, что вы способствовали Домбровскому к побегу; я вас пребил и сказал: «странно, как же это так...»».

Граф Панин. Зачем же вы прежде, когда видели, что кто-нибудь не припоминает какое-нибудь обстоятельство, вы настаивали всякие дальнейшие вопросы, а теперь хотите заставить его, чтоб он вспомнил то, чего он не припоминает?

Председатель (Марксу). Вы помните или не помните то, о чем вас спрашивают?

Маркс. Не помню, чтоб это было.

Председатель. Стало быть, вы утверждаете, что не помните то, о чем вас спрашивал Маевский в настоящее время?

Маркс. Я только могу сказать одно, что этого, кажется, не могло быть.

Был введен Трусов.

Председатель. Расскажите, что вам известно о участии Маевского в укрывательстве политических преступников.

Трусов. Я только слышал от Ланг ауза, что ему Спиридов[73] передал на руки Домбровского, а что потом Лангауз, кажется, передал Домбровского Маевскому.

Председатель. Вы как понимали Маевского,—как человека, который дает способы полякам для побегов?

Трусов. Я, ваше сиятельство, подробности и других обстоятельств про Маевского не знаю, и вот это самое обстоятельство на счет Домбровского я слышал от Лангауза.

Председатель. Так вы его передаете по слухам?

Трусов. По слухам.

Председатель. Домбровского вы видели, его знаете?

Трусов. Домбровского я не видел и его не знаю.

Председатель. Вы хаживали к Маевскому?

Трусов. Нет, не ходил; я с ним нигде не встречался и об нем до этого времени ничего не слышал.

Министр юстиции. Брался ли Маевский быть руководителем тайного общества в случае ареста Николаева и Шаганова?

Трусов. Я наверно этого не знаю, но Лангауз сказал мне, что он сдал на руки Маевскому Николаева и Шаганова и потом прибавил мне: «пусть он ими и руководит». О каком обществе мне говорил Лангауз, я этого не знаю. Лангауз мне говорил, что Николаев хотел рассказать о какой-то «Организации», но Лангауз не хотел слушать его и сказал мне, что «мне ничего не нужно; если угодно ему познакомиться с Маевским, то он, кажется, сказал, познакомит».

Маевский. Я прошу вас подтвердить, действительно ли вы меня никогда в жизни не видали, и мы с вами никогда ни одного слова не сказали?

Трусов. Где же я вас видел?

Маевский. Вот именно я у вас спрашиваю, подтверждаете ли, что мы с вами нигде не виделись?

Трусов. Да, я услышал первый раз об Маевском только в комиссии; до этого я об нем ничего не знал.

Трусов был уведен.

Председатель. Маевский, объясните, с какою целью вы сделали тот вопрос, который задали Марксу, которым вы высказывали, что не он, а вы способствовали к побегу за границу Домбровского?

Маевский. Это было потому, что Маркса я знал, как человека тщеславного, который никогда не говорит правду,—я его отлично знал, потому что очень давно с ним знаком. Он на меня всегда производил грустное впечатление, он всегда рассказывал какие-нибудь небывалые вещи, в которых он будто бы играл роль; я знал наверно, что он говорит неправду; я всегда перебивал его и говорил: «как же это так, вы говорите, что это вы сделали, когда, напротив, это я сделал». И он всегда при этом

чем-нибудь отговаривался. Вот именно вследствие его тщеславия он хотел похвастаться передо мною, что он какие-то дела устраивает, способствует побегу людей, и рассказал мне об Домбровском, но я знал наверное, что Марке не мог этого сделать, и что это одно только его тщеславие, и, желая избавиться от него, я сказал ему: «как это так, чтобы вы устроили побег Домбровского, когда Домбровский жил у меня целый месяц, я дал ему паспорт и деньги и все устроил». При этом Маркс смутился. Я сделал это с тою целью, чтоб дать понять Марксу, что я желал бы с ним прекратить знакомство. Я прямо не высказывал ему это из уважения к его летам, но на меня его знакомство производило неприятное впечатление, с этою целью я хотел с ним оставить знакомство.

Председатель. Я спрашиваю, что вас побудило задать тот вопрос, который вы предложили Марксу?

Маевский. Для того, чтоб показать, что Маркс действительно был тщеславный человек, что он любил рассказывать небывалые вещи о себе; я спросил для того, чтобы бросить свет на показания Маркса против меня.

Был введен Шаганов.

Председатель. В чем заключались ваши сношения с Маевским?

Шаганов. Я у г. Маевского был только 2 раза: первый раз меня с ним познакомил Юрасов, и потом, в другой раз, я был у него сам; мои сношения с ним ни в чем не заключались, так как я к Маевскому ни за чем не обращался.

Председатель. Однако же вы с ним разговаривали,— в чем состояли ваши разговоры?

Шаганов. Разговоры наши были самые простые: в первый раз я провел с ним не более как ½ часа или минут 10, при этом разговор шел преимущественно о польской литературе и также об русской; потом, когда я был во второй раз, один разговор шел о последнем польском восстании; потом Маевский спросил меня, знал ли я Худякова, и спросил он у меня, какой он господин, и сказал мне, что он от своих знакомых слышал, что Худяков человек, который любит врать иногда.

Председатель. Что он вам говорил о польском восстании?

Шаганов. Кто? Маевский?

Председатель. Да.

Шаганов. Он вообще не одобрял последнего польского восстания: насколько я мог понять Маевского, он относился к этому восстанию таким образом, что это было сословное восстание, что народ, напротив, не желал восстания, и даже противодействовал ему.

Председатель. Говорили ли вы ему о своем обществе, о ваших занятиях в этом обществе?

Шаганов. Нет, такого разговора я не помню, чтоб между нами был.

Остряков. Предлагал ли вам Маевский дать паспорт для бегства и быть руководителем вашего общества?

Шаганов. Нет, не предлагал, но я познакомился с Маевским именно с тою целью, чтоб достать у него паспорт для Чернышевского, но я все-таки совестился обратиться к нему в первый раз с этим вопросом; я хотел с ним покороче познакомиться.

Председатель. Не известно ли вам, имел ли Маевский сношения с заграничными партиями?

Шаганов. Нет, я ничего об этом не знаю,—Маевский об этом мне ничего не говорил; вообще наши разговоры были далеки от всего подобного.

Председатель. Имел ли он сношение с вашим обществом до 4 апреля и после 4 апреля?

Шаганов. Я знал, что он был знаком с Юрасовым с год или с полгода тому назад,—по крайней мере, с полгода,—но мои сношения с ним заключались только в том, что был у него два раза: потом я знал, что Маевский был сам у меня, когда меня не было дома,—по крайней мере мне сказал Николаев, что приходил ко мне Маевский и говорил, что ему нужно было со мною видеться.

Министр юстиции. Вы сейчас сказали, что вас Маевский спрашивал, знакомы ли вы с Худяковым,—по какому поводу он вас спросил об этом, и как вы отозвались о Худякове?

Шаганов. Я могу только предполагать, что Маевский спросил по тому поводу о Худякове, потому что он знал, что Худяков знаком с Юрасовым. Маевский мне сказал, что Худяков приезжал к нему.

Министр юстиции. По какому поводу Худяков приезжал к Маевскому?

Шаганов. О причине, по которой Худяков приезжал к Маевскому, я не спросил.

Председатель (Маевскому). Что вы против последнего показания о Худякове можете сказать?

Маевский. О Худякове я решительно ничего не знаю и не видел его: показания господина Шаганова в этом отношении несправедливы, потому, что я о Худякове никогда его не спрашивал.

Председатель. Вы слышали, что из этого показания он не делал вам обвинения, следовательно, если он не имел вам в виду вредить, то пользы вам принести, что для чего бы он солгал?

Маевский. Я не знаю, может быть, он ошибся,—я не могу объяснить этого; я положительно говорю, что не знаком с Худяковым. Худякова я никогда не видел и об нем ничего не слышал.

Был введен Николаев.

Председатель (Николаеву). В чем заключались ваши сношения с Маевским?

Николаев. Я только познакомился с ним за несколько дней до ареста.

Председатель. Как вы познакомились и через кого?

Николаев. С ним был знаком прежде меня Шаганов,—он мне предложил познакомиться с ним; я отправился к Трусову и хотел познакомиться с ним, а потом чрез него с Лангхаузом и Маевским, но в этот день я не застал Лангхауза и Маевского дома; после того Шаганов отправился к Лангхаузу и сказал ему, чтоб он меня познакомил с Маевским, и Лангхауз, действительно, меня познакомил с Маевским.

Председатель. Что вы знали о Маевском?

Николаев. Ровно ничего. Шаганов говорил, что этот человек может быть полезен для «Организации».

Председатель. Вы говорили Маевскому вообще об «Организации», излагали план?

Николаев. Я говорил ему, что существует такое общество.

Председатель. Расспрашивал он вас?

Николаев. Нет, ничего особенного не спрашивал.

Председатель. По какому же основанию вы так были с ним откровенны, что если он вас не расспрашивал, не задавал вам никакого вопроса, по какому же случаю вы решились с ним прямо говорить?

Николаев. Я уже сказал, что Шаганов мне говорил: «Маевский человек, который может быть полезен для «Организации».

Министр юстиции. Что именно говорили вы Маевскому об «Организации?».

Николаев. Я говорил ему о плане «Организации», сказал цель ее и об осуществлении этой цели, говорил об образовании кружков, о книгах и т. д.

Остряков. До вашего знакомства с Маевским был ли он в сношениях с вашим обществом?

Николаев. Я этого не знаю, потомучто наше общество только что образовалось, и был ли он знаком с кружком, который был прежде этого, я не знаю.

Остряков. С кружком вашим он был знаком?

Николаев. Я не знал об кружке ничего и поступил в общество по предложению Шаганова и только был с ним знаком.

Маевский. Брался ли я быть руководителем тайного общества «Организации»?

Николаев. Нет.

Маевский. Предлагал ли я вам паспорт?

Николаев. Нет, мы ни об чем подобном не говорили.

Маевский. Вы показываете, что в подробностях говорили мне о существовании революционного общества; вы показываете, что вы говорили мне, что в Москве существует революцион-

ное общество «Организации», которое имеет целью ниспровержение правительства во всем государстве?

Николаев. Нет, я этого не говорил,—я сказал вам, что цель «Организации» есть пропаганда социализма и средством для этого должно служить образование кружков и распространение книг.

Маевский был уведен, а Федосеев [71] введен.

Председатель (Федосееву). Объясните ваше имя и отчество и фамилию, лета и вероисповедание?

Федосеев. Виктор Федосеев, лет 23, вероисповедания христианского.

Председатель. Православного?

Федосеев. Православного.

Председатель. Занятие ваше по настоящее время?

Федосеев. По настоящее время я исключительно ничем не занимался, хотел поступить на службу.

Председатель. Где вы жительство имете?

Федосеев. В последнее время жил в Москве.

Председатель. С какого времени вы жили в Москве?

Федосеев. С сентября месяца 1865 года.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт[1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, Виктор Александров Федосеев, дворянин, 23 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на дворянина Виктора Александрова Федосеева падает обвинение в принятии мер для приведения в исполнение своего намерения убить отца.

В конце минувшего апреля месяца Виктор Александров Федосеев приехал в г. Кирсанов, Тамбовской губернии, для свидания с жившим там братом его, Павлом Федосеевым (т. III, л. 253). Так как Павел Федосеев находился под надзором, то на приезд к нему неизвестного человека было обращено внимание полиции, на опрос которой об его личности, Виктор Федосеев первоначально отозвался, что он студент с.-петербургского университета, а потом назвал себя вольнослушателем московского университета. Вследствие этого разноречия Виктор Федосеев был задержан и показал, что он жил в Москве и уехал оттуда, когда началось следствие о покушении, сделанном на жизнь государя императора, из боязни быть арестованным, сначала хотел ехать к отцу в Тамбов, но потом раздумал и поехал к брату в Кирсанов (т. IV, л. 144—180).

---

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 105—107.

При производстве следствия о тайном обществе «Организация» подсудимые Шаганов, Страдеи, Николаев объяснили, что Виктор Федосеев изъявил согласие лишить жизни своего отца и пожертвовать свое наследство на пользу общества. Допрошенный по этому поводу, Федосеев первоначально ни в чем не сознался и показал, что он принадлежал только к обществу взаимного вспомоществования, а к тайному обществу «Организация» совсем не принадлежал, об нем ничего не знал и пожертвовать в пользу этого общества свое наследство никогда не обещал (т. VIII, л. 242).

Впоследствии Виктор Федосеев сделал признание и объяснил, что он, действительно, решился отравить отца своего и пожертвовать наследство, которое он получит, на пользу общества. С этою целью он получил от Николаева рецепт лекарства, в состав которого входил мышьяк, переписал рецепт в десяти экземплярах, купил в разных аптеках лекарство и затем поехал в Тамбов, но предварительно заехал в Кирсанов к своему брату, где и был арестован (т. VIII, л. 326).

Павел Федосеев показал, что брат его, по приезде его в Кирсанов, говорил ему о своем намерении отравить отца и был остановлен им (т. VIII, л. 245, 356).

Полумордвинов показал, что Юрасов на одной из сходок «Организации» говорил, что Федосеев обещал отдать в пользу общества капитал, который он получит в наследство (особое показание).

Ни в принадлежности к тайному обществу «Организация», ни в знании о существовании этого общества Федосеев не сознался и по делу не изобличается.

Вследствие сего дворянин Виктор Александров Федосеев на основании собственного его сознания, подтверждаемого показаниями брата его и других лиц, обвиняется в том, что приобрел яд и поехал в Тамбовскую губернию для отравления своего отца, что составляет преступление, предусмотренное 1457 ст. Улож. о нак.

Посему вышепоименованный Виктор Александров Федосеев предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен августа 18 дня 1866 года в С.-Петербурге.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы обвиняетесь в приобретении яда с намерением покуситься на жизнь отца,—признаете ли вы себя виновным в этом преступлении?

Федосеев. Признаю, но только могу указать на то, что я не приводил свое намерение в исполнение и по увещании брата моего, чтоб оставить это намерение, я оставил его; второе, что я могу сказать, что я отказываюсь от принадлежности к обществу «Организации». Мне сделали вопрос, принадлежал ли [я] к тайному революционному обществу, но я от этого отказался, во-первых, потому, что я не знаю общества, называвшегося обществом «Организации», и, во-вторых, я не знал, что это обще-

ство революционное: всякое общество должно иметь устав и действовать с известной целью, тогда как общество «Организации» принимало в свою среду людей для того, чтоб сближать их между собой: для того это общество называлось «Организацией»,— оно имело целью обнаружение известных убеждений, но что «Организация» составляла общество и общество революционное, я этого не знаю.

Председатель. Стало быть, вы теперь [1]) говорите, что имели намерение отравить вашего отца, что отстали от этого намерения, так ли я вас понял?—что вы отстали от вашего намерения по уговору вашего брата, что вы отказались от принадлежности к «Организации», потому что вам говорили об революционном обществе, и что вы считали, что «Организация» еще не составляет общество, а составляет собрание людей с известными убеждениями, которые рассуждают на основании этих убеждений?

Федосеев. Даже не рассуждают, а рассуждают, когда коснется разговор.

Председатель. Как родилась эта мысль отравить отца, кем она вам внушена?

Федосеев. Нет, мне никто не внушал; это моя собственная мысль: даже я не скажу, чтоб я имел положительное желание отравить отца, я имел смутное намерение; если б я предполагал [2]) что меня не одобрят за мое намерение, то я во всяком случае оставил бы его.

Председатель. Вы выходите теперь из прежних ваших показаний: вы говорили прежде, что хотели брата уговорить, теперь [1]) вы говорите, что имели смутное намерение, следовательно, желание ваше было условное. Как же у вас эта мысль родилась, вы не только хотели сами привести в исполнение свое намерение, но хотели даже брата уговорить? Что дало вам повод к этой мысли, которая выходит из тех, которые родятся обыкновенным порядком.—вы хотели сделать такое преступление, [к] которому вы должны были чем-нибудь да побуждаться?

Федосеев. Побуждение было. Оно заключалось в желании помочь обществу, которое бы, впрочем, не могло родиться, если бы я был расположен к отцу, но нерасположение мое к отцу помогло мне решиться на преступление.

Председатель. Следовательно, причина, которая побудила вас решиться на преступление, была та, что вы хотели помочь обществу наследством, которое хотели получить вследствие смерти отца вашего?

Член суда Пинский. Кто дал вам рецепт для отравления вашего отца?

Федосеев. Николаев.

---

[1]) В подлиннике: «теперече». [2]) В подлиннике: «не предполагал».

Председатель. [1] Я хотел бы одно спросить: следовательно, вы, не считая ваших понятий, что «Организация» не составляет революционного общества, вы принимали участие в собрании тех людей, которые хотели судить или говорить по своим убеждениям.

Федосеев. В собрании не был.

Председатель. В сходке были?

Федосеев. Даже и сходок не было, даже не определялась и цель собрания, и мы не знали, когда будет собрание, но так-), сойдутся несколько человек и толкуют об этом.

Председатель. Что же и составляет сходки, как не то, что несколько человек сойдутся и толкуют?

Федосеев. Кроме того, мы собирались не с тою целью, чтоб толковать об том или об другом, а толковали обо всем между разговорами.

Граф Панин. Когда вы призваны были здесь как свидетель, вам был сделан вопрос: кто вам внушил намерение покуситься на жизнь отца; вы отвечали тогда то же самое, что и сегодня объяснили.—вы сказали, что остановились в исполнении своего намерения; вы старались это объяснить, называли свою мысль смутною, которая неведома была для вас, но все-таки в совокупности вы представили самый неясный, неположительный ответ. Для нас необходимо в объяснении этого действия, как в обвинение, так в оправдание ваше, иметь ясные понятия, как образовалась, когда возникла в вас первая мысль об этом преступлении?

Федосеев. По приезде моем в Москву.

Граф Панин. В какое это было время?

Федосеев. В октябре прошлого года.

Граф Панин. У вас явилась мысль тотчас после вашего приезда?

Федосеев. Нет, это было после рождества.

Граф Панин. Между тем вы посещали таких людей, которые обвиняются участием в этом деле: Николаева, Юрасова и прочих. Объявляли вы кому-нибудь об этой мысли или никому об этом не сообщали?

Федосеев. Я объявлял только одному Николаеву вследствие того, что я просил его достать мне яду.

Граф Панин. Когда это было,—после рождества?

Федосеев. Это было на пасху, на святой неделе, на страстной неделе.

Граф Панин. В промежутке времени, когда возникла мысль, и тем временем, когда вы сообщили Николаеву, не говорили ли вы о своем намерении с кем-нибудь?

Федосеев. Ни с кем.

---

[1] Слово: «Председатель» вписано над зачеркнутым: «Член суда Пинский».
[2] В подлиннике далее следует: «как».

Граф Панин. Николаев, когда вы ему сказали, согласился с вами?

Федосеев. Он сказал, что если будет возможность достать яду, то достанет.

Граф Панин. Другому вы никому не говорили?

Федосеев. Нет.

Граф Панин. Когда вы вступили в общество взаимного вспомоществования?

Федосеев. Я не могу точно сказать.

Граф Панин. Когда стали рассуждать об «Организации» — в феврале?

Федосеев. Об «Организации» у нас не было рассуждения.

Граф Панин. 4 апреля рассуждения были об «Организации»,—принимали ли вы участие в обсуждении этого вопроса?

Федосеев. Принимал.

Принц Ольденбургский. После покушения на жизнь государя императора вы не боялись быть арестованными?

Федосеев. Я не боялся быть арестованным.

Принц Ольденбургский. Отчего же вы уехали?

Федосеев. Просто из желания видеться с братом.

Был введен Павел Федосеев [75].

Председатель. Объясните, приезжал ли к вам брат в Кирсанов [1]) и какое вы имели с ним объяснение?

Павел Федосеев. Когда он приехал в Кирсанов, то он прислал ко мне извозчика с запиской, так как он где-то остановился в номерах; он прислал ко мне записку, на которой подписался чужим именем Николаева; в записке этой он писал, что желает видеть меня. Извозчик не застал меня дома, так как я был в одном семейном доме, в карты играл. Я поздно пришел домой и ничего не знал об том, что меня кто-то желает видеть. На другой день рано утром опять приезжает извозчик и говорит: «вас желает видеть какой-то господин». Я спрашиваю, какой. Он мне говорит «черноватый». Я удивлялся, кто бы это мог быть такой, так как я никого к себе не ждал. Я спросил извозчика, где он живет; тот отвечает, что в номерах. Я одеваюсь и иду к нему в номера. Я еще в постели застал его, он спал еще. Я рассмотрел его, вижу, что брат. Меня это удивило, особенно в то время, так как по газетам узнал, что многих арестуют. Я разбудил его. Первое мое слово к нему то, что я спросил, зачем он ведет себя с таинственностью, следовательно, он скрывается; спрашивал его, зачем он приехал. Разумеется, я стал укорять его, зачем он навлекает подозрение на меня и на себя своею таинственностью. Он сначала сказал мне, что там аресты происходят, что там ему опасно оставаться. После незначительного разговора об том, что он намерен делать, он мне рассказал,

[1]) В подлиннике: здесь и далее: «Тамбов».

для чего он приехал из Москвы, что там осталось много нуждающихся, которые могут остаться без куска хлеба, что не могу ли я достать денег. Я ему отвечал, что у меня нет таких источников, из которых бы я мог достать денег, что я не в состоянии достать ему денег. Тогда он подошел к окошку, достал пузырьки, и показывает мне их: «вот,—говорит,—средство, мне дали его»; только я не могу припомнить, как он сказал,—что ему дали или ему достали яду. «Вот,—он сказал,—средство добыть деньги: это средство можно дать, как лекарство в случае болезни; мне достали его с той целью, чтоб я дал его отцу». Это я не знаю, как вам сказать,—мне кажется, что это предложение было наивно сделано: будто бы человеку не представляется, что он намерен сделать. По тому впечатлению, которое это произвело на меня, у меня первая мысль явилась схватить эти пузырьки, чтоб их уничтожить; и действительно, я их взял и направился с этой целью к двери. Но в коридоре я увидел исправника, который мне предложил с собою итти в полицию. Так как ко мне приехал мой брат под чужим именем, то исправник счел своим долгом сделать обыск у меня на квартире. Он оставил брата в полиции, а сам отправился с полицией ко мне на квартиру и произвел у меня обыск. Вот что по обыску оказалось, то есть при деле. Как только я освободился от полиции, так я тотчас же вылил яд из пузырьков и уничтожил пузырьки.

Председатель. Я нахожу пробел в вашем показании. Подойдите поближе и говорите громче. Вы говорите, что брат ваш остановился в номерах и вас вызывал к себе, что вы пришли к нему на третий день, и потом вы объяснили, что исправник счел нужным, так как брат ваш к вам приехал, сделать у вас обыск.

Павел Федосеев. Записка, которую привозил ко мне извозчик, не была им оставлена у меня, то я так себе объясняю, что эта записка попалась исправнику.

Председатель. Теперь объясните, по какому случаю вы были под надзором?

Федосеев. Я, по правде сказать, даже не знал, что нахожусь под надзором; я был под надзором года два с половиной тому назад вследствие студенческой истории в Москве.

Председатель. Когда вам брат ваш объяснил, что он желает достать денег, что в Москве много нуждающихся?

Павел Федосеев. Это он сказал прежде, чем показал пузырьки.

Председатель. Он показал вам пузырьки прежде, чем объяснил об намерении своем: отравить отца?

Федосеев. Показывая пузырьки, он сказал: «вот средство достать денег, мне дали их для того, чтоб дать их отцу». Тут я такое впечатление получил, что я желал уничтожить всякое воспоминание об этом, потому [что] мне думать об этом невозможно.

Я хотел, чтоб эти его слова умерли, чтоб воспоминание об этом застыло на той же сцене, на которой я слышал.

Председатель. Он говорил вам, что ему нужны деньги для того, чтоб помогать бедным,—говорил ли он вам, что он желал внести в какое-нибудь общество или нет?

Павел Федосеев. Нет, не говорил. Но это понятно само собою, об этом можно было догадаться по соображению. Так как он был молод, неспособен был произвести то, что мне предложил, то первая мысль, которая мне явилась, была та, что на него кто-нибудь влияние имел. Вот что осталось у меня в убеждении. Вы, кажется, у меня спросили, кто ему предложил это сделать,—кажется, вы так вопрос поставили?

Председатель. Нет, я вас спросил, что говорил ли он, что эти деньги он внесет в общество?

Федосеев. Это понятно само собой из тех слов, которые он мне сказал, что в Москве много нуждающихся, без куска хлеба...

Граф Панин [1]). Вы старший брат?

Павел Федосеев. Старший.

Граф Панин. Что вы ему сказали, когда он сообщил вам об намерении отравить отца?

Павел Федосеев. Я ему сказал: с чего ты взял, чтоб я стал тебе содействовать или допустил такого рода преступление».

Председатель. Вам известно прежнее дурное расположение к отцу, его ненависть?

Павел Федосеев. Ненависти не знаю, ненависти не могло быть.

Председатель. Но что он дурно был расположен к отцу?

Павел Федосеев. Это правда, что отношения их были холодны.

Принц Ольденбургский. Отчего произошли его дурные отношения к отцу?

Павел Федосеев. Это причина общая. Отец у нас строгий господин, патриархальный, и больше нас держал в подчинении, чем в любви. Я его все-таки больше любил, так как ко мне у него иногда сквозь жестокость и холодность все-таки проглядывало чувство, так как он все-таки человек умный, хотя характер у него тяжелый. У брата моего, я так думаю, явилось к нему недоверие. Нравственные правила не могли на него иметь того влияния, которое бы они могли иметь на брата при доверии к отцу. Вследствие этого, так как он не имел ни к кому доверия, а попал, между тем, между людей, которые безнравственные принципы проповедуют, но которые все облекают в нравственную форму под видом благодеяния, то он и подчинился их авторитету. Так как он прежде не имел ни к кому доверия, а в них

[1]) Вписано над зачеркнутым: «принц Ольденбургский».

горд, как в авторитет, в первый раз в своей жизни, то это и погубило его.

Принц Ольденбургский. Мать у вас есть?

Павел Федосеев. Есть.

Принц Ольденбургский. А братья есть еще?

Павел Федосеев. Есть брат старший.

Принц Ольденбургский. Вы где воспитывались?

Павел Федосеев. В пензенской гимназии.

Принц Ольденбургский. Брат ваш вместе с вами воспитывался?

Павел Федосеев. Нет, он воспитывался в пензенском институте.

Министр юстиции. Когда вы уговаривали вашего брата не приступать к такому ужасному преступлению, что заявил по этому случаю ваш брат?

Павел Федосеев. Он ни слова не сказал на это, так же был равнодушен, как во все время разговора; да и некогда тут было разговаривать, потому что прежде всего я схватил у пузырьки и только сказал ему: «что ты взял, чтоб я допустил тебя до такого преступления», потом сейчас же повернул в коридор, а тут уже меня исправник встретил.

Председатель (Виктору Федосееву). Вы слышали показание вашего брата, что он полагает, что вас вовлекли в подобное намерение те люди, которым вы высказывали такое доверие. Теперь вы прежде приписывали ваше преступление собственному своему умышлению, но, слышавши объяснение вашего брата, скажите, правда или неправда то, что ваше намерение было вам внушено другими?

Федосеев. Это только его предположение.

Председатель. Это предположение справедливо или несправедливо?

Федосеев. Несправедливо.

Председатель. Ваше преступление есть результат вашего собственного убеждения?

Федосеев. Собственного моего убеждения.

Председатель. Никто другой вам не внушал его?

Федосеев. Никто.

Был введен Шаганов.

Председатель (Шаганову). Что вам известно о принадлежности Виктора Федосеева к Организации и о покушении отравить отца?

Шаганов. Виктора Федосеева?

Председатель. Павла Федосеева мы спрашивали, как свидетеля,—вы видели, что он вышел. Теперь вас спрашивают на счет этого свидетеля, [1]) который хотел отравить своего отца.

---

[1]) Так в подлиннике.

Шаганов. Я положительно не знал того, младший Федосеев принадлежал к «Организации», потому что мои знакомые мне об этом ничего не говорили, а также с Федосеевым я об нашем кружке ничего не говорили, вообще я редко с ним встречался, почти ничего с ним никогда не говорил. О побуждениях, которые заставили его покуситься на жизнь отца, отравить его, я положительно ничего не могу сказать. От Федосеева я о его намерении ничего не знаю и с ним никогда об этом разговора не имел. Я знал от Николаева, что его побуждали на это, и Николаев говорил, что Федосеев согласен.

Председатель. Вы объясняете, что Федосееву было сделано такое предложение, и что он согласился на подобное предложение?

Шаганов. Так, Николаев высказывал, что он соглашается на это, следовательно, эта мысль была ему внушена Николаевым или другим кем, но во всяком случае ему мысль эта была внушена, и он на нее согласился.

Министр юстиции. При вас Федосеев выражал ли намерение лишить жизни отца?

Шаганов. Нет, от Федосеева я ничего подобного не слышал, даже обыкновенных разговоров с ним не имел.

Министр юстиции. Во время совещания вашего кружка вы встречали Федосеева?

Шаганов. Во время совещаний положительно не встречал.

Был введен Странден.

Председатель (Страндену). Что вам известно о принадлежности Виктора Федосеева к «Организации» и о намерении его покуситься на жизнь отца?

Странден. К «Организации» он не принадлежал, к обществу взаимного вспомоществования принадлежал.

Председатель. Где собиралось общество взаимного вспомоществования?

Странден. У Алексеева [1]) собиралось, на квартире у Шаганова...

Председатель. Еще где собиралось?

Странден. Во многих местах собиралось... у сестры Иванова собиралось, у девиц...

Председатель. Что вы знаете о его намерении покуситься на жизнь отца?

Странден. Он мне передавал, что ему Николаев предлагал, больше я ничего не знаю.

Стасов (защитник Федосеева). Вы утверждаете, что Николаев предлагал ему?

Странден. Да, предлагал, но я ничего не знаю, согласен ли был Федосеев, или нет.

---

[1]) В подлиннике: «Едисеева».

Был введен Николаев.

Председатель (Николаеву). Что вам известно о принадлежности Виктора Федосеева к «Организации»?

Николаев. Про Виктора Федосеева не знаю, чтоб он к «Организации» принадлежал.

Председатель. Принадлежал ли он к обществу взаимного вспомоществования?

Николаев. В обществе взаимного вспомоществования [был].

Председатель. Что вам известно о покушении его отравить отца?

Николаев. Мне известно, что после покушения 4 апреля 9 апреля он говорил мне об этом покушении и просил способствовать ему в этом. Я согласился и отправился к Лангаузу и просил у него яду. Лангауз не дал мне яду, а сообщил только, какой именно яд следует употребить, каким образом и сколько нужно яду употребить.

Председатель. Какую причину высказал вам Федосеев, которая побуждала его отравить отца?

Николаев. Он знал вообще, что существует известный кружок людей с известными убеждениями, сколько мог предполагать, он разделял эти убеждения и готов был во имя этих убеждений пожертвовать своим состоянием.

Председатель. Вы сейчас сказали, что существует кружок честных людей,—какие же честные люди могут содействовать и уговаривать на такое покушение?

Николаев. Я не сказал «честных людей»,—я сказал, что существует кружок людей. Понятие о чести относительно.

Председатель. Какая причина побуждала вас соглашаться на то, чтоб содействовать исполнению такого преступления?

Николаев. Эта причина просто заключается в желании всеми силами распространять идеи, которые я считаю полезными для моего отечества, для моего народа.

Председатель. Так вы считаете, что для распространения идей можно даже совершать такие преступления, как убийство отца?

Николаев. Я не считал этого вообще позволительным,—говорю это не для облегчения моего преступления.—но действительно, в тот момент на меня потемнение нашло вследствие паники, вследствие известных обстоятельств. Но это я говорю не для того, чтобы облегчить мое наказание,—мне все равно.

Был введен Полумордвинов.

Председатель. Что вам известно о принадлежности Федосеева к обществам взаимного вспомоществования и Организации» и о покушении его отравить своего отца?

Полумордвинов. Я встречал Федосеева на сходках общества взаимного вспомоществования, но на сходках «Организа-

ции» я его не видел, и о последнем обстоятельстве мне ничего не известно.

Председатель. Вы не знали о намерении покуситься на жизнь своего отца?

Полумордвинов. Не слышал.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Объясните все, что вам известно на счет Федосеева.

Юрасов. Мне об нем только известно то, что он принадлежал к обществу взаимного вспомоществования, целью которого было помогать членам средствами этого общества, собирать с членов, которые не имели состояния, ежемесячные взносы.

Председатель. А что вы знаете о намерении его отравить своего отца?

Юрасов. Ничего не знаю.

Юрасов был уведен.

Председатель (Федосееву). Я хотел еще раз спросить вас: эта мысль о покушении на жизнь вашего отца родилась в вас самих или она вам внушена другими?

Федосеев. Нет, мне никто не внушал этой мысли.

Председатель. Эта мысль родилась в вас собственно от вас?

Федосеев. От меня.

Федосеев был уведен, а Бибиков [76] был введен.

Председатель (Бибикову). Скажите ваше имя, отчество и фамилию, звание, лета, вероисповедание.

Бибиков. Алексей Алексеев Бибиков, дворянин, 26 лет, вероисповедания православного.

Председатель. Жительство и занятие?

Бибиков. Я жил в Калужской губернии, был мировым посредником в Жиздринском уезде.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, мировой посредник Алексей Алексеев Бибиков, 26 лет.

По обстоятельствам настоящего дела на мирового посредника Алексея Бибикова падает обвинение в знании о существовании в Москве тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства. Бибиков принимал деятельное участие в

[1] Д. № 6, дела Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 109—112.

рабочих завода Мальцева, в Жиздринском уезде, Калужской губернии, имел с ними постоянные сношения, хлопотал по их делам и, для освобождения их из зависимости от завода Мальцева в отношении их работ, предполагал в соседстве с этим заводом устроить другой завод на началах ассоциации (показание Вадбольского—т. VI, л. 51; Кондратовича—т. VIII, л. 8—17, следствие, произведенное Ф. А. Козлаковым). По предположению об устройстве этого завода Бибиков имел сношения с некоторыми из лиц, принадлежавших к тайному обществу «Организация» (т. VI, л. 45, т. III, л. 14, л. 311 об.) и вследствие этих сношений знал о предположении освободить из рудников государственного преступника Чернышевского (показание Ермолова—т. VI, л. 45). Леонид Обольянский показал, что он слышал от Бибикова о предполагавшейся поездке Страндена за Чернышевским в Сибирь, и что Бибиков уговорил крестьянина Дарочкина ехать вместе с Страденом (т. III, л. 317, т. VII, л. 63). Кроме сего, из дела видно, что Страден ездил для свидания с Бибиковым в Калужскую губернию (т. III, л. 195), и что Бибиков был знаком с Худяковым (т. III, л. 317 об.). Наконец, один из главных членов «Организации», Герасов, поместил Бибикова в списке лиц, участвовавших в этом обществе (т. VI, л. 91), но впоследствии он снял с него этот номер (т. VI, л. 93), а другие члены «Организации» показали, что Бибиков никогда на сходках ее не был, и если был помещен в числе ее членов, то без его ведома (показание Ермолова—т. VI, л. 45; показание Ишутина—т. VI, л. 76). Когда сделалось известным покушение 4 апреля, по показанию Кондратовича, Бибиков сказал, что это дело не их партии, которая занимается образованием народа, распространением школ и артелей, а скорее партии «Русского Слова» (т. VIII, л. 8—17). На допросах, сделанных следственною комиссиею, Бибиков не сознался в принадлежности к революционному обществу «Организация», и к уличению его в принадлежности к этому тайному обществу не представляется достаточных данных, но, принимая во внимание, что Бибиков находился в сношениях с членами «Организации», что эти сношения были столь близки, что ему было известно о предположении освободить государственного преступника Чернышевского, нельзя не признать, что он знал о существовании означенного революционного общества.

Вследствие сего мировой посредник Алексей Бибиков обвиняется в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о наказ.

Посему вышепоименованный Бибиков предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Признаете ли вы себя виновным в том преступлении, что вы знали о существовании тайного общества, к которому вы сами не принадлежали, но признаете ли вы себя виновным в том, что вы знали об существовании тайного общества и не донесли об нем?

Бибиков. Нет, не признаю, и если Верховный Суд будет так снисходителен, что выслушает меня, то сам убедится в моей невиновности. (Бибиков говорил тихим голосом.)

Председатель. Что?

Бибиков. Если Верховный Суд будет так снисходителен, что выслушает меня, то наверное сам найдет меня невиновным.

Председатель. Верховный Уголовный Суд для того собран, чтоб вас выслушать: скажите все, что вы считаете нужным в свое оправдание.

Бибиков. В первом пункте обвинительного акта я обвиняюсь в том, что принимал участие в делах Людиновского завода, [что] я предполагал вблизи этого завода устроить другой завод на началах ассоциации. Участие, какое я принимал в делах мастеровых вместе с Маликовым, я не могу считать себе обвинением, потому что я действовал в этом случае открыто и с самыми честными намерениями. Если ко мне обращались мастеровые за советами, если я хлопотал по их некоторым делам, если, наконец, писал им прошения, которые все находятся в присутственных местах, то мне казалось, что я имел полное право это делать,—не только право, но даже обязанность моя была помогать мастеровым. Если я принимал участие в предположениях мастеровых устроить завод, для того, чтобы получать бо́льшую плату, то это мое участие было совершенно открыто,—я советовал им ходатайствовать о ссуде у правительства, сам когда был в Петербурге, то хлопотал, советовался об этом с прокурором Гавриловым, каким образом можно исходатайствовать разрешение на этот завод, наконец это дело известно члену Государственного Совета Милютину [77] и статс-секретарю Жуковскому [78], так что в этом деле подозревать меня в каких-нибудь других целях, кроме желания дать рабочим возможность получать более заработков, чем они получали от Мальцева, мне кажется нельзя. Если я, действительно, принимал в рабочих Мальцева бо́льшее участие, чем в других крестьянах, то именно потому, что они находились в исключительном положении. Для того, чтобы объяснить это исключительное положение рабочих Мальцева, я должен сказать несколько слов об том, в какой они находились зависимости от Мальцева. На каждом мастеровом, до введения устаных грамот, образовался значительный долг—рублей в 200 или 300, после введения грамот заработки не только не прибавились, но уменьшились, между тем расходы по введению грамоты прибавились; таким образом, мастеровые более и более стали втягиваться в долги и все более и более делаться зависимыми от владельца. Эта зависимость ясно высказы-

кается в том, что мастеровой, найдя на стороне работу, более выгодную, желал бы оставить работу Мальцева, этого не может сделать, потому что на него сейчас же подают ко взысканию, и, таким образом, рабочий поневоле должен принять тот заработок, который предлагает владелец, так что Мальцев пользуется полною монополиею, а мастеровые все беднеют и беднеют. Постоянное уменьшение заработков навело на мысль мастеровых устроить себе завод; для этого они предполагали сделать сбор и приходили ко мне советоваться. Я им рассчитал, что они могут только незначительную часть всей суммы денег, нужной для завода, собрать в несколько лет, следовательно, завод этот едва ли они были бы в состоянии его выстроить; вот вследствие этого я посоветовал им хлопотать о выдаче ссуды. Ходатайство по этому поводу не удалось, а Маликов, который ездил в Петербург, указал мне на некоторые личности в Москве, которых он знал и которые, по его словам, занимались распространением грамотности, устройством бесплатных школ, устройством артели. Он говорил мне, что эти люди денежные, которые, может быть, найдут деньги,—вот по какому поводу я познакомился с ними, и вот в чем состояли мои сношения с ними по устройству завода.

Председатель. Вы говорите, что познакомились с ними и вот в чем состояли ваши сношения с ними,—с кем сношения?

Бибиков. С Юрасовым и Ермоловым.

Председатель. Вам их представили, как людей денежных?

Бибиков. Как людей денежных, которые занимаются устройством бесплатных школ, и, действительно, кажется, они занимались в школе Неведомского, так что подозревать я ничего не мог, следовательно, это не могло послужить мне обвинением, что я познакомился с ними. Вторым пунктом обвинительного акта я обвиняюсь в том, что знал о существовании тайного революционного общества Организации, но я никогда ни от кого об этом обществе не слышал, никогда никто мне не говорил об этом обществе, и цель этого общества, наконец, самое название я в первый раз узнал из обвинительного акта, и меня в комиссии не спрашивали, знал ли я про такое общество. Никто из тех, с которыми я был знаком, которые принадлежали к обществу, никогда ничего мне не говорили подобного, я их в этом не подозревал, я в них видел людей, которые хлопочут об устройстве артели и школ, наш разговор только и был об этом. Наконец, то, что Юрасов поместил меня в списке, то это он сделал без моего согласия, что он сам показал и что подтвердит также Ермолов и Ишутин. Мне кажется, что это отчасти может доказать, что я не знал о существовании общества, потому что если [бы] я знал об нем, то я не был бы записан в члены или был бы записан, но тогда Юрасов не решился бы меня исключить, а

Шипутин и Ермолов не показали бы, что они поместили меня без моего согласия, потому что я тогда был бы помещен с моего согласия. Я никогда ни к каким тайным обществам не принадлежал и не хотел принадлежать. Потом, третий пункт обвинительного акта заключает в себе обвинение в том, что я знал об намерении освободить Чернышевского, и что я уговорил будто бы Дарочкина ехать со Странденом в Сибирь, действительно, когда я в ноябре месяце ехал в Петербург.

Граф Панин. В ноябре какого года?

Бибиков. В ноябре 1865 года. Во вторую мою поездку в Петербург в ноябре 1865 года я виделся с Юрасовым, который сообщал мне, что ему нужно крестьянина или мастерового, который бы поехал в Сибирь и нанялся вблизи того места, где работает Чернышевский, но почему Юрасов передал и обратился ко мне с просьбою, то это потому, что я так как был знаком с Дарочкиным, то я мог переговорить с ним, но сам Дарочкин показывает, что я ему никогда об этом не говорил, и действительно, я Дарочкину никогда ничего ни про Чернышевского, ни про освобождение Чернышевского не говорил и не мог говорить, потому что было бы безрассудно говорить такие вещи мастеровому, наконец, я мог быть вполне уверен, что нельзя было бы получить согласия от Дарочкина, потому что странно предположить, чтоб человек согласился, не имея никаких оснований, ехать и подвергаться такой опасности; лично он не мог знать Чернышевского; так как он неграмотен, то сочинения его он также не мог знать,—следовательно, вот что я могу сказать в свое оправдание.

Граф Панин. Вы не договорили,—вы заключения своего не сделали.

Бибиков. Если я и не сказал чего-нибудь, то только потому, что неважное упустил из виду.

Граф Панин. Одного пункта вы не объяснили,—с какою целью ездил Странден в Калужскую губернию?

Бибиков. Он ездил туда вот именно по поводу согласия с Дарочкиным на счет поездки в Сибирь, но дело в том, что когда Юрасов обещал достать деньги и хлопотать о заводе, я ему в Москве не отказал уговорить Дарочкина именно потому, что боялся, что он, в свою очередь, откажется от своей помощи в устройстве завода: таким образом, Юрасову я даже писал, что Дарочкин поедет или, может быть, поедет,—я положительно не помню, как я выразился; в ответ на это письмо Юрасов мне написал письмо, в котором он просил меня, чтоб я устроил свидание Дарочкина со Странденом.

Председатель. Следовательно, из ваших показаний выходит, что вы, опасаясь, чтобы Юрасов не отказал вам в своем содействии по устройству завода, вы дали ему надежду на то, что вы будете содействовать в таком действии, которое,

по вашему рассудку и понятию, вы не могли не знать, составляет преступное действие.

Бибиков. Я не сочувствовал этому, наконец, доказательством может служить тот разговор, который Оболенский, вероятно, не откажется подтвердить, именно, я говорил ему об том, что следовало бы отговорить Юрасова, что дело это не только невозможное, но что взявшийся за него может подвергнуть ответственности не только себя, но и Чернышевского.

Председатель. Следовательно, вы сознаете себя неправым в том отношении, что давали надежду Юрасову уговорить Дарочкина ехать за Чернышевским,—вы не могли не знать, что это преступление.

Бибиков. Я ведь не сочувствовал этому и Юрасова отговаривал от этого.

Председатель. Не сочувствовали этому, но сами говорите, что дали надежду Юрасову?

Бибиков. Я дал надежду, но никогда не думал исполнять своих слов.

Председатель. Вы не только так должны были поступить, вы должны были объяснить правительству, что вот какие есть намерения.

Принц Ольденбургский. Вы давали присягу на верную службу? [1])

Бибиков. Давал.

Председатель. В каких отношениях вы были с Худяковым?

Бибиков. Худякова я только раз видел.

Председатель. В каком смысле вы говорите, что покушение 4 апреля дело не вашей партии, а скорее партии Русского Слова»?

Бибиков. Это, вероятно, Кондратович [79] не так меня понял. Он мне сказал, когда прошел слух об том, что Юрасова взяли, вот он говорит: «Вы знакомы с Юрасовым и его товарищами, не они ли это затеяли?» Я ему отвечал, что нет, они занимались распространением артели и распространением школ, но что это, вероятно, сделал отъявленный нигилист, начитавшийся Русского Слова» [80].

Председатель. Кого же вы знали из состоящих в числе лиц, действующих в партии «Русского Слова», из каких людей она состояла?

Бибиков. Я никого не знаю, а я сделал заключение по защите Базарова.

Председатель. Объясните, что это значит?

Бибиков. Базаров—действующее лицо в романе «Отцы и дети», и «Русское Слово» защищало его.

---

[1]) В подлиннике: «на верной службе».

Председатель. Вы говорите, что это не партия Юрасова. Кого же вы знали составляющими партию [1]) Юрасова?

Бибиков. Я говорил Кондратовичу несколько раз об кружке людей, которые этим занимаются; указывал ему на Юрасова и Ермолова.

Председатель. Которые чем занимаются?

Бибиков. Распространением грамотности, устройством школ.

Граф Панин. Где вы видели Худякова?

Бибиков. У Елисеева.

Граф Панин. Один раз?

Бибиков. Один раз.

Граф Панин. Какой у вас был тогда разговор?

Бибиков. Тогда никакого почти разговора не было.

Граф Панин. Как почти?

Бибиков. Я с ним не говорил, я разговаривал при нем с Елисеевым по поводу завода.

Граф Панин. Теперь относительно завода. На чем же вы основывали свою надежду получить деньги от Юрасова? Сколько денег нужно было употребить на устройство завода и сколько нужно было заплатить за землю?

Бибиков. Землю давал Неведомский [81].

Граф Панин. Он давал землю даром?

Бибиков. Да, даром.

Граф Панин. Что должен был стоит завод?

Бибиков. На устройство завода не была составлена смета, но предполагалось употребить не более 20 ты[сяч] р[ублей]>[2].

Граф Панин. Теперь вы говорили, что по причине малых заработков рабочие находились в дурном положении. Но если вы находили рабочих в стесненном положении, то почему же вы не вошли с представлением об этом по начальству?

Бибиков. Я несколько раз обращался к губернатору, но никаких распоряжений не было.

Граф Панин. Вы обратились в министерство внутренних дел?

Бибиков. Что же я бы этим сделал?

Граф Панин. Мой вопрос клонится к тому, что вы не в праве были действовать лично, иначе, как в порядке, указанном законами. Вы должны были обратиться с представлением по начальству и не могли из этого дела делать частного предприятия.

Бибиков. Вот я и хотел ходатайствовать об ссуде от правительства.

Граф Панин. Вы сейчас объяснили, что ссуды не могло быть. Мне ясно, на чем вы основывали свои действия, на которые вы не имели права, не имея ничего положительного в виду. Этот предмет разъяснен довольно теперь. На чем вы основы-

---

[1]) В подлиннике далее следует: «партию».

вались, когда полагали, что Юрасов, который человек не с состоянием, может вас судить деньгами, – откуда он мог достать столько денег?

Бибиков. Ермолов обещал дать денег.

Граф Панин. Сколько?

Бибиков. Он говорил,—около 30 тысяч.

Принц Ольденбургский. Вы знали положение 19 февраля, которое определило отношение крестьян. Вы должны были самым положительным образом приводить это положение в исполнение...

Бибиков (перебивая принца Ольденбургского). Я препровождал Мальцеву все жалобы, которые подавали мастеровые об уменьшении заработков, не решая их.

Принц Ольденбургский. Ваши действия должны были основываться на этом законном основании.

Был введен Ермолов.

Председатель. Ермолов, скажите, какие были ваши обещания мировому посреднику Бибикову об оказании вспомоществования для устройства завода для улучшения положения крестьян Мальцевского завода? Подойдите поближе. Вопрос прост: что вы обещали, какую надежду вы подали о вашем содействии устройству завода?

Ермолов. Деньги обещал дать на это дело, на устройство завода и дома, в котором могли бы жить рабочие. Господин Бибиков говорил, что нужно лес купить на завод; потом Юрасов хлопотал об том, чтоб этот лес купить.

Председатель. Ваше личное обещание в чем состояло?

Ермолов. В пожертвовании денег.

Председатель. Вы обозначили, какую сумму хотели пожертвовать?

Ермолов. Нет, ничего не обозначал,—я сам не знал, сколько у меня будет денег.

Председатель. Но вы могли предположительно сказать, какую вы сумму могли пожертвовать, – скажите приблизительно?

Ермолов. Рублей тысячу.

Граф Панин. На покупку леса сколько предполагалось?

Ермолов. Я об покупке леса ничего не знаю.

Граф Панин. Скажите, вы имели прежде знакомство с Бибиковым?

Ермолов. Я почти не знаком был с Бибиковым.

Граф Панин. Как вы познакомились с ним, какое было начало вашего знакомства?

Ермолов. Я познакомился с ним у Юрасова.

Граф Панин. В какое время?

Ермолов. Это было в то время, когда крестьяне приезжали в Москву.

Председатель. Считали ли вы Бибикова принадлежащим к вашему обществу?

Ермолов. На последней сходке нашей был такой разговор. Сказано было, чтоб больше никого не принимать, кроме тех членов, которые в то время участвовали уже в обществе. Тогда Юрасов предложил в члены Бибикова, и Бибиков был внесен в список, но это было сделано без его согласия.

Председатель. Вы внесли его в список членов без его ведома, а до тех пор он не был членом вашего общества? А что вы скажете на счет освобождения Чернышевского из рудников?

Ермолов. Бибиков об этом знал.

Председатель. Через кого вы узнали, что Бибиков знал об этом,—какое участие он принимал?

Ермолов. Участие его состояло в сочувствии этому делу.

Председатель. Чем выразилось сочувствие его, как это вам сделалось известным?

Ермолов. Слышал я от Юрасова об этом.

Председатель. Юрасов был коротко с ним знаком?

Ермолов. Он был довольно близок с ним.

Председатель. Об обещании его способствовать тем, чтоб уговорить Дарочкина ехать в Сибирь, было ли вам известно?

Ермолов. Да, было известно, что Дарочкин поедет освободить Чернышевского.

Председатель. Какая же причина могла побудить Дарочкина ехать для освобождения Чернышевского?

Ермолов. Дарочкин был крестьянин Людиновского завода и был знаком с Бибиковым, и, вероятно, Бибиков уговорил его ехать.

Председатель. Вы хотите сказать, что приписываете это влиянию Бибикова на Дарочкина?

Ермолов. Нет, не могу этого сказать.

Председатель. Что еще можете сказать?

Ермолов. То, что, может быть, он говорил ему что-нибудь.

Бибиков. Вы показали, Ермолов, что я сочувствовал делу Чернышевского?

Ермолов. Я слышал так от Юрасова... Я должен сказать, что когда Странден ездил к Бибикову, с тем, чтоб взять паспорт, то Бибиков отказал ему в этом.

Председатель (Ермолову). Вы говорили, что пожертвуете 30 тыс. рублей на устройство завода?

Ермолов. Я сказал, что тысячу рублей дам.

Бибиков. Вы сказали, что когда будет ваше совершеннолетие, то вы сказали, что дадите 30 тысяч рублей.

Ермолов. У меня всего было 25 тысяч, которые я отдал уже на библиотеку.

Был введен Оболенский.

Председатель (Оболенскому). Было ли Бибикову известно о предположении освободить Чернышевского из рудников?

Оболенский. Я должен сказать факт, который я знаю. Бибиков получил от Юрасова письмо, в котором тот просил его, чтоб он каким-нибудь образом устроил свидание Дарочкина со Странденом, который хотел его убедить ехать в Сибирь. Больше я ничего не знаю. Потом Дарочкин, не дождавшись Странденa, опоздавшего вследствие разлива, уехал; вслед за ним приехал Странден, но уже Дарочкина не было, и Странден уехал обратно в Москву не видевшись с Дарочкиным [1]).

Председатель. Так Дарочкин приезжал, чтоб уговориться со Странденом ехать в Сибирь?

Оболенский. Я этого не знаю, я знаю письмо, которое было к Бибикову от Юрасова. Дарочкин для чего приезжал к Бибикову,—не знаю; мое предположение такое, но, может быть, и не для того.

Гаевский (защитник Бибикова). Письмо Юрасова к Бибикову было адресовано на ваше имя для передачи Бибикову или прямо ему?

Оболенский. Прямо ему.

Гаевский. Бибиков подтверждает, что оно было адресовано вам.

Оболенский. Оно было написано на той же бумажке, на которой написано было письмо ко мне.

Гаевский. Не доказывал ли Бибиков, что освобождение Чернышевского дело невозможное?

Оболенский. В какое это время?

Гаевский. В декабре, когда приезжал Юрасов.

Оболенский. В конце года?

Гаевский. Да, когда вы ездили в Козельск.

Оболенский. Я, по крайней мере, не слышал этого.

Гаевский. Не говорил ли Бибиков, что его следует отклонить от этого намерения?

Оболенский. Я даже не знал, что Юрасов хотел освободить Чернышевского, а, действительно, он говорил об Маликове, это был чисто простой разговор, в котором Бибиков говорил, что следует отговорить Маликова.

Гаевский [2]). Известно ли вам, у кого возникла мысль [3]) об устройстве Людиновского завода?

Оболенский. Я Бибикова спрашивал об этом. Он мне говорил, что эта мысль родилась у крестьян, что крестьяне обратились к нему с просьбой, чтоб он им помог в этом деле.

Бибиков. Я предложу вам тот же вопрос. Как же вы не помните того разговора, который был между нами дорогой, когда мы ехали в Москву?

Оболенский. Дорогой? Это совершенно другое. Я так показывал и комиссии, но мы говорили не об Юрасове,—мы гово-

[1]) В подлиннике: «Странденом». [2]) Первоначально: «Председатель». [3]) Далее зачеркнуто: «об освобождении Чернышевского».

рили об Маликове, и вы, действительно, соглашались, что следует всеми силами уговорить его, что это невозможно. Я могу лично за Бибикова сказать суду, что убеждения его были совершенно законные. Если он желал добра обществу, то он действительно желал делать его в пределах чести и законности.

Был введен Странден.

Председатель (Странденy). Для какой цели вы ездили к Бибикову в Калужскую губернию?

Странден. Я хотел у него взять паспорт.

Председатель. Для чего паспорт?

Странден. Для поездки в Сибирь за Чернышевским.

Председатель. По какому случаю вы надеялись от Бибикова получить скорее паспорт, чем от другого?

Странден. Юрасов сказал, что писал ему письмо.

Председатель. Так вы объясняете, что надеялись на Бибикова по удостоверению Юрасова?

Странден. Паспорт он отказал наотрез дать,—сказал, что это противозаконно; относительно Чернышевского он точно так же не сочувствовал.

Председатель. Однако же вы надеялись, что он уговорит Дарочкина ехать с вами?

Странден. Я не надеялся на него; когда я просил его, чтоб он переговорил с Дарочкиным, он сказал, что переговорит, как только окончится съезд, и потом сейчас же напишет письмо в Москву об результатах его переговора с Дарочкиным, но никаких писем я от него не получал.

Председатель. Однако же Дарочкин приезжал к Бибикову?

Странден. Дарочкин приезжал, может быть, т.-е. не может, а наверное, и Юрасов хотел с ним переговорить об заводе.

Председатель. А кто предполагал устроить завод?

Странден. Предполагали устроить мои товарищи.

Министр юстиции. Знаете ли вы, в каких сношениях Бибиков находился с революционным обществом, к которому вы принадлежали?

Странден. Он не принадлежал ни к нашему, ни к какому-нибудь другому, и он не знал об их существовании.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Объясните все, что вам известно о Бибикове: относительно его сношений с вами и с партией вашей, по поводу поездки для освобождения Чернышевского и прочее все, что вам известно об нем.

Юрасов. Собственно наше знакомство и сношение завязались по поводу завода,—нас связало желание устроить чугунный завод около Людинова. Относительно Чернышевского он знал.

Председатель. Позвольте, до Чернышевского еще дойдет

очередь. Вы дали надежду, что можете способствовать устройству завода собственными средствами?

Юрасов. Да, я говорил Бибикову, что завод может устроиться на заемные деньги, так как я рассчитывал, что завод принесет хороший процент: мы думали, что, устроивши завод, можно будет уплатить те деньги, которые будут заняты на постройку этого завода, и, таким образом, мы надеялись возвратить занятые деньги на этот завод и потом передать этот завод во владение артели рабочих.

Председатель. Но прежде чем возвращать заем, нужно сделать заем,—вы ничего не объяснили об том, какие средства имели в виду, чтобы найти деньги.

Юрасов. Я высказывал только желание устроить завод, но денег не находил еще.

Председатель. Вы не упоминали ему об Ермолове?

Юрасов. Да, действительно, было, было хотя и не наверное, но было предположение, что, может быть, Ермолов даст денег.

Председатель. Отчего же вы вынуждаете выпытывать у вас каждое слово, это надо же кончить когда-нибудь тем, чтоб вы откровенно объяснялись.

Председатель. Вы знали, что у Ермолова были деньги? И вы собирались уговорить его, чтобы пожертвовать эти деньги на завод?

Юрасов. Я сказал Бибикову, что Ермолов отдал свои деньги в распоряжение «Организации», но на собраниях не было определено, куда нужно употребить деньги Ермолова, поэтому я не говорил, что деньги Ермолова непременно будут употреблены [1]) на завод, потому окончательное определенное назначение деньгам Ермолова на завод не было. Относительно освобождения Чернышевского Бибикову было известно; я говорил с ним об этом обстоятельстве в декабре 1865 года, и меня Бибиков тогда отговаривал,—говорил, что подобное освобождение может дурно повлиять на завод.

Председатель. В чем состоял ваш разговор с ним на счет Дарочкина?

Юрасов. На счет Дарочкина я разговаривал с ним тогда именно, когда говорил о Чернышевском, об освобождении его: я говорил, так как Чернышевский, вероятно, работает при каком-нибудь горном заводе, так [к] нему невозможно найти доступа, чтобы переговорить с ним, согласится ли он бежать, или нет, что для этого нужен рабочий, который бы нанялся вблизи того завода, где работает Чернышевский, который бы передал ему письмо или вообще переговорил с Чернышевским, будет ли он согласен на освобождение. С этой целью я спрашивал Бибикова о Дарочкине, так как Дарочкин славился, как хороший работник, то не согласится ли он за хорошую цену ехать в Сибирь и

1) В подлиннике далее следует: «деньги».

наняться на тот завод, где работал Чернышевский, с тем, чтобы через его посредство опросить Чернышевского, согласен ли он на свое освобождение. Бибиков сказал мне, что если дадут хорошие деньги, то, может быть, Дарочкин согласится; говорил ли Бибиков с Дарочкиным об этом, я не знаю.

Председатель. Как же вы ездили потом для свидания с Дарочкиным?

Юрасов. Нет. Я собственно ездил для осмотра леса в Жиздринском уезде вместе с Бибиковым и Дарочкиным; я смотрел лес и с Дарочкиным разговаривал об заводе, об том, что будет стоить завод; я записывал справочные цены леса, чугуна и кирпича.

Председатель. При этом участвовал Дарочкин?

Юрасов. Да, при разговоре об заводе.

Граф Панин. Какую сумму вы предлагали употребить для устройства завода?

Юрасов. 16 000, 8 000 собственно для постройки завода и 8 000—для обеспечения.

Граф Панин. Тут вы считали и покупку леса?

Юрасов. 8 000 за всю постройку.

Граф Панин. Без покупки леса или с покупкой?

Юрасов. С покупкою леса.

Граф Панин. Сколько стоила покупка леса?

Юрасов. Полторы тысячи.

Министр юстиции. Объясните, почему вы поместили Бибикова в числе членов и потом оговаривали, что он не принадлежит к обществу.

Юрасов. Сначала я предположил, что меня спрашивают об людях, с которыми я был близок и был хорош, а Бибикова я считал более близким, чем кого-нибудь, и потому наметил его, и потом, так как допрашивали об Чернышевском, то я наметил лиц, которые знали об Чернышевском, и, таким образом, помещая Бибикова, я совместил две вещи: близость свою с Бибиковым и то, что он знал об Чернышевском.

Гаевский. Просил ли вас Бибиков поместить его в список членов общества?

Юрасов. Надо заметить, что общество начало образовываться в 1866 году, в начале его, а Бибикова я видел в последний раз в Москве в конце 1865 года.

Бибиков. Значит, общество образовалось после того, как вы меня видели?

Юрасов. Вообще Бибиков меня не просил, чтобы я его поместил в списке членов, и вообще он ничего не знал об обществе.

Граф Панин. Когда и где вы познакомились с Бибиковым?

Юрасов. В 1863 году, в апреле или мае месяце; в то время, когда Маликов приезжал в Москву; с Маликовым я был прежде знаком,—он приехал в Москву вместе с Бибиковым, и в то время, будучи у Маликова, познакомился с Бибиковым.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Что вы знаете на счет Бибикова?

Ишутин. Раза два я Бибикова видел у Юрасова,—больше я ничего не сумею вам сказать.

Председатель. Принадлежал ли он к обществу Организации»?

Ишутин. Нет.

Председатель. Был занесен в список?

Ишутин. Нет, я этого ничего не знаю, нет, помилуйте.

Председатель. Про дело Чернышевского вы знаете, что Бибиков принимал в нем участие?

Ишутин. Нет, я этого не знаю,—Бибиков в этом деле не принимал участия.

Был введен Маликов.

Гаевский (Маликову). Что вам известно об участии Бибикова в предположении устроить Людиновскую артель?

Маликов. Это обстоятельство мне известно очень подробно: мысль об устройстве Людиновского завода на артельных началах явилась у самих рабочих, и Бибиков в этом случае старался помочь мне, похлопотать за них, и так как им нужно было достать для этого средства, то Бибиков старался похлопотать об этом; я точно так же помогал ему в этом случае. Мы хотели устроить завод на артельных началах и хотели просить разрешения правительства; мы хотели устроить завод не на землях г-на Мальцева, потому что Мальцев не позволил бы, а тут соседний помещик уступал землю.

Председатель. Участвовал ли Бибиков в обществе Организации» или в каком-нибудь другом обществе?

Маликов. Я не знаю совершенно этого. Сколько мне известно, в течение долгого знакомства с Бибиковым он никогда не позволял себе участвовать в каком-нибудь незаконном обществе.

Председатель. Что вам известно об освобождении Чернышевского,—как Бибиков относился к этому делу?

Маликов. Как Бибиков относился к этому делу? Я вполне убежден, что он не мог относиться к этому с сочувствием, потому что ручаюсь за его убеждения,—я его хорошо знал,—он это вполне доказал своею деятельностью.

Было прочтено показание Дарочкина [83].

Бибиков был уведен, а Оболенский [84] введен.

Председатель (Оболенскому). Объявите ваше имя, отчество и фамилию?

Оболенский. Леонид Егоров Оболенский.

Председатель. Звание ваше?

Оболенский. Секретарь козельской [1]) земской управы.

[1]) В подлиннике: «козловской».

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1]),

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, секретарь козельской уездной управы Леонид Егоров Оболенский, 24 лет.

По обстоятельствам дела на секретаря козельской уездной управы Леонида Оболенского падает обвинение в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства. Оболенский принимал участие в рабочих завода Мальцева и был одним из главных деятелей по предположению об устройстве для них нового завода (следствие, произведенное Ф. А. Кознаковым). По просьбе Бибикова, при поездке своей в Москву Оболенский отыскал там Ишутина и имел с ним разговоры об устройстве означенного завода. Отыскивая Ишутина, Оболенский познакомился с Ермоловым и Юрасовым. Он также знал Страндена и Каракозова, и когда Страден ездил в Калужскую губернию, он виделся там с Оболенским, которого посещал под именем Васильева (т. II, л. 486, т. III, л. 300, 302, 306, 307, 309, 312, 342, 362, показание Кондратовича—т. VII, л. 8—17). От Малыкова Оболенский узнал о предположении освободить из рудников государственного преступника Чернышевского и принял участие в этом предположении (т. III, л. 317, 362 об., т. VII, л. 63). В письме к жене своей Оболенский сообщает ей, что познакомился с крестьянином Аракчеевым и собирается с ним жить, чтобы иметь влияние на крестьян (т. III, л. 172 об., показание Кондратовича—т. VII, л. 8—17). В письме, написанном им Бибикову, он выражает намерение вести подпольную борьбу, признавая необходимым быть осторожным, лукавым и хитрым, он находит неудобным сообщить, что забралось ему в голову (т. III, л. 173 об.). В письме, написанном к Юрасову, Оболенский изъявляет согласие поступить в члены общества, которого он читал устав, с тем только, чтобы ему дозволено было сделать два возражения. К этому Оболенский прибавляет, что если его возражения не будут приняты, то он согласен подчиниться уставу общества (т. IV, л. 436). Юрасов поместил его в число членов тайного общества «Организация» (т. VI, л. 91), но Оболенский в принадлежности к этому обществу не сознался и утверждает, что он не знал о его существовании. Юрасов впоследствии изменил свое показание (т. VI, л. 93) и вместе с другими членами «Организации» объясняет, что Оболенский не принадлежал ни к одному из обществ (показание Ермолова—т. VI, л. 45; показание Ишутина—т. VI, л. 76). Хотя

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 114—117.

Оболенский и утверждает, что он не знал о существовании тайного революционного общества «Организации», но, принимая во внимание содержание писем его к Бибикову и Юрасову, сношения его с членами «Организации», которые были столь близки, что ему было известно о предположении освободить государственного преступника Чернышевского, показание его не может быть признано заслуживающим уважения.

Посему секретарь козельской управы Леонид Оболенский обвиняется в знании о существовании в Москве тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о наказ.

Посему вышепомепованный Оболенский предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Оболенский, вы слышали, что вы обвиняетесь в знании о существовании тайного общества и в недонесении об этом правительству?

Оболенский. Нет, не признаю себя виновным,—я о существовании общества решительно ничего не знал и только теперь в первый раз слышу об нем.

Председатель. Какое участие вы принимали в предположении об устройстве завода на началах ассоциации?

Оболенский. Кроме сердечного, никакого.

Председатель. В чем состояло это сердечное участие?

Оболенский. В том, что сочувствовал людям, которые рассказывали об устройстве завода для того, чтоб избавить рабочих от ужасного положения, в котором они находились.

Председатель. С кем говорили вы об этом?

Оболенский. Говорил с Маликовым, какие рабочие испытывают притеснения, как рабочих бросают в раскаленные печи.

Граф Панин. Вы сами это видели?.

Оболенский. Не видел, а все рассказывают. Я на самом заводе Людиновском никогда не был.

Председатель. В каких отношениях вы были к Ишутину, Страндену и Ермолову?

Оболенский. Ермолова всего один раз видел. Нужно было от Ишутина получить деньги, поэтому я отыскивал квартиру Ишутина. Мне показали квартиру Ермолова и сказали, что я там могу найти Ишутина. Я так и сделал, в квартире я застал Ермолова, поговорил с ним.

Председатель. Вы отыскивали Ишутина,—какие же у вас с ним были отношения?

Оболенский. А именно, получение обратно денег, которые я давал ему взаймы,—ему залоги какие-то нужны были для Людиновского завода. Ишутин обещался прислать взятые им

деньги через неделю и не прислал. Так как деньги были не мои, то, чтоб их скорее получить, я сам отправился за ними. Ишутин сказал, что если долго он не пришлет денег, то чтоб ему напомнить об деньгах, и дал следующий адрес: дом Полонской, швейный магазин[85]. Я туда пришел. Мне сказали отправиться к Ермолову, что там я застану Ишутина. Вот один раз я был [у] Ишутина. Из Москвы я отправился в Тверь, потом я вернулся из Твери и, проезжая через Москву, в другой раз был у Ишутина.

Председатель. Теперь расскажите об Страндене.

Оболенский. Странденa я видел у Юрасова и один или два раза разговаривал с ним, когда он был в Козельске под именем Васильева. Зачем он тогда принял имя Васильева, я не знаю, Я расскажу все подробно. Утром, когда Странден приехал в Козельск, он написал записку к нам, в которой он спрашивал, где он может видеться с Бибиковым. Я отвечал, что он может видеться у меня. Вследствие этого Странден пришел ко мне на квартиру, но так как у меня в то время был Аракчеев[86], то Странден мне шопотом сказал: «Васильев, Васильев». Я не знаю, что он хотел этим сказать, то ли, чтоб я его называл не Васильев, а Странден, или что другое; впрочем, я его называл Васильевым, а потом, когда он ушел, я сказал Аракчееву, что это не Васильев, а Странден был у меня.

Председатель. Какое же участие вы принимали в освобождении Чернышевского?

Оболенский. Вот я слышал об этом от Маликова; так как Маликов мой родственник, то мы жили вместе: потом я с Бибиковым жили вместе 5 месяцев,—я об этом показал комиссии. Потом, когда Странден был, то он говорил, что, действительно, в Москве со временем хотят освободить Чернышевского.

Председатель. Почему, с какою целью вы собирались жить с крестьянином Аракчеевым?

Оболенский. Я, действительно, собирался жить с Аракчеевым,—это совершенно справедливо,—для приобретения влияния на крестьян. Это влияние я желал приобрести для того, чтобы, так как я служил секретарем при земской управе и под моим веденiем были все дела земства, и, кроме того, так как я видел, как безграмотных мужиков проводят, помочь мужикам составлять какие-нибудь проекты от лица их и представлять эти проекты земской управе. Одним словом, я хотел помогать крестьянам, сколько это возможно. Если кто из судей видел земские собрания, тот знает, до какой степени мало мы привыкли к подобному порядку. Я, действительно, желал принести пользу народу, составляя для них проекты,—это могут подтвердить Маликов и Бибиков.

Председатель. Какого рода проекты вы хотели предлагать?

Оболенский. Я, например, желал, чтоб школу или пан-

свои устроили в Козельске, в которую принимали бы и крестьян, которая бы имела агрономическое направление. Потом читал в земском собрании от себя проект о переводе натуральной повинности на денежную, проект банка, об разделении повинностей соразмерно доходу, потом об раздении земли на разряды, но возражение двух членов управы—одного Запольского, другого Воронцова—не дали пройти моим проектам. Таким образом, я хотел проводить разные проекты как от своего лица, так и под именем Аракчеева.

Граф Панин. С кем вы хотели вести подпольную борьбу?

Оболенский. Вот именно с Воронцовым, потому что это человек гордый, самолюбивый, отсталый, который не давал возможности провести никакой новой мысли, всяким возражением он обижался, как будто личным для него оскорблением. Вот потому я хотел делать таким образом, чтоб предлагать проекты от имени другого,—вот в этом случае я хотел воспользоваться Аракчеевым. Точно так же я хотел вести борьбу с Запольским, председателем управы.

Председатель. А против кого вы хотели быть хитрым и лукавым?

Оболенский. Это я писал к жене моей по поводу Маликова, именно по поводу его женитьбы.

Граф Панин. Теперь объясните, какие возражения вы намерены были сделать против устава, который предполагалось ввести в обществе?

Оболенский. Тут тоже ошибка в обвинительном акте. В письме моем совершенно не так выражено. В письме моем было выражено желание поступить в члены. Затем в акте сказано, что я заявил желание поступить в члены, с тем, чтобы мне было позволено два раза возражать, и что если возражения мои не будут приняты, то я согласен подчиниться уставам общества. В письме моем не то сказано,—в нем сказано вот что (читает письмо).

Председатель. По выслушании вашего письма я вижу, что в акте есть та неточность в выражении, что в нем, вместо слов «два возражения», сказано: «два раза возражать».

Оболенский. У меня сказано не о том уставе, который я читал, а сказано: «каков бы ни был устав», а в акте сказано: против устава, который я будто бы читал. Этого не было в моем письме; в письме моем было сказано, что я даю слово вступить во всякую организацию с целью вашего кружка, с такою оговоркою, чтоб мне было позволено два раза возражать против устава, а если возражения мои не будут приняты, то я обязуюсь принять устав каков бы он ни был.[1] Поэтому из этого ясно, что я готов был поступить в члены общества, и, между прочим, ясно, что в какое бы ни было общество, с целью их кружка.

---

[1]) Слова: «каков... был» в подлиннике подчеркнуты.

Председатель. В чем разумели вы цель вашего кружка?

Оболенский. Я уже это объяснял. Я знал, что они думают заняться устройством Людиновского завода, видел в них сочувствие простому народу, к бедному; потом Юрасов говорил, что они желают устроить общество для пособия нуждающимся рабочим[87]. Я именно так понимал, что они устроят такого рода общество, и я готов был к подобному обществу присоединиться, если бы оно было дозволено правительством. Об этом покажет Маликов, к которому я писал подробно об том, что общество, об котором я говорю, имело целью помогать рабочим, но устава этого общества я не читал,—это было только предполагаемое общество.

Был введен Бибиков.

Председатель (Бибикову). Какие предположения вы имели с Оболенским [1]) об устройстве завода для рабочих Мальцева и какое поручение вы давали Оболенскому при его поездке в Москву?

Бибиков. Я не помню, чтоб я давал какие-нибудь поручения.

Председатель. Постарайтесь вспомнить.

Бибиков. Он не собирался ехать в Москву; не помню, чтоб он собирался ехать в Москву.

Председатель. Предположение ваше об устройстве Людиновского завода было задумано совокупно с Оболенским?

Бибиков. Нет, Оболенский никакого участия не принимал в этом.

Председатель. В письме, которое было написано к вам Оболенским, упоминалось о подпольной борьбе,—как вы разумеете эту подпольную борьбу?

Оболенский. Это письмо не к нему, а к жене моей.

Добролюбов (защитник Оболенского). Тут, действительно, недоразумение. Обвинительный акт взял письмо из отношения жандармского управления. Намек, сделанный Бибиковым об подпольной борьбе, взят из одного письма Оболенского к жене; совет стараться быть хитрым и лукавым взят из другого письма: готовность поступить в общество,—это выбрано из третьего письма. Эти три фразы, собранные из разных писем и поставленные рядом жандармским управлением, в таком виде попали и в обвинительный акт и придают такой характер, что Оболенский, заявивший такие мысли, готовился поступить в «Организацию». Затем считаю необходимым прибавить, что письма Оболенского к его жене нет при деле,—вероятно, оно осталось в Москве. (После некоторого молчания.) В обвинительном акте подобраны выражения из разных писем и выданы за одну фразу, тогда как это есть сколок фраз из разных писем.

Оболенский (Бибикову). Вероятно, ты знаешь, для

[1]) В подлиннике: «Бибиковых».

какой цели я хотел приобрести влияние на крестьян, и зачем, какую подпольную борьбу я хотели вести и с кем?

Председатель (не дожидаясь ответа Бибикова). Можете или не можете дать какое-нибудь показание на счет его намерений?

Бибиков. Нет, не могу.

Добролюбов (Бибикову). Вы помните, когда вы ехали в Москву из Козельска вместе с Оболенским, разговор ваш дорогою? Как выразился Оболенский на счет освобождения Чернышевского,— о тех слухах, которые доходили к нему от Маликова и от других.

Бибиков. Он говорил, что это преступление, что следовало отговорить,- вот не помню кого: Маликова, или Юрасова,—мне кажется, что Юрасова.

Добролюбов. После свидания со Страндеем что вы говорили Оболенскому об деле Чернышевского,—передавали ли вы ему что-нибудь?

Бибиков. Нет, ничего не передавал.

Был введен Ишутин.

Председатель (Ишутину). Какие были ваши сношения с Оболенским?

Ишутин. Моих сношений никаких не было,—я раз два его видел.

Председатель. Где?

Ишутин. У Юрасова.

Председатель. В чем состояли ваши с ним разговоры?

Ишутин. Мы с ним ни об чем не говорили.

Председатель. Свидетелем его разговора с Юрасовым вы были?

Ишутин. Нет, не был. Я у Юрасова при нем был минут 5 или 6,—не более.

Председатель. Эти 5 или 6 минут прошли в глубоком молчании?

Ишутин. Нет, они говорили что-то такое, но что —не помню.

Председатель. Не говорил ли с вами Оболенский в Москве об деньгах?

Ишутин. Помнится мне, ему, действительно, нужны были деньги, он нуждался в рублях 20 или 30.

Оболенский. Нет, вот в чем дело. Когда я приехал в Москву, я просил у вас копеек 20 взаймы, потому что мне нечем было заплатить извозчику. Это случилось таким образом, что Бибиков предложил мне ехать в Москву на его счет, и я не запасся деньгами.

Ишутин (суду). Не сумею ничего сказать, потому что Оболенского всего раза два видел.

Был введен Ермолов.

Председатель (Ермолову). В каких сношениях вы были с Оболенским,—в чем состояли ваши сношения с ним?

Ермолов. Про Оболенского я ничего не знаю.

Председатель (Оболенскому). Вы с ним не говорили об тех предметах, которые вы знали?

Оболенский. Об этом был разговор, кажется.

Председатель. В чем ваш разговор состоял?

Оболенский. Например, говорили об устройстве завода, потом об освобождении Чернышевского?

Ермолов молчит.

Председатель (Ермолову). Вы слышите?

Ермолов. Да, действительно, об заводе мы говорили, а об Чернышевском нет.

Был введен Странден.

Председатель (Страндену). Какие были ваши сношения с Оболенским?

Странден. Никаких особенных сношений.

Председатель. Если особенных не было, то какие не-особенные сношения?

Странден. Знаком был.

Председатель. Вы сообщали о ваших предложениях, о ваших намерениях, -об освобождении Чернышевского, об устройстве завода?

Странден. Об освобождении Чернышевского он знает.

Председатель. А об заводе?

Странден. Тоже, вероятно, знает.

Председатель. Вас спрашивают, и вы не отвечаете, - всякий раз нужно от вас вытягивать по слову.

Граф Панин (Страндену). По какой причине вы скрывались под именем Васильева, когда приезжали в Козельск?

Странден. Под именем Васильева я не скрывался.

Оболенский. Нет, вы, действительно, мне сказали, когда приехали, на ухо: «Васильев, Васильев».

Председатель. Вы его застали с крестьянином Аракчеевым?

Странден. Ничего не могу сказать, был ли то Аракчеев, или кто другой.

Оболенский. Как только что вы вошли в комнату, вы сейчас сказали: «Васильев».

Странден. Теперь я вспомнил,—это произошло не вследствие чего-нибудь особенного. Когда я приехал в Козельск, я не знал квартиры Бибикова [1]) и отправился в то присутственное место, где он служит. Когда я входил туда, я встретил незнакомого господина, и я у него спросил: «вы не знаете ли где квартира Бибикова?» Господин мне отвечал: «А я вот туда иду, пойдемте вместе». Дорогой этот господин выспрашивал меня, кто я такой, зачем приехал и вообще как будто вопросы делал. Я сказал, что

[1]) Слово: «Бабикова» вписано над зачеркнутым. «Оболенского».

я Васильев. Когда мы взошли к Бибикову, мне совестно было перед проводившим меня господином, что я ему соврал, и потому сказал, чтоб они меня называли Васильевым.

Министр юстиции. Объясняли ли вы Оболенскому о цели вашей поездки в Калужскую губернию и какая была именно цель вашей поездки?

Странден. Цель моей поездки была достать паспорт и переговорить с Дарочкиным.

Министр юстиции. Для чего?

Странден. О поездке в Сибирь.

Министр юстиции. Зачем?

Странден. Для освобождения Чернышевского.

Министр юстиции. Вы это ему сообщали?

Странден. Да, сообщал.

Оболенский. Так вы собственно к кому приезжали.—ко мне или к Бибикову?

Странден. К Бибикову.

Был введен Маликов.

Председатель (Маликову). Объясните, как вы сообщали Оболенскому о вашем намерении освободить Чернышевского из рудников?

Маликов. Я ездил в Петербург по делу о Мальцевском заводе. Туда же приехал Ишутин с планами и доверенностью на устройство Люциновского завода. Мы были у Елисеева, к которому мы отправились вместе для того, чтоб просить у него совета и спросить, не найдет ли он лицо, которое бы выдало деньги под залог выкупных свидетельств. Елисеев сказал, что денег нельзя достать вследствие общего безденежья. В разговоре с Елисеевым мы жалели, что не удается это дело, такое хорошее. Елисеев сказал: «мало ли что хорошее не удается, может быть, хорошо бы было и Чернышевскому помочь». Ишутин сказал, что это хорошо и надо бы было об этом подумать. Елисеев сказал на это, что это фантазия, которая никогда не исполнится. Мы вышли от Елисеева и дорогой говорили, что хорошо бы было помочь Чернышевскому; здесь же Ишутин сказал мне: «Вы спросите, какие же средства есть к тому». Когда я спросил об этом Елисеева, Елисеев сказал, что положительно к тому нет никаких средств, и засмеялся при этом; тогда я сам увидел невозможность освобождения Чернышевского, и, приехавши в Тверь, я передавал Оболенскому то, что слышал от Елисеева.

Председатель. Какие были его рассуждения по этому поводу?

Маликов. Оболенский пришел также к тому убеждению, что это невозможное дело.

Добролюбов. Не можете ли объяснить, о подпольной борьбе упоминалось в письме Оболенского вам?

Маликов. Действительно, упоминалось. В конце зимы я

получил письмо от Оболенского, который был секретарем козельской земской управы; он описывал в этом письме свое положение, как служащего, свои планы, желание помочь крестьянам в земском собрании, но, писал он, так как он не имеет никакого голоса там, как секретарь, то, очень естественно, он должен вести подпольную борьбу через других и самому скрываться, именно, он хотел вести борьбу через некого Аракчеева.

Оболенский. Не можете ли назвать прямо личностей, против которых я хотел вести борьбу?

Маликов. Помещик какой-то... позвольте... ах, да,—Воронцов.

Добролюбов. Помните ли что-нибудь про фразу, что необходимо быть осторожным, хитрым и лукавым?

Маликов. Это про кого говорилось?

Добролюбов. Я вас спрашиваю, про кого?

Оболенский. Позвольте вас спросить, к кому относилась та фраза, в которой я говорил, что надо и стен бояться?

Маликов. Ах, это относилось ко мне по следующему случаю. Когда я служил в Холму, то у меня, как я уже имел честь объяснить, было предположение сначала, что, может быть, я женюсь на одной богатой особе, но нужно заметить, что жители Холма разделяются на две партии: партию старого головы и партию нового головы, так что решительно, бывши официальным лицом, нет никакой возможности, бывши знакомыми с кем-нибудь, нет возможности избежать того, чтоб не обозвали приверженцем партии; потому очень естественно, что так как я, может быть, думал жениться на дочери старого головы, то Оболенский писал мне, что нужно и стен бояться, потому что сейчас противоположная партия скажет, что я держу сторону другой партии.

Добролюбов. Не можете ли объяснить слова, что забралось в голову?

Маликов (Бибикову). Не можете ли припомнить, в чем дело?

Бибиков. Я писал вам сначала, что мне забралась мысль в голову, что не считаю удобным выразить ее в этом письме, и потом в конце февраля я писал вам об этой мысли.

Маликов. Это он писал в том же письме, в котором говорил и о борьбе подпольной. Он писал о том, что предполагал устроить беспроцентный банк и тем доставить выгоды тем лицам, которые нуждаются в кредите, и заставить окрестных капиталистов понизить процент.

Председатель. Об обществе «Организации» что он вам писал, как он понимал это общество?

Маликов. Об обществе он ничего не писал.

Председатель. Не писал ли, что он писал о своих переговорах с Юрасовым?

Маликов. Об обществе я от него ничего решительно не

слышал: об Юрасове он писал мне, что собирается ссориться с Юрасовым.

Оболенский. Об обществе я писал вам, только не об обществе «Организации», а помните об каком обществе?

Маликов. Об каком-то обществе[1] вспомоществования бедным, рабочим, кажется.

Оболенский. Вот это самое.

Был введен Юрасов.

Председатель (Юрасову). Вам писал Оболенский письмо, где изъявлял желание поступить в члены общества[2], если вы дадите ему возможность два раза возражать, —о каком это обществе шла речь, какой это устав?

Юрасов. Я сообщал ему мысль устроить общество и говорил ему, что если составится устав, то я сообщу ему о тех условиях, которые будут предложены для поступления в это общество. Он говорил, что если он найдет нужным возражать, и если его выслушают, и если будут согласны на те условия, которые он предложит, то тогда он согласится поступить в общество.

Председатель. Вспомните, так ли он вам писал?

Юрасов. Сколько мне помнится, именно в таком духе.

Оболенский. Слова Юрасова совершенно согласны с моими. Я не знал никакого общества, которое было уже готово. Мне Юрасов говорил, что на это общество будут просить разрешение правительства, что оно будет иметь целью пособие нуждающимся рабочим. Он не говорил, как будет называться это общество, а говорил, что самое вероятное название, которое ему дадут,—это будет «общество для пособия нуждающимся рабочим», и при этом Юрасов сказал, что он предполагает, что правительство разрешит это общество, стеснив несколько его устав.

Председатель. А о заводе он знал?

Юрасов. О чугунном заводе? Да, он говорил, что хорошо устроить такой завод на началах ассоциации.

Добролюбов. Давали ли вы ему читать устав какого-нибудь общества?

Юрасов. Нет, никакого устава я ему не давал. Этого не было.

Оболенский был уведен, а Никольский[88] введен.

Председатель (Никольскому). Объясните ваше имя, отчество и фамилию?

Никольский [Александр Маркелович][3] Никольский.

Председатель. Лета?

Никольский. 20 лет.

Председатель. Вероисповедания какого?

---

[1]) Далее зачеркнуто: «взаимного». [2]) Далее зачеркнуто: «организации». [3]) В подлиннике пропуск и вписано карандашом: «место для имени и отчества».

Никольский. Православного.

Председатель. Место жительства?

Никольский. Я жил в Петербурге в последнее время.

Председатель. С какого времени жили вы в Петербурге?

Никольский. Три года.

Председатель. Занятие ваше?

Никольский. Был в университете.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт [1],

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, бывший студент с.-петербургского университета Александр Никольский.

По обстоятельствам дела на бывшего студента с.-петербургского университета Александра Никольского падает обвинение в знании о существовании в Москве общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства.

При производстве по настоящему делу следствия было найдено письмо, написанное Никольским к Андрею Фортакову, следующего содержания: «Получил от вас деньги, а я уж их ждал, ждал. На то, на что я их просил, была крайняя нужда. Я уже отдал свои, какие только прислали из дома. Более 100 руб. отправил, так что теперь пока там есть. Теперь там вчера говорили, что нужно усилить работу. Из ваших я взял только 50 р. с., остальные пока остались у вашего брата. Туда же пошлю теперь свои, а там и ваши» (т. II, л. 120).

Спрошенный об этом письме, Фортаков показал, что сношения его с Никольским не имели никакого преступного характера,—он давал ему деньги на издание перевода Оуэна и учебника географии и для покупки микроскопа, переписывался с Никольским о своих делах и разных новостях и не понимает смысла его означенного письма (показание Фортакова—т. VI, л. 29, 30, 31, 68, 69, 70, 95, 172, 434—437).

Никольский показал, что письмо его относилось к покупке микроскопа, и Фортаков должен был бы понять смысл его (т. VI, л. 72, 183—185, т. VII, л. 41). При этом показании Никольский остался во все время производства следствия; что же касается до встречающихся в его письме весьма сомнительных выражений, он старался объяснить, что письмо это не имеет никакого особенного значения, и если в некоторых местах смысл его непонятен, то это произошло потому, что оно писано в день его свадьбы (т. II, л. 119, 383).

---

[1] Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 119—123.

По показаниям Лебедева и Ведерникова, Никольский в разговорах своих всегда выказывал крайнее революционное направление, так что в нем можно было предполагать революционного деятеля (т. IV, л. 80 и 91).

Александр Лебедев говорит, что в разговоре о неудавшемся покушения, сделанного Каракозовым, Никольский выражал мысль, что она произошла от того, что не было в этом деле сообщников с другими, которые могли бы его поставить иначе (т. IV, л. 306, 310).

По показанию Комаровой, Кобылин просил ее приискать квартиру для одного знакомого ее, который должен был приехать в Петербург по важному делу, как предполагают, для Каракозова. Когда Комарова передавала об этом поручении Ведерникову, бывший при этом Никольский сказал: «а, знаю» (т. IV, л. 2[illegible]).

Никольский был женат на родной сестре жены Худякова, жил с ним на одной квартире и находился с ним в близких отношениях (т. II, л. 132, т. III, л. 390, т. IV, л. 432, т. VII, л. 127); по поручению Худякова Никольский ездил в Москву к Ишутину и просил его принять меры к освобождению государственного преступника Серно-Соловьевича (т. V, л. 327).

Наконец, Никольский сам признался, что убеждения его были революционные, и он их распространял, но ни к какому тайному обществу не принадлежал (т. VI, л. 396—398, т. VII, л. 113—122).

Принимая во внимание, что Никольский был революционных убеждений, которые распространял, что он жил на одной квартире с своим родственником, домашним учителем Иваном Худяковым, обвиняемым в подговоре к образованию в Москве тайного общества с целью цареубийства и в снабжении подсудимого Каракозова деньгами на покупку или перемену пистолета, с знанием о его намерении совершить покушение на жизнь государя императора, что Худяков имел к нему, Никольскому, такое доверие, что решился поручить отправиться в Москву для переговоров об освобождении государственного преступника Серно-Соловьевича к Ишутину, обвиняемому в образовании в Москве тайного революционного общества, под названием «Организация», в предложении образовать тайное общество с целью цареубийства и в знании о преступном намерении Каракозова, нельзя не признать, что Никольский знал о существовании в Москве тайного общества с революционною целью, которое в настоящем деле известно под названием «Организации».

Посему бывший студент Александр Никольский обвиняется в знании о существовании в Москве тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о том до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное 318 ст. Улож. о нак.

Посему вышеупомянутый Никольский предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года.

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение в знании о существовании тайного общества и в недонесении об нем?

Никольский. Нет, об этом обществе я ни от кого не слышал,—ни от Худякова, ни от Ишутина. У Ишутина я был тому назад год. С Худяковым мои сношения начались в 1865 году чрез его жену на его свадьбе, но потом я с ним теснее сошелся и в августе месяце жил с ним на одной квартире; потом, когда он уехал за границу, я с ним не переписывался, а переписывался с его женою; потом, когда он возвратился из-за границы, я с ним виделся редко. На квартиру к Худякову я перешел по желанию моей жены, которая хотела жить на одной квартире с своей сестрой,—это было 3 апреля, за неделю до моего ареста. Потом собственно Ведерников и Лебедев показали об моих идеях, но показание свое они высказали, как предположение, и я не знаю, к чему они вели, и я не думаю, чтоб они повторили свои показания здесь.

Председатель. В чем состояли ваши сношения с Фортаковым?[1]).

Никольский. После отъезда из Петербурга Фортакова, он писал мне об издании перевода Оуэна, потом также он меня просил выписать ему микроскоп; после того он писал ко мне в марте месяце нынешнего года и просил, кроме микроскопа, прислать разные принадлежности, и потом еще просил выслать ему некоторые книги, так что всего рублей на двести, и мне нехватало денег тех, которые он мне прежде оставил, потому я просил его прислать мне еще денег.

Председатель. Что это вы писали в своем письме к Фортакову: «деньги получил, а я их ждал, ждал, в них крайняя нужда»?

Никольский. В марте месяце я просил у него денег на разные принадлежности; так как он не высылал, то я несколько раз просил его выслать.

Председатель. Как вы согласите свое письмо?

Никольский. Письмо это я писал в день свадьбы, писал я его совершенно не думавши, между разговором с другими; наконец, письмо это мною не было прочтено[2]) и я надеялся, что пошлю на той же неделе другое письмо, более подробное.

Председатель. В письме том, которое было вами написано, сказано: «отдал свои и какие только вы прислали из дому,—более ста рублей отправил туда». Куда это туда?

Никольский. Я выписывал через Лопатина[89] и думал, что деньги в университете или у Лопатина.

Председатель. Что значат ваши слова, когда Комарова говорила Ведерникову об квартире для Каракозова, который приедет из Москвы[2]) по важному делу, вы при этом сказали: «я, знаю»?

---

[1]) В подлиннике здесь и далее первоначально: «Протков»; исправлено карандашом на: «Фортаков». [2]) Первоначально: «в Москву».

Никольский. Я этого не помню, потому что не знаю ни Кобылина, ни Каракозова, поэтому не мог этого сказать.

Председатель. Вы знали о квартире, о которой шла речь, что она приготовлялась для Каракозова?

Никольский. Нет, не знал.- я говорю, что я из них совершенно никого не знал.

Председатель. Вы сами сказали, что имели революционные идеи и их распространяли. В чем состояло это распространение?

Никольский. Я говорил по поводу идей, высказываемых Оузом: я говорил между своими знакомыми, между Ведерниковым и Лебедевым,—но собственно идеи не мои и не революционные, так как убеждения Оузна признаются переволюционными [1].

Председатель. Вы сами объясняли прежде, что ваши идеи революционны, а теперь [2] говорите, что нереволюционные?

Никольский. Собственно это говорил Ведерников и Лебедев, что мои идеи революционные; я готов им доказать, что они нереволюционные.

Председатель. Имели ли вы поручение от Худякова по предмету освобождения Серно-Соловьевича?

Никольский. Это было год тому назад, в июле месяце; я ездил к Ишутину и передал ему, что будут чрез Москву везти Серно-Соловьевича, и не может ли он как-нибудь освободить его, но Ишутин сказал мне, что не представится никакой возможности.

Председатель. По какому случаю вы явились к Ишутину?

Никольский. Вот по поручению Худякова, собственно для того, чтоб сказать Ишутину, что будет проезжать Серно-Соловьевич чрез Москву.

Был введен Фортаков[90].

Председатель. В чем заключались ваши сношения с Никольским?

Фортаков. Моих сношений особенных не было с Никольским, только я переписывался с ним.

Председатель. Каких денег вы ждали от него с нетерпением?

Фортаков. Я никаких денег не ждал от него с нетерпением.

Председатель. При следствии вы показали, что не знаете смысла адресованного Никольским на ваше имя письма, которое столько полно, каким образом Никольский мог писать вам намеками если вы не знали тех обстоятельств, на которые Никольский вам намекал?

Фортаков. Вот это-то меня и удивляет: действительно, я этого письма не понимаю, потому что оно писано намеками.

[1]) Слова: «признаются переволюционными» вписаны карандашом. [2]) В подлиннике: «теперичѣ».

Председатель. Письмо было следующего содержания: «получил от вас деньги, я от вас их ждал, ждал». Вы знали, что он ожидает денег?

Фортаков. Он меня просил, чтоб я ему выслал деньги, поэтому, я думаю, он ожидал эти деньги.

Председатель. Для чего он просил у вас денег?

Фортаков. Он меня не уведомлял, на какой предмет он просит денег.

Председатель (продолжает читать письмо). «Я уже отдал свои и какие только вы прислали из дома, более ста рублей отправил, так что пока там есть». Там, — что это такое «там»?

Фортаков. Не знаю.

Председатель (продолжает читать письмо). «Там вчера говорили, что нужно усилить работу». Где это усилить работу?

Фортаков. Он занимался изданиями Оуэна, — так, может быть, это касается изданий Оуэна[91].

Председатель (продолжает читать письмо). «Из ваших взял только 50 рублей, остальные пока оставил у вашего брата»[92]. Какие ваши деньги были у Никольского?

Фортаков. Когда я уезжал из Петербурга, я оставил ему деньги, чтоб купил мне микроскоп, и потом высылал еще ему денег.

Председатель (продолжает читать письмо). «Туда же пошлю теперь свои, а там и ваши». Вы не понимали смысла этих слов или понимали?

Фортаков. Нет, не понимал.

Председатель. Не забудьте, что вы показываете под присягою.

Фортаков. Это я знаю.

Самаркий (защитник подсудимого). Вы теперь показываете, что не имели денежных расчетов с Никольским, между тем прежде вы показали, что давали Никольскому деньги на издание Оуэна и учебника географии, — какое же из этих показаний вы подтверждаете?

Фортаков. Я показал так, что ему давал деньги на издание Оуэна и на издание учебника географии, но теперь меня об этом не спрашивали.

Председатель. Я спрашивал вас, имели ли вы денежные расчеты с Никольским; посылали ли вы ему деньги?

Фортаков. Посылал деньги. В конце декабря 500 руб., потом 100 рубл. послал и марте месяце или феврале.

Председатель. На какой предмет?

Фортаков. Сто рублей на покупку микроскопа.

Никольский (Фортакову). Я думал, что вы должны понять письмо, — если вы послали денег на микроскоп, то понятно, что речь шла об микроскопе.

Фортаков. Да, теперь я это понимаю.

Никольский. А потом я думал, что вы понимаете мое выражение, что нужно усилить работу; дело шло об микроскопических работах, с кем я говорил об этом, так это был Лопатин, так что я думал, что вы поймете мои слова.

Фортаков. Когда вы объяснили мне, так, конечно, для меня все понятно.

Никольский. Но если вы присылали деньги, так вы могли догадаться, для чего?

Фортаков. Я мог предполагать, что деньги мои шли или на покупку микроскопа, или на издание Оуэна.

Никольский. Но все-таки вы могли предполагать на то или на другое?

Фортаков. Да.

Был введен Лебедев[93]. Лебедев находится на свободе.

Председатель (Лебедеву). Какой отзыв Никольский сделал о покушении 4 апреля?

Лебедев. Никольский ничего не выражал. У нас был разговор с ним после арестования Худякова; я пришел к нему с Ведершиковым на Васильевский Остров. Никольский сообщал тот общий слух, который ходил насчет Каракозова; между прочим, говорили, что Каракозов был одет в сером армяке, что он имел при себе двухствольный пистолет; больше он ничего не говорил.

Председатель. Какой образ мысли вы замечали у Никольского?

Лебедев. Трудно собственно определить, какой он имел образ мысли; с того времени, как я его узнал, он постоянно переходил от одного образа мысли к другому, так что у него не было постоянного образа мысли; в последнее время он находился под влиянием Оуэна.

Министр юстиции. При следствии вы показали, что Никольский высказывал в разговорах [мысли] крайнего революционного направления.

Лебедев. Видите ли, в чем дело: тут в показаниях есть ошибка, которую я теперь под присягою хочу исправить. Это и многие показания я дал под влиянием того положения, в котором я находился; теперь я говорю, что я эти показания давал по ошибке.

Министр юстиции. Объясните суду, о каком обществе других говорил Никольский, когда он говорил, что эти другие могли бы исправить последовавшего [1]) случившегося покушения,—кто эти другие?

Лебедев. Этого я не помню.

Министр юстиции. Вы это показали.— вы показали, что в разговоре с вами о покушении, сделанном Каракозовым, Никольский

1) Так в подлиннике.

ский вам выражал мысль, что покушение не удалось оттого, что не было в этом деле сообщества с другими, которые бы могли его поставить иначе,—объясните, кто это такие другие, которых Никольский имел в виду?

Лебедев. Я ничего подобного не помню.

Лебедеву подали для прочтения его показание, и он прочел его[94].

Председатель. Это ваше показание?

Лебедев. Я положительно не могу объяснить этого.

Председатель. Отчего же вы теперь отказываетесь под присягою от ваших слов, вами написанных?

Лебедев. Я совершенно не могу объяснить, какой смысл могло иметь мое показание.

Председатель. Вы же его сами читали?

Лебедев. Это очень легко может быть, что я это написал: я был арестован, и легко может быть, что я, под влиянием ареста потом боязни, чтоб самому не попасться, писал такие вещи, которых я теперь не могу понять и которых я теперь под присягою не могу сказать.

Председатель. Вы говорите под присягою, что Никольский выражал мысль, что неудача покушения 1 апреля произошла оттого, что не было сообщества с другими[95]. Вы слышали это от Никольского?

Лебедев. Не помню, слышал ли.

Председатель. Как же вы отрекаетесь от своего показания?

Лебедев. Моя личность дороже личности Никольского, и я знаю, что я отвечаю под присягою.

Председатель. Следовательно, что же мы должны написать: что вы подтверждаете свое показание или отрекаетесь от него?

Лебедев. Отрекаюсь.

Самарский (защитник подсудимого). Я именно хотел предложить тот же вопрос: что вы разумели под этим показанием, потому что это показание клонилось только к оправданию подсудимого?

Никольский (Лебедеву). В роде этого разговор был, но не в таком смысле, как вы теперь упоминаете: помните, я обращал ваше внимание на то, что Каракозов стрелял из кременного[1] пистолета, и что он был дурно одет,—из этого я выводил такое заключение, что преступление Каракозова есть его личное действие, а не результат внушения какого-нибудь общества, что если Каракозов действовал, то он действовал один. Кроме того, я читал ваши показания и не знаю, почему вы меня обвиняете в революционных идеях?

Лебедев. Я, действительно, писал в моих показаниях много такого, чего теперь не могу подтвердить.

---

[1]) Так в подлиннике.

Был введен Ведерников[96].

Председатель (Ведерникову). Можете ли вы объяснить какое направление вы замечали в Никольском?

Ведерников. Я давно собирался сказать, что когда я давал показания комиссии, то я был в таком расстроенном положении, что писал то, чего не было, поэтому я не могу сообщить фактов, которые могли бы объяснить направление Никольского[97].

Председатель. Что сказал Никольский в то время, когда Комарова просила вас приискать квартиру для одного знакомого?

Ведерников. При этом разговоре Никольского не было

Председатель. Вы теперь отказываетесь от прежних ваших показаний?

Ведерников. Да, я давно сказал, что я был в расстроенном состоянии и писал то, чего теперь не могу подтвердить.

Председатель. Комарова, показала, [что] когда она говорила вам, чтоб вы приискали квартиру для молодого человека, который приедет в Петербург по важному делу, то Никольский, бывший при этом, сказал: «а, знаю».

Ведерников. Никольского в то время не было; после того, как он уехал из квартиры, я ходил к нему редко.

Самарский. В какое время горничная Комарова говорила об квартире?

Ведерников. На святой.

Самарский. А когда уехал с вашей квартиры Никольский?

Ведерников. Уехал месяцем раньше.

Самарский. Никольский был при этом разговоре?

Ведерников. Нет, не был.

Была введена Комарова[98].

Председатель (Комаровой). Что сказал Никольский в то время, когда вы просили Ведерникова приискать квартиру для одного знакомого, который приедет в Петербург по важному делу?

Комарова. Кажется, впрочем, не помню хорошенько, сказал: «а, знаю».

Председатель. Так вы подтверждаете ваше показание?

Комарова. Я не помню хорошенько, сказал ли он, или нет

Председатель. Однако же вы в первом своем показании сказали, что слышали эти слова.

Комарова. Я тогда находилась в ужасно каком положении, я преувеличила, может быть, все, я под страхом могла написать бог знает что; я старалась малейшие слова припомнить и не помню хорошенько, но, кажется, он так сказал.

Председатель. Но вы подтвердили то, что Никольский сказал эти слова, но вы теперь говорите, что это вам кажется, боясь, чтоб не преувеличить. Никольский был при этом?

Комарова. Нет, не был, я потом ему сказала.

Было прочтено показание Комаровой об Никольском.

Комарова. У него привычка такая была говорить: «а, знаю», может быть, он так себе сказал.

Председатель. Да это не ваше дело делать заключение,— ваше дело показать, говорил ли он эти слова?

Комарова. Да, говорил.

Председатель. Когда это было сказано?

Комарова. Числа не помню.

Председатель. Приблизительно?

Комарова. В то время, когда Кобылин меня просил.

Председатель. Когда Кобылин вас просил?

Комарова. Не помню.

Председатель. Кто же присутствовал при вашем разговоре?

Комарова. Я говорила в присутствии Ведерникова и Лебедева. Я их прежде просила, а потом Никольского отдельно.

Председатель. Вы и Никольского просили?

Комарова. Да, я прежде просила Ведерникова и Лебедева, а потом просила отдельно и Никольского.

Председатель. Между тем вы показали, что и Ведерников был при этом?

Комарова. Я не помню этого.

Председатель. Старайтесь припомнить, кто был при разговоре и кого вы просили?

Комарова. Я Ведерникова просила.

Председатель. А при вашем разговоре Никольский был?

Комарова. Не был.

Никольский. Я вам никогда не говорил: «а, знаю». Я не был с ним знаком.

Комарова. Может быть, вы нечаянно сказали?

Никольский. Этих слов я не мог сказать.

Комарова. Может быть, вы не сказали. Я в ужасном положении находилась и не знала, что писала. Скажите, что же вы сказали?

Никольский. Я этого не мог сказать, может быть, я сказал что-нибудь другое.

Председатель. Записать то и другое.

Был введен Худяков.

Председатель. (Худякову). Вы давали Никольскому поручение об освобождении Серно-Соловьевича?

Худяков. Да-с, да-с, в прошлом году.

Председатель. Объясните, какое вы поручение давали, по какому случаю и чем вы его снабдили?

Худяков. Когда везли Серно-Соловьевича, тогда ко мне пришел Никольский, то он мне объяснил, что везут Серно-Соловьевича, и что он пришел переговорить со мною, как бы освободить Серно-Соловьевича. Я советовал ему съездить в Москву к Ишутину и условиться с ним. Он ездил к Ишутину. Ишутин

сказал, ему, что он не может ничего сделать. Никольский тогда пробыл в Москве не более суток.

Председатель. Никольский поехал по вашему поручению или по собственному желанию?

Худяков. По моему поручению.

Министр юстиции. Почему вы послали Никольского[1], а не кого другого?

Худяков. Потому что я никого больше не знал.

Министр юстиции. Вы объяснили перед Верховным Уголовным Судом, что умерший Ножин, Никольский и вы составляли общество, но вы не разъяснили с достаточной откровенностью цели общества. Ныне объясните со всею откровенностью настоящую преступную цель этого общества и всех его членов.

Худяков. Я не говорил этого.

Министр юстиции. Вы говорили это при первых вопросах.

Худяков. Я этого не говорил.

Министр юстиции. Вы отрекаетесь от того, что вы сказали?

Худяков. Я сказал только, что Ножин сочувствовал вообще политическим стремлениям, но об обществе я ничего не говорил.

Министр юстиции. Вы при следствии об этом показали, а не при суде.

Худяков. При следствии я показал это под влиянием побочных обстоятельств,—(тихо) я был нездоров.

Министр юстиции. Какие это побочные обстоятельства?

Худяков. Я был болен.

Был введен Ишутин.

Председатель. Какие сношения были между вами и Никольским?

Ишутин. Я раз или два видел Никольского у Худякова; потом, в 1865 году, он приезжал в Москву по поводу освобождения Серно-Соловьевича; потом в 1866 году, кажется, Никольский приезжал к Моткову по делу о книгах и, кажется, говорил с Мотковым об освобождении Чернышевского, но об этом я вам не сумею сказать.

Никольский. Вы сказали, что я к Моткову приезжал?

Ишутин. Да.

Никольский. К Моткову я не приезжал.

Ишутин. По крайней мере, мне Мотков сказал, что вы ему привозили книги.

Никольский. Это, вероятно, «Рассказы о старинных людях»?[99]

Ишутин. Нет, это было прислано самим Худяковым через почту.

---

[1] Слова «Никольского» вписано карандашом на зачеркнутые: «Каракозова».

Никольский был уведен, а Никифоров[109] введен.

Председатель (Никифорову). Объявите ваше имя, отчество, фамилию, лета, звание и вероисповедание.

Никифоров. Федор Афанасьев Никифоров, мещанин, вероисповедания православного, лет 24-х, занятия мои - торговля.

Был прочтен обвинительный акт.

Обвинительный акт, [1])

коим предается суду Верховного Уголовного Суда, учрежденного именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 года, мещанин г. Юхнова, Федор Афанасьев Никифоров, 24 лет.

При производстве следствия по настоящему делу один из подсудимых, учитель брянского уездного училища Николай Петерсон, показал, что в конце апреля сего года он встретил в Москве мещанина Никифорова, который уговаривал его не сообщать директору училищ Московской губернии о знакомстве его, Никифорова, с Каракозовым (т. VI, л. 39), а затем в трактире, в особой комнате, высказал необходимость повторить покушение на жизнь государя императора (т. VI, л. 39, 79 об.), и на возражение его, Петерсона, что это может принести большой вред, согласился с этим, но говорил потом, что необходимо было бы покушение на жизнь графа Муравьева и Каткова (т. VI, л. 39).

При этом Никифоров рассказывал Петерсону, что Каракозов около масленицы скрылся от своих товарищей, из коих Ермолов и Странден нашли его в Петербурге переодетым в крестьянское платье, с пистолетом, и уговаривали оставить намерение, и Каракозов обещал им без их согласия ни на что не решаться.

Никифоров вполне отвергает взведенное на него Петерсоном обвинение (т. VI, л. 74), но из дела видно, что Никифоров хотя не принадлежал к числу членов обществ «Ад» и «Организация», но находился в весьма частых сношениях с Каракозовым и Ермоловым (вместе с которыми жил в 1865 году, т. III, л. 272), Ишутиным, Юрасовым, Странденом и Загибаловым, а также знаком был с Шагановым и Николаевым (т. III, л. 138, 147, 184, 187 и 151).

Никифоров, по собственному признанию и показанию Загибалова, в бытность в Петербурге был у Худякова, которому привозил от Ишутина письмо (т. IV, л. 18, 198 и т. III, л. 151, т. VI, л. 40). По показанию Ермолова, Никифоров питал к Каракозову особое расположение, считая его человеком способным, с сильным характером и демократическими убеждениями (т. III, л. 130), бывал у него и пред поездкою его в Петербург достал ему порох и пули (т. III, л. 129, 130, и т. VI, л. 81), и из расска-

[1]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, ч. 2-й, лл. 125—127.

ель Ермолова Никифоров знал о существовании общества Организация и о целях этого тайного революционного общества.

Вследствие сего мещанин Федор Никифоров, по оговорам Петерсона, в изъявлении на словах умысла повторить покушение на жизнь священной особы государя императора, что составляет преступление, предусмотренное 241 ст. Улож. о нак., и Ермолова, в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о сем до сведения правительства, что составляет преступление, предусмотренное в 318 ст., предается суду Верховного Уголовного Суда.

Составлен в С.-Петербурге августа 18 дня 1866 года

Министр юстиции Д. Замятнин.

Председатель. Вы слышали обвинение,— признаете ли вы себя виновным?

Никифоров. Никак нет, ваше высокопревосходительство. Что Петерсон объяснил, то это положительно неправда, может быть, там есть некоторая вина в моих отношениях к Ермолову, но в том, что показывает Петерсон, я не виноват: я покорнейше прошу рассмотреть это дело.

Председатель. Мы подробно рассмотрим его, но теперь [1] вы скажите, сознаете ли себя виновным в том, что вы говорили, что надо повторить покушение на жизнь государя?

Никифоров. Никак нет, я этого не говорил.

Председатель. Почему же вы убеждали Петерсона не сообщать директору училищ Московской губернии о вашем знакомстве с Каракозовым?

Никифоров. Он говорил, будто бы я ему советовал о своем знакомстве, т.-е. именно о знакомстве Петерсона с Каракозовым [2]).

Председатель. Теперь [1]), как же вы тогда, когда вам Петерсон показал, что ваше намерение возобновить покушение на жизнь государя дело весьма опасное, вы обратили ваши слова и начали говорить, что надо покуситься на жизнь Муравьева и Каткова?

Никифоров. Нет, я этого не говорил.

Председатель. Так вы это показание Петерсона отвергаете?

Никифоров. Отвергаю положительно.

Председатель. Какие ваши сношения были с Шипутиным, Странденом, Ермоловым и Загибаловым?

Никифоров. Изволите ли видеть, я с Ермоловым познакомился вследствие моей надобности учителя, мне нужно было учителя иметь, вот я и познакомился с Ермоловым. У него в квартире я встречал разных лиц и в разное время, и не то,

[1]) В подлиннике: «теперича». [2]) Так в подлиннике.

что я навязывался к ним на знакомство, а просто познакомился с ними, потому что встречал их в квартире Ермолова и засчитал их за людей ученых, а мне хотелось учиться, притом же они обходились со мною хорошо; вот вследствие этих причин я был с ними знаком.

Председатель. Вы не помните об Каракозове ничего?

Никифоров. Да об нем то же самое могу сказать, что и об других.

Председатель. По какому случаю вы снабдили его порохом и пулями?

Никифоров. Я об этом ничего не знаю.

Турчанинов (защитник подсудимого). Позвольте заметить, что при следствии обнаружено, что порох приобретен Каракозовым в петербургской лаборатории, пули куплены у мастера Вишневского, пистолет куплен на рынке, а не у Никифорова.

Принц Ольденбургский. В обвинительном акте сказано, что это обвинение основано на собственном его признании.

Турчанинов. Собственное признание Никифорова, ваше высочество, относится только к тому обстоятельству, что Никифоров был у Худякова и взял письмо к нему от Ишутина. Обвинение же его в доставлении пуль и пороха Каракозову основано на показании Ермолова, что он предполагает, что порох и пули, которые он видел у Каракозова, приобретены им от Никифорова.

Председатель. В каких сношениях вы были с Худяковым?

Никифоров. Извольте видеть, когда мне нужно было ехать в Петербург за покупкою товара, то мне придется[1] пробыть там несколько дней, и что у меня будет много гулевого времени, а знакомых у меня там никого не было, а я знал, что [у] Ишутина есть знакомый, и просил его дать мне рекомендательное письмо и адрес какому-нибудь знакомому. Он мне сказал, что у него есть знакомый Худяков, он дал мне к нему письмо; я привез это письмо в Петербург, отдал его Худякову и раза три был у него.

Был введен Петерсон.

Председатель (Петерсону). В чем заключались ваши сношения с Никифоровым?

Петерсон. Я познакомился с Никифоровым в начале 1865 года у Ермолова, но в то время я мало с ним был знаком; ближе я с ним сошелся летом 1865 года. В то время мне приходилось говорить с ним; я высказывал мысли такие, что совершенно не одобрял революции, мне кажется, что Никифоров соглашался со мною. Потом целую зиму 1865—1866 года я с ним не видался. 23 апреля я получил от него письмо, в котором он просил меня прислать ему деньги, которые я у него брал. К этому

[1]) Так в подлиннике.

времени мне нужно было ехать в Москву, поэтому я денег не послал, а отправился сам отдать ему деньги. 26 числа я приехал в Москву и застал Никифорова на его квартире. Тут мы говорили с ним об Юрасове, Ермолове и Загибалове, которые были арестованы, и высказывали об них сожаление, потому что знали их за людей хороших, потому что хотя я и знал их преступность, но я не мог их обвинять, потому что и сам, может быть, был бы настолько преступен, насколько и они, если[бы] был в их обстоятельствах. Потом Никифоров рассказывал, что Каракозов несколько раз скрывался от своих товарищей, которые, зная его болезненное состояние, думали, что он покусится на свою жизнь, и потому старались удержать его от этого. Поэтому Ермолов со Странденом отправились в Петербург, где нашли Каракозова перед дворцом с пистолетом в руках; поэтому они догадались, с какою целью Каракозов находился в Петербурге, и стали отговаривать его, чтоб он не исполнил своего намерения, потому что они говорили, что он этим погубит и себя, и товарищей. Каракозов обещал не делать покушения, но все-таки остался в Петербурге и обещал по первому письму возвратиться в Москву. Нужно заметить, что потом открылось, что Каракозов прежде своей поездки в Петербург был в Калуге у Худякова [101], у которого он занял денег. Потом ему написали письмо, по которому Каракозов вернулся в Москву [1]. Потом он опять скрылся и оставил свою фотографическую карточку [102]; потом услышали о покушении 4 апреля, и никто не сомневался, что это было дело Каракозова. Потом Никифоров стал говорить мне: необходимо повторить события 4 апреля. Я отговаривал его от этого, убеждал его, что это произведет только сильное раздражение народа и больше ничего: тогда он отказался от своего намерения.

Председатель. На чем он основывался, какая причина, что ему внушила эту мысль, что надо повторить покушение?

Петерсон. Он говорил, что нужно произвести какое-нибудь движение в обществе; я говорил ему: движение это не принесет никакой пользы.

Председатель. Он говорил, что нужно произвести какое-нибудь движение в обществе и больше никакого основания не высказывал?

Петерсон. Я слышал от него положительно, что нужно повторить 4 апреля, но когда я убеждал его, что это не принесет пользы, то он согласился со мною, что не нужно делать покушения.

Председатель. Тогда какое изменение он сделал?

Петерсон. Тогда он стал говорить, что следует стрелять в графа Муравьева и редактора Московских Ведомостей Каткова. Я не видел надобности доносить на него, потому что не знал, насколько серьезно было его намерение. — я не хотел погу-

[1]) Слово: «Москву» вписано над зачеркнутым: «Петербург».

бить человека и сказал, что об этом нужно подумать, а Никифоров обещал мне, что он прежде, чем что-нибудь предпримет, посоветоваться [1], со мною, и я, конечно, надеялся отговорить его.

Председатель. После того вы его не видели?

Петерсон. После того через день меня арестовали.

Турчанинов. Вы сказали здесь, что о покушении 4 апреля вы слышали от Никифорова?

Петерсон. Нет, я слышал прежде.

Турчанинов. Говоря об обстоятельствах, предшествующих 4 апреля, вы сказали, что Каракозов ездил к Худякову в Калугу,—вы твердо помните, что говорили, действительно ли Каракозов ездил к Худякову в Калугу?

Петерсон. Кажется, я не ошибаюсь.

Турчанинов. Не припомните ли, по какому случаю зашел у вас разговор и где вы разговаривали?

Петерсон. Разговаривали в трактире.

Турчанинов. Вы разговаривали после вашего объяснения с директором или до объяснения с ним?

Петерсон. Не могу припомнить. Начало разговора было прежде, но вот не могу сказать, когда он просил повторить покушение 4 апреля.

Турчанинов. В трактир, в котором вы разговаривали, пришли вы откуда?

Петерсон. Этого не помню.

Турчанинов. К директору вы ходили вместе с ним?

Петерсон. Вместе с ним.

Турчанинов. После того, когда вы вышли от директора, куда вы отправились с ним?

Петерсон. В трактир.

Турчанинов. А до трактира вы куда ходили?

Петерсон. Никуда.

Турчанинов. Не жаловался ли Никифоров, что он очень озяб?

Петерсон. Это так.

Турчанинов. Не заходили ли вы отогреваться вместе с ним и не помните ли куда?

Петерсон. Не помню [2])

Турчанинов. Помните, как вы согрелись, вы выпили вина?

Петерсон. Не помню.

Турчанинов. По объяснению Никифорова, вы вышли от директора, и Никифоров пригласил вас выпить вина: вы зашли в погреб, выпили вина, оттуда вы пошли в трактир и там разговаривали между собою: вы сидели в особой комнате.

Петерсон. Как же в особой?

---

[1]) Так в издании. [2]) Слово «не помню» вписано над зачеркнутым: «В погреб».

Турчанинов. Как же? Вы пришли и спросили особую комнату.

Петерсон. Нет, мы сидели в общей комнате, а не в особой.

Турчанинов. Там он говорил вам, что нужно повторить покушение?

Петерсон. Не могу сказать, когда он говорил; очень может быть, и в то время. Я только одно обстоятельство помню, что когда мы вышли из трактира, и когда я сказал Никифорову, что об этом нужно подумать, так Никифоров сказал, что нужно покуситься на жизнь Муравьева и Каткова.

Турчанинов. Это было после того, как вышли из трактира, а в то время, как у вас был разговор в трактире, те слова, которые вы говорили, что от него слышали, о необходимости повторить покушение 4 апреля, эти слова он говорил вам в трезвом виде или нет?

Петерсон. Я думаю, что в трезвом.

Турчанинов. В какое время дня это было?

Петерсон. Часу в 12-м дня.

Турчанинов. Когда вы шли к директору, отговаривал ли вас Никифоров, чтоб вы не сообщали директору о том, что вы знакомы с Каракозовым, и что вы ему на это возражали?

Петерсон. Я определенно сказать не могу вам, что я сказал.

Турчанинов. Вы сказали, что будете говорить?

Петерсон. Нет, не говорил этого.

Турчанинов. Когда вы вышли от директора, говорили ли вы Никифорову, что вы объяснялись с директором об знакомстве с Каракозовым?

Петерсон. Говорил.

Турчанинов. Не можете ли вы объяснить, каким это образом Никифоров, зная, что вы опасались скрываться перед начальством, несмотря на то, открылся вам о таком неуместном умысле?

Петерсон. Я не могу этого объяснить, я знал, что он прежде вовсе не поддерживал этой мысли, я сам знал, что он не поддерживал революционных идей.

Турчанинов. Если вы утверждаете, что Никифоров сказал вам о своем намерении, то не можете ли вы вспомнить, в серьезном ли тоне, или в шуточном Никифоров говорил с вами,—как вы приняли его предложение?

Петерсон. Я не могу сказать, действительно ли он понимал то, что говорил, и потому не донесли ли на него, и я не мог не объявить об нем тогда, когда меня допрашивали.

Турчанинов. Вы сказали, что прежде вы не замечали в нем таких мыслей, какие он вам высказал в последний раз, не заметили вы, отчего у него произошла такая перемена?

Петерсон. Нет, не заметил.

Никифоров (Петерсону). Когда же я вам это говорил? Вы помните, об чем мы разговаривали в первый раз, когда мы увиделись с вами,—вы стали мне сообщать об том, что произо-

шло, говорили, что вследствие этого могут пострадать совершенно невинные, удивлялись, вследствие какой причины Каракозов покусился на жизнь государя; помните, вы удивлялись?

Петерсон. Я вообще вам говорил, что не понимаю, почему это случилось.

Никифоров. Помните, носился слух, что Каракозов подкуплен. По поводу этого вы говорили, что как это так он может быть подкуплен; вы сказали: Ну, какие же ему деньги нужны,— на что же ему после смерти деньги?»[103].

Петерсон. Помню.

Никифоров. Потом жалели об арестованных Ермолове и Юрасове, и мы еще не знали наверное, за что они арестованы, хотя и говорили, но наверное не знали; у нас было сомнение,— не может быть, чтобы они участвовали в таком деле.

Петерсон. Вы сами сказали, что это был Каракозов и что вы хотели объяснить полиции.

Никифоров. Нет, я этого не говорил.

Петерсон. Нет, вы говорили, что когда вы услышали об 4-м апреле, то вы хотели итти и объяснить все это полиции.

Никифоров. Нет, помните, мы с вами сомневались, что, может быть, это не он, и потом, чтоб узнать положительно, что сталось с арестованными, за что их арестовали, мы для этого пошли отыскать Моткова, так как нам было известно, что он был знаком с ними, так что он, может быть, знает об этом деле подробнее.

Петерсон. Вы хотели узнать, арестован ли Стриженов.

Никифоров. А потом, помните ли, я говорил, что у меня представится случай ехать в Петербург, я узнаю подробно обо всем или от знакомых, или от кого-нибудь другого.

Петерсон. Вы хотели ехать в Петербург и узнать об участи арестованных?

Никифоров. Я говорил, что хотел ехать в Петербург по делу, а не за этим собственно.

Турчанинов. Вы сами об отношениях Каракозова к этим лицам знаете ли что-нибудь, или нет?

Петерсон. Они были в хороших отношениях.

Турчанинов. Откуда известно вам об их хороших отношениях?

Петерсон. Да я сам это видел.

Турчанинов. Да ведь вы сами только в 1865 году были в Москве, весь 1866 год вы там не были?

Петерсон. Не был.

Турчанинов. В каких отношениях Никифоров был к этим лицам в то время?

Петерсон. Не знаю.

Турчанинов. Вы знаете только, что он был знаком с Ермоловым?

Петерсон. Да.

ственными комиссиями, привело меня к тому убеждению, что предложение Ишутина имело последствием составление в «Организации» отдельного замкнутого тайного кружка, который назывался «Адом» и в котором вполне созрел замысел об образовании особого общества наподобие Европейского Комитета и окончательно выработался план действий того лица, на обязанности которого будет лежать совершение цареубийства. При судебном следствии показания подсудимых были менее откровенны. Их ответы напомнили мне акты следственных комиссий, относящиеся к тому времени, когда для объяснения преступления их товарища Дмитрия Каракозова они ссылались на болезнь, на меланхолию, на нервную раздражительность, на желание его лишить себя жизни. Подобное объяснение, очевидно, было несостоятельно. Не было никакой возможности доказывать, что человек, решившийся на самоубийство, вместо того, чтобы лишить себя жизни, решился произвести покушение на жизнь государя императора. Наконец, покушение было произведено при таких условиях, которые, несомненно, утверждают в том, что преступник вполне сознавал что делал.

Вскоре подсудимые сами убедились в том, что подобным объяснениям нельзя дать веры. Поэтому мало-помалу, начиная с самых молодых, они делали более и более откровенные сознания.

При судебном следствии они изменили свои показания. Они единогласно утверждают, что тайный кружок «Ад» не существовал. Они объявляют, что о существовании общества узнали только в следственных комиссиях, они удивляются названию «Ад», и если некоторые признают его, то только как название шуточное. Однако, вопросы, которые г. председатель и гг. члены Верховного Уголовного Суда предлагали подсудимым для обнаружения истины, много разъяснили обстоятельства дела. Подсудимые признались, что вследствие предложения Ишутина об устройстве в Москве особого революционного кружка, наподобие Европейского Комитета, они имели между собою преступные разговоры о цареубийстве. По их показаниям, при этих разговорах присутствовал Каракозов и заявлял свое сочувствие предположению содействовать цареубийством успеху революции и предлагал себя для исполнения сего преступления.

В какой степени сочувствовали этому предложению Ермолов, Странден, Юрасов, Мотков, Загибалов, Шаганов, Николаев, в точности в настоящее время определить нельзя. Все они объясняют, что находили предложение Ишутина нелепым, и говорят, что никогда не соглашались на устройство подобного общества; но из их показаний видно, что разговоров об этом было много. Эти разговоры начались в январе и кончились около того времени, когда Каракозов совершил свое преступное покушение. В этих разговорах составился план цареубийства, и в них явилась новая мысль, которой не было в первоначальном предложении Ишутина,—мысль присоединить к обязанностям членов особого кружка, который

при следствии назывался «Адом», обязанности недопущенного большинством членов «Организации» особого разряда членов, которые, нося название бессмертных, должны были наблюдать за действиями прочих членов и казнить робких или ослушников смертью. В этих же разговорах было признано необходимыми, чтобы лица, принадлежащие к этому сомкнутому кружку, были неизвестны прочим членам «Организации» так, чтобы в тайном обществе он составлял отдельный и еще более тайный кружок. Наконец, как я уже сказал, в этих же разговорах был составлен следующий план для совершения цареубийства.

Народу следовало объяснить, что цареубийство произведено высшим сословием для того, чтобы не допустить государя до предоставления низшим сословиям всех тех благ, которыми они могли бы пользоваться.

Лицо, которое должно было совершить цареубийство, обязано было отдалиться от своего кружка, переменить фамилию, вести жизнь такую, чтобы навлечь на себя презрение общества и вообще всех лиц, могущих иметь с ним какие-либо столкновения.

Для этого оно должно было ходить по кабакам, трактирам, предаваться пьянству и разврату и вообще действовать так, чтобы отвратить от себя всякую мысль о принадлежности к какому-либо тайному политическому обществу. Затем, когда это лицо уже совершенно устранится от своего кружка, так что на кружок не может пасть никакое подозрение, оно должно было написать и распространить прокламацию, в которой объяснить, для какой цели производится преступление, что должен думать об нем народ и как ему следует затем действовать. После того преступник должен был запастись ядом, обезобразить свое лицо, чтобы не быть узнанным и, приняв предварительно яд, совершить преступление при толпе народа, объявляя, для чего преступление сделано и что должен делать дальше народ.

Каракозов действовал один, без согласия своих товарищей, но он осуществил вполне их план, который в так называемых разговорах был ими обдуман и разработан. Он уехал в Петербург; здесь под вымышленною фамилиею Владимирова вел уединенную жизнь, ходил по кабакам и в народе, написал и разбрасывал прокламацию, в которой возбуждал народ против высших сословий и объяснял цель совершаемого им преступления; добыл яд; 4 апреля совершил покушение на священную жизнь государя императора и не принял яд только потому, как он сказал, пред Верховным Уголовным Судом, что им овладел внезапный страх.

Судебное следствие обнаружило, что некоторые из товарищей Каракозова знали о его преступном намерении.

Я признавал общество «Ад» окончательно устроенным, но подсудимые пред судом все время отрицали его существование, а те, которые были откровеннее, говорят, что осуществление его было отложено до более удобного времени. Я не поддерживаю в этом отношении первоначального моего обвинения. Оно излишне уже

потому, что, по силе действующих законов, было ли это общество организованным обществом, был ли это только план общества, или, наконец, были ли это только разговоры о плане общества, но так как это повело к совершению такого преступления, которое грозило повергнуть Россию в кровавую бездну и гибель, то виновные во всяком случае, подлежат одинаковому наказанию. При этом я, однако, считаю нужным обратить внимание Верховного Уголовного Суда на содержание письма Каракозова к Ишутину, в котором он утверждает, что единичный факт в настоящее время несравненно полезнее для компании акционеров их обеих фирм (очевидно, «Организации» и «Ада»), на испуг шпатовцев при известии, что Каракозов находится в Петербурге, на сношения Каракозова в Петербурге преимущественно с Худяковым, то есть лицом, от которого возникло предположение об устройстве «Ада», и, наконец, на тот страх, который шпатовцы внушали своим товарищам.

Совокупность всех этих обстоятельств, по моему мнению, приводит к тому убеждению, что если общество «Ада» и не было окончательно устроено, то оно было весьма близко к своему осуществлению.

По всем изложенным мною обстоятельствам я прихожу к заключению, что преступление Каракозова не было ни отдельным проявлением его преступной воли, ни последствием глубоко задуманного всеми подсудимыми законопреступного заговора, но что преступная воля Каракозова получила направление и развилась, и на самый способ совершения преступления он наведен преступными совещаниями и разговорами подсудимых о цареубийстве и составленным ими в этих разговорах планом подобного преступления.

При производстве о всех сих обстоятельствах следствия были привлечены разные лица, которые, не участвуя ни в разговорах о цареубийстве, ни в обществе «Организация», находились в сношениях с главными обвиняемыми по другим их преступным замыслам и предположениям.

Главнейшие преступления, которые ныне подлежат рассмотрению Верховного Уголовного Суда, следующие:

Знание и недонесение правительству о намерении Каракозова совершить преступное покушение.

Подстрекательство к основанию тайного общества, имевшего целью лишить жизни государя императора.

Злоумышление нескольких лиц против священной особы государя императора, заключавшееся в обсуждении пользы и необходимости цареубийства.

Основание и участие в тайном обществе, имевшем цель, противную установленным законами образу и порядку правления.

Знание о существовании тайного революционного общества и недоведении о нем до сведения правительства.

Определив свойство преступлений, подлежащих рассмотрению Верховного Уголовного Суда, я перехожу к рассмотрению меры участия в оных и степени виновности каждого из подсудимых.

Дмитрий Каракозов, преступное покушение которого на священную жизнь государя императора было первым поводом к производству настоящего дела, понес уже должное наказание за содеянное им преступление.

Преступление это, как я уже сказал, было вызвано особыми обстоятельствами, которые, влияя на личность Каракозова, побудили его действовать под их впечатлением.

Откуда же взялась злодейская мысль цареубийства, — мысль, дерзновенным исполнителем которой явился Каракозов?

По единогласным показаниям всех подсудимых, показаниям, данным в Верховном Уголовном Суде и не подлежащим никакому сомнению, мысль эта дана домашним учителем Иваном Худяковым. Разговоры о произведении государственного переворота посредством цареубийства начались со времени полученного известия о существовании Европейского революционного Комитета, а это известие было получено от означенного Худякова.

Европейский революционный Комитет, имеющий целью цареубийствами способствовать революционным стремлениям государств, образовался в начале 1865 года; к числу членов этого Комитета принадлежат русские изгнанники и эмигранты, проживающие в Женеве. Следовательно, известие об этом Комитете могло быть привезено самым естественным образом из Женевы, лицом, которое находилось в сношениях с означенными заграничными эмигрантами. В 1865 г., т.-е. после учреждения Европейского Комитета, Худяков ездил в Женеву, находился в сношениях с членами этого Комитета, отверженными навсегда от русского государства государственными преступниками, и передал Ишутину как о существовании Европейского революционного Комитета, так и о его целях, а от Ишутина известие это перешло к его единомышленникам. Все это Ишутин и прочие подсудимые подтвердили пред Верховным Уголовным Судом в данных ими показаниях, а Ишутин, сверх того, и на очной ставке с Худяковым. Уже одни единогласные показания по сему предмету подсудимых, не могущих иметь никакой цели к неправильному оговору Худякова, составляют, по моему мнению, доказательство совершенно достоверное. Но, независимо от сего, передача именно Худяковым известия о Европейском революционном Комитете доказывается еще и тем, что из всех привлеченных к настоящему делу лиц один только Худяков был за границей и именно в том городе, в котором, и в то время, в которое он мог узнать о существовании революционного Комитета.

Одно сообщение известия о существовании означенного революционного Европейского Комитета не составляет преступления. Какие же причины могли побудить подсудимого Худякова так упорно отказываться от признания, что он сообщил это известие Ишутину?

Причины эти заключаются в том, что Худяков ездил за границу в 1865 году на деньги Ермолова, данные ему Ишутиным, который ему поручал, как подтвердил это и в Верховном Уголов-

пол Суде, собрать сведения о существующей за границей народной русской революционной партии, и что Худяков, возвратясь из-за границы, сообщил Ишутину о существовании Европейского революционного Комитета не просто, как о сделавшемся ему известным событии, но передал ему в подробности все собранные им об этом Комитете сведения, с тою целью, чтобы Ишутин устроил в Москве кружок, наподобие Европейского Комитета.

При предварительном следствии Ишутин в подробности рассказал свой разговор с Худяковым по сему предмету, объяснив, что Худяков говорил ему об Европейском Комитете, что Комитет этот может способствовать революции в России доставлением оружия, гремучей ртути и орсиньевских бомб; развивал в подробности мысль о революции в России посредством цареубийства, объяснял, что революцию в России можно произвести, убивши царя, и сказав народу, что это сделали помещики, и говорил, чтобы он, Ишутин, образовал революционное общество в Москве и поступил в с.-петербургское революционное общество.

Худяков совершенно отвергнул этот разговор его с Ишутиным и перед Верховным Уголовным Судом положительно объявил, что ему показания Ишутина при следствии предъявляемы не были; но в т. V, на стр. 151, находится очная ставка Ишутина с Худяковым, на которой Ишутин уличал Худякова согласно вышеприведенному показанию его, а Худяков собственноручно опровергал его; таким образом, заявление Худякова перед Верховным Уголовным Судом представляется несогласным с обстоятельствами дела.

Хотя Ишутин изменил это показание при производстве судебного следствия, объяснив, что Худяков говорил ему лишь о существовании Европейского Комитета, но это обстоятельство не умаляет значения прежних показаний Ишутина, потому, что Ишутин пред Верховным Уголовным Судом давал постоянно показания, несогласные с показаниями, данными им при предварительном следствии, показаниями, написанными им собственноручно и вполне соответствующими обнаруженным обстоятельствам.

Посему, а также в виду совершенного отрицания Худяковым даже того обстоятельства, что им было сообщено известие о существовании Комитета, я нахожу, что он должен быть признан виновным в подговоре к образованию в Москве революционного общества с целью произвести революцию в России посредством цареубийства.

Независимо от сего преступления, Худяков оказывается виновным в том, что он не только знал о намерении Каракозова совершить цареубийство, но и способствовал ему в этом преступлении, дав денег на покупку или перемену пистолета. Каракозов положительно удостоверил, что он говорил Худякову о своем намерении в довольно общих выражениях, но тем не менее в таких, из которых Худяков мог узнать, на что решился Каракозов. Один оговор Каракозова, конечно, не мог бы служить основанием

для того, чтобы признать Худякова виновным в столь тяжком преступлении. Но справедливость этого оговора подтверждается следующими обстоятельствами. Худяков по приезде своем в Москву, в то время, когда Каракозов устранился от кружка своих товарищей и жил в Петербурге под фальшивым именем, сообщил об этом шпатовцам, в том числе Моткову; на основании его сообщения о пребывании Каракозова под чужою фамилию в С.-Петербурге двое из шпатовцев, Ермолов и Странден, по поручению Ишутина ездили в Петербург для того, чтобы уговорить Каракозова не приводить в исполнение того покушения, которое, как они полагали, он мог исполнить. Мотков, видевшийся с Худяковым в Москве, прямо объявил ему, что боится, не поехал ли Каракозов для того, чтоб : совершить цареубийство. и просил Худякова отыскать Каракозова. удостовериться о действительности его подозрения и навести на его след полицию. Худяков на это согласился. но не исполнил предложения Моткова. Мотков подтвердил это показание и пред Верховным Уголовным Судом, который ответил на него принужденным смехом [1]), Мотков вновь повторил свое показание, сказав Худякову, что он не имеет причины лгать. Сношения Худякова с Каракозовым во время пребывании сего последнего в Петербурге были чрезвычайно деятельны. Каракозов, по его показанию, постоянно обращался к Худякову за деньгами, сообщая ему, что деньги ему нужны для совершения цареубийства. Худяков его от этого, как говорит Каракозов, не отговаривал. а ограничивался только заявлением, что подобный единичный факт пройдет бесследным, не принесет той пользы, которой от него ожидают. Затем Худяков. когда Ишутин вызвал Каракозова в Москву, сам приходил к нему и приносил деньги, необходимые для этой поездки Каракозова.

Приехав на Пасхе в Петербург. Каракозов в тот же самый вечер отправился к Худякову и посещал его в этот короткий промежуток времени, между четвергом светлой недели и понедельником фоминой, до трех раз. В последний раз Каракозов пришел к нему и объявил, что ему нужно 15 руб., что эти 15 руб. нужны ему для того, чтобы расплатиться с долгами, чтобы купить или переменить пистолет для приведения в исполнение цареубийства, на которое он решился и которое исполнит чрез несколько дней. Худяков, несмотря на то, что Мотков просил его довести до сведения полиции о намерении Каракозова в случае, если бы он убедился в том, что это намерение им не оставлено, не только не исполнил этой обязанности верноподданного, но. как объясняет Каракозов, дал ему денег и опять ограничился лишь тем. что уверял Каракозова. что такой единичный факт не может привести к тем результатам, которых от него ожидают.

В подтверждение этих обстоятельств я считаю необходимым указать на поведение Худякова во время следствия. Худяков

[1]) Так в подлиннике.

был привлечен к следствию одним из первых, и ему был предъявлен Каракозов. В такую минуту, когда все русское государство было потрясено известием о событии 4 апреля, когда усилия всех были направлены к тому, чтобы способствовать следственной комиссии узнать, кто именно преступник, скрывающий свое имя, преступник, дерзнувший поднять руку на своего государя, в такую минуту только человек, который в глубине души своей сознавал всю свою виновность, мог скрыть настоящее имя государственного преступника.

Худяков знал Каракозова и скрыл настоящую его фамилию. Сообразив, что ему невозможно совершенно скрыть своего знакомства с Каракозовым, так как уже было обнаружено, что Каракозов посылал к нему мещанина Цеткина с письмом, Худяков сначала объявил, что предъявленный ему преступник приходил к нему для испрошения подаяния под именем мещанина Владимирова раза два или три, и всякий раз [он] давал ему деньги, но он сказал, что видел его только в своей квартире и сам Каракозов всегда являлся к нему, а он не знал, ни где он живет, ни дальнейших о нем подробностей. Впоследствии, когда уже было открыто настоящее звание государственного преступника, то, что Ишутин его двоюродный брат, и были собраны сведения, что Худяков знал Каракозова и прежде, Худяков начал сознаваться, что государственный преступник приехал к нему с письмом, действительно подписанным Владимировым, но назвал себя другою фамилиею, которую Худяков припомнить не может, но, кажется, он назвал себя Козаревым, Корзаровым, Козыревым, или Коржевым, или Корозовым, что он, Худяков, его спрашивал, что за причина такой разницы между фамилиею, которою он называет себя и которую подписывает в письмах; на это, будто бы, государственный преступник ему ответил, что он имеет двойную фамилию Владимиров-Каразов. В тот же самый день Худяков сделал признание, что он, действительно, знал государственного преступника, и знал его под именем Дмитрия Владимирова Каракозова, и, наконец, должен был признаться и в том, что не только Каракозов бывал у него, но что и он бывал у Каракозова и знал, что Каракозов под именем Владимирова жил на квартире у лекаря Кобылина.

Зная, таким образом, что Каракозов жил в Петербурге под вымышленною фамилиею Владимирова, Худяков не мог не понимать всю странность этого обстоятельства и не сознавать, что Каракозов, переменяя свою фамилию, имел какую-либо для этого преступную цель. Цель эта вытекала из тех основных начал устройства Европейского Комитета, которые приняты были и в Москве, что не могло не быть известным Худякову. В этом-то и следует искать причину того упорства в сознании о знакомстве с Каракозовым, которое постоянно проявлялось в показаниях Худякова. Худяков впоследствии даже сознался в том, что знал о принадлежности Каракозова к московскому революционному кружку, и хотя при этом Худяков запирается в знании о намерении Каракозо-

ва совершить цареубийство и в том, что он давал ему деньги на покупку или перемену пистолета, но, по моему мнению, вполне уличается приведенными мною уликами.

Не менее важною является виновность сына почетного гражданина Николая Андреева Ишутина. Ишутин, по показанию всех спрошенных по делу лиц, первый приступил к деятельному распространению социалистических и коммунистических идей и для большего успеха своей пропаганды образовывал разные кружки, привлекая в них более и более последователей своих преступных убеждений, и, наконец, когда число их сделалось довольно многочисленно, он приступил к устройству тайного общества, которое получило название «Организация». Члены этого общества, товарищи Ишутина признавали его таинственным революционером и подчинялись его влиянию, чего и он сам не отвергает. Наиболее сильное влияние он имел на Дмитрия Каракозова, связанного [с] им родством, товарищескими отношениями и жившего вместе с ним.

Убедившийся, вследствие рассказов Худякова в необходимости образовать у нас революционное общество наподобие Европейского Комитета, Ишутин предложил вопрос об этом на обсуждение своих товарищей и, не взирая на несогласие некоторых из них, указания их на то, что цель и средства предполагаемого общества преступны и недостижимы, настоял на том, что этот вопрос был обсуждаем. Настояние это было главною причиною того, что разговоры, как выражается подсудимый Ишутин, о Европейском Комитете и об устройстве у нас подобного общества, имевшего целью цареубийство, достигли той степени развития, что в собраниях, в которых возбуждался вопрос, вполне выработался план действий лица, которое должно было совершить цареубийство.

Мысль о возможности совершения такого преступления в России, по собственному показанию Ишутина на судебном следствии, им первым внушена его товарищам. Разговоры, происходившие по поводу предложения Ишутина, вовсе не имели того шуточного характера, который старается им придать подсудимый, доказательством чему и вообще склонности Ишутина к решительным мерам служит показание одного из его сообщников, объяснившего, что Ишутин, говоря о пропаганде, об устройстве школ, библиотек и проч. выражался: «это все не дело, нужно паф-паф». Равномерно доказательством сему служит и то влияние, которое разговоры те имели на Каракозова, усвоившего свой план до такой степени, что в действиях своих при осуществлении оного он не отступил от него ни на шаг.

Действительное стремление Ишутина произвести переворот путем цареубийства, несомненно, доказывается тем, что, внимательно следя за действиями Каракозова, он, как сам сознался, знал о преступном намерении его покуситься на жизнь государя императора и, имея возможность предупредить покушение, он сего не сделал и, следовательно, вполне ему сочувствовал.

Узнав от Худякова, что Каракозов находится в Петербурге, он, вероятно, для успокоения своих товарищей, встревоженных внезапным отъездом Каракозова, уговорил Ермолова и Страндена ехать в Петербург и, убедившись в том, что Каракозов действительно имел намерение покуситься на жизнь государя императора, возвратить его в Москву. Ермолов и Страден исполнили это поручение и, возвратившись, передали Ишутину, что нашли Каракозова на площади Зимнего дворца и, узнав от него, что он действительно приехал в Петербург с целью покуситься на цареубийство, взяли с него обещание не приводить в исполнение его намерения. Не довольствуясь этим, они уговорили Ишутина написать Каракозову письмо о том, чтоб он немедленно возвратился в Москву. Ишутин уступил их настоянию и написал Каракозову письмо, найденное при следствии в Знаменской гостинице, которым он вызвал Каракозова в Москву. Это письмо адресовано было на имя Владимирова,—фамилия, которую Каракозов принял, живя в Петербурге, чем самым выполнил одно из условий плана, разработанного Ишутиным и его товарищами.

Хотя из дела не видно, какие были разговоры у Ишутина с Каракозовым по возвращении сего последнего в Москву, но после всего вышесказанного нельзя допустить, чтобы цель поездки Каракозова в Петербург не была предметом их взаимных объяснений, вскоре после которых Каракозов вновь скрылся из Москвы и притом тайком от своих товарищей, для приведения уже в исполнение своего преступного намерения. Неизвестно, откуда Каракозов приобрел средства для вторичной поездки своей в Петербург, но, приняв в соображение, что сам он был человек крайне бедный и что подсудимый, двоюродный брат его, один из всего общества располагал деньгами, предоставленными ему в безотчетное распоряжение Ермоловым, нельзя не думать, что деньги, необходимые на поездку Каракозова в Петербург для исполнения его преступного намерения, получены им от Ишутина. Рассказывая о последней поездке Каракозова, Ишутин утверждал, что ему неизвестно было, куда он скрылся. Если бы такое объяснение было справедливо, то не естественно ли было после того, что он знал о цели первой поездки Каракозова в Петербург, образ его мыслей и характер, не естественно ли,—повторяю я, должна была Ишутину притти мысль, не поехал ли Каракозов опять в Петербург для приведения в исполнение того намерения, от которого его отговаривали Ермолов и Страден, не естественно ли было Ишутину, если бы он не желал осуществления намерения Каракозова, тотчас же довести о всем ему известном относительно Каракозова до сведения правительства и тем предупредить то страшное преступление, от которого государь был спасен только волею провидения?

Не только всего этого Ишутиным исполнено не было, но и самое объяснение его, что он не знал, куда скрылся Каракозов, оказывается совершенно ложным, что доказывается письмом, на-

писанным Каракозовым к Николаю Андреевичу, т.-е. Ишутину, которое найдено было в кармане Каракозова при задержании его. Письмо это начинается упреком Ишутина в том, что он усомнился в преданности Каракозова какому-то делу. Далее он пишет об акционерах двух фирм. Следствие разъясняет значение этих выражений фирм. Очевидно, что одна фирма, это—лица, принадлежавшие к обществу «Организация», лица, желавшие путем преступной, но мирной пропаганды приготовить народ к государственному перевороту и совершить самый переворот только в то время, когда народ достаточно созреет к воспринятию и осуществлению распространяемых им начал государственного устройства; другая фирма, это тот кружок, который толковал, обсуждал вопрос о необходимости цареубийства, как события, долженствующего произвести кровавую революцию. В том же письме указана выгода преступления и объясняется, что одна из фирм акционерных компаний должна отозваться об этом событии, как об деле нечестном и нечистом. Понятно, что это относится до «Организации», не признававшей тех мер, которые распространялись лицами, вырабатывавшими план цареубийства; лица эти и вместе с ними Ишутин должны были сочувствовать той пользе, которая могла произойти от преступления. Каракозов пишет к Ишутину, как лицу, умеющему читать между строк, как к лицу, понимающему, до кого письмо относится, на какие выгоды в нем указывается, что для человека, не посвященного в их тайны, представляется не вполне понятным. Это письмо, по моему мнению, служит неопровержимым доказательством того, что Ишутин достоверно знал не только куда именно Каракозов уехал вторично из Москвы, но и о цели самой поездки, именно о намерении Каракозова совершить цареубийство.

По всем сим соображениям я не могу не признать Ишутина виновным в знании и недонесении правительству о намерении Каракозова совершить цареубийство и в подстрекательстве своих товарищей к учреждению в Москве тайного общества, имевшего целью цареубийство.

Ближайшими после Ишутина прикосновенными к преступлению лицами представляются дворяне Петр Ермолов и Николай Страшден. Ермолов предоставлял для революционной деятельности все свои денежные средства, а относительно Страшдена, из показаний, данных пред Верховным Уголовным Судом, известно, что им были вовлечены в «Организацию» весьма многие из подсудимых. Ермолов чистосердечно признался, что он знал о намерении Каракозова во время пребывания его великим постом в Петербурге совершить покушение на жизнь государя императора, а Страшден при судебном следствии сознался, что он лишь предполагал это, и кроме того оба сознались в участии в разговорах и обсуждениях предложенного Ишутиным проекта образовать в Москве общество с целью цареубийства, подобное Европейскому Комитету. Когда они узнали о пребывании Каракозова в Петербурге,

то, как выражаются, сами убедились в том, что Каракозов находится в Петербурге для совершения какого-либо решительного шага. Убеждение это в них было поддержано разговором с Ишутиным, который уговорил их ехать в Петербург, отыскать Каракозова и привести его обратно в Москву. Ермолов и Странден прибыли в Петербург, встретили Каракозова на Дворцовой площади и пригласили его к себе в гостиницу, где имели с ним разговор о том, не приехал ли он в Петербург с целью совершить цареубийство. В этом случае как Ермолов, так и Странден действовали вместе, они вместе разговаривали с Каракозовым в трактире; и посему хотя Странден и не сделал прямого сознания, но показание Ермолова о том, что Каракозов им сказал о намерении своем совершить цареубийство, служит доказательством того, что и Странден знал то же самое и так же положительно, как Ермолов. Узнав о таковом злоумышлении против жизни государя императора, они, вместо немедленного доведения о том до сведения правительства, ограничились лишь тем, что, разъяснив Каракозову весь вред, могущий произойти от его преступления для членов их общества, взяли с Каракозова честное слово, что он своего намерения не исполнит. Следовательно, оба они виновны в том, что знали и не донесли правительству о намерении Каракозова совершить цареубийство.

Что касается участия их в преступных, как они выражаются, разговорах об устройстве особого тайного общества, то участие их в этом доказывается как их сознаниями, так и показаниями их товарищей, составлявших кружок, в среде которого велись эти разговоры. При этом нельзя не обратить особого внимания на то, что почти все подсудимые, объясняя, что заявление о необходимости обсудить вопрос о цареубийстве сделано было Ишутиным, показывают, что все остальные положительно воспротивились этому, доказывая невозможность осуществления этой идеи. Все они также утверждают, что о предмете этом отзывались с особенным неудовольствием. Между тем из совокупности показаний всех подсудимых несомненно явствует, что этот предмет обсуждался ими в течение трех месяцев, что разговоры о нем возобновлялись часто, что толки их привели к составлению самого подробного плана действий того лица, которое предназначалось к цареубийству,—плана, который, как выше сказано, выполнен во всех подробностях Каракозовым. Есть ли затем какая-либо возможность предполагать, чтобы те же самые лица, которые не хотели говорить об этом предмете и выражались о нем с неудовольствием, могли в то же время выработать целый план общества для осуществления такой цели, которую они сами находили вредною и неудобоисполнимою?

Дмитрий Юрасов, подобно предыдущим лицам, начиная с 1863 г. участвовал в замыслах своих товарищей о распространении социализма и коммунизма; войдя сам в состав Организации, особенно заботился об ее развитии и дальнейшем успешном ходе;

затем, принадлежа к числу лиц, наиболее близких к Ишутину, по собственному показанию, участвовал с своими сотоварищами в обсуждении того преступного предположения, которое Ишутин привез от Худякова. Хотя при этом Юрасов и возражал, как сам утверждает и как показывают свидетели, против необходимости и пользы учреждения подобного общества, но не принял никаких мер к предупреждению того страшного преступления, которое было последствием этих, как выражаются подсудимые, их разговоров. Тем более представляется виновным Юрасов в настоящем случае, что, по собственному его сознанию, Ермолов и Странден по возвращении в Москву сообщили ему о том, что один из сотоварищей их, Каракозов, намеревался совершить покушение на жизнь государя императора, но что они убедили его не приводить в исполнение своего намерения в виду той опасности, которая грозила всем прочим товарищам, и того, что из этого частного случая не произойдет ничего полезного для народа.

Подобного рода отношения, существовавшие между подсудимыми, и действия их, несмотря на отрицание существования тайного кружка, или общества, под названием «Ад», доказывают, что в этом обществе были не одни только разговоры, но что и план оному был уже составлен, и лишь по настоянию лиц, подобных Юрасову, осуществление оного отложено было до более удобного времени. Посему Юрасов, по собственному сознанию, подкрепленному показаниями свидетелей, виновен в знании о злоумышлении на жизнь государя императора и недонесении о сем правительству и в принятии участия в преступных разговорах о перемене в России порядка существующего правления посредством цареубийства.

Несколько менее деятельным представляется дворянин Максимилиан Загибалов. Проживая с поименованными мною лицами на одной квартире в доме Ипатова, он хотя и принимал участие в их преступных замыслах, но по крайней мере отвергал те крайние средства, которые товарищи его признавали полезными для скорейшего достижения государственного переворота в нашем отечестве.

Загибалов, как показывают прочие подсудимые, когда на сходках или в разговорах заходила речь о необходимости совершения цареубийства, постоянно возражал против этого предположения, доказывая, что устройством у нас тайного общества, подобного Европейскому революционному Комитету, предположенная ими цель произвести в России революцию и водворить порядок правления на социальных началах не была бы достигнута. Равным образом показаниями подсудимых по настоящему делу Загибалов не уличается ни в том, чтобы ему было известно о намерениях Каракозова совершить покушение на жизнь его императорского величества, ни в знании цели, с которою Странден и Ермолов отправились в Петербург, и последствий этой поездки. Все это,

однако, нисколько не избавляет Загибалова от строгой пред законом ответственности за его преступные действия.

Загибалов, как при судебном следствии неопровержимо доказано, находился в составе тайного революционного общества, образовавшегося под названием «Организация». Будучи членом этого общества, он находился именно в числе тех, которые в преступных разговорах обсуждали предположение о достижении задуманного ими переворота и изменения в России образа правления посредством преступного посягательства на жизнь священной особы государя императора. О столь тяжком злоумышлении Загибалов имел полную возможность довести до сведения правительства, но он не исполнил этой обязанности, возложенной на него законом, а ограничился одними возражениями, которые по этому предмету высказывал на сходках и которые, как оказалось впоследствии, не могли иметь и не имели никакого влияния на преступную решимость Каракозова.

С 1865 года в преступной пропаганде социалистических и коммунистических идей стал принимать живое участие вольноотпущенный дворовый человек Осип Антонов Мотков. Особенно много энергии он выразил в своих действиях и распоряжениях по устройству общества «Организация», первоначальный план которого был даже им составлен. Затем, когда Ермолов начертал проект устава этого общества, Мотков занялся исправлением этого проекта и читал его своим товарищам на одной из сходок.

Мотков признал себя при судебном следствии виновным в том, что как в Петербурге, так и в Москве он принимал участие в разговорах об устройстве в России общества, по целям своим сходного с Европейским революционным Комитетом, стремящимся к достижению в государствах революции цареубийствами. Хотя Мотков, по показанию некоторых из подсудимых, и оспаривал значение такого общества и не раз выражался против цареубийства, доказывая, что оно ни к чему не поведет, но сам же он, по удостоверению его товарищей, сообщил им о существовании Европейского революционного Комитета и о целях его. Вскоре, однако, вполне убедившись в том, что образование такого общества может иметь весьма опасные последствия и окончательно повредит существованию их «Организации», Мотков сообщил о своем опасении Малинину и некоторым другим своим товарищам и совещовался с ними относительно мер, которые надлежало бы принять для воспрепятствования образованию такого общества. Объясняя свое участие в преступных разговорах ишатовцев вовлечением в их кружок помимо его воли и боязнию со стороны их мщения, если он от них отделится, Мотков предлагал своим товарищам завести Ишутина в какое-либо уединенное место, в подробности расспросить о всех предположениях и намерениях задумавших образовать общество с столь преступною целью и, настращав его в случае надобности смертью, выслать вместе с Ермоловым в какое-нибудь уединенное место под строгий надзор.

а Каракозова посадить в сумасшедший дом. Всего скорее достигнуть этого Мотков полагал принятием в «Организацию» за правило, что все члены должны подчиняться решению большинства, и этим способом он думал отстранить то безусловное влияние, которым пользовались пятовцы на всех сходках «Организации». Для приобретения способа к высылке этих лиц из Москвы Мотков признавал нужным иметь деньги, за которыми и отправился в Холм к подсудимому Маликову; кроме того, Мотков при судебном следствии показал, что о поездке Страндена в Петербург с целью отклонить Каракозова от преступной решимости его совершить покушение на жизнь государя императора ему было известно, и в бытность Худякова в Москве он сообщил ему об этом и просил разыскать Каракозова в Петербурге и навести на его след полицию. Худяков хотя и отвергал вполне сообщение ему подобного сведения, но обстоятельство это подтверждается не только сознанием самого Моткова, но и показаниями тех лиц, которым Мотков рассказывал об этом.

По всему этому вольноотпущенного Моткова нельзя не признать виновным в принятии участия в тех сходках и собраниях, на которых были ведены преступные разговоры о перемене в России образа правления и об устройстве в Москве общества, подобного тому, какое существует за границею под названием Европейского революционного Комитета.

Губернский секретарь Вячеслав Николаев Шаганов с 1863 г. принадлежал к кружку Ишутина, Ермолова, Юрасова и Загибалова, которые в то время занимались пропагандой социалистических и коммунистических идей; впоследствии Шаганов поступил на службу судебным следователем в Сергачский уезд, Нижегородской губернии, отделился от этого кружка до начала 1866 г., когда, по возвращении в Москву, снова принял самое деятельное участие в образовании того общества, для которого он по просьбе Ишутина, как показал сам Шаганов, написал устав. Хотя Шаганов и объяснил при судебном следствии, что устав этот только был списком с устава итальянских карбонариев, который он прочел в первой попавшейся ему книжке журнала, что в уставе его не заключалось никаких противуправительственных стремлений, но по указанию лиц, слышавших чтение этого устава на сходках, в нем выражалась необходимость подготовить народ к социальному учению, которое оно может принести пользу, говорилось об устройстве государства на социальных началах и о необходимости произвести революцию возбуждением народа к восстанию вооруженною рукою. Участие Шаганова в обществе «Организация» и сочувствие его всем идеям, которые проводились членами этого общества, доказывается всею его деятельностью и способствованием к выполнению тех планов, которые были признаны необходимыми средствами для осуществления цели «Организации». Таким образом, он участвовал в замысле об освобождении Чернышевского приобретением яда, необходимого Страндену для отравления стра-

жи. Но, кроме этого, Шаганов участвовал в преступных разговорах о цареубийстве, в чем он и признал себя виновным, утверждая, что постоянно доказывал несостоятельность подобной идеи, невозможность приведения ее в исполнение и указывал вред, который подобное покушение может принести всему их обществу.

Посему подсудимый этот вполне изобличается в принятии участия в разговорах его товарищей о цареубийстве.

Переходя засим к кандидату московского университета Петру Николаеву, я нахожу, что подсудимый этот стал принимать участие в деятельности главных предводителей социалистических идей лишь в 1865 г. Несмотря на позднее присоединение Николаева к этому кружку, как вследствие личного характера его, так и тех убеждений, которые он имел, он вскоре получил в нем значение и занял место в числе главных деятелей. Убеждения его ясно обнаружились при судебном следствии, и нельзя предполагать, чтобы присутствие подобной личности в кругу лиц, расположенных к революционным стремлениям, могло остаться бесследным и не влиять на способ действия его товарищей, которые по развитию и образованию стояли ниже его. Пример этому мы знаем из показаний, данных пред Верховным Уголовным Судом о подговоре Николаевым Федосеева отравить его отца, для чего Николаев достал Федосееву рецепты яда. Николаев вполне сознался в том, что он был членом общества «Организация», заявил, что Организацию он считал делом полезным, и показал, что он всеми мерами заботился о существовании этого общества, особенно в то время, когда ему угрожала опасность распадения.

В принятии участия в преступных разговорах о цареубийстве Николаев сначала не сознавался, но был уличен в этом Ермоловым и должен был пред Верховным Судом сознаться, что он участвовал и в этом преступлении. В оправдание свое он говорит, что никогда не высказывал ни порицания, ни одобрения мысли о цареубийстве; но при этом я должен заметить, что в собственном, по выражении его, откровенном показании, данном следственной комиссии и им самим прочитанном Верховному Суду, он признает теорию монархомахов (цареубийц) полезною и необходимою в известных случаях.

Принадлежность Николаева к тому кружку, в котором происходили преступные разговоры и предположения о цареубийстве, подтверждается еще показанием провизора Лангауза о том, что через два дня после преступного покушения Каракозова Николаев, встретив Лангауза, сказал ему, что покушение это произведено, должно быть, одним из его знакомых, тем самым, который с месяц тому назад имел намерение совершить это преступление, но был остановлен. На судебном следствии Николаев не возражал Лангаузу и не уличал его в том, что он показывает ложно, несмотря на то, что показанию Лангауза ясно указывает, что Николаев знал о пребывании Каракозова в великом посту в Петербурге и о поездке за ним Страндена и Ермолова.

Посему я признаю Николаева виновным в принятии участия в преступных разговорах о цареубийстве.

Приступая к обсуждению виновности членов общества «Организации», я признаю нужным обратить внимание Верховного Уголовного Суда на показание, данное Мотковым при самом начале судебного следствия об «Организации». Мотков разъяснил, что членов общества «Организация» следовало бы разделить на две группы: из них к одной должны быть отнесены поименованные мною 8 человек: Каракозов, Ишутин, Ермолов, Странден, Юрасов, Загибалов, Шаганов и Николаев; у этих лиц возникла самая мысль об образовании общества, от них же исходили все вообще предложения обществу. Всех остальных Мотков причисляет ко второй группе, называет их «новичками», говорит, что они были мало знакомы с лицами первой группы. Такое разделение членов общества «Организации» подтверждается вообще всем судебным следствием. Им обнаружено, что главнейшими деятелями общества «Организации» были, действительно, поименованные мною 8 человек; что они составляли проект общества, предлагали разные меры, что они, в особенности Странден и Ишутин, хлопотали о привлечении в общество новых членов, что к ним же обращались вновь поступавшие в общество лица за разъяснением целей общества, за объяснением тех слов и выражений, которые употреблялись в обществе и которые некоторым из членов были непонятны; одним словом, они были не только основателями, но и руководителями возникшего общества и стремились упрочить свое влияние проведением в уставе мыслей о центральной агентуре и о карательных мерах. Едва ли я ошибусь, если скажу, что они одни вполне сознательно и обдуманно стремились к ниспровержению всего существующего порядка и образа правления и относились к своим сочленам не как к товарищам, а как к лицам, в которых они видели лишь орудие для достижения своих замыслов и от которых они скрывали свои затаенные крайне преступные цели.

Такая деятельность этих восьми человек, к кругу которых сперва принадлежал и Мотков, не могла не быть замечена прочими членами «Организации», и действительно, вскоре после масленицы 1866 года взаимные отношения членов общества приняли характер все более неприязненный. Мотков открыл некоторым из вновь поступивших в общество лиц свои опасения и подозрения относительно замыслов основателей общества «Организации» иметь над обществом такое влияние, чтобы общество беспрекословно исполняло их распоряжения, хотя бы оно не было с ними согласно. Сообщая это, Мотков начал возбуждать новых членов к противодействию ишутовцам, и для большего успеха он старался увеличить число членов «Организации», с тем, чтобы иметь в этом обществе на своей стороне большинство голосов, которым можно было бы уничтожить преобладание ишутовцев. В таком положении было общество, когда члены его были арестованы.

Из этого видно, что не все члены общества имели одинако-

во точные и определенные понятия о целях общества. В этом отношении члены общества, за исключением Моткова и поименованных восьми лиц, по обнаруженным предварительным и судебным следствиями данным, должны быть в свою очередь разделены: во 1-х, на тех, которые настолько узнали о целях общества, что должны были понимать, что оно стремится к изменению существующего государственного устройства, и, во 2-х, на тех, которые, не имея таких сведений об обществе и не разделяя сами революционных убеждений, вовлечены в общество надеждою на улучшение материального их быта.

К первым должны быть отнесены: чиновник X класса Орест Малинин, студент Московского университета Дмитрий Иванов, 19 лет, слушатель Петровской академии, сын священника, Федор Ланкин, 19 лет, дворянин Александр Иванов. Ко вторым: дворянин Константин Кичин и слушатели Петровской академии: сын священника Василий Соболев, Алексей Сергиевский, 20 лет, из государственных крестьян Феофан Борисов и сын дьячка Дмитрий Воскресенский.

Малинин, Дмитрий Иванов, Ланкин и Александр Иванов в данных ими при судебном следствии показаниях признались в том, что они принадлежали к обществу «Организация», что посещали сходки оного, что при них обсуждались проекты обществ и предлагались разные меры; эти показания подтверждаются и показаниями всех спрошенных лиц.

Присутствуя, таким образом, при обсуждении вопросов, которые возбуждались в обществе, они соединились с Мотковым для противодействия шатающим; следовательно, они знали, в чем именно не сходился Мотков с основателями общества. При таких условиях они не могли не знать и не понимать, какая именно была цель общества, по мнению всех членов, оное составлявших. Они должны были знать, что основатели общества стремились положительно к переустройству государства на социальных началах посредством революции, и прочие члены не соглашались с шатающими лишь относительно средства к достижению той же цели. Что они это положительно знали и понимали, доказывается признанием Дмитрия Иванова пред Верховным Уголовным Судом в изведенном на него обвинительным актом обвинении: Малинин и Александр Иванов признали, что при них Шаганов читал свой проект устава, по смыслу которого общество «Организация» должно было подготовлять народ к революции. Ланкин при предварительном следствии положительно утверждал, что цель общества была революционною, но на суде он отрекся от этого показания, объяснив, что оно вынуждено у него угрозами и что цель общества состояла только в распространении коммунистических идей. Отрекаясь от своего сознания, Ланкин на сделанные ему вопросы о том, в чем именно заключались угрозы следственной комиссии, объяснил, что угрозы эти состояли в увещаниях сознаться и показать истину, при чем ему указывали на законы о влиянии рас-

каяния и сознания на определение наказания,— таким образом, из этого объяснения Лапкина видно, что ему угроз делаемо не было и что то, что он называет угрозами, т.-е. увещания, не заключавшие в себе ничего противозаконного, клонились только к тому, чтобы убедить его показать истину. Наконец, все эти лица слышали от Моткова о происходивших у нигатовцев толках и разговорах о цареубийстве, против которых и восстал Мотков.

Имея такие сведения о целях общества, Малинин, Лапкин и Ивановы не могли не сознавать и не понимать, что общество, к которому они принадлежали, стремится к изменению существующего государственного устройства.

Остальные члены «Организации» —Кичин, Соболев, Сергиевский, Борисов и Воскресенский — в принадлежности к этому обществу также признались пред судом. Но, сознавая в этом, они и при предварительном следствии и на суде объяснили, что в душе они не только не разделяли революционных идей, но даже не понимали, чего именно желало достигнуть общество; они слышали там выражения: «социализм», «социальная революция», «экономический переворот» и, не понимая смысла этих выражений, обращались к товарищам с просьбою о разъяснении им этих непонятных для них слов. Но просьбы их не имели успеха: одни не могли им объяснить, другие же не хотели объяснять. Показания эти представляются вполне искренними и правдивыми. Они были в такой крайности, находясь в чуждом им городе без всяких средств к существованию, но с желанием получить образование, что не могли отказаться от возможности улучшить свое положение представившимся случаем, не вдаваясь в подробные суждения о том, почему именно им предлагались эти средства и не было ли в них чего-либо противозаконного. Поступив однажды в это общество, иные, получив денежные пособия, другие, поддерживаемые надеждою, попали в такую зависимость от общества, что не считали возможным оставить его, а тем менее донести о нем правительству; с другой стороны, товарищи их дорожили ими потому, что, как члены общества, они имели в оном право голоса.

Жалкое положение их яснее обнаруживается из следующих обстоятельств: из числа этих пяти человек Кичин дорожил своими отношениями к Моткову и Александру Иванову потому, что, живя вместе с ними, он пользовался теплым пальто Александра Иванова. Соболев получал от Пшутина денежные пособия; Сергиевский, Борисов и Воскресенский, живя в 10 верстах от Москвы, в зимнее время ходили туда за съестными припасами, чтобы таким образом сберечь несколько копеек. В Москве они заходили к своим знакомым, чтобы обогреться и напиться чаю. В числе их знакомых были и члены общества «взаимного вспомоществования» и «Организации». Разговоры о помощи бедным, о доставлении нуждающимся средств к жизни обратили на себя их внимание, и они начали посещать сходки общества «взаимного вспомоще-

ствования» и таким образом сделались членами общества «Организация».

Все это подтверждает показания подсудимых о том, что сведения их о целях общества «Организации» были крайне смутны, что сами они вовсе не разделяли революционных убеждений и что по тем сведениям о целях общества, которые они имели, они могли не понимать, что общество, к которому они принадлежали, стремилось к изменению существующего государственного устройства.

Засим я перехожу к тем из стоящих пред Верховным Уголовным Судом подсудимым, которые вовсе не принадлежали к тайному революционному обществу «Организация» и в деятельности его не принимали участия, но знали достоверно из разговоров с членами этого общества, что «Организация» имела целью установить в государстве противный существующему образ и порядок правления, и не довели о том до сведения правительства.

В числе этих лиц находились: князь Черкезов, дворянин Кутыев, провизор Ланггауз и слушатель Петровской академии Полумордвинов.

Бывший слушатель Петровской академии князь Варлаам Черкезов при следствии признал себя, кроме этого, виновным и в том, что не донес об известном ему публичном распространении в устроенной Ишутиным школе Мусатовского учения, склоняющегося к возбуждению неповиновения к верховной власти, о котором ему рассказывал Дмитрий Иванов в мае 1865 года.

При посещении этой школы, в которую он поступил потом учителем географии, по собственным его словам, он заметил «большое безобразие в способе преподавания», и хотя имел намерение предотвратить в ней распространение революционных идей, но ничего с этою целью не сделал.

Вполне сочувствуя лицам с социалистическими убеждениями, он старался знакомиться с ними и особенно сблизился с Дмитрием Ивановым, с которым жил потом на одной квартире. В октябре 1865 г. к ним приходил Ишутин и передал Иванову переписать проект устава тайного революционного общества; проект этот читал и Черкезов и узнал из него, что тайное общество должно было иметь две главные конторы, что президенту общества предоставлялось право на жизнь всех членов, а членам его вменялось в обязанность распространять необходимость уничтожения царской власти и всех вообще властей, крупных землевладельцев и капиталистов, для произведения всеобщей революции и резни, с целью водворения в государстве порядка управления на социальных началах.

Передачу подобного проекта Ишутин при следствии хотя и отвергал, но Дмитрий Иванов, вполне подтверждая данное Черкезовым показание, добавил, что, переписав этот проект, он возвратил его Ишутину.

Объяснение Черкезова, что он не донес об этом правительству потому, что считал Ишутина человеком ни на что не спо-

собным, не может служить ему оправданием в деле, которое могло иметь весьма гибельные последствия.

Дворянин Николай Кутыев, признавший себя также пред Верховным Уголовным Судом виновным в том, что не довел до сведения правительства о сообщенном ему Страндеком предположении образовать в России тайное общество, цель которого была бы произвести революцию посредством пропаганды в обществе и народе социальных идей и устройством ассоциаций, еще в 1863 году принадлежал к обществу, предполагавшему распространять между студентами социальные идеи, бывал на сходках этого общества, но затем в марте 1864 года уехал из Москвы и только в январе настоящего года возвратился.

Около этого времени он сошелся с бывшими своими товарищами и по приглашению одного из них, Страндена, согласился вступить в общество взаимного вспомоществования, из которого, по словам Страндена, как из чистилища, должен был быть переход в тайное революционное общество. Кутыев не донес об этом правительству и в оправдание свое приводит только то, что Страден не прямо говорил ему о тайном революционном обществе и конечной цели его не разъяснил, но это, очевидно, не может служить достаточным основанием к освобождению подсудимого от ответственности за неисполнение возложенной на него законом обязанности донести о сем правительству.

Провизор Адольф Лангауз также признал себя при следствии виновным в недоведении до сведения правительства о существовании тайного общества, имевшего целью произвести революцию. Об обществе «Организация» и о целях его, как показал Николаев, он сообщил Лангаузу краткий очерк, но затем обращался к нему за ядом, прося его для одного из членов московского тайного общества, который решился отравить своего отца, причем довольно ясно намекнул Лангаузу, что если он даст яд, то доставит тайному обществу возможность получить большие деньги, которые предполагается обратить для достижения цели этого общества, именно чрез распространение в народе учения социалистов произвести в 10 или 15 лет государственный переворот.

Лангауз отказал Николаеву дать яд, но повел его в квартиру дворянина Маевского, где у них происходил разговор о целях тайного общества. С Маевским Лангауз находился в весьма близких, даже дружественных сношениях и некоторое время вместе с ним жил на одной квартире.

О существовании тайного революционного общества Лангаузу было известно также и из ответа учителя Маркса, которому он передал в первый день пасхи около трех граммов стрихнину. Яд этот, как объяснил Марке Лангаузу, передан был одному из русских революционеров для отравления издателя «Московских Ведомостей» Каткова.

Наконец, слушатель Петровской академии Аполлон Полумордвинов, подтверждая пред Верховным Уголовным Судом свое перво-

начальное признание в том, что, зная о существовании тайного общества «Организация», он не донес о нем правительству, объяснил, что он даже бывал на некоторых сходках этого общества, так как перешел в него в феврале этого года из общества взаимного вспомоществования, в которое вступил по предложению Страндена в начале января 1866 года.

Не разделяя крайних революционных средств, к которым хотели приступить шаповцы, не сочувствуя вообще этому направлению и не желая подчиняться предложенному некоторыми из членов правилу о повиновении шаповцам, на благоразумие которых он не надеялся, Полумордвинов объявил, что он из общества выходит, и перестал посещать сходки.

Товарищи подсудимого Борисов, Сергиевский и Воскресенский, вполне подтверждая объяснение Полумордвинова, удостоверяют, что он хотя и бывал на сходках и слушал чтение одного из проектов устава, но не присутствовал при обсуждении его; в разговорах высказывался против цели общества, и как только заметил, что стремление Организации не согласно с целью общества взаимного вспомоществования, то прекратил с ними всякие сношения.

Признавая потому, что Полумордвинов не был членом общества Организации, в деятельности которого он не принимал никакого участия, я нахожу, что он подлежит ответственности за недонесение правительству о существовании общества с явно противозаконною, преступною целью.

Учитель Максимилиан Марке сознался в том, что он, по просьбе подсудимого Шаганова, достал яд от провизора Лангауза и передал его Шаганову в 1-й день пасхи сего года. Сначала Марке показал, что Шаганов, придя к нему, говорил о существовании у них революционного общества, раскинутого по Волге, и просил яду для отравления Каткова. Когда же ему, Маркеу, было объявлено, что яд дан был не для Каткова, Марке объяснил, что учитель Трусов, излагая ему просьбу Шаганова о стрихнине, сказал, что русские хотят начать революцию, и стрихнин им для того нужен.

Во время производства судебного следствия о подсудимом Трусове Марке подтвердил это последнее показание.

Таким образом, Марке достал Шаганову яд, зная, что этот яд назначается для преступных целей тайного революционного общества, и посему должен быть признан пособником означенного тайного революционного общества, и притом не необходимым, так как обстоятельством дела не обнаружено, чтобы подсудимые, принадлежавшие к означенному революционному обществу, не могли достать яду ни от кого другого, как от Маркса.

Учитель Болеслав Трусов при судебном следствии показал, что бывший его ученик подсудимый Шаганов просил его в этом году достать мещанских билетов и яду. Когда на такую просьбу он заметил Шаганову, что они замышляют что-то недоброе, Ша-

ганов объяснил ему, что они хотят освободить государственного преступника Чернышевского.

Признавая себя виновным в том, что указал Шаганову на Маркса, как на человека, который может достать яд, Трусов объяснил, что о существовании тайного революционного общества не знал и что при передаче Марксу просьбы Шаганова о яде не говорил, что русские хотят начать революцию, и им для того нужен стрихнин.

К уличению Трусова в пособничестве тайному революционному обществу указанием на Маркса, как на человека, который мог достать яд, представляется одно показание Маркса, подтвержденное им перед судом, которое, обвиняя самого Маркса в тяжком преступлении, по сему самому представляется вероятным. Хотя это показание Маркса и имеет вероятность, но оно одно, как не подтвержденное другими обстоятельствами дела, которые бы исключали всякую возможность сомневаться в виновности подсудимого, не может, по мнению моему, служить основанием к признанию Трусова изобличенным в столь тяжком преступлении. Но Трусов во всяком случае должен быть признан виновным в знании о существовании в Москве тайного революционного общества и недоведении о том до сведения правительства. Трусов, при предварительном следствии, по имевшимся против него уликам, положительно признался в том, что он знал о принадлежности Шаганова к тайному обществу, которое имело целью произвести общественный в государстве переворот, и это обстоятельство подтверждается столь близкими отношениями Шаганова к Трусову, что Шаганов решился просить у него достать яду, при чем объяснил ему, что яд этот им необходим для освобождения государственного преступника Чернышевского. Посему отречение его во время производства судебного следствия от признания, учиненного при предварительном следствии, и объяснение, что он знал о принадлежности Шаганова к обществу, имевшему целью лишь вспомоществование бедным студентам, распространение грамотности и улучшение быта рабочих, не заслуживает уважения.

Сын чиновника Болеслав Шостакович по собственному признанию как при предварительном, так и при судебном следствиях и по обстоятельствам дела оказывается виновным в укрывательстве осужденного в каторжные работы государственного преступника Ярослава Домбровского и составлении для него подложных видов.

Бывший учитель бронницкого уездного училища Николай Петерсон также по собственному его признанию как при предварительном, так и при судебном следствиях и по обстоятельствам дела оказывается виновным в недонесении об укрывательстве Юрасовым и другими государственного преступника Домбровского, осужденного в каторжные работы.

Обстоятельства, относящиеся до этих двух подсудимых, столь ясны, что не требуют более подробного развития.

Проживавший в Москве с 1856 года дворянин Павел Маевский как при предварительном, так и при судебном следствиях не отрицал лишь одного упадающего на него обвинения, а именно имения сочинений возмутительного содержания; это обвинение и отрицать было невозможно, потому что означенные сочинения у него найдены полициею, что удостоверено актом, в установленном порядке составленным. Но, несмотря на совершенное отрицательство виновности в других преступлениях, в которых Маевский обвиняется, он, по мнению моему, положительно изобличается как в укрывательстве и снабжении деньгами и фальшивыми паспортами польских политических преступников—Домбровского, Ковалевского, Ожеховского, Верницкого, Олтаржевского и других, так и в знании о существовании в Москве тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства, и недоведении о том до сведения правительства.

Бежавший из полка рядовой из дворян Тит Олтаржевский, всякое знакомство с коим отрицает Маевский, как при предварительном, так и при судебном следствиях показал, что он Маевского знал, что Маевский был у него в Москве в арестантском отделении госпиталя и приносил деньги, что он, Олтаржевский, был после сего у Маевского на квартире и что Маевский давал ему деньги, раз 7 руб., а другой раз 15 руб., на проезд в Петербург.

Подсудимый Юрасов положительно объяснил, что с Маевским его познакомил государственный преступник Домбровский и что они с Домбровским были у Маевского на квартире; хотя же Маевский объясняет, что он с Юрасовым познакомился чрез Шостаковича, и хотя Шостакович подтвердил это объяснение при судебным следствии, но оба эти объяснения не заслуживают никакого уважения, потому что Маевский, давая подобное показание, желает лишь скрыть свои отношения к Домбровскому, а Шостакович при предварительном следствии показал, что, сколько помнит, не знакомил Юрасова с Маевским; Юрасов же на очной ставке при предварительном следствии удостоверил, что с Маевским его познакомил Домбровский, а не Шостакович.

Подсудимые Маркс, Лангауз и Трусов показали, что им известно было об укрывательстве Маевским и снабжении деньгами и фальшивыми паспортами польских политических преступников, а содержащийся в крепости дворянин Барановский объяснил, что он видел беглого преступника Ожеховского [1]) в комнате у Маевского. Независимо от сего Маркс показал, что он отвозил письмо Маевского в Петербург к офицеру Лесного корпуса Мокрицкому, который, дав ему фальшивые паспорты, сказал: вот ответ Маевскому; но он, Маркс, возвращаясь в Москву, их уничтожил от испуга [2]).

Далее провизор Лангауз во всей подробности показал, каким

[1]) Слово: «Ожеховского» вписано над зачеркнутым: «Олтаржевского».
[2]) Мокрицкий заочным приговором военного суда присужден к каторжной работе. (Прим. подл.)

образом он познакомил подсудимого Николаева с Маевским и что Николаев при нем говорил Маевскому, что они через 10 лет хотят сделать революцию.

Николаев, подтверждая показание Лангауза о том, что он действительно знаком с Маевским, объяснил, что он познакомился с ним вследствие того, что, по удостоверению Шаганова, Маевский мог быть полезен для «Организации» и что он говорил с Маевским об «Организации», объясняя, что цель Организации — пропаганда. Но Маевский, несмотря на такие положительные показания Лангауза и Николаева о том, что из них последний был с ним знаком, отвергает всякое знакомство с Николаевым, и отвергает, очевидно, потому, что ему было известно о принадлежности Николаевым к тайному революционному обществу.

Дворянин Виктор Федосеев признался в том, что, взявши намерение отравить своего отца с целью передать существовавшему в Москве обществу наследство, которое он получит после смерти отца, достал рецепт от подсудимого Николаева и с полученным по этому рецепту ядом хотел сначала ехать в Тамбов к отцу, но потом раздумал и поехал к брату в Кирсанов. Здесь он открыл брату свое намерение и после его увещания оставил оное и никогда, как утверждает, не привел бы его в исполнение.

При рассмотрении преступления Федосеева надлежит обратить главнейшим образом внимание на то, какие причины удержали его от приведения преступного намерения в исполнение, было ли тому причиною его собственное побуждение и раскаяние, или арест по распоряжению правительства.

Брат подсудимого Павел Федосеев перед Верховным Уголовным Судом показал, что когда брат объявил ему о своем ужасном намерении, он, пораженный полученным известием, схватил пузырьки с ядом, на которые ему указал брат, и ушел в коридор, где встретил исправника, шедшего удостовериться в личности Виктора Федосеева. Он, Павел Федосеев, делал брату увещания, но брат на его слова ничего не отвечал, да ему и некогда было отвечать, потому что он, Павел Федосеев, схватив пузырьки, ушел в коридор, где встретил исправника.

Таким образом, Виктор Федосеев был задержан полициею в то время, когда ничем еще не выразилось его побуждение оставить свое преступное намерение без исполнения. Но следует ли из этого, что Виктор Федосеев, не будучи арестован полициею вследствие сомнения в его личности, привел бы свое намерение в исполнение? На этот вопрос подсудимый Федосеев должен дать ответ перед судом божиим и своею совестью; но суд человеческий должен признать, что обстоятельствами дела не доказано, чтобы подсудимый был удержан от приведения своего намерения в исполнение лишь независящими от него обстоятельствами, ибо Федосеев был арестован по поводу возникшего сомнения о его личности, а не для предупреждения предпринятого им преступления, о котором арестовавшим его лицам прежде и известно не было.

Обращаясь к определению наказания, следующего виновным по закону, я не могу не сказать, что хотя преступные замыслы стоящих пред Верховным Уголовным Судом подсудимых Худякова, Ишутина, Страндена, Ермолова, Загибалова, Юрасова, Николаева и Шаганова и были столь обширны, что должны были объять собою все пространство нашего отечества, но личные качества их и общественное положение таковы, что планы их, как бы ни казались им глубоко обдуманными и основательно соображенными, не могли бы поколебать коренных основ существующего государственного строя России. Тем не менее, преступление их огромно, огромно потому, что в среде их образовался Каракозов, покусившийся на такое деяние, гибельные последствия которого могли быть неисчислимыми, огромно по числу привлеченных ими к их замыслам молодых людей, сделавшихся жертвами их преступной пропаганды. На совести их должны остаться слезы несчастных семейств тех товарищей их, которых они совратили с истинного пути.

По всем приведенным мною основаниям я нахожу, что подсудимые виновны:

Домашний учитель Иван Худяков — в способствовании Каракозову исполнить злоумышление на жизнь священной особы государя императора и в подговоре Ишутина к учреждению в Москве тайного общества с целью цареубийства.

Потомственный почетный дворянин Николай Ишутин — в знании и недонесении правительству о злоумышлении Каракозова на жизнь государя императора и в подстрекательстве своих товарищей к учреждению в Москве тайного общества с целью цареубийства.

Дворяне Петр Ермолов, Николай Странден и Дмитрий Юрасов — в знании и недонесении о злоумышлении Каракозова на жизнь государя императора и участии в преступных разговорах их товарищей о пользе и необходимости цареубийства.

Дворянин Максимилиан Загибалов, вольноотпущенный дворовый человек, Осип Мотков, отставной губернский секретарь Вячеслав Шаганов и кандидат московского университета Петр Николаев — в участии в преступных разговорах о пользе и необходимости цареубийства.

Чиновник X класса Орест Малинин, студент московского университета Дмитрий Иванов, слушатель Петровской академии сын священника Федор Ланкин и дворянин Александр Иванов — в принадлежности к тайному обществу, имевшему цель, противную установленным законами образу и порядку правления, с полным знанием о преступной цели этого общества.

Дворянин Константин Кичин, слушатели Петровской академии: сын причетника Василий Соболев, Алексей Сергиевский, из государственных крестьян Феофан Борисов и сын дьячка Дмитрий Воскресенский — в принадлежности к тайному обществу, имевшему противную установленным законами образу и порядку правления цель, без полного знания истинной цели этого общества.

Князь Варлаам Черкезов, дворянин Николай Кутыев, провизор Адольф Лангауз, слушатель Петровской академии Аполлон Полумордвинов и коллежский советник Болеслав Трусов — в знании о существовании тайного общества, имевшего противную установленным законами образу и порядку правления цель, и недоведении о том до сведения правительства.

Учитель Максимилиан Маркс—в доставлении средств, а именно яда, тайному обществу, имевшему противную установленным законами образу и порядку правления цель, и в недонесении об укрывательстве Маевским польских политических преступников.

Сын чиновника Болеслав Шостакович—в укрывательстве осужденного в каторжные работы государственного преступника Домбровского и составлении для него подложных видов.

Бывший учитель брянщицкого уездного училища Николай Петерсон - в недонесении об укрывательстве осужденного в каторжные работы государственного преступника Домбровского.

Дворянин Павел Маевский—в укрывательстве и снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников Домбровского, Ковалевского, Оржеховского, Верницкого, Олтаржевского и друг., в недоведении до сведения правительства о существовании в Москве тайного общества, имевшего противную установленным законами образу и порядку правления цель, и в имении сочинений возмутительного содержания.

И, наконец, дворянин Виктор Федосеев—в приобретении яда для приведения в исполнение своего намерения отравить отца.

Преступления подсудимых: Худякова, Ишутина, Ермолова, Страндена, Юрасова, Загибалова, Моткова, Николаева и Шаганова предусмотрены в 241, 242 и 243 статьях Уложения о наказаниях

По силе этих законов не только всякое преступное действие против жизни государя императора, но и всякое злоумышление, всякий умысел учинить священной особе его какое-либо насилие почитается действительным преступлением как в случае, когда виновным сделано уже покушение для приведения своих преступных намерений в исполнение, так и тогда, когда он только выразил свой умысел чрез предложение другому принять в нем участие, или даже чрез словесное изъявление своих о том мыслей и предположений, и все участвовавшие в таком злоумышлении в виде сообщников, пособников, подговорщиков, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели и те, которые не донесли о злоумышлении или злоумышленниках, подвергаются одинаковому, определенному в 241 ст. Уложения, наказанию.

Вследствие сего:

I. Домашний учитель Худяков, потомственный почетный гражданин Ишутин, дворяне Ермолов, Страден, Юрасов, Загибалов, вольноотпущенный дворовый человек Мотков, губернский секретарь Шаганов и кандидат Николаев подлежат лишению всех прав состояния и смертной казни.

II. Преступление Малинина, Дмитрия Иванова, Лапкина и Александра Иванова предусмотрено в 318 статье Уложения о наказаниях, и как злоумышление их открыто правительством заблаговременно и никаких покушений вследствие их умысла, ни вредных последствий не произошло, то они должны быть приговорены к одному из наказаний, определенных в 250 статье. Имея в виду, что они не были главными деятелями, я полагал бы назначить слабейшее наказание, т.-е. наказание по 4-й степени 19-й статьи и в низшей оного мере, с уменьшением сего наказания Дмитрию Иванову во внимание к чистосердечному его сознанию на основании 135 статьи двумя степенями и с сокращением на основании 139 статьи ему же, Иванову и Лапкину, как несовершеннолетним, следующего им срока каторжной работы одною третью, именно: чиновника X класса Ореста Малинина и дворянина Александра Иванова лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на десять лет, сына священника Федора Лапкина лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на шесть лет и восемь месяцев и студента Дмитрия Иванова лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

III. За преступление Кичина, Соболева, Сергиевского, Борисова и Воскресенского в законе нет особого определенного наказания, ибо в приведенной мною 318-й статье назначено наказание лишь членам тайного общества, имевшим полное сведение об его цели, в чем они по произведенному следствию не изобличаются.

В подобном случае, согласно 151 статье Уложения, следует приговаривать виновных к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по важности и роду своему наиболее сходные с подлежащим рассмотрению преступлением.

По силе 319 статьи Уложения, в которой говорится о тайных обществах, не имеющих означенного в 318 статье явно преступного направления против спокойствия и целости государства,— члены общества, не имевшие точного сведения об истинной его цели, приговариваются к наказанию, определяемому виновным в знании о существовании общества и не доведении о том до сведения правительства.

Признавая, согласно точному смыслу приведенной 319 статьи, что члены тайного общества, предусмотренного и в 318-й статье, не знавшие об истинной его цели, должны подлежать одинаковому наказанию с теми, которые знали о существовании такого общества и не донесли правительству, и что посему Кичин, Соболев, Борисов, Сергиевский и Воскресенский подлежат наказанию по 1-й степени 20 статьи, с уменьшением сего наказания двумя степенями, согласно 135 статье, во внимание к их чистосердечному сознанию и раскаянию, с изменением этого наказания для несовершеннолетнего Сергиевского, согласно с 2 пунктом 140 статьи, я полагал бы: дворянина Константина Кичина и слушателей Петровской академии Василия Соболева, Феофана Борисова и Дмитрия

Воскресенского лишить всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и сослать на житье в Енисейскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, которое будет назначено для их жительства, в продолжение трех лет и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение десяти лет, а слушателя Петровской академии Алексея Сергиевского без лишения особенных прав и преимуществ отдать в военную службу рядовым с выслугою.

IV. Преступление князя Черкезова, Кутыева, Лангауза, Полумордвинова и Трусова предусмотрено в 318-й статье Уложения о наказаниях. В виду чистосердечного сознания и раскаяния в сделанном ими преступлении (Трусов, впрочем, только в следственной комиссии) я полагал бы возможным, согласно 135 статьи, уменьшить им наказание двумя степенями, и князю Черкезову, как несовершеннолетнему, изменить наказание, согласно 140 статье, именно: дворянина Николая Кутыева, провизора Лангауза, слушателя Петровской академии Аполлона Полумордвинова и коллежского советника Болеслава Трусова лишить всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и сослать на житье в Енисейскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, которое будет назначено для их жительства, в продолжение трех лет и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение десяти лет, а князя Варлаама Черкезова, без лишения особенных прав и преимуществ, отдать в военную службу рядовым с выслугою.

V. Преступление учителя Максимилиана Маркса предусмотрено в 318, 250, 13, 121, 126 и 152 ст. Уложения о наказаниях.

Принимая во внимание откровенные показания Маркса как при предварительном, так и при судебном следствиях, я полагал бы возможным применить к нему менее тяжкое наказание из определенных в 318, 250 и 121 ст. Улож. о нак., и таким, уменьшив наказания двумя степенями на основании 135 ст., подвергнуть его лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на четыре года.

VI. Преступления Шостаковича предусмотрены 316, 975 и 152 ст. Улож. о нак.

Имея в виду, что Домбровский весьма важный государственный преступник, что подсудимый Шостакович не только укрывал его, но и составлял для него подложные виды, но, с другой стороны, обращая должное внимание на откровенное признание Шостаковича, я полагал бы применить к нему среднее по тяжести из наказаний, определенных в 316 ст. Уложения о наказаниях, а именно: лишить его всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и сослать на житье в Томскую губернию, с воспрещением, на основании § 11 приложения к 70 ст. Улож. о нак., всякой отлучки из места, назначенного для его жительства, в течение двух лет и потом выезда в другие губернии и области Сибири в продолжение шести лет.

VII. Подсудимый Николай Петерсон за недонесение об укрывательстве государственного преступника Домбровского подлежит наказанию по 126 ст. Улож. о нак.

Имея в виду, что Домбровский важный государственный преступник, я полагал бы применить к преступлению подсудимого высшее из наказаний, определенных в приведенной статье, назначив оное в мере, близкой к низшей, во внимание к чистосердечному признанию подсудимого, а именно: выдержать его в крепости четыре месяца.

VIII. Преступления дворянина Павла Маевского предусмотрены 316, 975, 318, 251 и 152 статьями Улож. о наказ. На основании сих статей закона он подлежит лишению всех прав состояния, ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

IX. Наконец, дворянин Виктор Федосеев за приобретение яда для приведения в исполнение своего намерения отравить отца, по отсутствию доказательств в том, что его намерение оставлено им без исполнения лишь по независевшим от него обстоятельствам, подлежит наказанию по I части 1457 ст. Улож. о нак.

Принимая во внимание важность преступления, для совершения коего Федосеев приготовлял средства, я полагал бы подвергнуть наказанию по I части 1457 ст. Улож. о нак. в высшей мере, а именно: заключение в тюрьме на один год и четыре месяца.

X. Преступления, в коих были обвинены: мировой посредник Алексей Бибиков, секретарь козельской уездной управы Леонид Оболенский, действительный студент Александр Маликов, мещанин г. Юхнова Федор Никифоров и студент Александр Никольский при произведенном Верховным Уголовным Судом следствии остались недоказанными и сделанные на них оговоры, на основании которых они преданы были суду, не подтвердились, а некоторые из свидетелей изменили в пользу подсудимых те показания, которые даны были против них в следственных комиссиях.

Посему, на основании 740 ст. Уст. угол. судопр., я не поддерживаю обвинительных актов об упомянутых лицах и заявляю о том Верховному Уголовному Суду по совести.

Что же касается до слушателя Петровской академии Александра Вознесенского, то Юрсов, по оговору которого он был обвинен, объявил Верховному Уголовному Суду, что он в своем показании следственной комиссии назвал Вознесенского вместо Воскресенского, и несколько свидетелей удостоверили, что Вознесенский действительно не принадлежал к Организации.

Посему я имею честь предложить Верховному Уголовному Суду на основании 1 и. 771 ст. Уст. угол. судопр. постановить приговор об его оправдании.

При постановлении приговора о тех из подсудимых, коим по закону следует смертная казнь, не благоугодно ли будет Верховному Уголовному Суду, на основании 18 ст. Улож. о нака., определить и самый вид этой казни.

РЕЧЬ В. П. ГАЕВСКОГО, ЗАЩИТНИКА ХУДЯКОВА, НА ЗАСЕДАНИИ 21 СЕНТЯБРЯ [1]).

Худяков обвиняется: 1) в способствовании Каракозову совершить покушение на жизнь государя императора снабжением Каракозова деньгами на покупку пистолета, с знанием о преступном его намерении, и 2) в подговоре Ишутина учредить в Москве тайное революционное общество с исключительною целью цареубийства.

Кроме этого обвинения, существует еще другое, даже более тяжкое обвинение, о котором я тем более считаю обязанностью сказать, что оно не было предъявлено подсудимому, что он даже и теперь не подозревает о существовании такого обвинения, а между тем оно страшно вооружило против него общественное мнение. Я говорю о передовых статьях, напечатанных в «Московских Ведомостях» 4, 11 и 26 августа, №№ 163, 168 и 180. Хотя в них Худяков не назван, но эта таинственность, которую легко было разоблачить, еще более раздражала любопытство, еще более возбуждала предубеждение. Автор статей положительно утверждает, что «из всех лиц, привлеченных к следствию по делу Каракозова, не исключая и самого Каракозова, только одно оказывается имеющим серьезное политическое значение», что «единственное лицо в этом деле, имеющее политический характер, есть тот непоименованный в статье «Северной Почты» агент, живший в Петербурге, издававший народные книги и ездивший летом прошлого года за границу», что «он находился в связи с польскими революционными деятелями», что, «по собственным показаниям Каракозова, он был укреплен в своем решении сношениями с этим человеком и еще с одним медиком», что он «впервые бросил в кружок школьников-нигилистов мысль о цареубийстве»...

Таким образом, «Московские Ведомости» изображают Худякова главою заговора и главным виновником замысла, от осуществления которого провидение охранило Россию. Печатное обвинение в столь тяжких преступлениях, брошенное почти накануне судебного следствия представляется, по меньшей мере, преждевременным и невеликодушным. К счастью для подсудимого, судебное следствие по-

[1]) По подлиннику, написанному, вероятно, письмоводителем, с собственноручными поправками Гаевского; вверху надпись: «Защитительная речь о Худякове» (д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2 й лл. 424–447).

казало, что подобное обвинение крайне преувеличено и не подтверждено доказательствами. Я слишком глубоко верю в правдивость и беспристрастие Верховного Уголовного Суда, чтоб останавливать дольше его внимание над инсинуациями московской газеты, но в интересах защиты счел долгом указать и напомнить источник тех преувеличенных обвинений, которым в общественном мнении так несправедливо подвергся мой доверитель.

Сознавая, что обязанность защитника состоит прежде всего в восстановлении истины, я имею искреннейшее убеждение, что Худяков совершенно чужд какому бы то ни было участию в покушении на цареубийство, и надеюсь подтвердить это фактами и доказательствами.

Но прежде я попрошу позволения сказать несколько слов о личности и общественной деятельности Худякова. Худяков, единственный сын бедного штатного смотрителя уездных училищ Тульской губернии, получил университетское образование и с самых молодых лет был предоставлен самому себе. Несмотря на раннюю молодость, он сам зарабатывал средства, чтоб учиться, и постоянно помогал своим недостаточным родителям и сестрам [106]. В прошлом году он женился. Жена его должна разрешиться на-днях первым ребенком. Упомянуть о прежней деятельности Худякова я тем более считаю необходимым, что о ней до сих пор не возникало вопроса, а между тем не подлежит сомнению, что при обвинении в политическом преступлении оценка этой деятельности имеет важное значение.

В начале 60-х годов, в то время, когда значительная часть нашей молодежи, вместо того, чтоб учиться, играла в революцию, писала уставы каких-то нелепых и, к счастью, несуществовавших обществ и мечтала о переустройстве чуть не целого мира, Худяков вполне отдался служению науке [107]. Еще на университетской скамье русская этнография и народная старина сделались специальным предметом его занятий. Не имея ни покровительства, ни денег, вдобавок больной и хилый, Худяков отправлялся в дальний путь по России для собирания материалов народной словесности и объехал почти все великорусские губернии, перенося, во имя науки, страшную нужду и подвергаясь величайшим лишениям. Плодом этих путешествий были «Сборник великорусских народных исторических песен», вышедший в 1860 г., лучшее собрание Великорусских сказок» в 3 выпусках, вышедших в 1860, 61 и 62 гг., и Великорусские загадки», имевшие с 1861 г. два издания. В 1863 г. Худяков издал «Материалы для изучения народной словесности» и «Русскую книгу» — род народной хрестоматии, а в 1864 и 1865 гг напечатал четыре книжки «Народных Рассказов о старинных людях и Рассказы о великих людях». В 1865 г. он перевел историю Американских штатов Неймана и написал «Древнюю русскую историю». Кроме того, он помещал в «Отечественных Записках» статьи о литературе [108]. Таким образом, в течение 4—5 лет литературной и ученой деятельности, Худяков сделал больше, чем удается иному

ученому в течение всей трудовой жизни. В высшей степени добросовестные и бескорыстные труды молодого ученого обратили на него внимание: и в 1863 г. императорское Русское географическое общество удостоило его награждением медалью. Это была первая и до сих пор единственная у нас награда, присужденная 20-летнему ученому. Слова мои о деятельности Худякова подкрепляю авторитетом первого знатока народной исторической старины, сенатора Калачова[169]: «Худяков, несмотря на короткое время, уже успел оказать отделению этнографии важную услугу. Ему поручено было приготовить к изданию собранные отделением великорусские загадки с составлением к ним предисловия. Это поручение исполнено Худяковым с тою отчетливостью и любовью к делу, которыми отличаются собственные его издания. Новое собрание загадок далеко превосходит все прежние их собрания, и замечательно по обширному к нему предисловию, в котором объясняется значение загадок в народном быту и поэзии, и указываются главные периоды их развития в Великой России. Но прежде, нежели труд Худякова сделается достоянием публики, было бы справедливо со стороны отделения поощрить молодого собирателя и издателя материалов народного быта награждением его серебряною медалью. Награды этой он тем более заслуживает, что предпринял, также для отделения этнографии, составление записки о народных сказках, между прочим, и о неизданных сказках, находящихся в отделении. К чести г. Худякова можно еще присовокупить, что единственно горячая любовь к нашему предмету заставляет его, несмотря на скудные средства, предпринимать каждое лето путешествия по России, которые и без того соединены с такими препятствиями и лишениями». (Отчет императорского Русского географического общества за 1863 год.)

Изучение этнографии и народного быта, сближение с народом, знание его потребностей и стремлений способно отрезвить самого рьяного политического мечтателя. А в собранных Худяковым сокровищах родного слова столько искренности национального чувства, развитого в народе его историею, вся деятельность Худякова проникнута такою любовью к отечеству, такою искреннею верою в его великую будущность, что с ними положительно не уживаются недоброжелательство к народу и желание гибели его освободителя. Подтверждение этому находим в показании Худякова, данном 14 апреля: он считает существующий порядок в государстве исторически-законным, тем более, что постепенный ряд реформ ведет наш народ к тому же благосостоянию, на котором находятся другие европейские народы».

Вполне посвятив себя ученой деятельности, отдавая ей все свое время и способности, Худяков не имел ни возможности, ни наклонности принимать какое-либо участие в политических замыслах лиц, привлеченных к настоящему делу, хотя он с некоторыми из них имел несчастье случайно познакомиться. Да и что могло быть общего между Худяковым и собиравшимся в Москве жалким круж-

ком недоучившихся и не желавших учиться юношей, из которых, например, один (учитель Петерсон) полагает, что социализм, ассоциации и нигилизм—одно и то же: другой (Борисов), чтоб узнать, что такое социализм, хотел обратиться к умному человеку, а для этого считал за нужное похитить Чернышевского,—юношей, называвших себя социалистами, но между которыми, по наивному показанию того же Борисова, на вопрос: что такое социализм, никто не умел дать ответа. Понятно, что между сколько-нибудь серьезным человеком и подобными социалистами не могло быть ничего общего.

Обращаюсь к обвинению и постараюсь отвечать на каждый его пункт в том порядке, в котором они следуют в обвинительном акте.

Обвинения Худякова в пособничестве Каракозову в покушении на цареубийство основаны на показаниях Каракозова и Ишутина. Но Ишутин уже отрекся от своих показаний. В записке, поданной Верховному Суду 29 июля [110], он говорит следующее: «у нас положено было правило: кто выдаст, того выдавать. Худяков сказал про меня, и[я], не считая себя в праве отстать от правила, должен был ему отомстить, и потому наклеветал на него, позабыв, какое я делал преступление. Теперь отрекаюсь и говорю, что мне Каракозов не говорил, что Худяков был участником в преступлении против государя императора 4 апреля. Подтверждаю мое это показание честным словом и могу дать присягу в справедливости его». Таким показания Ишутина, на которых преимущественно основывается обвинение, падают сами собою.

Остаются показания Каракозова; но прежде чем перейду к ним, скажу несколько слов об отношениях его к Худякову. Отношения Каракозова к Худякову были исключительно денежные. Собственные показания Каракозова, и совпадающие с ними показания других лиц свидетельствуют, что он с редким цинизмом эксплоатировал всех, кто ему попадался. Например, он едет в Берлин к какому-то Штиммеру и берет столько денег, чтоб лишь доехать до Берлина, живет там на счет Штиммера, и возвращается на его же деньги [111]. В Петербурге он ходит по кабакам и трактирам на деньги, которые выпрашивает у знакомых, лечится даром у Кобылина, получает от него не только лекарства, но и деньги, пользуется у него приютом, обманом ночует в дежурной комнате, заставляет его платить извозчику и, взяв деньги, чтоб ехать куда-то на извозчике, пропивает в портерной несколько лишних копеек. Наконец, в довершение всего, взводит страшную клевету на двух лиц, благодеяниями которых он пользовался, и взводит ее, повидимому, для того, чтоб отвлечь внимание от своих московских сообщников. Но Верховный Суд уже оценил по достоинству показания Каракозова, освободив одну из жертв его клеветы. С Худяковым он виделся только четыре раза, и каждый раз только для того, чтоб выпросить у него деньги. Он являлся к нему, как родственник Ишутина, с которым Худяков познакомился в прошлом году в Москве, и с первых слов, едва войдя в переднюю, попросил денег. Худяков, ни-

кому не отказывавший в пособии, несмотря на свои скудные средства, тем более считал себя обязанным помочь Каракозову, что сам должен был Ишутину до 250 р. Но из того, что Худяков оказывал ему пособия, никак не следует, что он давал ему деньги на покупку пистолета.

Оговор Каракозова положительно опровергается: 1) относительно времени собственными же его показаниями, 2) относительно предмета—обстоятельствами дела.

Относительно времени в обвинительном акте сказано: «в субботу на святой Каракозов пришел к Худякову и занял у него 15 р. с., сказав, что они ему нужны для расплаты с долгами и для покупки пистолета, так как он решился на-днях совершить цареубийство». Между тем это несогласно ни с показаниями Каракозова, ни с обстоятельствами дела, Каракозов показал (т. III, л. 246): «На вопрос, предложенный мне, где я находился 2 апреля (т. е. в субботу) и у кого именно был в этот день, имею честь объяснить, что в этот день не был у моих знакомых Худякова и Кобылина». В обвинительном акте относительно субботы сделана ссылка на VII т., л. 223, но на следующем, 224 листе читаем совершенно противное: «хотя я показывал, что был в субботу у Худякова, но я ошибся. В субботу я у него не был, я был у него в четверг и тут получил деньги». На очной ставке Каракозова с Худяковым 22 июня он показал, что говорил Худякову о своем намерении, «только не помню, когда именно это происходило, в то время, когда я был у него или когда он был у меня в квартире Кобылина» (т. VIII, стр. 35). Худяков отверг эти показания, сказав, что Каракозов не мог бы забыть столь важного обстоятельства, если б оно действительно происходило. Следовательно, показание, что Каракозов был у Худякова в субботу, положительно опровергается.

Относительно выдачи Худяковым денег на покупку пистолета оговор Каракозова также вполне опровергается многими показаниями, совершенно согласными между собою, и обстоятельствами дела. Они положительно доказывают, что у Каракозова уже давно был пистолет, что он привез его из Москвы, а следовательно, и не мог брать денег на покупку этого пистолета.

Так как обвинение это весьма важно, то я позволю себе несколько распространиться и буквально приведу показания, которые его опровергают.

Загибалов показал: «В начале великого поста, вошедши в комнату Каракозова, я увидел там Юрасова, Ишутина и еще, кажется, Страндена. У кого-то из них был в руках пистолет двухствольный, большого калибра, про который сказали мне, что нашли его в Каракозовской комнате под комодом. Я взял его и обратился к вошедшему в это время Каракозову с вопросом, чей это пистолет. «Мой»,—отвечал Каракозов. «Где достал?». «Купил по случаю за три с полтиной». Я при этом заметил ему, что за такую дрянь не стоило платить 3½ р., да еще и по

случаю. Пороха я у него не видал, а пуль видел несколько, и все они были с сквозными дырочками».

Показание Ермолова (т. III, л. 129): «Загибалов видел пистолет Каракозова накануне его отъезда, во время отлучки Каракозова куда-то из дому. Нашел он его случайно под комодом. Он, как говорил мне, удивился этому и положил его на прежнее место. Услышав от Загибалова об этом пистолете, я пожелал его посмотреть. Загибалов посмотрел под комод, но уже не нашел там пистолета, а также и Каракозов исчез. Достал ли он пистолет у Никифорова, я положительно не уверен, но порох и пули сам Каракозов, принеся их несколько дней прежде, говорил, что достал у Никифорова, что я слышал от Загибалова же и Ишутина. Каракозов их потом спрятал и не объяснял, зачем это. Все эти вещи исчезли с Каракозовым».

В другом показании 3 мая Ермолов говорит: Пред самой поездкой в Петербург Каракозов потихоньку достал неизвестно где пистолет и спрятал его под комод. Пистолет этот увидел Загибалов в то время, когда меня не было дома, и когда я пришел в тот же день, то Загибалов хотел мне его показать, но уже не нашел пистолета там, а несколько времени до этого исчез и Каракозов».

Показание Ишутина 4 мая (т. III, стр. 165): Каракозов, как мне передавал Загибалов, купил пистолет на толкучке и никому не показывал. Его отыскал где-то в комоде Загибалов. Я не могу точно определить, было ли это до поездки в Лавру или после». А поездка в Лавру была в конце 1865 г.

Показание Страндена 3 мая (т. III, л. 197): «Пистолет, порох и пули видел и я пред поездкой в Петербург». Хранились эти вещи в комнате, где Каракозов спал, под комодом. Увидел их первый, кажется, Загибалов вскоре после его появления на первой неделе поста».

Все эти показания вполне подтверждаются показаниями самого Каракозова: 29 апреля он показал (т. III, л. 24 об.): Никто не был ни сообщником, ни руководителем в совершенном мною преступлении. Вот мое чистосердечное и откровенное признание».

Далее, в том же показании (л. 27) он говорит: «Что касается вопроса о моих сообщниках, то я должен сказать, что ни Худяков, ни его родственник Никольский не участвовали в моем преступлении».

14 июня Каракозов показал (т. III, л. 224): «Из Знаменской гостиницы я ходил к Вишневскому за пистолетами и приносил ему взятый из Знаменской гостиницы пистолет и показывал ему, но другого пистолета у него не взял».

24 июня Каракозов показал (т. VIII, л. 56): В воскресенье на фоминой неделе я, действительно, ходил по улицам и при мне был заряженный пистолет; да вообще в последнее время, когда я уже решился на совершение преступления, я имел при себе

постоянно заряженный пистолет и бывал с ним и у Зимнего дворца».

На судебном следствии 18 августа Каракозов показал, что купил пистолет в Москве, на рынке. Это подтвердилось и показанием Ишутина, данным 20 августа, что он видал у Каракозова пистолет, а это могло быть не иначе как в Москве, потому что они не были одновременно в Петербурге.

Наконец, оружейник Вишневский, названный Каракозовым, подтвердил, что ни в одном из магазинов его Каракозов не покупал пистолета, но показал бывший у него пистолет, а все оружейные мастера и торговцы оружием в Петербурге, числом 21, единогласно показали, что никто из них не имел и никому не продавал того пистолета.

В виду этих многочисленных и вполне согласных между собою показаний, нельзя не притти к убеждению, что Каракозов запасся пистолетом еще в Москве, что привез его с собою в Петербург, и что, следовательно, пистолет этот не мог быть куплен на деньги, данные Худяковым дня за четыре до совершения покушения. Засим я смею думать, что отсутствие всякого участия Худякова в покушении 4 апреля представляется вполне доказанным [1]).

Представив доказательства, что Худяков не принимал никакого участия в покушении на цареубийство, я постараюсь доказать, что он даже и не знал о преступном намерении Каракозова. Хотя Худяков, обвиняемый в пособничестве, не подвергается прямому обвинению в знании, но я считаю обязанностью разъяснить и это последнее обстоятельство.

В обвинительном акте сказано: «Когда Худяков был в конце великого поста в Москве, то Мотков говорил ему, что Каракозов хочет совершить цареубийство, и просил его ему в этом случае воспрепятствовать или навести на его след полицию». Вот единственное показание, дающее повод к обвинению Худякова в знании о намерении Каракозова. Но посмотрим, в какой степени оно достоверно. Оговор Моткова не подкрепляется ни показаниями других лиц, ни обстоятельствами дела. Кроме Моткова, никто не только не повторяет этого обвинения, но некоторые положительно опровергают его. При судебном следствии 18 августа Худяков отверг этот оговор, а Мотков не представил в его подтверждение ни свидетелей, ни доказательств.

Напротив того, при судебном следствии о Маликове, 10 сентября Мотков должен был сознаться в неискренности показаний, данных им в комиссии, и таким образом сам разрушил всякое

[1]) Далее вачеркнуто: «При этом случае невольно приходит на память следующее сближение: 40 лет тому назад в этой же комнате, но при менее благоприятных условиях, происходил суд над декабристами. Один из (пропуск) к делу также обвинялся в снабжении Рылеева деньгами за несколько дней до возмущения, но обстоятельство это не поставлено в вину подсудимому, который не только не потерял доверия правительства, но достиг звания сенатора».

к ним доверие. По обстоятельствам дела, показание Моткова также представляется невероятным: он будто бы говорил Худякову в конце поста о намерении Каракозова, тогда как в это время Каракозов, возвратившийся из Петербурга по убеждению Ермолова и Страндена, повидимому, оставил свое преступное намерение: а следовательно, Мотков, знавший об этом, не имел повода ни опасаться последствий такого намерения, которое уже оставлено, ни сообщать о нем.

С другой стороны, его голословное и бездоказательное обвинение опровергается данным в Верховном Уголовном Суде 20 августа показанием Ишутина, который объявил, что Худяков не знал об умысле на цареубийство, и что об этом все слышали от него, Ишутина, а не от Худякова. В виду этих обстоятельств оговор Моткова теряет всякое значение, а засим не представляется никаких оснований предполагать, чтобы Худяков знал о преступном намерении Каракозова.

В связи с этим оговором обвинительный акт ставит в вину Худякову еще следующее обстоятельство: Ишутин получил известие о приезде Каракозова в Петербург от Худякова. Как он, так Шаганов и Александр Иванов, показывая об этом, объясняют, что сообщение Худякова их встревожило и произвело между ними испуг. Но обстоятельство это касается только Шаганова и Иванова, а никак не Худякова, который не может отвечать за чужие действия и впечатления, и если испуг мог служить уликою, то лишь против того, кто испугался, но во всяком случае не против свидетеля испуга.

Перехожу ко второй части обвинительного акта. В ней Худяков обвиняется в сообщении Ишутину известия о существовании Европейского Комитета с целью цареубийствами помогать революции и в убеждении Ишутина образовать такое же общество в Москве. Обвинение это основано преимущественно на показаниях Ишутина. Чтоб оценить по достоинству эти показания, я обращу внимание суда на те побуждения, из которых они возникли. Побуждения эти, по собственному признанию Ишутина, месть и клевета. Вот что он говорил в показании 29 апреля г. V, л. 42-г: «Не скрою, что признание Худякова, которым он меня выдал, раздражило меня, и я сказал про него, что он предложил мне поднять революцию посредством цареубийства... На очной ставке с ним я желал, чтобы он испытал то же состояние, какое я испытал после его доноса на меня, т.-е. положение преступника на виселицу, и я не отрекся от моих прежних клевет».

В записке, поданной Верховному Уголовному Суду 20 июля и уже упомянутой мною, Ишутин еще положительнее отрекся от своих показаний[1]).

---

1) Далее зачеркнуто: «У нас, говорит он, положено было правило: кто выдаст, того выдавать. Худяков сказал про меня, и [я], не считая себя в праве

То же подтвердил Ишутин при судебном следствии о Худякове 18 августа, объяснив, что отречение его касается не только участия Худякова в покушении на цареубийство, но и того обстоятельства, что Худяков, будто бы, убеждал его образовать в Москве революционное общество с целью цареубийства.

Следовательно, оговор Ишутина и в этом отношении падает сам собою, а засим остается только показание его о том, что Худяков сообщил ему о существовании Европейского Комитета. На этом показании Ишутин утвердился и на очной ставке с Худяковым 12 сентября, несмотря на то, что Худяков безусловно отвергал это показание. Для того, чтобы показание имело какую-нибудь вероятие, необходимо, чтобы оно высказывалось с известною уверенностью и не заключало противоречия. Между тем, Ишутин сам сомневается в справедливости своих слов.—то отказывается от них, то снова к ним возвращается и беспрестанно впадает в противоречие.

В показании 4 мая (т. III, стр. 155): Ишутин объяснил, что Худяков говорил ему о существовании Европейского Комитета, при чем Ишутин прибавил: «я не знаю, шутил ли он или говорил правду». Такое голословное показание человека, который при том самом не знает, правда ли это или шутка, разумеется, не может служить основанием к обвинению.

На судебном следствии об Ишутине 20 августа он показал, что Худяков передавал ему о деятельности Европейского Комитета, действия которого обращены преимущественно на Францию, и не говорил, что Комитет существует с целью цареубийства, но подобное сообщение о революционном обществе, не имеющем отношения к России, не имеет ничего преступного и также не представляет основания к обвинению.

В показании 29 мая (т. V, л. 419 об.) Ишутин говорит: «относительно того обстоятельства, что Худяков знаком лично с кем-либо или чрез кого-либо другого знал про существование этого Комитета, он мне ничего не говорил». Между тем, на последней очной ставке 12 сентября Ишутин противоречит себе и указывает лицо, хотя, впрочем, не может назвать его, от которого Худяков слышал о Европейском Комитете. Какое же из двух показаний, уничтожающих одно другое, ближе к истине?

В том же показании 29 мая (т. V, л. 422 об.) Ишутин говорит: «Худяков сообщил мне в январе нынешнего года, в бытность мою в Петербурге, что приедет в Петербург член Европейского Комитета. В последний приезд Худякова в Москву, на мой вопрос о приезде члена Европейского Комитета, он сказал мне, что не приезжал. Я не могу ручаться, существует ли Комитет или нет,

---

отстать от правила, тяжек был ему отомстить и потому наклеветал на него, позабыв, какое я делал преступление. Теперь отрекаюсь и говорю, что мне Каракозов не говорил, что Худяков был участником в преступлении против государя императора. Подтверждаю мое это показание честным словом и могу дать присягу в справедливости его».

точно также хотел ли приехать член в Петербург или нет. Может быть, он говорил мне все это, с желанием придать себе больше весу в моих глазах».

Очевидно, что Ишутин сам не уверен в своих словах, сам не знает, как понимать слышанное, и даже сомневаться, слышал ли то, о чем говорит [1]).

Единогласное мнение, высказанное об Ишутине почти всеми подсудимыми, весьма мало говорит в пользу доверия, которое можно иметь к его показаниям [2]), а оговор, сделанный Ишутиным, тем менее вероятен, что он был очень мало знаком с Худяковым. Познакомил их между собою Маликов в июне 1865 г. в Москве. Вскоре после того Худяков уехал за границу, где пробыл четыре месяца, по возвращении жил в Петербурге, и во все время недавнего знакомства с Ишутиным виделся с ним три-четыре раза. Знакомство их было до того отдаленное, что Ишутин даже не знал хорошенько фамилию Худякова и в своих показаниях постоянно называл его Ходяковым [1] [2]. Можно ли после всего этого основывать обвинение на показании человека, едва знавшего Худякова, и который притом сам сомневается в значении слышанных слов?

Обвинительный акт упоминает еще, что Худяков рассказывал и Страндену о Европейском Комитете, а о сношениях своих с ним передавал Каракозову, но показания эти не [3]) подтвердились, но на судебном следствии о Худякове 18 августа Страден, спрошенный в числе свидетелей, показал, что от Худякова и не слыхал о Европейском Комитете, а Каракозов на том же следствии подтвердил, что Худяков не говорил ему о Европейском Комитете, что он, Каракозов, слышал об этом только от Ишутина. Таким образом, оба эти свидетельства отпадают, и остается только голословный и бездоказательный оговор, Ишутина, не заслуживающий, как уже доказано, никакой веры.

Допустим даже, как предположение,—только предположение, потому что факта не было,—что Худяков сообщал Ишутину о существовании где-то вне России Европейского революционного Комитета, действия которого, по словам же Ишутина, преимущественно обращены на Францию. Что же в этом преступного? О том, что на Западе много революционных элементов, знает всякий, сколько-нибудь знакомый с политическим состоянием Европы, но знание это никому не ставилось в вину по 318 ст.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Относительно времени бывшего будто бы между ними раз оовора о Европейском Комитете также возникает сомнение. Если и мог быть подобный разговор, то естественно, что он мог быть скоро по приезде Худякова из-за границы, а не в январе или в феврале, как показал на очной ставке Ишутин». [2]) Далее зачеркнуто: «Худяков испытал это лично: чтоб посмеяться над Ишутиным, он сообщил ему еще до своей поездки за границу, что Герцен получает будто бы от нашего правительства субсидию в 25 т. р. Ишутин не только поверил этой нелепости, но рассказывал уж, что Герцен получает 50 т. р. и что слышал об этом от Худякова по возвращении его из-за границы». [3]) «Не» вписано и далее зачеркнуто: «Совпадают с словами Ишутина и могли бы до некоторой степени служить уликою, если».

угол. зак., так как статья эта[1]) не обязывает доводить до сведения правительства о тайных обществах за границею, не имеющих никакого отношения к России.

Наконец, самое существование Европейского Комитета представляется весьма сомнительным. Мне, по крайней мере, не случалось[2]) ни слышать, ни читать о нем. Даже Катков, которому, по его политической подозрительности, везде представляется революция, сепаратизм и измена, и которого менее всего можно заподозреть в доброжелательстве Худякову, в статье 11 августа совершенно отвергает даже самую возможность существования Европейского Комитета.

В связи с слухом о Европейском Комитете поставлено обвинение Худякова в некотором, хотя косвенном, влиянии на образование «Ада» и в сношениях с его членами. «По возвращении из Петербурга,—сказано в обвинительном акте,—Ишутин приступил к образованию «Ада». Но Ишутин, в записке, представленной суду 29 июля, уже отрекся от всех своих оговоров Худякова в каком-либо участии в покушении на цареубийство, а следовательно, и в сношениях с членами «Ада», и подтвердил это при судебном следствии 18 августа. Снятие подобного оговора избавляет меня от обязанности опровергать его, и потому я переходжу прямо к обвинению Худякова в замыслах об освобождении Серно-Соловьевича и Чернышевского.

Обвинение это основано на показании Никольского, которого он посылал в Москву для переговоров с Ишутиным об освобождении Серно-Соловьевича, и на показании Страндена, предназначавшегося для поездки в Сибирь за Чернышевским. Худяков чистосердечно и добровольно на первом же допросе сознался в своем умысле. Такое же признание он повторил и при судебном следствии. Но умысел об освобождении Серно-Соловьевича ограничился разговором и не мог перейти даже в покушение за смертью Серно-Соловьевича, а намерение освободить Чернышевского также не шло далее приготовлений.

Вполне сознавая себя виновным в этом умысле, Худяков не может однако принять на себя всех обвинений, высказанных по этому поводу в обвинительном акте. В нем говорится, что Страндеи, назначенный ехать за Чернышевским, получил от Худякова для этой поездки фальшивый паспорт, рекомендательные письма и ящик с наркотическими веществами для употребления против стражи.

Обвинения эти основаны на показаниях Страндена, Моткова и Загибалова. Но на судебном следствии 18 августа Мотков не подтвердил этих показаний, Загибалов совершенно отверг их, а затем остается только показание Страндена. Но фальшивых паспортов и наркотических веществ Худяков не давал, и оговор

---

[1]) Далее зачеркнуто: «имеет в виду только тайные общества в России и».
[2]) Первоначально: «удалось» и далее зачеркнуто: «найти какие-либо признаки его существования, и едва ли кому-либо из присутствующих случилось».

Страдена в этом отношении не подтверждается никакими доказательствами, и тем менее вероятен, что Худяков совершенно добровольно сознался в умысле, а следовательно, не умолчал бы и о приготовлениях к приведению его в исполнение.

В обвинительном акте высказано еще против Худякова обвинение в крайне социалистическом направлении. В этом подсудимый чистосердечно сознался как в комиссии, так и в суде, но объяснил, что цель социализма состоит в лучшей организации труда, в устройстве его на начале ассоциации, т.-е., иначе, на артельном начале.

Подобные ассоциации признаются нашим законодательством [1]), и потому желание подобной организации труда не представляет ничего противозаконного. Этими убеждениями вполне исчерпывается социалистическое направление Худякова. Других социалистических убеждений Худяков на сделанные ему при судебном следствии вопросы не высказывал, и я смею думать, что Верховный Уголовный Суд преимущественно примет в соображение, особенно в отношении к Худякову, по некоторым исключительным обстоятельствам, показания, данные им в суде, а не в комиссии.

Остается затем обвинение Худякова в *близких* сношениях с русскими изгнанниками за границею. Оно основано на показаниях Ишутина, Лебедева, Ведерникова и Никольского. Но показания эти не только не подтверждают, а, напротив, вполне опровергают это обвинение. Так, напр., Ведерников 7 мая (т. III, л. 406) показал: Худяков говорил, что Герцен [2]) не имеет того уважения, какое имел прежде, и что вообще эмигранты им недовольны. Относительно отношений Худякова к Герцену и другим лицам я не слыхал ничего».

Никольский на очной ставке с Худяковым 22 июня показал: «Худяков мне сказал, что на собраниях у Герцена он не бывал, и вообще не хвалил эти собрания. Относительно Герцена, Утина и др. он сказал, что это по большей части фразеры, которые прямо противоречат на деле тому, что высказывают».

Где же тут *близкие* сношения? Показания, на которых основано это обвинение, напротив того, свидетельствуют, что не только близких, но и никаких сношений не было.

При судебном следствии 18 августа Ишутин, Никольский, Загибалов, Лебедев и Ведерников подтвердили то же самое, а Никольский даже присовокупил, что Худяков смеялся над деятельностью русских эмигрантов и над ними. Следовательно, и это обвинение упадает. Чтоб не оставить без объяснения ни одного обстоятельства, поставленного в вину Худякову, упомяну о двух последних, высказанных в обвинительном акте. В нем упоминается, что Худяков всегда искал сближения с молодыми людьми и, не имея определенных средств к жизни, делал пособия некоторым

[1]) Далее зачеркнуто: «начиная с древнейшего его памятника «Русской правды». [2]) Далее зачеркнуто: «живет богато, но в общем».

лицам, обращавшимся к нему за этим, так, напр., выдал ученику Технологического института Левенталю 60 руб. По желанию сблизиться с молодыми людьми весьма естественно в Худякове, которому только 24 года, и во всяком случае не составляет ничего преступного, а оказание пособий бедным людям было просто делом христианской благотворительности. Это подтверждается [1]) представленным к делу письмом жены подсудимого к его родителям, писанным немедленно по его арестовании: «Он, — пишет Худякова про мужа, — всегда говорил мне: «Молись богу, проси его, и он никогда не оставит нас. Все, что у нас есть, разделим с бедным братом, и будем просить помощи от господа бога, — тогда только наша жизнь будет счастливая, потому что мы сами люди бедные» [113]. Эти искренние слова лучше всего объясняют, какими чистыми побуждениями руководствовался Худяков, отдавая нуждающимся свою последнюю трудовую копейку. Что же касается пособия, оказанного Левенталю, то оно, как показал 18 августа Левенталь, дано ему не Худяковым, а его женою, которая еще до замужества, знала бедственное его положение [2]).

В заключение сделаю для большей ясности вывод из сказанного мною. Худяков не сознался ни в способствовании покушению Каракозова, ни в подговоре учредить в Москве революционное общество, ни в распространении слухов о существовании Европейского Комитета. В первых двух преступлениях, в которых только он и обвиняется, Худяков не только не уличен, но обстоятельства дела вполне доказывают, что он чужд всякого участия в покушении на цареубийство. В распространении слуха о Европейском Комитете он также не уличен, и поводом к этому обвинению служит только бездоказательный и не заслуживающий доверия оговор Ишутина. Единственная вина, в которой добровольно сознался Худяков, это — умысел освободить Чернышевского. Но умысел и приготовление к совершению преступления подлежат наказанию на основании 111 и 112 ст. Улож. о наказ. лишь в особых, означенных законами случаях, к числу которых настоящий не относится. Притом заблуждение это принесло вред только самому подсудимому. Прибавлю от себя, что он виноват еще в неразборчивом и легкомысленном выборе знакомства [3]).

Независимо от сказанного мною в качестве защитника в оправдание Худякова обращаюсь к беспристрастию и милосердию Верховного Уголовного Суда, к личным чувствам человеколюбия каждого из его высоких членов [4]) и почтительнейше прошу:

---

[1]) Далее зачеркнуто: «перехваченным». [2]) Далее зачеркнуто: «Вот все, что я по совести счел долгом высказать в защиту Худякова». [3]) Далее зачеркнуто: «На этих основаниях имею честь покорнейше просить, приняв во внимание недоказанность взведенных на Худякова обвинений освободить его от суда». [4]) Слова: «и почтительнейше... ответственности» вписаны вместо зачеркнутого: «Худяков, по собственному сознанию, виновен в некоторых увлечениях; но увлечения эти (я разумею замысел и приготовления к освобождению Чернышевского) принесли вред только самому подсудимому. Прибавлю от себя, что он виноват еще в неразборчивом и легкомысленном выборе знакомства».

приняв во внимание недоказанность взведенных на Худякова обвинений и уже понесенное им тяжкое наказание, освободить его от дальнейшей ответственности. Полугодичное заключение в крепости, страдание семейства [1]), расстройство здоровья и лишение всех средств к существованию составляют уже слишком чувствительное наказание, слишком памятный и тяжелый урок на всю жизнь. Новое наказание Худякова было бы гибелью для его несчастных родителей и жены [2]). Для спасения их подсудимый умоляет о милостивом приговоре, который наполнил бы всю остальную его жизнь благодарностью и раскаянием [3]) [111].

---

1 Слово: «семейства» вписано над зачеркнутым: «престарелых родителей и жены». 2) Слова: «его... жены» вписаны над зачеркнутым: «своих семейств». 3) Слова: «наполнил... раскаянием» вписаны над зачеркнутым: «вместе с тем был бы обязан его на всю жизнь благодарностью и преданностью правительству».

РЕЧЬ Д. В. СТАСОВА, ЗАЩИТНИКА ИШУТИНА, НА ЗАСЕДАНИИ 21 СЕНТЯБРЯ [1])

Стасов (защитник Ишутина). Я чувствую всю тяжесть обвинения, падающего на Ишутина, защита которого мне вверена, но я прошу Верховный Уголовный Суд обратить внимание на те обстоятельства, которые выяснились при судебном следствии, для того, чтобы притти к правильным выводам.

Ишутин обвиняется в двух преступлениях: в знании о намерении Каракозова покуситься на жизнь государя императора и в том, что он подстрекал своих товарищей к учреждению тайного общества, которое имело целью цареубийство. Верховный Уголовный Суд позволит мне взойти в рассмотрение некоторых подробностей собственно того, что касается самого Ишутина.

Ишутин остался после своих родителей одного или двух лет на попечении родственников, которые сначала держали его у себя, потом отдали вместе с Каракозовым на воспитание в Пензу. Там он пробыл до 20-летнего возраста, после того для окончательного своего воспитания он переехал без всяких средств в Москву. Это было в 61 или 62 году. Эти года всем памятны: в то время как в здешнем, так и в других университетах были волнения. В такое неблагоприятное время Ишутин попал в Москву, не имея средств к существованию. Здесь он встретился с товарищами по Пензе, которые его приютили и доставили ему средства к жизни. В этом кружке была учреждена касса для вспомоществования бедным студентам. С того времени, как Ишутин вступил в кружок товарищей, они стали заботиться о том, чтоб вспомоществование было доставлено не одним бедным студентам, но всем бедным, которые нуждались в помощи. С чисто филантропическою целью, из одних хороших побуждений, Ишутин обратил внимание не только на студентов, но на положение других бедных людей разных классов, рабочих и других. Он с товарищами стал учреждать разные кассы, общества взаимного вспомоществования, швейные, библиотеки, бесплатные школы. Первоначально, сколько я мог судить по самому делу (т. е. по предварительному следствию и из показаний разных лиц при следствии судебном, по-

---

[1]) Стенографический отчет, т. 3-й, лл. 3—18; вверху надпись карандашом: «Речь защитника Стасова».

буждения лиц, занимавшихся устройством подобных учреждений, были совершенно не противозаконные, а, напротив, направлялись к цели вполне дозволительной, но очень естественно, когда молодые люди собираются между собою, то они не могут разговаривать только об делах с филантропической целью, очень естественно, что они рассуждают об предметах самых разнообразных. Каждый из нас, находясь в кругу своих молодых товарищей, говорил об таких предметах, об которых он не подумает говорить в другое время. В кругу товарищей подымаются вопросы исторические, религиозные, нравственные, общественные, проводятся самые разнообразные параллели, делаются оценки разного рода действиям исторических личностей. Таким же образом действовали все те люди, которые теперь находятся на скамьях подсудимых, и в числе их Ишутин. Кто же из нас не слышал, я по крайней мере могу вспомнить, что мне, когда я был моложе, в кругу моих товарищей также приходилось слышать, как подымался и обсуживался такого рода вопрос, как: «оправдывает ли цель средства?», и, без всякого сомнения, при этом встречаются самые разноречивые ответы и рассуждения. Но без всякого сомнения, что то, что при этом говорилось, не считалось обязательным для тех, кто говорил, кто участвовал в обсуждении вопросов. Ишутин сначала шел по прямому пути: он имел единственно добрые филантропические намерения и цель,—он хотел помогать тем, которые нуждались в помощи. Понятная вещь, что бедный человек скорее сочувствует другому бедному, поэтому Ишутин, может быть, более сочувствовал бедным, чем кто другой. Он не умел остановиться на выборе средств, он не старался придумывать таких средств, которые бы вели вернее к цели. Он делал такие предложения, которые по крайней мере требовали бы более зрелого обсуждения, но он же сам первый не придавал точной цены тому, что он говорил: он не придавал значения вопросам, которые он возбуждал,—он думал, что он поговорит об известном вопросе, потом его бросит, и тем дело и ограничится. Он не разумел вполне сознательно, что такого рода разговоры могут отразиться на чьей-нибудь личности и отразиться весьма неблагоприятно, принести вредные плоды.

Ишутин, как видно из судебного следствия и как видно из всего дела, Ишутин ездил в Петербург в конце прошлого года и привез оттуда известие об Европейском Комитете. Вот это известие, сколько известно, сколько я заметил, послужило основанием к тому преступлению, которое совершено 4 апреля и которое всем так памятно. Ишутин об слухах о Европейском Комитете сообщил своим товарищам. Я должен сказать при этом, что, несмотря на те дикие идеи, те мысли, которые были уже приняты некоторыми членами общества, к которому принадлежал Ишутин, несмотря на то, что в этом обществе были в ходу такие идеи, которые не приносят чести членам этого общества, несмотря на это, против тех идей, которые предложил на обсуждение Ишутин, восстали положительно все члены кружка и

притом единогласно. Ишутин предложил, впрочем, эти идеи не для осуществления, а только для обсуждения, но против этих идей, как я сказал, восстали все члены кружка почти единогласно. Я говорю: «почти единогласно», потому что известно, что сочувствие заявил только один член. Несмотря на то, что г. министр юстиции говорит, что показания подсудимых на этот счет разноречивы, но я против этого должен положительно утвердить, что как на судебном следствии, так и на предварительном все приписывают возбуждение вопроса Ишутину и все единогласно показали, что все нашли предложенные Ишутиным идеи возмутительными и дикими, все сказали единогласно, что подобных вопросов ни возбуждать, ни говорить об них не следует. Один Каракозов выразил к этим идеям сочувствие. Верховному Уголовному Суду известно, что вслед затем Каракозов уехал из Москвы: Верховному Уголовному Суду также известно, что Каракозов прежде, чем уезжал в Петербург, ездил в Троицу; Верховному Уголовному Суду известно, что когда Каракозов скрылся из Москвы внезапно, все товарищи его были в сильном беспокойстве; куда девался Каракозов, они не знали; через несколько времени они узнали, что Каракозов очутился в Петербурге; товарищи его при этом, однако, не узнали, с какою целью он уехал в Петербург. Я говорю положительно, что они не знали, с какою целью Каракозов ездил в Петербург, потому что противное ничем не доказано. Но по соображению обстоятельств, относившихся к Каракозову, они напали на ту мысль, что не поехал ли он туда для совершения какого-нибудь преступления. При первом взгляде возможность подобного предположения может показаться нелепою, но достаточно вспомнить, что ход человеческой мысли чрезвычайно своеобразен. Очень часто люди, которые вовсе не отличаются логикою в своих мыслях, иногда отгадывают или попадают как бы инстинктивно на мысль, которая впоследствии оправдывается на деле. Мне кажется поэтому, что показание многих из подсудимых вполне в этом отношении правдоподобно. Я сошлюсь на некоторые показания, которые были сделаны при предварительном следствии и при судебном следствии. Все подсудимые говорили, что Каракозов был болен, что он чувствовал себя таким больным, что не мог никогда вылечиться, что он лежал долгое время в клинике, просил у товарищей яду для совершения самоубийства. Все это справедливо, хотя медицинское свидетельство и не признает Каракозова неизлечимо больным, а признает его просто ипохондриком. Из показаний свидетелей видно, что Каракозов покушался на свою жизнь, просил товарищей о присылке ему морфия для того, чтобы покончить с нею. Вслед затем Каракозов слышал эти разговоры об Европейском Комитете, к которым он выразил свое сочувствие, — он выразил, кажется, сочувствие к устройству кружка с целью цареубийства. Из показаний свидетелей видно, что Каракозов обыкновенно выражал свои мысли почти однозвучными словами, почти не входил в разговор с товарищами, но, соображая вместе все

поступки Каракозова столь странные,—его сочувственные разговорам о Европейском Комитете, наконец, то, что он внезапно скрылся в Петербург, то, что он обыкновенно выражал довольно резкие мысли,—неизвестно кому-то из его товарищей без всякого положительного знания о цели его поездки пришла в голову идея, что не поехал ли Каракозов в Петербург с целью покуситься на жизнь государя императора. Я не могу утверждать, чтоб это так непременно и было, но не могу отвергать правдоподобности подобной мысли, при всей кажущейся ее несообразности, не могу отвергать именно потому, что ход человеческой мысли до крайности своеобразен. Когда Ишутин стал подозревать вместе с другими товарищами цель поездки Каракозова, он уговорил двух из них поехать за Каракозовым в Петербург. Когда они, действительно, нашли Каракозова в Петербурге, то узнали о цели этой поездки и убедились в том, что их подозрения справедливы. Вслед затем они вернулись в Москву, взявши предварительно слово с Каракозова, что он не исполнит своего намерения, не покусится на подобного рода преступление, а когда Каракозов был вызван по письму Ишутина назад в Москву, он снова рассказывал Ишутину об том, что он имел намерение совершить покушение, и вновь дал слово вследствие настоятельных просьб Ишутина не совершать покушения. Мне кажется, что этим самым Каракозов доказал свое нежелание совершить преступление. Ишутин из того, что он дал ему честное слово не совершать преступления, из того, что это честное слово было подкреплено другим честным словом, данным другим его товарищам, из того самого, что Каракозов вернулся в Москву, был убежден положительно, что Каракозов бросил свое намерение. Вот в знании этого намерения Каракозова покуситься на жизнь государя Ишутин сознался как при предварительном следствии, так и в собственноручном его письме, которое он писал на имя г. председателя Верховного Уголовного Суда. Как в обвинительном акте, так и в обвинительной речи г. министра юстиции Ишутин обвиняется в знании о намерении Каракозова совершить преступление 4 апреля, но я отвергаю, точно так же, как и сам Ишутин, то, что он знал о намерении Каракозова совершить это преступление.

Ишутин знал об том намерении Каракозова, которое им было покинуто, и после этого Ишутин уже не знал, что Каракозов собирался совершить вновь преступление; он знал только о том намерении Каракозова, которое было им задумано в течение великого поста. В 241 и последующих статьях Уложения положительно говорится об том, что недонесший о покушении должен подвергнуться тому же самому наказанию, которому подвергается и тот, который совершил преступление. Не может быть сомнения, что закон этот требует, чтоб наказан был недонесший об том умысле, который существует, но закон не мог предвидеть того, чтоб наказывать за недонесение об таком намерении, которое хотя было, но которое потом совершенно отброшено. Ишутин сознался

как при предварительном следствии, так и в письме на имя председателя, что он узнал, что Каракозов при первой же поездке имел намерение совершить преступление, но имел доказательства, что Каракозов отбросил это намерение. Каракозов дал первоначально слово двум его товарищам и потом вторично самому Ишутину, который уговорил Каракозова вместе с тем вернуться из Петербурга. На этом основании я полагаю, что обвинение Ишутина по первому пункту не может считаться доказанным.

Господин министр юстиции говорил в обвинительной речи, что главным основанием обвинения служит письмо, которое было найдено на Каракозове и адресовано на имя Ишутина,—что выражения этого письма, не дают сомневаться, что Ишутин знал об этом покушении. Что писал Каракозов в этом письме Ишутину, неизвестно; каким бы образом ни было истолковано письмо, все это будет не более, как предположение. Это письмо написано в таких темных выражениях, что их мог бы растолковать один Каракозов, и он давал такого рода объяснения, которые не могут быть не приняты. О письме этом могут быть только разные догадки, но на этих догадках нельзя основывать того предположения, которое делает г. министр юстиции, т.-е. нельзя считать на основании выражений письма, чтоб Ишутин знал об том, что Каракозов предполагал совершить преступление при своей вторичной поездке в Петербург.

Что касается до второго пункта обвинения—в подстрекательстве своих товарищей к учреждению тайных обществ с целью совершения цареубийства, то я должен указать на то, что, насколько видно из дела, мне кажется, что все разговоры были не более, как р а з г о в о р ы. Все, что Ишутин сделал в отношении подстрекательства товарищей, заключается в том, что он по возвращении своем из Петербурга предложил на обсуждение товарищей вопрос об Европейском Комитете. Я не отвергаю того, что предложение обсуждать такого рода вопрос заключало в себе преступные действия. Я не могу этого отвергать,—я нахожу, что подобные разговоры не могут быть допускаемы, тем более, когда они имели пагубные последствия, но я должен указать на то, что товарищи Ишутина восстали против его предложения. Хотя они несколько раз возвращались к обсуждению вопроса о тайном обществе, но все те, которые были наиболее близки к Ишутину, не остановились на этой цели, на этих мыслях, а отбросили их с негодованием. Что между ними были разговоры о предметах, которые ни в коем случае не могут быть терпимы, этого не отвергают сами подсудимые. Но предложение вопроса на обсуждение не доказывает еще того, чтобы Ишутин был подстрекателем к учреждению общества.

В чем же заключаются их преступные деяния,—те преступления, в которых они действительно виноваты? В конце прошлого года было учреждено общество взаимного вспомоществования, которое имело, мне кажется, чисто филантропическую цель. Ни в

конце прошлого года, ни в начале нынешнего года в обществе не имелось еще никаких идей, которые могут или могли бы почитаться преступными. Но через несколько времени, когда стали говорить об необходимости пропагандировать идеи социальные, когда с этою целью хотели учредить общество, которое бы имело подчиненные кружки в разных других губерниях, когда они стали приводить это в исполнение тем, что хотели принять устав, который хотя не был принят, но тем не менее был обсуждаем, обсуждалась мысль о распространении социализма (которого, впрочем, они не могли себе объяснить и затем предполагалось, когда социализм будет распространен, произвести революцию и изменить настоящее государственное устройство.—вот эти разговоры, без всякого сомнения, не могут быть ни в каком случае оправданы. Но между тем, что хотели сделать подсудимые в будущем посредством пропагандирования идей социализма, и между тем, что предвидится 318 ст. Улож. и другими статьями, которые приведены в обвинительном акте и в обвинительной речи, есть огромная разница. Мне кажется, что 319 статья вполне применяется к настоящему случаю. В обществе не было целей вредных для спокойствия части или целого государства, как это положительно сказано в тех статьях, которые приводятся г. министром юстиции. Из того, что говорилось в обществе подсудимых, нельзя притти к тому заключению, чтоб спокойствие государства могло быть нарушено. Сам г. министр юстиции сказал, что, без всякого сомнения, при той степени образования, при той низкой степени развития, на которой стоят подсудимые, государство нисколько не могло бы потерпеть; все их проекты были не более как неосуществимые фантазии. Один из подсудимых, на вопрос, который ему был сделан в присутствии Верховного Уголовного Суда, куда они стремились, какая была окончательная цель общества «Организация», сказал, мне кажется, совершенно верно, что «очень вероятно, что окончательной целью было бы то, что мы бы все разошлись». Это не подлежит сомнению. Это видно из того, между прочим, что ни одна мера, которая предлагалась, не была принята и, напротив, встречала сильное противодействие в самих членах общества. Мне кажется, что после всего мною сказанного должно притти к тому заключению, что к настоящему случаю следует применить 319 ст. Улож., в которой говорится, что те лица, которые стараются достигать своих целей посредством каких-нибудь недозволенных законом обществ, что такого рода лица должны подлежать наказанию, предусмотренному в этой статье. Мне кажется, что и Ишутин вместе со своими товарищами ни в каком случае не может быть подвергнут другому наказанию, как по 319 статье, и так как из дела видно, что хотя он не был учредителем общества, имел большее влияние, чем кто-нибудь другой на своих товарищей, то его следует подвергнуть наказанию по первой части 319 статьи.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМЫХ.

Последнее слово Худякова (заседание 21 сентября) [1]).

Худяков. Я хотел бы прибавить, что показания Ишутина о том, будто бы я сообщал о том, что Искандер получает 50 тысяч руб. от конституционной партии, противоречат показаниям других лиц, которые говорят, что я им передавал, что деятельность Искандера ничтожна; потом кажется подобное показание невероятным, потому что для издания журнала 50 тысяч слишком большая сумма. Кроме того, я дозволю себе обратить внимание Верховного Суда, что на последней очной ставке при всем желании Ишутина обвинить меня, что слухи о Европейском Комитете передавал ему я, он этого не мог доказать.

Последнее слово Ишутина (заседание 21 сентября) [2]).

Ишутин. В обвинительной речи товарища генерал-прокурора сказано, будто я был главным организатором «Организации». Я докажу фактически, что я собственно большого влияния никакого не имел. Фактические доказательства заключаются в том, что все те господа, которые здесь присутствуют, большею частью не были мне знакомы, другие же господа, которые были мне знакомы, так это только: Юрасов, Загибалов, Ермолов, Странден, и если я могу быть обвинен во влиянии на кого, так это именно только на этих господ. Потом, позвольте еще объяснить следующее обстоятельство. Хотя я, может быть, и неразвит достаточно, но не настолько, чтоб не понять, что выражение мысли об цареубийстве не имело никакой логики. Я допускаю возможность... я допускаю, что я могу быть назван крайним радикалом, но я не допускаю, чтоб мне были чужды все человеческие мысли, я не допускаю, что мне чуждо все то, что составляет человеческую природу; если мне все это не чуждо, тогда я должен был рассчитать: принесет ли мое преступное дело какую-нибудь пользу. Я положительно отрицаю то, чтоб когда-нибудь и где-нибудь цареубийство могло принести пользу. Положим, что совершился

---

[1]) Стенографический отчет, т. 3, лл. 1—2. [2]) Там же, лл. 18 об.—22.

факт, положим, что цареубийство удалось; посмотрим, какую пользу это может принести. Известно, что всякая крайняя мера вызывает реакцию, очень естественно, что общество посмотрит на людей, совершивших цареубийство, как на людей вредных, которых должно более или менее преследовать, вследствие того обстоятельства, что народ будет смотреть подозрительно на такого рода меры и проникнется большим чувством к бывшему государю, проникнется большим чувством уважения к наследнику, потому что в этом случае к чувству личному к наследнику присоединится еще память о предшедшем государе. Я допускаю, что я не настолько неразвит, что не могу сознать такого рода обстоятельств. Но у нас могли быть рассуждения, как говорится в обвинительной речи, об составлении целого общества с исключительною целью цареубийства; очень естественно, что другие мои товарищи могли сами притти к этой мысли. Я утверждаю положительно, что у нас вопрос если и поднимался об цареубийстве, то только по поводу Европейского Комитета, об котором сообщение было получено от Худякова в январе месяце.

Я не могу объяснить себе причины, почему мои товарищи всю преступность, все преступления навязывают мне, человеку, который, будто бы, имел на них влияние. Я объясняю себе это следующим фактом: они знают о преступлении Каракозова; они знают, что я был знаком с Каракозовым; они знают, что рассуждения об Европейском Комитете начались по поводу моего сообщения, и потому они могли думать, что, действительно, все это происходило под моим личным влиянием. Что это было не под моим личным влиянием, что это не мое дело, что я не мог этому сочувствовать, на это есть ясные доказательства, на которые я уже указал. Я не знаю, как следует объяснить письмо Каракозова, но там, где сказана та фраза, в которой Каракозов сказал, что это не наше дело, что мы расходимся не только в целях, но и в средствах, положительно доказывает, что его дело не могло быть выразителем моих[1] общих с ним желаний.

Больше я ничего не могу сказать.

Последнее слово Ермолова (заседание 21 сентября)[2].

Ермолов. Я совершенно чувствую свою виновность и раскаиваюсь во всем. Клянусь богом, что я считал ужасным преступление Каракозова, и употребил все убеждения и угрозы, какие только мог. Я никогда не мог ожидать, чтоб те разговоры, которыми Каракозов увлекался, могли послужить к тому, чтоб он совершил такое страшное преступление. Я совершенно раскаиваюсь и прошу Верховный Суд о помиловании.

[1] Слово: «моих» вписано над зачеркнутым: «наших». [2] Стенографический, т. 3, лл. 29 об.—30 об.

Председатель. Верховный Уголовный Суд будет иметь в виду важность обвинения, падающего на вас, и ваше раскаяние, которое во всяком случае он видит с некоторым утешением в вас. Если Верховный Уголовный Суд не признает возможным облегчить вашу участь, все-таки ваше раскаяние служит некоторым очищением в тех преступных деяниях, которые вы совершили.

Ермолов. Я знаю, что моих действий невозможно оправдать, но я клянусь вам, что желаю исправиться и раскаиваюсь во всех теориях, во всех идеях[1], в которые я легкомысленно вовлекся.

Последнее слово Страндена (заседание 21 сентября)[2].

Страден. Я не имею ничего сказать в свое оправдание. Я уже сказал все, что мог при судебном следствии.

Последнее слово Юрасова (заседание 21 сентября)[3].

Юрасов. Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно знания моего о предположении Каракозова совершить покушение. Когда мы узнали, что Каракозов в Петербурге, то Ермолов и Страден высказывали предположение, которое было основано только на странностях характера Каракозова; других предположений никаких не было, кроме разве того, что Каракозов высказывал иногда крайне резкие мнения. Потом, по возвращении в Москву из Петербурга, они только сказали, что Каракозов не сделает преступления. Из этого объяснения вовсе не следовало, что Каракозов имел даже мысль и намерение сделать покушение. Они сказали просто, что Каракозов не сделает преступления и дал им слово приехать назад в Москву. Таким образом, когда уже Каракозов раз сдержал слово, то мы были уверены в том, что он вовсе не имеет намерения. Кроме того, когда я услышал разговор об Европейском Комитете и об «Аде», то я был против этого и мог ли после этого, зная о намерении Каракозова, умолчать об нем, оставаться равнодушным к такого рода преступлению. Я, конечно, не стал бы молчать и употребил бы старания и средства, чтоб удержать Каракозова.

В Организации я, действительно, принимал участие, но если я и принимал участие, то только потому, что считал полезными ассоциации и хлопотал об устройстве завода в Калужской губернии. Если б я согласился на какую-нибудь деятельность в «Организации», то именно на устройство ассоциаций.

---

[1]) Слово: «идеях» вписано над вычеркнутым: «мыслях». [2]) Стенографический отчет, т. 3, л. 37—об. [3]) Там же, лл. 44—45 об.

Последнее слово Моткова (заседание 22 сентября) [1].

Мотков. Господин министр юстиции в обвинительной речи изволил заметить, что причина преступления некоторых из подсудимых была их бедность. Я могу сказать, что причина моего преступления была тоже бедность, хотя и я не в праве разбирать, может ли это быть поставлено в снисхождение мне. Защитник мой не распространялся об этом предмете, потому что в моих показаниях мало данных об этом предмете. Но, говоря об этом обстоятельстве, я могу сослаться на доказательство. Я не приготовлял себя специально к революции, я не чувствовал призвания к ней, я не предпринимал никаких осторожностей, которые обыкновенно предпринимаются такого рода людьми, я не опасался писать, не опасался беречь свои бумаги, потому что в них не было ничего преступного, я не боялся держать бумаги. В этих бумагах, которые, вероятно, известны Верховному Уголовному Суду, находятся те данные, о которых я прошу позволения сказать.

Я, как известно, вольноотпущенный дворовый человек; с самого раннего детства я воспитывался у своего господина. Я жил у него до того времени, пока в 62 году я не уехал в Москву. Во все это время семейство мое жило совершенно отдельно от меня. Оно жило в Петербурге. Отец мой был здесь извозчиком, с большой семьею, и зарабатывал то, что мог заработать; но трудный заработок, потом несчастья падеж лошадей, которых приобретал мой отец, поставили его в такую крайность, в такое безвыходное положение, что человек, которому я обязан своим воспитанием и всем, предложил моему семейству переселиться в Орел. В 63 году семья моя переселилась туда. Кандауров предполагал, что моя семья найдет средства существования в Орле скорее, чем в Петербурге, но мое семейство находилось в довольно исключительном положении: отец мой старый, больной, увечный, почти калека; в последнее время в Петербурге он не мог заниматься никакой работой. Мать моя женщина довольно больная, кроме того, все время ее поглощено заботами о семье, которая состояла из сестры, 16 лет, в настоящее время, сестры другой, которой 12 лет, третьей, которой 10 лет, и брата, 13 лет, и другого брата, 4 лет. Заботы о семье не позволяли моей матери много зарабатывать, и хотя жизнь в удаленном городе дешевле, доступнее для бедных людей, но средства, которые добываются для жизни, гораздо скуднее, поэтому Кандауров снова предложил моей семье снова отправиться в Петербург. Я был уже в 4-м классе гимназии, но вышел оттуда для того, что чувствовал, что в то время, пока я буду кончать курс, еще пройдет 3 года, в течение которых я буду жить на средства человека, которому я и без того много обязан и который не мог давать

[1] Стенографический отчет, т. 3, лл. 60—73.

никаких средств моей семье. Поэтому я решился оставить гимназию в надежде скорее приготовиться самому к университетскому экзамену, и в то же время я надеялся заниматься уроками и вообще какими-нибудь средствами поддерживать семью. С этою целью я отправился в Москву навстречу моей семье, но в Москве семья моя увидела, что средств для проезда в Петербург недостаточно, поэтому мы остановились в Москве. Первое время я, действительно, строго преследовал цель, с которою я приехал в Москву, именно я стал ревностно заниматься своим образованием. В течение двух месяцев я прошел много; в течение двух месяцев я вел жизнь, которая вполне соответствовала моей цели,—я не имел никого даже знакомых, никуда не выходил и удалялся тех развлечений, которыми обыкновенно пользуются люди моего возраста. Я занимался только предметами научными, и свидетельством этого могут служить записки, веденные мною и находящиеся при деле. Я вкратце скажу, как я проводил время. В 10 вечера я садился заниматься и просиживал целую ночь до 9 часов утра не вставая. Я именно занимался ночью потому, что квартира у нас была тесная, заниматься днем при постоянном шуме было не совсем удобно, поэтому я предпочитал заниматься в течение ночи, когда было всюду тихо. Часов в 10 утра я ложился спать и просыпался часов в 5 и отправлялся побродить по Москве, потом в 10 часов вечера я садился заниматься. Таким образом я прожил два месяца и в это время я успел гораздо далее в своих занятиях, чем если бы я занимался в гимназии. При деле находятся разные тетради. Это работа того времени, но к концу этих двух месяцев средства наши истощились, между тем я никаких занятий не имел, семейство тоже не имело. В то время я познакомился с Оболенским. От него я узнал, что в Москве есть бесплатная школа. Я чисто для того, чтоб делать что-нибудь полезное, если не для себя, и для своей семьи, то для других[1]. Оболенский мне сказал, что через школу я могу приобрести знакомство и могу приобрести уроки. Таким образом, я стал посещать бесплатную школу. Надо заметить, что я преподавал не в той школе, об которой имеются сведения в деле, не в той, в которой преподавали такие дикие идеи, не в Мусатовской школе. Эта школа не принадлежала тому обществу, тому кружку, она существовала совершенно отдельно и теперь существует, если не ошибаюсь. Ничего подобного там не преподавалось. Она существовала под надзором инспектора учебного округа, который часто посещал нашу школу, и я имел честь услышать одобрение с его стороны за свое преподавание. Вскоре, действительно, надежды мои оправдались. Один из преподавателей школы уезжал в провинцию и, замечая, что я нуждаюсь в деньгах, предложил мне взять от него уроки, которые он имел. Этими уроками я добывал первые средства, которые я же-

[1]) Так в подлиннике.

лал принести моей семье. Надо сказать, ваше сиятельство, что положение мое было ужасное в полном смысле этого слова,—не имея ни теплого пальто, ни калош, я делал самые огромные концы по Москве, к тому же ряд несчастных обстоятельств, именно: я взял учить двух детей, рассчитывая на хорошую плату, но мать этих детей сказала, что она не в состоянии держать учителя, и я получил плату вдвое менее той, которая мне следовала,— все это сильно действовало на меня, так как я не привык к такой жизни и к такой работе. В то же время я отдал в одну из типографий в Москве моего брата, с тем, чтоб его учили ремеслу наборщика; в Петербурге он уже был в типографии и знал несколько это ремесло. В Москве в типографии брат мой работал несколько времени, месяца два-три, без всякого вознаграждения и тоже терпел и голод, и холод, и все неудобства, и кончилось тем, что хозяин сказал, что он его согласен взять по контракту на несколько лет и без платы. Так как я надеялся найти ему место более выгодное, поэтому не отдал его в типографию. Мать моя тоже начала находить работу, но самую скудную, она может шить, может прать и так как у меня в то время случились люди, с которыми я познакомился, то они отдавали моей матери мыть белье и прочие вещи. Я вошел в подробности для того, чтоб показать всю резкость перехода от прежней жизни у господина Кандаурова к той жизни, о которой я рассказываю.

Все эти мои занятия кончились тем, что я захворал в начале зимы и потому некоторое время должен был оставить уроки. Поправившись, я получил приглашение от своего товарища Оболенского, который ехал в Тверь, провести у него некоторое время; я, действительно, с ним и поехал туда и прожил у него две недели. Когда потом я возвратился в Москву, я получил отказ от уроков: мне не было объявлено, почему именно мне отказывают. Отец семейства, в котором я давал уроки, сказал мне, что он недоволен моими познаниями, но я не ошибусь, если скажу, что причина отказа заключалась в том, что дом этот, довольно богатый, посещался лицами довольно богатыми, везде изящество и роскошь; я в то же время своим костюмом не представлял ничего подобного и уверен, что это было истинной причиной. Я начал искать новых уроков и нашел их в одном семействе; потом я имел несчастье вторично заразиться корью (редкий случай, но все-таки это несчастье постигло меня. Я простудился и слег в постель окончательно и лежал три недели. Я теперь опишу квартиру, в которой я жил. Вся моя семья помещалась в комнате никак не более половины этой комнаты, и комната эта была пополам перегорожена ширмою: в одной половине мать моя стирала белье, вследствие того постоянная сырость и копоть; но этого мало, в довершение всего несчастья, жившая здесь сестра моя заболела этой болезнью, потом маленький брат мой тоже. Три недели мы все лежали; мать не знает, что с нами делать, чем помочь. По прошествии трех недель приходит ко мне

Юрасов. Я встречался с Юрасовым у Ишутина, но особенно не был с ним знаком. Но он, однако, не видя меня ни в школе, нигде у товарищей, разузнал, где я живу, и хотел справиться, что со мною: таким образом, он застал меня больным и принял участие во мне и в моем семействе. Благодаря ему я получил медицинское пособие. Это было перед праздником. Праздники были невеселые, так [как] у моей семьи решительно не было средств. Юрасов предложил помощь денежную. После этого нет ничего удивительного в том, что я почувствовал уважение к тому человеку, который в такую критическую минуту почувствовал ко мне расположение: не только я, но вся семья моя благодарна ему. Я должен сказать при этом, что помощь оказана им мне вовсе не вследствие расчета привлечения меня в общество. С таким расчетом давали мне помощь другие люди из того же кружка, к которому принадлежал Юрасов. Таким образом, Ермолов обратил внимание на мою сестру: она точно так же больная: у нас у всей семьи наследственная болезнь—болезнь глаз. Сестра моя еще более растравила глаза тем, что занималась вышиванием, которое дает малый заработок. Ермолов предложил мне поместить мою сестру в швейную ассоциацию. Таким образом я познакомился с швейной артелью. Сначала я познакомился только с Юрасовым и Ермоловым, а в швейной артели я сошелся со всеми остальными, но до самого конца 1865 года я был с ними не в очень-то тесных сношениях: через них я нашел снова уроки, но и тут снова неудача. Проходив на уроки полтора месяца, я услышал от той госпожи, в доме которой я давал уроки, что она не в состоянии содержать учителя; в довершение всего, еще я получил плату вместо полутора месяцев только плату за полмесяца. Потом в конце лета я получил приглашение отправиться на дачу. С дачи я приехал осенью. Здесь опять болезнь. Кроме того, мои занятия так расстроились, и я начал заниматься более уроками, в чем я видел пользу не только для себя, но и для моей семьи. Здесь я решил часть зарабатываемых денег зарабатывать для себя и переехать на отдельную квартиру, в которой я мог бы заниматься покойнее. Тут опять новая бедность. Я положительно сошлюсь на всех их; они скажут, что никто из них не терпел такой нужды, как я. Обязанный из заработанных денег уделять на содержание семьи, я старался себе отказывать во всем; я говорил, например, своей семье, что буду обедать на новой квартире, на уроке, между тем месяца два или три я не обедал и, скажу по совести, что мне приходилось голодать по нескольку дней. Чай и черный хлеб—вот все, что я имел. Очень часто я отговаривался, когда товарищи меня навещали, впрочем, они никогда не знали, что я в таком ужасном положении, но многие видели, что я не обедаю, и на их замечания я отвечал, что я лентяй, что мне лень ходить с своей квартиры обедать к матери. Кичин, действительно, человек бедный, сказал, что у него не было пальто, но Кичин может сказать, что даже он очень часто

старался разделить тот обед, который был у него. По прошествии некоторого времени я заметил, что такая жизнь положительно расстраивает меня, поэтому я начал думать, что гораздо лучше иметь менее удобную квартиру и менее отказывать себе в пище. Я стал искать квартиру дешевле. Я поселился с Ивановым, Малининым и Кичиным. Тут я имел маленькую комнату, в которой жил еще Кичин. Со стен повсюдно текло тогда, в углу стояла железная печка. Когда печка была натоплена, было чрезвычайно жарко, как только она простывала, был совершенный мороз. Я опять заболел. Мне делал помощь Юрасов, хотя и Шутин предлагал мне помощь, но я, частью из деликатности, частью по другим причинам, старался не брать у Шутина никакой помощи. Эту свою крайность, свое положение я описывал подробно в письме (не знаю, взято ли это письмо к Кандаурову; если это письмо находится в числе моих бумаг, то Верховный Уголовный Суд может видеть, в каком ужасном положении я был. Я имел тогда надежду на получение места при одной купеческой конторе, но для этого нужно было иметь на дорогу 1 т. рублей. Я писал об этом Кандаурову, и Кандауров, совершенно уверенный, что я могу доверить ему деньги[1]), прислал мне их. По месту этого я не получил и, конечно, я не считал себя в праве располагать этими деньгами и потому я позволил себе только малую часть употребить на поездку в Петербург, с тем, чтоб там познакомиться с читателями и издателями сочинений, чтобы уговориться с ними на счет издания перевода, который я предпринимал, так как я в это время все-таки успел выучить языки немецкий и французский. По этому случаю я познакомился с Худяковым. Зимою 65 и начале 66 года я жил таким образом, несколько лучше, чем жил до того времени. Я не буду рассказывать об этом предмете больше, потому что это известно из моих существующих писем. Но скажу только об том, какие результаты были всего этого. Прежде всего то, что я сошелся с кружком этих лиц. Что мною все это не придумано в настоящее время, то смею надеяться, что Верховный Уголовный Суд этого не думает, тем более, что это заключается в моих бумагах: таким образом, существует черновое письмо мое к Кандаурову, в котором на один упрек, сделанный им мне, что, вероятно, мои знакомые, школы и перелетные отнимают у меня время от работы, которой я мог бы заниматься с пользой для меня и для моего семейства, я отвечал, что если жил до сих пор как-нибудь в Москве, если перенес как-нибудь нужду, то это именно благодаря этим людям и обстоятельствам, вследствие которых я сошелся с этими людьми, и пересчитывал, что я получил через них: я получил уроки, получил первую помощь, медицинскую и денежную, поместил сестру в швейную и т. д.; наконец, через переводы я стал в значительно лучшее положение. Кроме того, мое болезненное

[1]) Так в подлиннике.

состояние. Из моего рассказа Верховный Уголовный Суд может видеть, что я с небольшими перерывами был очень часто болен и почти все время, по крайней мере, не совсем здоров. И теперь совсем почти теряю зрение, потом нервное расстройство в высшей степени, наконец, как говорил медик, и что знают все мои товарищи, о чем есть свидетельство и в моих бумагах, во мне даже началась зарождаться страшная болезнь—это аневризм. Обыкновенно я не хочу верить, не хочу допускать возможности подобной болезни, но, к несчастью, сильные припадки, возобновляющиеся периодически, кровь горлом все показывает, что я действительно болен.

Господин министр юстиции в своей обвинительной речи изволил заметить, что с 65 года я начал принимать действительное участие в «Организации». На это я скажу, что я деятельное участие в судьбах этого сборища, как назвал его защитник, принимал не в 65 году, а несколько дней в 66 году. В этом обществе я был всего три недели, всего же это общество существовало 5 или 6 недель +2 недели без меня. В это время я принимал деятельное участие, но Верховный Уголовный Суд заметил, что деятельное мое участие вовсе не вело к тем преступным целям, но, напротив, было направлено на противодействие. Я уже говорил, что познакомился с Юрасовым в конце 64 года или даже в начале 65 года, с Ишутиным я в течение 65 года виделся раза два или три, и мои отношения к Юрасову и Ишутину были самые обыкновенные. В 66 году я, действительно, имел разговор в Петербурге с Ишутиным и Страденом, которые, как они говорили, приезжали по своим делам. Потом, когда я приехал в Москву, я услышал от моих товарищей о намерении ишутовцев организовать общество. Может быть, я дурно понял выражение речи его высокопревосходительства, но мне кажется, что я скорее причисляюсь к основателям этого общества, нежели к вступившим в него. Позволю себе обратить внимание Верховного Уголовного Суда, что, согласно показаниям всех моих товарищей, я узнал об этом обществе по приезде моем из Петербурга, и только есть одно показание, которое говорит в пользу того, что я был основателем этого общества. Что же это за показание? На первой сходке этого общества я говорил, и выходит так, что я говорил нечто в роде речи, которую другие слушали. На этом основании меня считают основателем, так как я будто бы предлагал план общества. Но дело в том, что первая сходка не имела никакого значения. Первая сходка собралась не для того, чтоб выслушать проект об правильном устройстве «Организации», а сюда собрались только для того, чтоб столковаться об этом, поэтому говорили многие и не было ни одной правильной речи. Между тем из показаний выходит, будто такая речь была произнесена мною. Дело в том, что разговор происходил по кружкам, и каждый кружок говорил об особенном предмете, и было только два мгновения, когда все отдельные круги замолкали

и слушали одного: это именно было, во-первых, когда Малинин спрашивал, что такое социализм, потом во второй раз выслушали меня одного, когда я говорил, что не следует сближаться ни с какими политическими кружками и вообще заниматься только своим делом. Все лица, которые мне приписывали на судебном следствии что-нибудь другое, не подтвердили того на судебном следствии и, напротив, сказали, что некоторые занимались посторонними разговорами: одни говорили, что они забыли, слышали ли они то, что прежде показали, а другие сказали, что слышали, только не от меня.

Потом вчера Ишутиным было сказано нечто такое, что может служить лишним данным к моему обвинению. Ишутин сказал перед Верховным Уголовным Судом, что ему напрасно приписывают обширное влияние личное на кружок. Он сказал, что «я никогда влияния никакого не имел, что многие другие имели влияние больше меня, вот Мотков». Я по этому поводу буду говорить очень мало. Я почти уверен, что Верховный Суд совершенно убежден, что я не имел влияния не только обширного, но никакого на ишатовцев, да, вероятно, сам Ишутин не мог сказать, что я имел влияние на его и на его товарищей: вероятно, он подразумевал членов нашего кружка, который назывался новичками. Но все без исключения из этой группы об «Организации», об экономической пропаганде все они слышали не от меня, а от Ишутина, по их собственным словам. На кого бы я мог иметь влияние? Соболева, Борисова, Воскресенского, Сергиевского, Лапкина я почти не знал и видел не больше 2 или 3 раз: на этих людей я не мог иметь влияние: потом другие лица, с которыми я был близок: Малинин, Кичин, Иванов Дмитрий и Иванов Александр,— я тоже не думаю, чтоб я мог иметь влияние на них. Я не думаю, чтоб я мог иметь влияние на Малинина, как заметил мой защитник: я еще несовершеннолетний, Малинин по крайней мере 6-ю годами старше меня, я ему уступаю в образовании. Малинин кандидат университета, написал диссертацию, а я вышел из 4 класса. На Малинина я мог иметь влияние не личное, не по своим способностям, а теми сведениями, которые я передал ему об разговорах ишатовцев, но Ишутин, говоря о влиянии моем на моих товарищей, конечно, не хотел указать на это влияние потому, что это влияние было причиной противодействия его целям и убеждениям. Это влияние, по моему мнению, в моем сознании может скорее послужить к некоторому уменьшению моей виновности, именно следствием этого влияния было обнаружение перед Верховным Уголовным Судом и комиссией тех обстоятельств, которые не заключены в речи моего защитника. Быть может, ему это показалось мало достоверным, но мне кажется, он не упомянул об одном обстоятельстве, именно о том, что я не имел твердого намерения, колебался, но все-таки предложил мысль довести до сведения правительства о тех толках преступных, о которых я знал, именно это касалось только Ишутина, так как Страшен,

Ишутин были в нетрезвом виде. Потом Ермолов был под сильным влиянием Ишутина, да и Страден тоже был под его влиянием, если я не ошибаюсь. Другие лица, прикосновенные к делу, тоже подтвердят, что я сейчас сказал. Я думаю, что Иванов Дмитрий сказал о тех поручениях, которые он получил от меня, это именно войти в доверенность к Ишутину, и казалось мне, что он к этому приступил; потом я ему поручил приобрести бумаги, в которых бы заключалось что-нибудь подобное, что может служить доказательством против Ишутина. Александр Иванов точно так же знал об этом обстоятельстве, и думаю, что показал это, потом Малинин, точно так же Кичин говорили, что нужны деньги на общество «Организация»; этого намерения, впрочем, я не имел. Потом еще одно обвинение, высказанное против меня защитником Худякова, оно заключается в следующем. По его словам, я перед Верховным Уголовным Судом свидетельствовал не откровенно. Моих показаний защитник Худякова не имел намерения умышленно выставлять в таком благоприятном свете для Худякова; он, вероятно, это сделал неумышленно вследствие того, что не совсем выслушал то, что я выразил. Я говорю об этом не для того, чтоб напомнить Верховному Суду,—я уверен, что он понял в надлежащем смысле мое показание, -но для того, чтоб защитники других подсудимых не прибегали к такому же аргументу против меня, именно, на замечание графа Пашина, которое мне было сделано, когда я свидетельствовал об Маликове, я сказал, что желание доказать мою невинность в тех обстоятельствах, в которых я сознавался, вовлекло меня в невольную неосторожность. Я не помню подробно, что именно, при каких обстоятельствах я говорил об Маликове: быть может, я выразил другое, но мне помнится, что смысл моей фразы такой. Верховный Уголовный Суд позволит объяснить, как это было. Когда я членам следственной комиссии объяснил вполне чистосердечно, что я хотел открыть все, что я знал, что мне было известно об замыслах и действиях моих товарищей и моих собственных в том числе, следственная комиссия, именно в том числе его превосходительство Огарев одобрил мое намерение и сказал, что это будет служить мне некоторым ходатайством перед судом, который будет рассматривать дело, что я хорошо делаю, что я тороплюсь сказать все, как было, так как уже многие лица принесли всю свою повинную, что они всё рассказали об «Аде» и об «Организации», об обществе взаимного вспомоществования. В подтверждение этого и в видах моей собственной пользы, Огарев показал мне список членов общества «Ад». Прежде всего генерал Огарев поименовал мне тех лиц, которые все рассказали. Он поименовал Маликова, Юрасова, Страдена и Малинина; мне показали списки членов, подписанные Юрасовым и Малининым, показали показание Страдена о разговорах об Европейском Комитете. Вследствие этого одобрения, которое дала мне комиссия, я потребовал бумагу и стал писать. Я заключил из слов Огарева, что Маликов, точно так же, как и другие, рассказывал об «Аде». Первый во-

приснился мне, откуда он мог знать об этом. Я ему никогда не говорил, но при этом я припомнил то обстоятельство, что когда я приехал в Москву, моя 12-летняя сестра сказала мне, что матушка моя беспокоилась обо мне и послала Малинина за мной в Холм. Я предположил, что Малинин, бывши у Маликова в Холму, рассказал ему все; я знал Маликова за откровенного человека, имея в виду его показания о Чернышевском, где он первый объявил, что имел такое намерение; имея в виду то, что Малинин мог рассказать Маликову обо всем, я и писал, что Маликову было известно об обществе Организации, также по предположению, существовавшем относительно Каракозова, и о тех мерах, которые были приняты мною и товарищами. Вот каким образом был я вовлечен в невольную неосторожность, и, конечно, не мне утруждать суд уверениями в моем раскаянии и моей искренности. Я старался это доказать чистосердечным и полным подробностей моим рассказом.

В заключение я позволю себе просить снисхождения Верховного Уголовного Суда, тем более, что наказание, какое бы оно ни было, падет всею своею тяжестью не на меня, который достоин наказания, а на тех людей, которые неповинны и ни в чем не должны быть наказаны, т.-е. я разумею здесь семейство.

Последнее слово Шаганова (заседание 22 сентября) [1].

Шаганов. Я не могу больше ничего прибавить и прошу только милосердия суда.

Последнее слово Николаева (заседание 22 сентября) [2].

Николаев. Меня обвиняют в участии в разговорах о цареубийстве. Я хотел припомнить Верховному Уголовному Суду все показания, на которых основано это обвинение. Свидетели, которые были спрошены, это Ишутин, Ермолов, Шаганов, Странден и Загибалов. Ишутин показал, что он, может быть, и говорил: может быть, я говорил ему,—сказал он перед Верховным Уголовным Судом,—об Европейском Комитете, но, впрочем, прибавил Ишутин,—я, кажется, ему не говорил. Потом спрашивали Шаганова, потом Моткова. Шаганов сказал положительно, что я в том кружке, в котором были разговоры, не был; точно то же повторили Странден и Загибалов. Действительно, соображая время, в которое это происходило, я не мог участвовать в разговорах: в это время недели три я был в Петербурге и не был в Москве, и потом я остальное время в Москве готовился на степень магистра, почему у ипатовцев я бывал очень редко. Теперь о показаниях Ермо-

[1]) Стенографический отчет, т. 3, лл. 83. [2]) Там же, лл. 89—94.

лова. Генерал-прокурор сказал, что Ермолов уличил меня в участии в этих разговорах, и я будто бы вследствие того сознался. Я теперь приведу как мое сознание, в чем я сознался, так и показание Ермолова. Защитник мой спросил Ермолова, почему он поставил меня в число членов «Ад». Он сказал, что не ставил в число членов «Ада», но показал в числе людей, слышавших разговоры об мортусах; его спросили тогда, что же я говорил об мортусах. Он отвечал, что я сказал, что мортусы, мол, люди храбрые, но что быть мортусом я бы не мог. Ермолова спросили, говорил ли я о мортусах серьезно или в шутку. Ермолов отвечал, что с усмешкой. В чем же я сознался? Я сознался в том, что, действительно, говорил об этом, и тотчас же объяснил, какое значение я придавал этому слову. Я рассказал, что это было один раз, именно, когда я переехал с квартиры Шаганова и жил один и приготовлялся к экзамену. Раз вечером приходит Пшутин, Шаганов и Ермолов; что при этом рассказывали, что даже не обсуждался вопрос о покушении Фиески и Орсини и других[1]; кто при этом первый употреблял слово мортус, я не знаю. Вообще слово это употреблялось в шутливом разговоре, и мне не могло в голову притти, чтоб такой разговор принять за умысел. Я обращаюсь к беспристрастию суда: неужели же один разговор, в котором даже нет ни малейшего указания (?) на осуществление его, которого даже не прилагают к той стране, в которой живут, неужели тут может быть умысел? Может быть, это такой предмет, об котором даже и шутить нельзя, но во всяком случае тут не было и тени намерения.

Потом осмеливаясь повторить мое обвинение в обвинительном акте, Г. министр юстиции привел мою фразу; я прошу извинения перед Верховным Уголовным Судом, но мне кажется, что фраза эта не так приведена. Я желал бы растолковать Уголовному Суду как можно подробнее. У меня сказано, что теории монархомахии я не признаю, но признаю цареубийство, как государственную необходимость в некоторых случаях. В обвинительном акте сказано, что я признаю цареубийство, как средство революционное, и, наконец, в обвинительной речи сказано, что я согласен с теорией монархомахии,—градация ужасающая. В моей фразе нет преступления; признавать же цареубийство, как революционное средство, это мысль преступная. Что касается до монархомахии, то я должен сказать, что эта теория существовала в XVI веке. Тогда говорилось, что если царь сделает оскорбление не только народу, но даже частному лицу или части народа, какой-нибудь корпорации, то эта корпорация, эти частные лица имеют право убить государя. Неужели же я, знакомый с государственным правом, с экономическими науками, мог допустить подобную мысль? Не мне объяснять вам, лицам, так высокопоставленным, что значит государственная необходимость; кто указывает на эту необходи-

[1]) Так в подлиннике.

мость, чья воля указывает на это, это воля правительства, и больше никто. Так я объясню примером. Существует закон об экспроприации, об отнятии собственности и земли, в видах государственной необходимости; никто не имеет права на жизнь, но ее может отнять то лицо или то учреждение, которое служит представителем государственной воли: точно так же и цареубийство может быть требованием государственной необходимости, и так, следовательно, по воле правительства это дело может быть улажено. Я не смею оспаривать, но тем не менее эта идея принадлежит к разряду тех идей, которые, как философия, не могут быть пропагандированы. Если я высказывал эту идею, то только затем, чтобы быть положительно откровенным, чтобы сразу отделить себя от революционеров, которых я сам, не менее, чем и вы, верховные судьи, презираю. Теперь осмелюсь утруждать ваше внимание об Организации. Г. генерал-прокурор сказал, что хотя я поступил в Организацию в 66 году, но по своему характеру мог и должен был иметь влияние, и привел, как пример, Федосеева, но, во-первых, я напомню то обстоятельство, что когда сам прокурор спросил Федосеева, уговаривал ли его кто-нибудь совершить преступление, он ответил, что никто. Кто же? Значит, вы сами получили эту мысль, спросили его. Я сам, отвечал Федосеев. В таком случае, кажется, что такое откровенное, прямое признание снимает с меня всякое обвинение во влиянии на Федосеева. Другого какого влияния с моей стороны не существовало, потому что остальные члены показали, что они даже не слышали, говорил ли я что-нибудь или опровергал что-нибудь. С своей стороны, я должен сказать, что на половине сходок я не был именно вследствие моих занятий. Потом я должен сказать, почему я собственно поступил в общество Организацию. Я не думаю, может быть, я был увлечен, но в своих убеждениях я не раскаиваюсь; я могу только сказать, что я никогда не был революционером. Когда в 63 году кружок шатовцев высказывал некоторые революционные идеи, так я постоянно смеялся над ними. Теперь я должен сказать, каковы мои убеждения. Я постоянно желал, чтоб общество Организация держалось социалистических убеждений. Я не спорю, это тоже преступление; степень преступности их я предоставляю определить Верховному Уголовному Суду, но я заявляю, что я не имел цели ниспровергнуть социальный порядок, ничего подобного не было. Г. министр юстиции высказал такого рода мысль, что невозможно быть социалистом, не будучи революционером, и считает меня революционером, потому что я сказал, что сочувствую социальным идеям. Но, между прочим, можно быть социалистом и в то же время не быть революционером. Дело вот в чем. Социализм, это — самая несчастная теория. 48-й год произвел то, что как только вспомнят об социализме, сейчас воображению чудится революция, слышатся крики à la lanterne, au poignard, но действительно ли это так, действительно ли существует такая связь между революцией и социализмом? Действитель-

но, существуют разные школы социалистов: школа социалистов фурьеристов, школа d'egalité de propriété, школа d'egalité des travailleurs.—это, действительно, дикие теории, это, действительно, тот самый социализм, который, по верному выражению г. министра юстиции, проникает во все жилы организма и убивает его, но есть другой социализм, который положительно выводится столько же из Прудона, сколько из Адама Смита, настолько из Фурье и Луи Блана, насколько из Милля. Господин защитник сказал, что я принимал Прудона за авторитет; это не совсем справедливо, я относился к его теории критически. Свою теорию я хотел изложить печатно. Эта теория есть и у Милля, и у Адама Смита, и у Прудона, и у Луи-Блана. Эта теория, осмелюсь утруждать внимание ваше, следующая. Правительство должно оказать помощь бедным классам, не отнимая ни у кого ни собственности, ни разрушая всего того, что теперь существует: все нравственные положения, религия, нравственность, право все должно остаться, la propriété est sacre et inviolable, все должно остаться во всей своей силе. Что же должно делать правительство? Оно должно сокращать свои расходы при той политике, которая возможна для правительства, сокращать войско, уменьшать налоги и основывать банки для помощи ассоциациям, но нисколько не вгонять народ в ассоциации, давать им ссуды под залог, точно так же, как даются ссуды теперь. Результат этого очень прост. Так как государство дает деньги на производительные предприятия, то весьма естественно, что процент на частные капиталы должен понижаться, капиталам мелким дается возможность конкурировать с капиталами большими, собственность мелкая, при ее настоящем раздробленном положении, не может конкурировать с крупной собственностью, но при участии ассоциации она может вступить с ней в конкуренцию, мелкие собственники, которым дают ссуды, приобретают на полученные деньги все то, что в политической экономии называется капиталом. Одним словом, из этого выходит то, что правительство, не отступая ни от одного из тех понятий, религиозных, нравственных и права, которые уже приняты, подает руку низшим классам. Это моя мысль. Эту мысль я хотел пропагандировать. Вот в чем мое заблуждение. Я думал, что сидящие здесь подсудимые были моего мнения: хотя я много занимался теоретически, но практически я мало знаю жизнь. Я думал, что эти люди согласны со мною; теперь я вижу противное: при том, что было сказано здесь защитниками и что было прочтено, я вижу, что они не согласны со мною. В этом я горько раскаиваюсь, что вступил с ними в сношения: если б я знал их намерения, что они такое, я бы никогда не позволил бы себе с ними иметь дело. Мысль моя, когда я вступил в общество, была пропагандировать идеи, которые я признаю, но я вижу, что они были неспособны принять этих идей, они оправдывали преступление, они прибегали к средствам низким и грубым.

Я не умею плакать. Каким образом у меня выработалась

[способствует] смеяться, когда у другого слезы. я не могу рассказывать. Если бы вы знали мою жизнь, от детства до поступления в университет, вы бы поверили мне, но все равно я заслуживаю наказания и прошу вас меня строго наказать.

Последнее слово Дмитрия Иванова (заседание 22 сентября) [1].

Дмитрий Иванов. Я хочу сказать несколько слов по поводу обвинения. Г. министр юстиции говорит, что я поступил в общество «Организацию», вполне и сознательно понимая все цели этого общества. Он выводит это заключение на двух основаниях: во-первых, на моем собственном показании, на том, что я при судебном следствии сказал, что считаю себя виновным, и, во-вторых, на том, что я в моем показании сказал, что я сочувствую учению социалистов, и потом пояснил, как произвести революцию. Что касается первого, т.-е. что я при судебном следствии действительно признал себя виновным в принадлежности к обществу «Организации», но вместе с тем я не думал этим сказать, что когда я поступал в «Организацию», то я вполне знал цель этого общества и был убежден в пользе его; в моих показаниях, напротив, сказано, что, поступая в «Организацию», вовсе не был убежден в пользе дела; потом я находился раз под влиянием разговора с Тимашевым, членом комиссии, и «Организации» приписал такие цели, которые явились позднее, не тогда, когда я поступил в общество, и к которым я относился враждебным образом. Таким образом, например, там попадаются слова «цареубийство», тогда как ни в одном проекте, ни в одном разговоре не было, в котором бы говорилось об цареубийстве, наконец, ни одним словом не упоминалось об цареубийстве. Когда я это говорил, то я припомнил, что мне об этом напомнил Беринг-Тимашев, и припомнил тот план общества, об котором мне говорил Мотков. Что касается до революции, то между нами никогда не было серьезного разговора об этом. Относительно этого мы говорили, что если революция будет, то она будет через такое большое количество лет, которого не скоро выговоришь. Я обращаю внимание, что под «Организацией» мы разумели ассоциации, школы, библиотеки; в этом заключается весь наш социализм, вся наша революция, все наше тайное общество. После всего сказанного я думаю, что может объясниться то недоразумение, которое явилось у меня вследствие моих недоговорок, вследствие того, что я не высказал, под каким впечатлением я написал свое показание о революции.

Я все сказал. Затем мне остается принести мольбы, чтоб председатель и члены суда на мое искреннее и чистосердечное раскаяние взглянули милосердным взором на мой проступок.

[1] Стенографический отчет, т. 3, лл. 107—108.

Последнее слово Александра Иванова (заседание 22 сентября) [1].

Александр Иванов. Г. министр юстиции сказал, что я в удалении ипатовцев видел преобразование «Организации». Я могу заметить, что с удалением ипатовцев думал совсем уничтожить «Организацию», [так как] ипатовцы были единственные деятельные члены, ибо «Организация» держалась на ипатовцах, ипатовцы предложили проект, ипатовцы дали средства, так что я думал, что когда ипатовцы удалятся, то с удалением ипатовцев уничтожатся все средства «Организации», в «Организации» останутся или лица пассивные, или даже такие, которые не понимают, что такое социализм и коммунизм, и они не могли поддерживать «Организации», «Организация» бы распалась. Но я, действительно, виноват, что не донес на «Организацию»; причина этого та, что я слишком понадеялся на свои силы: я думал один удалить ипатовцев, в этом я чистосердечно расскаиваюсь и прошу Верховный Уголовный Суд о помиловании.

Последнее слово Кичина (заседание 22 сентября) [2].

Кичин. Все мои товарищи покажут, что я принужден был поступить к ним. Я имел уроки, жил одними уроками. Здесь же видел, что знакомство с ними мне может доставить уроки, тем более, что от Моткова получил один раз работу, плата за которую была обеспечена; вот что заставило меня жить с ними. Мне ставят в вину, что я знал о проекте Шаганова. Действительно, я хотел донести потом их разговоры с товарищами; я увидел, что это не больше, не меньше, как одни толки, потому что все бывшие на сходке, все были недовольны, и «Организация» до того упала, что на 6-й или 7-й неделе Воскресенский и другие пародировали те разговоры, которые происходили в «Организации». Когда о том Мотков сообщил, что есть личности, которые намерены составить особое общество «Ад», но он не объяснил вполне, что такое общество «Ад» существует, я хотел донести на это общество, но, во-первых, сам Мотков сообщил это в виде предположения, а, во-вторых, когда я спросил Малинина, что существует ли «Ад», он говорил, что Мотков думал прибегнуть только к средствам узнать об этом хорошенько и об целях Каракозова, что он сам не знал этого хорошенько, так что после всего этого я не мог доносить, так [как] ни Мотков, ни Малинин сами не знали ничего положительного. В том, что я присутствовал на сходках «Организации», в том я чистосердечно раскаиваюсь.

---

[1]) Стенографический отчет, т. 3, л. 127. [2]) Там же, л.л. 133—134.

Последнее слово Борисова (заседание 23 сентября) [1].

Борисов. К тому, что сказал защитник, я могу только прибавить мои мольбы к Верховному Уголовному Суду о ходатайстве о помиловании.

Последнее слово Соболева (заседание 23 сентября) [2].

Соболев. Я ничего не могу прибавить кроме того, что прошу милости.

Последнее слово Сергиевского (заседание 23 сентября) [3].

Сергиевский. Я прошу Верховный Уголовный Суд о помиловании.

Последнее слово Маликова (заседание 23 сентября) [4].

Маликов. Я имею только сказать то, что согласен с речью моего защитника и г. генерал-прокурора, который вполне отказался от обвинения меня; в деле, действительно, нет ни доказательств, ни улик, которые бы свидетельствовали против меня. Потому я покорнейше прошу суд оправдать меня. Я имею честь сказать суду, что кроме того, что приговор о моей виновности не может состояться за неимением юридических доказательств, но я полагаюсь на беспристрастие Верховного Уголовного Суда, тем более, что самый закон дает обширное поле для оправдания невинного, которое заключается в той известной фразе, в тех христианских словах, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного.

Последнее слово Бибикова (заседание 23 сентября) [5].

Бибиков. Я прошу повергнуть мою участь монаршей милости.

Последнее слово Кутыева (заседание 23 сентября) [6].

Кутыев. Я прошу Верховный Уголовный Суд освободить меня от наказания.

---

[1]) Стенографический отчет, т. 3, л. 141 об. [2]) Там же, л. 144. [3]) Там же, л. 147. [4]) Там же, л. 163. [5]) Там же, л. 163 об. [6]) Там же, лл. 167 об.—169.

Последнее слово Маркса (заседание 23 сентября) [1].

Маркс. Прошу Верховный Уголовный Суд о милосердии. Я прошу милости у суда и благодарю его за то, что он мне назначил такого защитника, который, кажется, изложил все, что только мог.

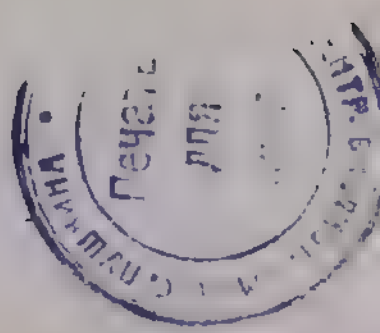
Последнее слово Оболенского (заседание 23 сентября) [2].

Оболенский. Я прошу Верховный Уголовный Суд о снисхождении.

---

[1]) Стенографический отчет, т. 3, л. 171. [2]) Там же, л. 212 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ



Приговор Верховного Уголовного Суда [1]).

ПРИГОВОР

1866 года, сентября 24 дня.

По указу его императорского величества, Верховный Уголовный Суд, в следующем составе: председатель—князь Гагарин, члены: его императорское высочество принц Ольденбургский, граф Панин, Метлин, Башуцкий и Каршолин-Пинский, при министре юстиции Замятнине и секретаре Есиповиче, рассматривал дело о лицах, преданных суду по обвинениям в знании о преступном намерении Каракозова, в принадлежности к тайным обществам и в других преступлениях. Суду Верховного Уголовного Суда преданы 34 человека, которые обвиняются: 1) домашний учитель Иван Александров Худяков, 24 лет, -в способствовании государственному преступнику Каракозову совершить покушение на жизнь священной особы государя императора снабжением Каракозова деньгами на покупку пистолета, с знанием о преступном его намерении, и в подговоре потомственного почетного гражданина Николая Андреева Ишутина учредить в Москве тайное революционное общество с целью цареубийства; 2) потомственный почетный гражданин Николай Андреев Ишутин, 26 лет,—в знании о намерении Каракозова совершить цареубийство и недоведении о том до сведения правительства и в подстрекательстве своих товарищей к основанию тайного революционного общества «Ад» для произведения революции посредством цареубийства; дворяне: 3) Петр Дмитриев Ермолов, 20 лет, 4) Николай Павлов Странден, 23 лет, и 5) Дмитрий Алексеев Юрасов, 23 лет,—в знании о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь его императорского величества и в принадлежности к тайному обществу «Ад»; 6) дворянин Максимилиан Николаев Загибалов, 24 лет; 7) вольноотпущенный дворовый человек Осип Антонов Мотков, 19 лет; 8) губернский секретарь Вячеслав Николаев Шаганов, 26 лет, и 9) кандидат московского университета Петр Федоров Николаев, 22 лет,—в принадлежности к тайному обществу «Ад»; 10) чиновник X класса Орест Васильев Малишин, 24 лет, 11) студент московского университета Дмитрий Львов

[1] Дело № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2-й, лл. 507—530.

Иванов, 19 лет; 12) сын священника Федор Петров Ланкин, 19 лет; 13) дворянин Константин Федоров Кичин, 22 лет; 14) сын причетника Василий Иванов Соболев, 22 лет.—в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация», которое имело целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, а также в знании о существовании другого тайного революционного общества «Ад» и недонесении о сем правительству; 15) дворянин Александр Иванов Иванов, 23 лет; 16) слушатель Петровской академии Дмитрий Алексеев Воскресенский, 22 лет; 17) из государственных крестьян Феофан Алексеев Борисов, 21 года; 18) слушатель Петровской академии Алексей Егоров Сергиевский, 20 лет,—в принадлежности к тайному обществу «Организация»; 19) князь Варлаам Джан-Асланов Черкезов, 20 лет,—в недонесении об известном ему публичном распространении в школе Мусатовского учения, клонящегося к возбуждению неповиновения верховной власти, в знании о существовании тайного общества, имевшего целию ниспровержение установленного законами образа и порядка правления, и недоведении о том до сведения правительства; 20) действительный студент Александр Капитонов Маликов, 27 лет; 21) дворянин Николай Яковлев Кутыев, 26 лет; 22) провизор Адольф Францев Ланггауз, 29 лет; 23) слушатель Петровской академии Аполлон Петров Полумордвинов, 21 года; 24) мировой посредник Алексей Алексеев Бибиков, 26 лет; 25) секретарь козельской уездной земской управы Леонид Егоров Оболенский, 24 лет; 26) бывший студент с.-петербургского университета Александр Никольский, 20 лет; 27) слушатель Петровской академии Александр Вознесенский, 22 лет,—в знании о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о сем до сведения правительства; 28) учитель Максимилиан Осипов Маркс, 50 лет,—в доставлении средств для содеяния преступлений тайному обществу, имевшему целью ниспровержение правительства во всем государстве, и в недонесении об укрывательстве Маевским польских политических преступников; 29) учитель Московской 3-й гимназии коллежский советник Константин-Болеслав Данилов Трусов, 33 лет,—в том, что, зная о существовании тайного общества, имевшего целью произвести общественный государственный переворот, не довел о том до сведения правительства, и в том, что способствовал этому обществу в приобретении средств для содеяния задуманного преступления; 30) сын чиновника Болеслав Петров Шостакович, 22 лет,—в укрывательстве заведомо осужденного к каторжным работам Ярослава Домбровского и в составлении для него подложных видов; 31) сын титулярного советника, бывший учитель бронницкого уездного училища, Николай Павлов Петерсон, 21 года.—в том, что, зная о преступном укрывательстве Юрасовым и его товарищами беглого государственного преступника Домбровского, не донес о сем правительству; 32) дворянин Павел Петров Маевский, 27 лет: а) в укрывательстве в Москве и

снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников: Домбровского, Оржеховского, Олтаржевского, Верницкого и других; б) в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, и недонесении о том правительству, и в) в имении сочинений возмутительного содержания; 33) дворянин Виктор Александров Федосеев, 23 лет,— в том, что приобрел яд для отравления своего отца, с целью передать наследство после него обществу; и 34) мещанин Федор Афанасьев Никифоров, 24 лет,—в объявлении на словах умысла и вторить покушение на жизнь священной особы государя императора и в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, имевшего целью ниспровержение правительства во всем государстве, и недоведении о сем до сведения правительства.

Судебным следствием обнаружено, что еще в 1863 году составился в Москве кружок из молодых людей, зараженных социалистическими идеями; впоследствии эти люди начали делать усилия для распространения и осуществления своих идей на практике; с этой целью они начали устраивать школы и различные ассоциации, как-то: переплетное заведение, швейную, основали общества переводчиков и переводчиц и взаимного вспомоществования; старались для применения своих теорий приобрести ваточную фабрику в Можайском уезде и устроить завод в Жиздринском уезде, на социальном начале, для рабочих Мальцевского завода; некоторые из сих заведений и обществ были уже учреждены без разрешения правительства, а некоторые были, кроме того, направлены к явно преступным целям; так, например, в одной школе (Мусатовского), открытой даже с разрешения правительства, преподавание различных предметов клонились к очевидному возбуждению против верховной власти. Затем некоторые члены обществ взаимного вспомоществования, а также переводчиков и переводчиц задумали организовать свою деятельность на определенных началах; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположения, составлять и рассматривать проекты уставов, и хотя таких проектов было несколько, но ни один еще не был окончательно принят; однако же при этом некоторыми из участвовавших в упомянутых сходках были заявляемы цели и предлагаемы средства самые безнравственные, самые преступные: в числе целей заявлялись не только экономический переворот посредством устной и письменной пропаганды, но и социальная революция, дележ собственности и переворот государственный насильственными мерами; в числе средств предлагались обворование купца через подставного служителя, ограбление почты, заведение тайной типографии, освобождение из каторжных работ государственного преступника Чернышевского для руководства предполагавшеюся революцией и для издания журнала, так как роман этого преступника «Что делать» имел на многих из подсудимых самое гибельное влияние, возбудив в них нелепые

противообщественные идеи, и, наконец, предлагалось принять за правило, что цель оправдывает средства. Большая часть из этих предложений не была принята, но по некоторым и без общего согласия были делаемы приготовления; так, Ермолов купил типографский шрифт, а Странден готовился ехать в Сибирь за Чернышевским. Но самые безнравственные, самые тяжкие преступления были задуманы не на общих сходках, а в совещаниях между несколькими лицами; к числу этих преступлений принадлежит умысел и приготовления Виктора Федосеева отравить своего отца для передачи наследства после него тайному обществу, в чем ему особенное содействие оказал Николаев, и, наконец, в небольшом кружке были возбуждены рассуждения о том, следует ли, по примеру Европейского революционного Комитета, в числе средств для произведения всеобщей революции допускать цареубийства и истребления правительств вообще. Рассуждения об этом предмете были возбуждены Ишутиным, который, возвратившись в конце 1865 года из С.-Петербурга, сообщил своим товарищам: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибалову, Шаганову и Моткову сведения, полученные им от Худякова об упомянутом Европейском Комитете. Рассуждения между этими лицами по вопросу о цареубийстве вообще происходили несколько раз, но одними были отвергнуты совершенно, а другими отложены на неопределенное время, кроме Каракозова, который выразил отрывочными фразами полное сочувствие этим преступным предположениям, и, несмотря на то, что в первый раз во время поездки своей в Петербург великим постом был удержан Ермоловым и Страненом от совершения своего преступного покушения, а Ишутиным был даже вызван из Петербурга в Москву, вторично скрылся из Москвы на святой неделе и без ведома своих товарищей совершил 4 апреля то преступление, за которое понес уже назначенное в законе наказание.

В связи с этими преступлениями раскрыты и действия некоторых польских агентов, относительно которых обнаружено, что между ними и членами «Организации» сношения существовали, что поляки помогали русским в добывании средств, необходимых для задуманных ими преступлений, и сами пользовались их помощью преимущественно при освобождении поляков, осужденных к каторжным работам.

Обращаясь к определению вины каждого из поименованных выше подсудимых, Верховный Уголовный Суд усматривает, что как предварительным, так и судебным следствиями обнаружено, что главными действующими лицами в образовании кружков с преступными целями были: Ишутин, Ермолов и Странден, что Ишутин первый возбудил рассуждения о Европейском революционном Комитете и об учреждении подобного ему общества в Москве, что в рассуждениях этих участвовали, кроме означенных трех подсудимых, Юрасов, Загибалов, Шаганов и Мотков, которые все однако же возражали против всяких предположений о царе-

убийстве, и что о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь священной особы государя императора великим постом было известно Ишутину, Ермолову, Странденту и Юрасову; другим же подсудимым вполне и положительно об этом намерении известно не было. Сверх того, следствием обнаружено, что Шаганов составлял проект устава «Организации», в котором было постановлено, между прочим, правило, что каждый член обязан запастись револьвером и выучиться стрелять; Николаев, также составивший проект устава, принимал после ареста главных основателей «Организации» самые деятельные и наиболее преступные меры для поддержания этого общества, ибо добывал рецепты для отравления отца Федосеева; Мотков исправлял проект устава, составленный Ермоловым, и хранил проект, написанный Шагановым, но вместе с тем принимал меры для противодействия насильственному перевороту; Юрасов и Загибалов были членами общества, имевшими полное сведение о преступных целях его, но не выказавшими никакой особой деятельности.

В числе лиц, которые обвинялись в знании о намерении Каракозова совершить его преступное покушение, был одним из первых домашний учитель Худяков. После арестования этого подсудимого, он показал 7 апреля, что вовсе не знает Каракозова и что давал ему денежные пособия в качестве бедного человека, явившегося к нему под именем Владимирова; но когда Худяков был уличен в том, что Каракозов был ему известен под своим собственным именем, то сознался 13 апреля, что скрыл его фамилию из опасения, чтобы этот человек не наговорил на него или не припутал его к своим действиям, из желания свалить какие-либо ковы на него; затем следствием обнаружено, что Худяков знал Каракозова, как двоюродного брата Ишутина, с которым имел сношения по поводу издания своих сочинений и у которого занимал деньги. О первом приезде Каракозова в Петербург Ишутин и Мотков узнали от Худякова, который, идя с ними по улице в Москве, спросил Ишутина: «зачем Каракозов в Петербурге?».— «Как, разве он в Петербурге?» спросил Ишутин испуганным голосом. «Как же,—отвечал Худяков,—он был у меня и просил 15 рублей». После этого известия Мотков, по собственному его показанию, просил Худякова следить за Каракозовым, и если он старается скрыть свое пребывание в Петербурге, из чего можно заключить, что он действительно имеет намерение совершить цареубийство, то навести на его след полицию. В половине марта, когда Мотков был проездом в Петербурге, Худяков сказал ему, как Мотков показал на судебном следствии, что Каракозова еще не видал, но что Странден, приехавший за ним, не скрывается, следовательно, Каракозов не имеет никакой преступной цели. Наконец, сам государственный преступник Каракозов оговорил Худякова в том, что сообщал ему на Сампсоньевском мосту и у него дома о своем намерении совершить преступление и взял у него 15 рублей для покупки пистолета, объявив, что намерен на-днях

совершить покушение; Худяков, по словам его, Каракозова[1]), дал ему, Каракозову, эти деньги, но сказал, что от этого преступления нельзя ожидать никаких результатов. Все эти обстоятельства приводят к заключению, что хотя, действительно, Худяков в начале своего ареста скрыл, что ему известна фамилия Каракозова, но объяснение его, что это сделано им лишь из опасения, чтобы Каракозов не припутал его напрасно к своим действиям, не может быть отвергнуто без других улик, и потому это не может служить доказательством, что Худяков знал о преступном намерении Каракозова. Затем, хотя Мотков и Ишутин о приезде Каракозова в Петербург узнали от Худякова, но как сведение об этом приезде было передано Худяковым на улице, в обыкновенном разговоре, в виде вопроса: «зачем Каракозов в Петербурге», то, очевидно, из этого невозможно вывести заключения, что Худяков, зная о приезде Каракозова в Петербург, знал и о цели его приезда. Далее, хотя Мотков утверждает, что просил Худякова следить за Каракозовым, но оговорка, сделанная им самим, чтобы навести на след Каракозова полицию в таком случае, когда он старается скрыть свое пребывание в Петербурге,—освобождает Худякова от обвинения в преднамеренном неисполнении этой просьбы Моткова, так как ни Каракозов, ни Странден, приехавший за ним, не скрывались и, следовательно, не могли возбудить в Худякове опасения, что первый из них приехал для совершения преступления. Независимо от сего, Худяков в том, что Мотков сообщал ему о своих опасениях относительно намерения Каракозова, не сознался и не изобличен. Наконец, оговор государственного преступника Каракозова, не подтвердившийся никакими другими уликами, опровергается самыми обстоятельствами дела, потому что хотя Каракозов показал, что деньги на покупку пистолета дал ему Худяков, но из дела видно, что пистолет был им куплен еще в Москве. По всем этим соображениям, Худяков не может быть признан уличенным ни в знании о намерении Каракозова, ни в содействии ему для приведения этого намерения в исполнение. Затем, хотя Худяков не сознался в том, что сведения о Европейском революционном Комитете сообщены Ишутину им, но это обстоятельство подтверждается как показаниями Ишутина, так и других лиц, которым последний тогда же говорил, что сведения о революционном Европейском Комитете сообщены ему Худяковым, при чем хотя Ишутин оговорил сначала Худякова, что он убеждал его основать подобное же революционное общество в Москве, но этот оговор им не доказан, и он впоследствии показал, что мысль об «Аде» принадлежит ему самому; не подлежит, однако же, сомнению, что Худяков знал о существовании в Москве революционного общества, имевшего целию государственный переворот, ибо в знании об этом он уличается не только оговором Ишутина и показаниями Моткова, но и частыми

[1]) Слово: «Каракозова» вписано.

сношениями его, Худякова, с членами «Организации» и с лицами, рассуждавшими об основании другого преступного общества.

Подсудимые Малинин, Дмитрий Иванов, Лапкин и Александр Иванов принадлежали к числу членов общества «Организация», имевших сведение о противозаконных целях и предположениях оного, как это доказывается тем, что некоторые из преступных предложений на сходках были оспариваемы и некоторые из противозаконных предприятий были оставлены именно этими подсудимыми; например, предложение об ограблении почты было оспариваемо Александром Ивановым, шрифт, купленный Ермоловым, был уничтожен Ивановыми; затем Малинин, Ивановы и Лапкин старались вообще расстроить «Организацию», препятствовали ее сходкам и образовывали кружок, ей враждебный, имевший целию социальную пропаганду без насильственного переворота в государстве. Что касается обвинения некоторых из них в знании о разговорах относительно образования более преступного общества «Ад», то судебным следствием доказано, что им были известны только рассказы Моткова относительно образования этого общества, и что они, имея намерение противодействовать этому обществу и даже донести на него, не успели еще убедиться, действительно ли предположено основать его.

Подсудимые Кичин, Соболев, Сергиевский, Борисов, Воскресенский, Кутыев, Полумордвинов и князь Черкезов хотя также принадлежали к числу членов «Организации», кроме князя Черкезова, который знал только о существовании этого общества, но никто из них не имел точных сведений о целях и предположениях общества, на сходках которого они бывали редко и не могли себе составить понятия даже о том, что такое социализм, нигилизм и коммунизм. Будучи вовлечены в это общество главными его членами под благовидным предлогом учреждения общества взаимного вспомоществования, для которого предполагалось испросить разрешения правительства, они, вступая в это общество, имели в виду только обещанное им облегчение своей крайней нищеты и убеждение, что без посторонней помощи они не могут кончить образования, которое одно могло обеспечить их будущность. Затем, хотя князь Черкезов обвиняется в недонесении о противозаконном преподавании учения в школе Мусатовского, но на судебном следствии обнаружено, что сведения об этом преподавании он имел только по слухам.

Вознесенский вовсе не был членом общества «Организация», а назван в числе членов его по ошибке Юрасовым, объявившим на суде, что Вознесенский был лишь членом общества взаимного вспомоществования, для которого предполагалось испросить разрешения правительства.

Относительно прочих предметов обвинения из дела видно, что одним из первых предположений главных деятелей «Организации» было освобождение осужденного в каторжные работы государственного преступника Чернышевского; для этого они хотели

отправить в Сибирь Страндена, который предположил, в случае открытия его замысла на месте, отравиться, и поэтому ему необходимо было достать яд. С просьбою о приобретении яда товарищ Страндена Шаганов обратился к учителю одной из московских гимназий, Трусову, который познакомил его с другим учителем, Марксом, а сей последний, полагая, что яд назначается для отравления литератора Каткова, достал стрихнин от провизора Ланггауза и передал Шаганову. Ланггауз объясняет, что Маркс сначала сказал ему, что стрихнин нужен для мышей, а когда стрихнин был уже ему отдан, то на другой день Маркс сказал ему, что один из русских революционеров взял этот яд для отравления литератора Каткова; желая получить этот яд обратно, Ланггауз, по его словам, должен был войти в сношения с Шагановым и Николаевым, из которых последний уверил его, что стрихнин остался без употребления, потому что им нужен не такой яд, а медленно действующий, и просил его дать ему наставление, как составляется aqua tophana, объяснив, что посредством этого яда они надеются приобрести для своего общества большую сумму денег.

Николаев на судебном следствии объяснил, что, действительно, просил у Ланггауза рецепт для составления медленно действующего яда, который впоследствии и передал в десяти экземплярах Виктору Федоссеву для отравления его отца, так как сей последний обещал по получении наследства пожертвовать оное обществу «Организация», ибо он, Николаев, считал позволительными всякие меры для поддержания того общества, которое имело целью проводить в народе начала, признаваемые им полезными для отечества и для народа.

Виктор Федосеев показал на суде, что, действительно, имел намерение отравить своего отца для предоставления наследства после него не обществу «Организация», а обществу взаимного вспомоществования, но когда сказал об этом в Кирсанове брату своему Павлу, то сей последний уговорил его оставить свое намерение, и он, убедившийся словами брата, решился не приводить своего умысла в исполнение; а Павел Федосеев показал пред Верховным Уголовным Судом, что когда брат его, Виктор, сказал ему в Кирсанове о своем преступном намерении, и когда он, Павел, пораженный ужасом, хотел разбить указанные ему склянки с ядом, то оба они были арестованы полицией. Из этого очевидно, что хотя Виктор Федосеев и объяснил, что решился не приводить в исполнение своего умысла, но это опровергается уже тем, что он хранил при себе яд и что склянки с оным намеревался перед самым арестом разбить не он, а брат его.

Учитель Трусов в объяснение своего участия в этом деле показал, что Шаганов, действительно, говорил ему о намерении освободить Чернышевского, но он этому намерению не придавал «никакой серьезности»; относительно же принадлежности Шаганова к тайному обществу Трусов объяснил перед Верховным

Уголовным Судом, что о существовании тайного революционного общества он, Трусов, не знал, а думал, что Шаганов принадлежит к кружку, имеющему целью распространение грамотности в народе.

Лангауз в оправдание свое о недонесении, что ему было известно о тайном обществе «Организация», объяснил на суде, что о цели этого общества узнал только 12 апреля из разговора Николаева с Маевским, а Николаев подтвердил, что сообщал Лангаузу лишь о том, что цель «Организации» заключается в пропаганде социализма.

Маевский, не признаваясь ни в знании о существовании в Москве тайного общества, ни в укрывательстве и снабжении фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников, сознался лишь в имении сочинений возмутительного содержания, которые он будто бы собирал для уничтожения. При очевидной неосновательности приводимого Маевским оправдания в имении им возмутительных сочинений, он вполне изобличается как в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, так и в укрывательстве и способствовании побегам политических преступников, осужденных в каторжные работы. В этом убеждают не только показания многих из подсудимых (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лангауза), но и жившего с Маевским дворянина Барановского и даже одного из скрытых Маевским преступников Олтаржевского. Впрочем, в том, чтобы Маевскому была вполне известна преступность целей революционного общества, он остался не изобличенным.

Шостакович, сознавшись в укрывательстве осужденного к каторжным работам Ярослава Домбровского, просил Верховный Уголовный Суд обратить внимание на то, что сознание сделано им на первых допросах.

Уездный учитель Петерсон сознался в том, что знал об укрывательстве государственного преступника Домбровского и не донес об этом правительству.

Что касается обвинений мирового посредника Бибикова, секретаря козельской управы Оболенского, юхновского мещанина Никифорова, бывшего судебного следователя Маликова и бывшего студента Никольского в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, то это обвинение на судебном следствии не подтвердилось, точно так же не подтвердился и оговор Никифорова Петерсоном в изъявлении на словах умысла повторить покушение на жизнь священной особы государя императора, потому что хотя учитель Петерсон на суде и повторил свой оговор на Никифорова, но оговора этого ни на суде, ни при предварительном следствии ничем не доказал, между тем следствием обнаружено, что Бибиков, Оболенский и Маликов знали об умысле освободить государственного преступника Чернышевского, а Никольский сам намеревался освободить государственного преступника Серно-Соловьевича.

Приступая к определению наказаний за доказанные преступления подсудимых, Верховный Уголовный Суд находит, что по закону (241, 242 и 243 ст. Улож., изд. 1866 г.) всякое злоумышление против жизни государя императора, хотя бы приготовление к нему было сделано лишь через словесное или письменное изъявление о том мыслей и предположений, а также участие в таком злоумышлении или недонесении о сем правительству, подвергают виновных лишению всех прав состояния и смертной казни; такому же наказанию подвергаются основатели и члены тайных обществ, имеющих вредную для спокойствия или целости государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель (318 ст. Улож.), не только за действительное совершение их преступлений, но, по правилу, изображенному в 242 ст. Улож., и за умысел совершить оные, с тем однакож, что если злоумышление сих обществ открыто правительством заблаговременно, при самом оного начале, и потому ни покушений вследствие сего умысла, ни смятений и никаких иных вредных последствий от него не произошло, то виновные, вместо смертной казни, приговариваются к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на сроки, означенные в 250 ст. Улож.

По сим соображениям Верховный Уголовный Суд о п р е д е л я е т:

1) Пшутина, как зачинщика замыслов о цареубийстве, уличенного в незаявлении правительству о известном ему преступном намерении Каракозова, и как основателя обществ, действия коих клонились к экономическому перевороту, с нарушением прав собственности и ниспровержением государственного устройства, на основании 241, 242, 243 и 318 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 г., лишить всех прав состояния и казнить смертию через повешение;

2) Ермолова, 3) Странден и 4) Юрасова, участвовавших в преступном выражении мыслей относительно учреждения общества для произведения государственного переворота посредством цареубийства и виновных в недонесении об известных им преступных замыслах, следовало бы также подвергнуть смертной казни, но как Ермолов и Странден остановили исполнение намерения Каракозова совершить его преступное покушение в первую его поездку в Петербург, а Юрасов не только не изъявлял согласия на преступный умысел цареубийства, но и возражал против оного,— то, руководствуясь 774 ст. устав. уголовн. судопроизв., вместо смертной казни, лишить означенных трех подсудимых всех прав состояния и сослать в каторжные работы в рудниках: Странден и Юрасова без срока, а Ермолова, как несовершеннолетнего, на силою 139 ст. Улож., на двадцать лет;

5) Загибалова, 6) Шаганова и 7) Моткова, как членов общества «Организация», имевших полное сведение о преступных целях оного и изобличенных в знании и недонесении о преступном выражении мыслей относительно учреждения общества для произведения государственного переворота и средством цареубийства,—

на основании 318 и 250 ст. Улож., лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы: Загибалова и Шаганова в крепостях на двенадцать лет, а Моткова, как несовершеннолетнего, за силою 139 ст. Улож., на восемь лет;

8) Николаева, как члена общества «Организация», имевшего полное сведение о преступной оного цели и сознавшегося в доставлении Федосееву средств к совершению отцеубийства для приобретения значительной суммы денег в пользу означенного преступного общества, лишить, на основании 2 части 318 ст. и 250 ст. Улож., всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях на двенадцать лет;

9) Худякова, не изобличенного в знании о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь священной особы государя императора и в способствовании Каракозову в этом преступлении, но уличенного в знании о существовании и противозаконных целях тайного революционного общества, лишить, на основании 3-й части 318 ст. Улож., 1866 г., всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленнейших местах Сибири;

10) Малинина, 11) Дмитрия Иванова, 12) Лапкина и 13) Александра Иванова, как членов общества «Организация», имевших сведения о противозаконных целях оного, хотя и следовало бы приговорить по всей строгости 2 части 318 ст. и 250 ст. Улож. к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на десять лет, но, как они постоянно противодействовали тем противозаконным целям и предположениям «Организации», которые имели в виду насильственный переворот, и для противодействия этому обществу старались образовать особый кружок, не имевший уже тех преступных целей, к которым стремились главные члены «Организации», а предназначаемый для достижения целей, предусмотренных в 319 ст. Улож.; и как сверх того они, в особенности Дмитрий и Александр Ивановы, сделали вполне чистосердечные признания, и притом Лапкин и Дмитрий Иванов не достигли еще и ныне совершеннолетия, имея только по 19 лет, то, признав их подлежащими наказанию по 1-й части 319 ст. Улож., лишить их, на основании этой и 774 статьи устава уголовн. судопроизв., всех прав состояния и сослать на поселение в Сибирь;

14) Виктора Федосеева, изобличенного в принятии мер к отравлению своего отца и не успевшего совершить это преступление вследствие ареста, лишить, на основании 2-й части 1457 ст. Улож., всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение, с преданием на месте ссылки церковному покаянию;

15) Маркса, как пособника, коего содействие было необходимо, в приготовлении мер для убийства частного лица, на основании 2 части 1457 ст. Улож., лишить всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение;

16) Маевского, как обличенного в укрывательстве государ-

стренных преступников, осужденных в каторжные работы, лишить на основании 2 части 316 ст. Улож., всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение;

17) Шестаковича за укрывательство государственного преступника, осужденного в каторжные работы, приговорить, в уважение к сделанному им чистосердечному сознанию, на основании 2 части 316 ст. Уложен., к низшему из означенных в сей части статьи наказаний, а именно: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Томскую губернию.

18) Провизора Ланггауза, имевшего сведения о существовании тайного общества, но не знавшего в точности всех целей оного и, сверх того, изобличенного в противозаконной передаче яда лицу, не имевшему права на получение оного, заключить в крепости на восемь месяцев, с воспрещением ему, по указанию 867 ст. Улож., навсегда продавать ядовитые и сильнодействующие вещества;

19) Кичина, 20) Соболева, 21) Сергиевского, 22) Борисова, 23) Воскресенского, 24) Кутыева, 25) Полумордвинова, 26) Трусова и 27) князя Черкезова, из коих никто не изобличен в имении точных сведений об обществе, в сходках которого они участвовали или о существовании которого только знали, приговорить, на точном основании 3-й и 4-й частей 319 ст. Улож., к заключению в крепости на восемь месяцев, с зачислением им времени, проведенного уже в заключении;

28) Петерсона, не донесшего об укрывательстве Юрасовым государственного преступника Домбровского, признать, на основании 126 ст. Улож., подлежащим к заключению в крепости на шесть месяцев, с зачислением ему времени, проведенного в сем заключении;

29) Маликова, 30) Бибикова, 31) Оболенского и 32) Никольского признать не подлежащими обвинению в принадлежности к тайному обществу и по сему предмету от суда освободить: но как первые три изобличены в знании об умысле освободить государственного преступника Чернышевского, а четвертый — в умысле освободить государственного преступника Серно-Соловьевича, то, сделав им внушение о том, чтобы они впредь не входили в сношение с людьми, имеющими противозаконные замыслы, так как это противно и долгу службы, и обязанности каждого верноподданного, обязать их подпискою, чтобы они, не выезжая из Петербурга, явились к министру внутренних дел, которому предоставить принять относительно всех этих лиц те меры, какие признает необходимыми;

33) Никифорова, юридически не изобличенного во взведенных на него государственных преступлениях, от суда освободить, внушив ему отстраняться впредь от вредных связей, так как он сими связями и неосмотрительным своим поведением дал повод к столь важному обвинению, и затем предоставить министру внутренних

дел. на основании 58 ст. Улож., учредить над ним особый надзор полиции;

и 3-го Вознесенскому, как посещавшему общество взаимного вспомоществования, не разрешенное правительством, вменить в наказание содержание в крепости, и затем признать его невиновным в государственном преступлении.

В исполнении этого приговора поступить на точном основании 1-го пункта 945, 947 и 948 ст. Устава Уголовн. Судопроизв. 20-го ноября 1864 года.

Князь Павел Гагарин, при особом мнении об Ишутине.

Принц Петр Ольденбургский при особом мнении по делу Хроякова.

Граф Виктор Панин.

Николай Метлин.

Александр Башуцкий.

Матвей Карниолин-Пинский [1]).

Особое мнение председателя Верховного Уголовного Суда П. Гагарина [2]).

Князь Гагарин находит, что Верховный Уголовный Суд в приговоре о государственном преступнике Каракозове уже выразил единогласное мнение, что Каракозов совершил покушение на жизнь священной особы государя императора тайно от всех своих товарищей, следовательно, без всякого постороннего участия, и на сем основании над одним Каракозовым произнесен приговор, по которому он один казнен смертию, несмотря на то, что судебное следствие о принадлежности его и главных его товарищей к тайным обществам тогда уже было кончено; что сын потомственного почетного гражданина Николай Ишутин, по ходу дела, оказывается виновным в равной степени с дворянами Ермоловым, Странденом и Юрасовым: ибо он, подобно сим лицам, участвовал в преступном выражении мыслей относительно учреждения общества для произведения государственного переворота посредством цареубийства и не донес об известных ему преступных замыслах, а в отношении к преступлению Каракозова он, так же, как Ермолов и Странден, принимал меры остановить исполнение намерения Каракозова совершить преступление в первую его поездку в С.-Петербург, так как из дела видно, что Ермолов и Странден ездили за Каракозовым в С.-Петербург по просьбе Ишутина и Каракозов возвратился отсюда в Москву вследствие полученных им от Ишутина двух писем; следовательно, Ишу-

[1]) В конце руки Есиповича приписано: «Объявлен 1 октября 1866 при открытых дверях. Есипович.» [2]) Д. № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2, лл. 531—532.

тин должен понести равное наказание с Страндеком и Юрасовым, за исключением Ермолова, которому, как не достигшему 21 года, смягчается наказание по силе закона.

По всем этим соображениям, князь Гагарин не может согласиться с большинством голосов членов Верховного Уголовного Суда о присуждении Ишутина к смертной казни, а полагает, что Ишутина, подобно Страндену и Юрасову, следует лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы в рудниках без срока.

Князь Павел Гагарин.

Сентября 27 дня 1866.

Особое мнение члена Верховного Уголовного Суда П. Ольденбургского [1]).

Принц Ольденбургский, не признавая Худякова, согласно с мнением прочих гг. членов Верховного Уголовного Суда, соучастником Каракозова, как не уличенного в способствовании ему к перемене пистолета, полагает, однако же, согласно с мнением министра юстиции, что он, как знавший о злоумышлении Каракозова, подлежит за сие смертной казни.

Принц Петр Ольденбургский.

27 сентября 1866 года.

Постановление Верховного Уголовного Суда [2]).

Постановление.

Рассмотрев просьбы о помиловании, поданные двадцатью тремя подсудимыми, Верховный Уголовный Суд хотя и не находит в них, кроме просьбы Шостаковича, таких обстоятельств, которые изменяли бы сущность данных при судебном следствии показаний, на основании коих постановлен о них приговор, но, имея в виду закон, дозволяющий им просить о помиловании, не считает себя в праве не подвергнуть раскаяния, выражаемого этими подсудимыми, на высочайшее воззрение его императорского величества, полагая однако же, что просьбы, поданные теми подсудимыми, которые приговорены к ссылке на поселение или к заключению в крепости, без ограничения прав состояния, не заслуживают уважения.

Что касается прошения Шостаковича, то, усматривая из него, что этому подсудимому во время совершения им преступления не было двадцати одного года, Верховный Уголовный Суд определяет испросить высочайшее соизволение на освобождение Шостако-

[1]) Дело № 6, дело Верховного Уголовного Суда, т. 2, л. 533. [2]) Там же, л. 569.

вить, за силою 1-го п. 140 ст. Улож. о наказ., от лишения особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и затем отправить его на житье в Томскую губернию, согласно с постановленным о нем приговором.

Князь Павел Гагарин. Принц Петр Ольденбургский. Граф Панин. Николай Мельин. Александр Банцкий. Матвей Карниолин-Пинский.

1-го Октября 1866 года.

Утверждение приговора Верховного Уголовного Суда [1]).

Верховному Уголовному Суду, Учрежденному Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 г.,
министра юстиции

Предложение.

Согласно 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., я повергал на усмотрение его императорского величества приговор Верховного Уголовного Суда в отношении дворян и чиновников, присужденных к лишению прав состояния.

Государь император высочайше разрешил: дворян Петра Ермолова, Николая Страндена, Дмитрия Юрасова, Максимилиана Загибалова, Петра Николаева, Александра Иванова, Павла Маевского и Виктора Федосеева лишить дворянского достоинства, а отставного губернского секретаря Вячеслава Шаганова, чиновника X класса Ореста Малинина и коллежского асессора Маркса — лишить пожалованных им чинов.

Вместе с сим я повергал на усмотрение государя императора просьбы осужденных об облегчении их участи и заключение по оным Верховного Уголовного Суда.

Его императорскому величеству всемилостивейше благоугодно было повелеть:

Страндену, Ермолову, Юрасову, Николаеву, Загибалову, Шаганову и Моткову сократить определенный им Верховным Уголовным Судом срок каторжной работы и сослать их в каторжную работу: Страндена в крепостях на двадцать лет, а прочих в крепостях: Ермолова и Юрасова на десять лет, Николаева — на восемь лет, Загибалова и Шаганова — на шесть лет и Моткова — на четыре года.

Александра Иванова и Ланкина, вместо определенного им наказания, лишить всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ и сослать на житье в Томскую губернию.

Дмитрия Иванова, чтобы дать ему возможность ревностью к службою престолу и отечеству доказать на деле то раскаяние

[1]) Там же, лл. 571—573-об.

которое он выказал пред Верховным Уголовным Судом, вместо определенного ему наказания, без лишения его прав и преимуществ отдать в военную службу рядовым с выслугою. Шостаковича, за силою 1 п. 140 ст. Улож. о нак., освободить от лишения особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и затем, согласно с постановленным о нем приговором, сослать на житье в Томскую губернию.

О таковых высочайших повелениях имею честь предложить Верховному Уголовному Суду и возвратить подлинный приговор Суда, просьбы осужденных и состоявшееся по сим просьбам постановление.

Министр юстиции *Замятнин.*

№ 12383, 2 октября 1866 г [1].

Протокол исполнения приговора [2]).

Верховному Уголовному Суду, учрежденному Именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 29 июня 1866 г., министра юстиции

Предложение.

Имею честь предложить Верховному Уголовному Суду протокол об исполнении сего числа, в 7 часов утра, приговора Верховного Уголовного Суда 24 сентября 1866 г. над осужденными государственными преступниками Ишутиным, Странденом, Юрасовым, Загибаловым, Шагановым, Николаевым, Худяковым, Малининым, Марксом, Маевским и Федосеевым.

Министр юстиции *Замятнин.*

№ 12441, 4 октября 1866 г.

ПРОТОКОЛ.

1866 года октября 4-го дня, в 7 часов утра, в исполнение приговора Верховного Уголовного Суда от 24 сентября, доставлены на Смоленское поле на одиннадцати черных возвышенных дрогах преступники: Ишутин, Странден, Юрасов, Загибалов, Шаганов, Николаев, Худяков, Малинин, Федосеев, Маркс и Маевский. Министр юстиции, распоряжавшийся исполнением приговора, поручил [3]) сопровождавшему его, на основ. 3 п. 963 ст. уст. угол. судопр., секретарю Верховного Уголовного Суда прочесть приговор во всеуслышание.

---

1) На подлиннике помечено: «№ 69, получ. 4 октября 1886 г.». 2) Д. № 6. ведо Верховного Уголовного Суда, т. 2, 578. 3) В подлиннике: «оруча»

По прочтении приговора, Ишутин был поставлен под виселицею, а прочие преступники к позорным столбам. В это время прискакал фельдъегерь и подал министру юстиции запечатанный пакет. Министр юстиции, прочитав, что его императорское величество дарует Ишутину жизнь, поручил секретарю Верховного Уголовного Суда прочесть высочайшее повеление относительно облегчения участи прочих осужденных. По прочтении этого высочайшего повеления, все одиннадцать преступников отправлены на Николаевскую железную дорогу.

Министр юстиции *Дмитрий Замятнин.*
Секретарь Верховного Уголовного Суда *Есипович.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Малинин, Орест Васильевич, род. около 1842 г. в Саратовском уезде. Сын священника. Учился в саратовской духовной семинарии, затем окончил московский университет по юридическому факультету. Служил в контрольной палате. Арестован в Саратове после 10 мая 1866 г. Приговорен к каторжным работам на 10 лет, но, в виду чистосердечного раскаяния и противодействия целям «Организации», каторга была заменена ссылкой в Сибирь на поселение с лишением прав состояния. На поселении жил в Енисейске. В апреле 1870 г. получил разрешение поселиться в Уфимской губернии. В 1872 г. ему были возвращены права состояния, и с него был снят надзор. В конце 70-х гг. служил на Ряжско-Вяземской железной дороге. Умер в Калуге в 1911 г.

2. Малинин в следственной комиссии делал весьма детальные сообщения о целях «Организации» и «Ада», поэтому-то председатель перед его допросом в суде и счел нужным напомнить ему его показания. Малинин на суде всячески старался ослабить значение того, что он говорил в комиссии,—это очень характерно для громадного большинства подсудимых.

3. «Малининцами» называли более умеренную часть «Организации», ведшую борьбу против «ипатовцев». Основное ядро «малининцев» составляли Малинин, Дмитрий и Александр Ивановы и Лапкин, потом к ним присоединился Мотков. Иногда вместо «малининцев» употреблялось название «мотковцы». По существу это второе название является более подходящим, потому что именно Мотков, человек безусловно очень способный и хорошо осведомленный о планах ипатовцев, являлся лидером и вдохновителем этой группы.

4. «Более подходящим», т.-е. ближе стоящим к ипатовцам, чем третья группа—так называемых «саратовцев».

5. Иванова, Екатерина Львовна, род. около 1842 г. в Нижегородской губ., дочь подполковника. Вместе с сестрой Александрой была арестована и привлечена к дознанию за заведывание швейной мастерской, устроенной в феврале 1865 г. на артельных началах. В ноябре 1866 г. Иванова была освобождена из-под стражи и подчинена негласному полицейскому надзору. Участвовала в кружке самообразования, устроенном Феликсом Волховским. В 1869 г. подвергалась обыску в связи с нечаевским делом. Позже была замужем за Хомутовым, бывшим вице-губернатором в Ташкенте. Умерла около 1922 г.

6. В дополнение к тем биографическим сведениям о Страндене, которые были даны в I томе, сообщаем новые данные, полученные нами от Д. Д. Юрасовой (дочери Д. А. Юрасова). Тою же Юрасовой и Н. Н. Ермоловым (сын П. Д. Ермолова) даны сообщения о Д. А. Юрасове и П. Д. Ермолове, приводимые дальше. Пользуемся случаем выразить здесь этим лицам благодарность.

Н. Н. Странден после ссылки жил в Вольске; потом работал в Чистополе, как управляющий лесным заводом. Около 1889 г. уехал в Бухару; был там агентом общества «Кавказ и Меркурий» по отправке хлопка. В 1898 г. приехал в Пензу. Получивши какую-то работу в Минусинске, уехал туда. Захворавши там, вернулся в Пензу, где и умер 17 января (ст. ст.) 1902 г.

7. Участие всех лиц, принадлежащих к организации, за исключением Ермолова, Ишутина, Юрасова, Загибалова, меня и Малинина, который был кассиром, ограничивалось только тем, что они бывали на сходках; так же, как и все члены взаимного вспомоществования, ограничивались только тем, что бывали на собраниях и говорили о фирме общества». (Из показания Страндена 31 мая. «Производство», том 6, л. 104.)

8. По возвращении из ссылки в 1884 г., П. Д. Ермолов жил все время в Пензе. Служил протоколистом в дворянском собрании. Умер в Пензе 8 октября (ст. ст.) 1910 г.

9. О «сумасшествии» Каракозова говорит в показаниях, данных следственной комиссии, очень большое число привлеченных,—в том числе даже и некоторые шатовцы. В сильной степени здесь, конечно, можно видеть стремление хотя этим путем облегчить судьбу Каракозова. Но в ряде случаев, несомненно, таково было, действительно, впечатление, производимое замкнутым, погруженным в себя Каракозовым на недостаточно его знавших людей. Интересно сопоставить с этими отзывами то, что говорит о Каракозове в своей автобиографии П. А. Худяков: он совершенно не упоминает о какой-нибудь «ненормальности» Каракозова и отдает должное его мужеству и самоотверженью. Он говорит только, что у него стремление к действию перевешивало рассудок, что, конечно, так и было.

10. Для объяснения этих слов Моткова можно привести следующее место из показания Загибалова 14 апреля. «По выходе из клиники Каракозов вел себя чрезвычайно странно; он все время скрывался, так, напр., когда он писал что-нибудь и к нему в это время входили, то старался спрятать бумажку, хотя должен бы быть уверен, что к нему в письмо и так никто не заглянет из вежливости. Один раз я растапливал печь, стоявшую в его комнате, и попросил у него бумаги зажечь дрова, он подал мне несколько клочков бумаги, из которых на одном я прочел: «Записки сумасшедшего». Я взглянул на Каракозова, он покраснел; мне сделалось неловко, и я бросил эти клочки в печь, не читая». («Производство», том 2, л. 208.) Вероятно, рассказ Загибалова об этом инциденте дошел и до Александра Иванова.

11. Иванов, Дмитрий Львович, сын подполковника, из дворян Нижегородской губ. Род. 26 сентября 1846 г. Учился сначала в пензенской, потом в нижегородской гимназии. По окончании последней в 1864 г. поступил в московский университет. Арестованный по каракозовскому делу, дал в комиссии обширнейшие откровенные показания. Очевидно, вследствие его «примерного» поведения Муравьев 26 июня дал приказ коменданту крепости освободить Иванова. Он был выпущен «на излечение» 27 июня. Вторично посажен в крепость 14 июля. Был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. По конфирмации ссылка была заменена отдачею в военную службу рядовым с правом выслуги. Назначен был на службу в Оренбург; в 1867 г. по его желанию переведен в Ташкент. В 1870 г. произведен в офицеры. Военная служба дала Иванову материал для двух произведений: «Под Самаркандом. Из старых записок 1868 г.» (Спб., 1877) и «Из воспоминаний туркестанца» («Исторический вестник», 1896, № 6). В 1873 г. он вышел в отставку и поступил в горный институт. Впоследствии видный геолог. Работал в Уссурийском крае, в Сибири, на Кавказе. Автор многих научных работ. После Октябрьской революции продолжал работать до смерти в Геолкоме. Умер 19 марта 1924 г.

12. Васильев, Василий Алексеевич. Учился в нижегородской гимназии. Вольнослушатель московского университета, потом перешел в петербургский университет.—Титов, Михаил Ивич., род. в 1845 г. Окончил нижегородскую гимназию. Был студентом петербургского университета, потом перешел в московскую сельскохозяйственную академию. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу за участие в переплетной мастерской. В 1869 г. был арестован по делу Нечаева, в виду того, что у П. Г. Успенского были найдены его письма.—Воскресенский, Василий, студент, тоже привлекался к дознанию и был освобожден от взыскания

13. Фалин, Николай Иванович, род. в 1843 г. в Пензенской губ. Окончил пензенскую гимназию. Студент московского университета. Привлечены к дознанию за участие в переплетной мастерской, провёл 11 месяцев в полицейской части, до марта 1867 г. В январе 1868 г. по решению следственной комиссии освобожден от ответственности.

14. Трусов, Николай Федорович, штабс-капитан в отставке. По показанию Ишутина, он, выйдя в отставку из военной службы, некоторое время был чиновником особых поручений при калужском губернаторе Арцимовиче. С Ивановым и Воскресенским был знаком еще по Нижнему Новгороду. Поселившись в их квартире, он заинтересовался переплетным делом и сам месяца 3 работал в мастерской. Потом уехал в Екатеринославскую губернию.

15. Этот вечер был устроен в начале марта 1866 г. в зале Артистического клуба. Главным распорядителем его был Юрасов. Формальный сбор с него предназначался в пользу недостаточных студентов Петровской академии. По показаниям Малышина, вечер принес 270 р. дохода. Из них 150 руб. предназначались на издание брошюры Прудона «Les democrates assermentés», остальные были розданы в долг.

16. «Социальную» реформу здесь, конечно, нужно понимать, как «социалистическую». Ср. с этим, напр., следующее место из показания Ишутина 29 мая. «...Предполагалось, когда будет достаточно приготовлен народ, предложить правительству устроить государство на социалистических началах, и если оно не согласилось бы, то произвести революцию, чтобы достичь непременно своей цели и основать новое правительство на началах социальных». («Красный архив» 1926, т. 1 (17), стр. 119). В неуклюжей формулировке Кичина эта мысль о правительстве, проводящем социалистические реформы, звучит так: «...Ад» есть не что иное, как желание угрозой вытребовать от правительства социальной революции». («Покушение Каракозова», том 1, стр. 178). Пути будущей революции и способы водворения социализма были неясны мелкобуржуазным революционерам 1865—1866 гг. Иногда они были склонны говорить о захвате власти собственной партией; чаще представляли себе широкую народную революцию, руководителем которой был бы скрывающийся в тени таинственный «Ад», направляющий революционное правительство и вожаков партий к своим целям. Но и совершенно утопическая мысль, что правительство Романовых может по требованию революционеров ввести социалистический строй, была не совсем чужда ишутинцам.

17. Либо Иванов здесь перепутал, либо Странден сказал ему про Калугу просто, чтобы отвязаться от него. В Калуге Каракозов никогда не был и не предполагал быть.

18. Так в тексте. Очевидно, надо понимать: Иваново. Эта поездка Каракозова в Иваново представляет выдумку Ишутина.

19. Вопрос Принца уясняется следующим местом из показаний Дм. Иванова. «В январе месяце нынешнего года я подал прошение в Петровскую академию о принятии меня в число стипендиатов и уже приготовился к экзамену. Это чрезвычайно обрадовало Ишутина, потому что он постоянно восставал против науки и дипломов, так как он видел в этом «лазейку в мирную жизнь гражданина. Но хотя я подал прошение в академию, я перед самым экзаменом раздумал поступать в нее теперь, во-первых, потому, что у меня в это время была сильная простуда в груди, а во-вторых, я слышал, что первые полгода в академии пропадут почти даром. Поэтому я решился ехать в Пензу к матери и пожить до осени. Когда я сказал о последнем моем намерении Ишутину, он очень обрадовался этому и начал сейчас же восхвалять мои достоинства, начал говорить мне о том, что я, живя в кругу их, вспитываюсь в таких идеях, которые меня поведут по хорошей дороге, и что я наверное захочу работать в известном направлении, а также быть с ним вполне солидарным». («Производство», том 7, л. 165 об.—166.)

20. Переплетную имелось потом в виду передать работавшим в ней рабочим; есть указания, что это так и было сделано. По показанию Соболева, Ишутин вел среди этих рабочих пропаганду. Кроме переплетной,

члены «Организации» мечтали завести еще булочную, слесарное заведение и пр.

21. Может быть, тут дело идет о чисто фиктивной поездке Стриднера к родным, о которой он показал 20 июня следующее: «На одной из сходок общества «Организация» я действительно говорил, что мне необходимо съездить к бабушке в Пензенскую губернию, чтоб оставить пред ней свою поездку в Сибирь. Говорено это было мною потому, что, предполагая ехать по открытии Волги с первым же пароходом в Сибирь, мне необходимо было приготовиться для этой поездки, т.-е. сшить себе мещанское платье, устроить в нем разные потайные карманы и пр. мелочи, которыми невозможно было заниматься на нашей общей квартире, при постоянных посетителях и хозяйке, которая была в наших же комнатах. Чтоб устранить все эти неудобства, я и перешел на другую квартиру, сказав всем моим знакомым, кроме товарищей, что я уезжаю к бабушке». («Производство», том 7, л. 414 об.).

22. Лапкин, Федор Петрович, сын священника из Саратовской губ., род. около 1847 г. Учился в саратовской семинарии; был в Саратове членом кружка молодежи, организованного А. Х. Христофоровым. В 1866 г.— слушатель московской земледельческой академии. Был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь. По царской конфирмации это наказание было заменено ссылкой на житье в Томскую губ., с лишением всех особенных прав и преимуществ.

23. Вот соответственное место из показаний Лапкина комиссии. «Цель моего поступления в «Организацию» была та, чтоб содействовать ее планам, т.-е. содействовать пропаганде, взбунтовать народ, уничтожить дворян, лишить жизни государя и весь царствующий дом. Я был еще и прежде против монаршей власти. Мне казалось, что все люди должны быть свободны, что не нужна никакая власть, никакое управление, что всех государей люди выдумали только для стеснения себя, что они не умели еще жить, а потом эти властители и сами не выпускали власть из своих рук. Я был против государя потому, что видел из истории, сколько иные государи приносили зла, напр., Иоанн Грозный... Мне казалось, что освобождение крестьян вовсе не таково, как должно бы быть. Крестьяне отпущены без земли. Я рассуждал, неужели ж за их долгие труды, за их долгие страдания только награда—освобождение от рабства, тогда как они остались так же бедны, а помещики так же богаты. Вот одно из побуждений, по которому я поступил в «Организацию». Остановившись на мысли, что правительства не будет, что будет произведена революция, которая только и может восстановить свободу, равенство и независимость каждого человека,—я полагал, что цель достигнута; что будет после, я не рассуждал, и мне не приходилось слышать от Воскресенского. Мне не приходила та мысль, что же будет после, если бы планы удались. Я полагал только, что наше дело расчистить дорогу, а там явятся люди, которые воссоздадут царство социализма». («Производство», т. 19, л. 167, об.—168).

24. Приводим то, что говорит в своих мемуарах об этом заявлении Лапкина секретарь Верховного Уголовного Суда Есипович. «Производилось судебное следствие о Лапкине. По актам следственной комиссии этот подсудимый представлялся страшным преступником, сознавшимся в том, что хотел истребить царствующий дом, всех сановников и все дворянство. Пред В. У. судом предстал вместо такого изверга юноша, который с плачем говорил, что жизнь каждого человека для него священна, что наговорил он на себя такие ужасы потому, что допрашивавшая его межевая комиссия угрожала ему, в случае, если он не сознается во всем, отправить его к графу Муравьеву, а о Муравьеве он имел такое понятие, что тот велит непременно пытать его; вследствие всего этого, наговорив на себя всевозможные преступления, он хотел лишить себя жизни и начал уже резать свою руку разбитою склянкою, чтобы выпустить кровь, но не успел в этом. Видеть Лапкина, слышать его искренний, детски-плаксивый рассказ и не верить ему было невозможно. А поверивши нельзя было не

возмущаться против тех противозаконных приемов, какие дозволяли себе некоторые не в меру ретивые следователи». (Записки сенатора Есиповича. «Русская старина» 1909, № 3, стр. 559).

25. Иванов, Александр Иванович, дворянин, сын боровского казначея (Калужской губ.). Род. в 1843 г. Студент московского университета. Приговорен по каракозовскому делу к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение. По царской конфирмации это наказание заменено лишением всех особенных прав и ссылкой на житье в Томскую губ. Жил в г. Бийске, причислился к мещанам. В 1874 г. ему возвращены прежние права состояния и разрешено вернуться в Европейскую Россию. В 1875 г. поселился в Туле при родственниках под наблюдением III отделения.

26. Балачевский, Андрей Николаевич, дворянин Смоленской губ., сын стат. советника. Род. около 1845 г. Будучи студентом московского университета, привлекался к дознанию по каракозовскому делу; был отдан под негласный надзор. В 1867 г. поступил в петербургский университет. С 1869 г.—помощник присяжного поверенного. В 1869 г. арестован по нечаевскому делу, посажен в Петропавловскую крепость. Судился по обвинению в близких сношениях с главными участниками общества «Народная Расправа». 25 августа 1871 г. оправдан судом. В 80-е гг. жил в Москве, был редактором-издателем журнала «Эпоха». Умер в Москве 8 ноября 1888 года.

27. Алексеев, Владимир Михайлович, был прапорщиком Перновского гренадерского полка.

28. Никакого своего завода у Ишутина не было. Дело шло, конечно, о том хлопчато-бумажном заводе в Можайском уезде, который принадлежал Александру Герасимовичу Орфано. Завод стоял за неимением у Орфано средств. Предполагалось, что Ермолов снимет этот завод и, затратив 2 000 руб., пустит его в ход, с тем, чтобы с течением времени поставить его на началах ассоциации. Главное руководство всем этим предприятием должно было принадлежать Ишутину.

29. Д. А. Юрасов по возвращении из ссылки жил сначала в Пензе. Работал на Сызрано-Вяземской ж. д. Приблизительно с 1892 г. он заведывал всеми элеваторами этой дороги. В 1903 г. переехал на станцию «Узловая», Тульской губ. Продолжал работать на железной дороге до 1909 г., когда вышел в отставку. Жил в Калуге, у младшей дочери, до 1916 г., когда переехал в Нижний-Новгород. Умер там 26 апреля (9 мая) 1918 г.

30. Кичин, Константин Федорович, дворянин Калужской губ. Род. около 1844 г. Студент московского университета. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. В ноябре 1866 г. выслан на родину, в Медынский уезд, под негласный надзор полиции. В 1881 г. надзор был снят.

31. Воскресенский, Дмитрий Алексеевич, сын дьячка из Саратовской губ., род. около 1843 г. Обучаясь в саратовской семинарии, был членом кружка, основанного А. Х. Христофоровым. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. В ноябре 1866 г. выпущен на свободу и подчинен негласному надзору в Петербурге. В 1868 г. принадлежал к нелегальному кружку, носившему название «Смортонская академия». В 1869 г. привлекался к дознанию по делу о попытке освободить Чернышевского. Служил в департаменте таможенных сборов по вольному найму. В 1876 г. выехал в Семипалатинск.

32. Разрешение на открытие общества по призрению женского труда было дано министром внутренних дел в феврале 1865 г. Прошение об утверждении подавали графиня В. П. Ростовцева, А. П. Философова, И. Д. Делянов и служивший в министерстве народного просвещения Веревкин. Ближайшее отношение к обществу имел П. Л. Лавров. Немедленно началась горячая борьба между «аристократками» и «нигилистками». К «ари-

стократкам» принадлежали П. В. Стасова, М. В. Трубникова и Философова, к нигилисткам — Ценина и М. А. Богданова. Из деятельности общества ничего не вышло. Об этом см. книгу Вл. Стасова «Надежда Васильевна Стасова» (1899), сборник памяти Философовой и дневник Е. А. Штакеншнейдер в «Голосе минувшего», 1916, 4.

33. О личных свойствах Юрисова отзываются с большой похвалой самые разнообразные лица, начиная с секретаря Верховного Суда Есиповича и кончая П. А. Худяковым, который в своей автобиографии пишет, что такие люди, как Юрисов, сделали бы честь всякому поколению.

34. Между шпутницами ходил слух, будто существует какое-то тайное общество офицеров, члены которого намереваются на смотру убить царя. Дознанием этот слух совершенно не подтвердился.

35. Борисов, Феофан Алексеевич, из государственных крестьян Саратовской губ., Камышинского уезда. Род. около 1845 г. Учился в саратовской гимназии; был в это время членом кружка, основанного А. Х. Христофоровым. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. В декабре 1866 г. освобожден и отдан под негласный надзор полиции. Был в Торжке письмоводителем у мирового судьи Бакунина. В 1867 г. проживал в Саратове и в Одессе, занимаясь частными уроками. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу; дело о нем было прекращено, и он был выпущен в 1871 г. из крепости. Выслан в Ветлугу, Костромской губ., под надзор полиции. В 1873 г. надзор снят. Был волостным писарем в Саратовской губ. Жил некоторое время в Перми. В половине 80-х гг. переехал в Саратов, где служил по городскому самоуправлению. Умер в Аткарске 6 ноября 1928 г.

36. Соболев, Василий Иванович, сын причетника из Нижегородской губ., род. в 1844 г. Учился в нижегородской семинарии. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. В декабре 1866 г. освобожден и подчинен негласному надзору. В 1867 г. служил письмоводителем у мирового судьи Кишинского в Новоторжском уезде Тверской губернии.

37. Сергиевский, Алексей Егорович, сын священника, род. в 1846 г. в Сердобском уезде Саратовской губ. Учился в саратовской семинарии, был участником кружка, организованного А. Х. Христофоровым. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к 8 месяцам заключения в крепости, с зачетом предварительного заключения. Освобожден из крепости в январе 1867 г., с установлением негласного надзора. Был канцелярским служителем в департаменте таможенных сборов. Являлся в 1867 г. одним из основателей тайного общества «Сморгонская академия». В 1868 г. выехал в Саратов, а в 1869 г. в Одессу, где служил конторщиком в газете «Новороссийские ведомости». Был под надзором полиции по делу Кунтушева и Троицкого. В 1870 г. был слушателем Лесного института в Петербурге. Подвергнут аресту в конце этого года.

38. Черкезов, Варлаам Джан-Аслановичъ (Николаевич), князь, из Тифлисской губернии. Род. в 1846 г. Учился в московской 2-й военной гимназии. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. В январе 1867 г. освобожден под негласный надзор в Петербурге. В том же году был одним из основателей тайного общества «Сморгонская академия», стремившегося завязать сношения с эмигрантами. В 1869 г. переехал в Москву. Участвовал в нечаевском кружке, организованном Кузнецовым. В декабре 1869 г. арестован. В августе 1871 г. приговорен по процессу нечаевцев к ссылке на житье в Томскую губернию, с лишением всех прав и преимуществ. Ссылку отбывал в Томске. В 1876 г. бежал за границу и стал эмигрантом. Жил в Лондоне и Женеве, был видным деятелем международного анархического журнала «Le Revolté». Умер в Лондоне 18 августа 1925 г.

39. Мусатовский. Павел Акимович, дворянин Владимирской губ., род. около 1836 г. Окончил московский университет по историко-филологическому факультету. Числился на службе письмоводителем в канцелярии волоколамского предводителя дворянства. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу, был уволен со службы и подчинен негласному наблюдению. В мемуарах Козлининой говорится, что Мусатовскому, образованному лингвисту, мечтавшему о профессуре, было воспрещено навсегда всякое учительство. Принужденный взяться за первое попавшееся место, он стал письмоводителем у мирового судьи, за ничтожное вознаграждение, и умер в этой должности в конце 70-х гг. («Записки старейшей русской журналистики», М., 1913). Об открытой им школе см. «Покушение Каракозова», том 1, стр. 305.

40. Более подробно об этом Черкезов показывал в комиссии. «Разговор наш (с Ишутиным.—*М. К.*) всегда был о том, что должен ли порядочный человек заниматься наукою; из помянутых разговоров я вывел то заключение, что как по мнению Ишутина, так равно и Каракозова, Загибалова, Страндена, Ермолова и Юрасова наукою заниматься—дело пустое, негодное, потому что люди, занимающиеся ею, позабывают нужды мира и делаются умственными генералами, т.-е. людьми, желающими повелевать всеми». («Особые показания, данные в следственной комиссии Сергиевским, Полумордвиновым, князем Черкезовым, Ишутиным и др.», л.л. 16—17). О том же отношении к «науке» говорят и другие. Соболев, напр., показывает 17 июня, что Ишутин советовал ему бросить учебное заведение и итти пропагандировать. «Образование, говорил он, для политического деятеля ничего не значит, тут нужно знать только жизнь людей, а вы людей и жизнь видали». Вознесенский, по словам Борисова, отзывался об ипатовцах с пренебрежением, говоря, что «это люди бездельные, которые только и знают, что ратуют против науки»... («Производство», № 19, л. 141). Так же тенденция была и в петербургском кружке. А. Комарова в показании 9 мая приводит, напр., содержание спора А. М. Никольского со студентом Робуком. «Разговор начался с того, что Никольский стал нападать на ученых специалистов. Масса, народ необразован, следовательно, и мы не имеем права быть образованными;—мы должны стараться облегчить участь массы... Не много нужно знать, чтобы объяснить народу, что его обманывают и обворовывают». («Производство», том 4, л. 205). Сам Никольский так показывал 12 июня о своих взаимоотношениях с Н. Д. Ножиным. «...В последний раз я совсем почти с ним разошелся. Это было, кажется, в марте нынешнего года, когда он задумал готовиться к профессорству. Спор между мною и им произошел вследствие того, что он доказывал, что надо, как он выражался, «вести науку вперед», т.-е. он хотел исключительно заняться одной наукой и разрабатывать ее. Я же ему доказывал, что гораздо будет полезнее стараться по возможности распространять в массах те сведения, которые уже разработаны, и что этим путем и наука уйдет далее, так как тогда уже будут заниматься ею уже не несколько лиц, поставленных в исключительное положение, а всякий желающий». («Производство», том 7, л. 129). Характер всех этих нападений на науку совершенно ясен: это—раннее проявление тех народнических тенденций, которые в 70-х гг., в эпоху хождения в народ, заставляли молодежь в массе бросать учебные заведения, отказываться от тех привилегий, которые даются образованием.

41. Поскольку здесь дело идет о «Европейском Комитете», ясно, что этот разговор Ишутина с Черкезовым имел место уже по возвращении Худякова из-за границы. Но можно установить, что впервые Ишутин поднял в московском кружке вопрос о необходимости более решительных мер действия еще до приезда Худякова, даже до своего знакомства с ним. Загибалов, напр., показывал 29 мая: «Не помню именно, с какого времени, но никак не позже начала 1865 года (курсив наш.—*М. К.*) Ишутин начал говорить, что мы занимаемся пустяками и что для достижения нашей цели нужно употреблять самые энергичные меры». («Производство», том 6, л. 34).

42. Многие из привлеченных к дознанию, давали в своих показаниях резко-отрицательные отзывы об Ишутине, что объяснялось как некоторыми

особенностями его характера, так и женщиной рядом подсудимых свалить на него большую часть вины.

43. О Ножине см. «Покушение Каракозова», том 1, стр. 302. Он умер в больнице 3 апреля 1866 г. Есть указания, что перед смертью он хотел видеть кого-то из петербургской высшей администрации—военного губернатора Суворова или обер-полицеймейстера Анненкова, повидимому, чтобы сделать какое-то важное сообщение, но этого ему не удалось. О смерти его сейчас же возникли различные слухи и целые легенды—см. об этом Е. Колосов «Н. К. Михайловский в деле Каракозова» («Былое», № 23, 1924 г.) Смерть его многие считали неестественной,—говорили, напр., что Ножин был отравлен. Другая версия о смерти Ножина, что он сам удавился,—была, очевидно, очень распространена, если она дошла даже до Ишутина, находившегося в строгом тюремном заключении.

44. Личность неизвестная. К каракозовскому делу Александров, повидимому, не привлекался.

45. Маликов, Александр Капитонович, мещанин, род. в 1839 г. во Владимирской губ. В 1863 г. окончил московский университет, был судебным следователем в Жиздринском уезде, уволен вследствие столкновения с губернатором и переведен в г. Холм, Псковской губ. По каракозовскому делу, как знавший об умысле освободить Чернышевского, признан судом подлежащим, после строгого внушения, высылке по усмотрению министра внутренних дел. Выслан в Холмогоры, Архангельской губ. В 1873 г. переведен под надзор полиции в Орел, где служил в правлении Орлово-Витебской железной дороги. В 1874 г. явился основателем религиозно-нравственного учения о «богочеловечестве» (см. о роде секта «маликовцев»), сказавшего некоторое влияние на кое-кого из народников того времени. Был арестован по делу о пропаганде в империи (процесс 193), но освобожден. В 1875 г. уехал в Америку, где жил в коммуне Вильяма Фрея (В. К. Гейнеа). В 1878 г. возвратился в Россию, жил в Екатеринбурге, Перми, Вильне, служил по железным дорогам. От полицейского надзора освобожден в 1880 г. Писатель (книги «На задворках фабрики» и «Край без будущего»). В конце всех своих исканий пришел к православию. Умер в Вильне 8 марта 1904 г.

46. Обвинительный акт обосновывался на следующем месте показания Маликова 4 июня. «...Я вполне сочувствовал социальным убеждениям Некрасова и его товарищей и уважал от души их стремление распространять эти идеи в народе через образование, артели и книги и с своей стороны всегда был рад служить этому делу и этим идеям на том простом основании, что я их считал истинными, и вследствие-то этого само собою является неуклонная нравственная обязанность для человека распространять их и делать их известными для большинства. Таким образом, в пропаганде этих идей и только указанными выше способами и заключалась вся цель дела и моего направления. Если я считал социальные идеи истинными, то я полагаю, что, делая их по возможности известными большинству, я уже достигал своей цели, и о дальнейших результатах нечего было думать. Всякая истина сама в себе несет результат и цель. Я очень хорошо понимал тогда и понимаю теперь, что и для такого рода пропаганды этих идей, какая указана выше, мне было не только жизни моей, но и следующего поколения». В этом показании уже ясно чувствуется тот моралистический характер идеологии Маликова, который так сильно сказался у него в 70-х гг.

47. Оболенская, Елизавета Капитоновна, сестра А. К. Маликова, жена Л. Е. Оболенского. Привлекалась к дознанию по каракозовскому делу московской комиссией, но освобождена от взыскания. В 1869 г. была арестована в Москве в связи с нечаевским делом. 6 июня она показала в московской комиссии следующее: «в 1865 году, не помню, в каком месяце, только знаю, что весной, мой брат приехал к нам в Тверь и долго что-то говорил тихо с мужем. У меня что-то замерло сердце, я все ждала, что мне скажут; но однако я сама должна была спросить мужа, о чем они говорили. Прежде он сказал, что ничего, но потом объяснил, что

предполагается спасти Чернышевского, но что на это нужны люди здоровые и что они почти решили, что должен итти мой муж. Я ему ничего тут не сказала, мне было очень тяжело; просить не делать этого я не могла, да и не послушали бы меня, но я желала каким-нибудь образом помешать этому делу. Услыхала я уже в другой раз, когда мы приехали в Холм в сентябре, где брат говорил, что и он пойдет... Я хотела сказать моему отцу, да жаль было старика, да и узнали они бы тогда, что я передала, и покою мне не дали б. Я подумала: увяжись я с ними, ведь мой муж подумает, что делает, и если они будут согласны взять меня, то я в это время как-нибудь дам знать его отцу обо всем, но чтоб он не говорил, что я ему это сказала, да они б и не могли этого подумать уже тогда, когда я решилась итти с ними, или же притвориться больною в дороге. Когда вскоре заговорили об этом, я сказала, что я пойду с ними, что, может быть, мне удастся помочь им. Действительно, они потом начали говорить, что они не пойдут, и грешно бросать ребенка, и они не пойдут. Я тут успокоилась. Вскоре после этого мой брат получает письмо от Бибикова, где он предлагает моему мужу место в Козельске; муж поехал туда и оттуда написал, что он и брат отправятся весною и, может быть, и я...; я боялась, что это потихоньку от меня сделается, и потому написала ему, что иду непременно; на это письмо он ответил, что всю дорогу он думал о путешествии, сознал, что путешествие это—подлость и что он теперь весел и покоен, что решил не итти туда. Прежде еще он писал мне и велел передать брату, что путешествие предполагается весной, и спрашивал, какими средствами, не елисеевскими ли?» («Производство», том 7, лл. 351—352).

48. Дарочкин, Яков Иванович, крестьянин, бывший сельский староста с. Людинова, рабочий Мальцевского завода (Жиздринского уезда). Род. около 1809 г. Привлекался по делу о социалистической пропаганде в Калужской губ., возникшему в связи с каракозовским делом. В конце 1866 г., по постановлению следственной комиссии, выслан в Вологодскую губ. По дороге на место высылки умер.

49. Владельцы Мальцевского завода имели право выпускать для расплаты с рабочими особые удостоверения, ходившие наравне с деньгами. Мальцевские «бумажки» могли быть стоимостью до 5 рублей. Как показывает один из привлекавшихся, помещик князь П. П. Вадбольский, бумажки эти наводнили весь уезд и вносили полное расстройство в его экономику. Вадбольский и другие лица вели в газетах кампанию против этой привилегии заводовладельцев.

50. Гернет, Николай Александрович, сын штаб-лекаря, род. около 1848 г. Учился в кадетском корпусе, курса которого не кончил из-за участия в школьном «бунте». После покушения Каракозова ездил в Холм для предупреждения Моткова о начавшихся арестах. По постановлению следственной комиссии выслан в Тотьму, Вологодской губ., под надзор полиции. Сошелся там с П. Л. Лавровым, с которым потом вел переписку. В 1870 г. переведен в Ардатов, Симбирской губ. Служил там в уездной земской управе. Около 1886 г. переехал в Симбирск. Поступил на службу в лесное ведомство и служил там до смерти. Умер в Симбирске 31 октября 1910 г. В литературе до сих пор этот Гернет нередко считался за одно лицо с другим Гернетом, Александром Христофоровичем, служившим в Одессе секретарем городской думы и административно высланным в 1879 г. в Восточную Сибирь.

51. Гасабов, Агабек Иванович, учитель уездного училища в Холме, знакомый Гернета.

52. В комиссии Оболенский 28 июня давал такие показания об участии Маликова и своем в деле освобождения Чернышевского: «...После пребывания Маликова в Москве он мне рассказал, что когда поднят был вопрос о том, кто бы мог отправиться в Сибирь, и они, т.-е. Ишутин и Юрасов, перечисляли своих знакомых, то говорили, что все они заняты уже другими делами, более серьезными, что у них каждый имеет свое назначение. А потому Маликов и взял на себя отправиться в Сибирь.

Сначала они хотели ему по возможности помогать, чем понадобится... Когда приезжал Юрасов в Козельск, у нас с ним был разговор о деле Чернышевского, именно вследствие того, что я и Бибиков еще ранее решили, чтобы уговаривать Маликова и от себя, и от Бибикова, и через Юрасова не отправляться в Сибирь, так как нам его было очень жаль... Еще к прежним своим показаниям я должен прибавить, что, живя в Холме у Маликова и не зная, куда деться, если он поедет в Сибирь, я некоторое время думал тоже с ним туда отправиться, тем более, что он надеялся выхлопотать там себе место следователя, или какое-нибудь подобное... Разумеется, что, отправившись с Маликовым, я бы в случае нужды должен был помочь ему; а потому я должен объяснить, как мы знали дело Чернышевского. Маликов, приехав из Петербурга, рассказывал, что Елисеев им говорил следующее: что Чернышевский сослан напрасно, вследствие того, что один поэт, Всеволод Костомаров, попавшись в каком-то преступлении, составил фальшивую записку, подведенную под руку Чернышевского, и свалил всю вину на него. Что Чернышевский болен цынгой и должен даже себе сам печь хлеб и вообще терпит самые ужасные материальные страдания будто бы невинно. Цель Маликова была только передать ему каким-нибудь способом деньги, и больше решительно ничего, он сам мог ими распорядиться, как хочет, но если б он с ними ушел, то мы бы, разумеется, не были недовольны, так как считали его невинным». («Производство», том 8, лл. 123—127).

53. См. об этом «Покушение Каракозова», том 1, стр. 297—298.

54. Согласно показанию Худякова, среди ишутинцев в 1865 г. шли усиленные толки об издании журнала. Деньги на него собирался дать богатый человек — А. П. Мамонтов. Журнал должен был быть «социального направления», «т.-е. чтобы оно (sic) читалось обширным кругом людей и действовало на низшие слои общества, поселяя в них вражду низшего населения к высшему и к ниспровержению (очевидно, пропущено какое-то слово, вроде: стремление.—*М. К.*) существующего порядка вещей, насколько это возможно при цензуре». Журнал должен был издаваться «на социальных началах», «т.-е. плата за статьи должна была делиться поровну». В журнале хотели участвовать Ишутин, Юрасов. Редакторство его Ишутин предлагал Худякову. Вследствие отказа Мамонтова дать деньги все эти планы пришлось оставить.

55. О Елисееве см. «Покушение Каракозова», т. 1, стр. 305. Приводим некоторые показания о роли его в планах освобождения Чернышевского. 19 мая Мотков показал: «Бывши в марте месяце у Маликова, я узнал от него, что в этом деле принимает участие Елисеев, который должен был дать для этого 1 000 рублей». (Том 5, л. 12). 17 мая Шаганов пишет об ишатовцах: «К освобождению Чернышевского их уговорил один петербургский литератор, не могу никак теперь припомнить его фамилии, а знаю, что его псевдоним Грыцко; самого его я не знаю и не видал». (Том 5, л. 8—9). Оболенский в начале мая показывал: «Воротившись, он (Маликов.—*М. К.*) рассказывал, что Ишутин и он были в Петербурге, познакомились с сотрудником «Современника» Елисеевым, который их подговаривал освободить Чернышевского, на что дадутся им, Елисеевым, деньги. Я тогда не обратил на это особенного внимания, потому что видел в этом только детское ухарство своими идеями и храбростью». (Том 3, л. 308). Сам Маликов 5 мая рассказал следующее: «...Как-то разговор зашел о Чернышевском, при чем Елисеев рассказывал о его строгости к себе и о его симпатическом характере, да, между прочим, в заключение и высказал: «Вот хорошо кому бы помочь деньгами: он мог бы с ними уехать за-границу». На это Ишутин и отвечал: «Мы похлопочем», а Елисеев засмеялся и говорит: Только народ-то вы такой—пеимущий», а потом в заключение и прибавил: «Все это фантазия, пустяки». После этого мы и отправились от Елисеева, и дорогой мне Ишутин стал говорить, что надо спросить у Елисеева, где он укажет средства, прибавив при этом: «А людей можно найти, которые возьмутся доставить их уже Чернышевскому»; я ему ответил:

«Конечно, можно! я бы сам не отказался от этого». Говорит я это потому, что всегда уважал в Чернышевском его огромные знания и талант публициста и потому искренно сожалел его настоящее положение». (Том 4, л. 56). Елисеев был допрошен в комиссии об этом деле дважды—21 мая и 22 или 23 (числа не поставлено). Во второй раз он дал такой ответ: «...Мысли об освобождении Чернышевского я никогда не имел и подобной мысли иметь не мог, как совершенно нелепой; ибо, как я объяснил уже в показании от 21 мая, что почитаю возможным скорее похищение луны с неба, чем похищение Чернышевского из Сибири; кроме того, твердо убежден в том, что если бы кто и решился на похищение, то сам Чернышевский, как человек разумный, никогда на подобное похищение себя не согласился, в том твердом убеждении, что оно неосуществимо, да если бы было и осуществимо, то, оставив Россию, ему надобно было бы умереть голодом. Всего лучшего для себя в будущем он не может надеяться ни от кого более, кроме как от милости монарха». (Том 5, л. 166 и об.).

56. Кутыев, Николай Яковлевич, дворянин Пензенской губернии, род. в 1842 г. в г. Керенске. Учился в пензенском дворянском институте. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к 8 месяцам заключения в крепости, с зачетом предварительного заключения. Освобожден в январе 1867 г. и выслан в Рязанскую губ. под надзор полиции. В том же году переехал в Псковскую губ. Надзор снят в 1874 г. В 80-х гг. жил в Харькове.

57. Маркс, Максимилиан Осипович, сын подпоручика польских войск. Род. в Галиции около 1816 г. Учился в Витебской гимназии. Был в московском университете, курса которого не окончил. С 1857 г. преподаватель, сначала в смоленской гимназии, потом в Москве—в 4-й гимназии и других заведениях. В 1864 г. находился в заключении в Петропавловской крепости за сношения с ссыльными поляками. По постановлению следственной комиссии, за ним по этому делу было учреждено негласное наблюдение. По каракозовскому делу был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Поселен в Кежемской волости, Енисейской губ. С начала 70-х гг. жил в Енисейске. Был членом-сотрудником Географического общества; за полезные труды награжден от этого общества золотой медалью. В 1879 г. ему возвращены прежние права, в 1880 г. он освобожден от надзора. Умер в Енисейске в 1893 г.

58. Вопрос председателя объясняется следующим образом. Во время предварительного следствия Марке обнаружил признаки душевного расстройства. По заявлению его защитника, адвоката Серебряного, 10 сентября (т.-е. в самый день суда) Марке был осмотрен крепостными врачами, Окелем и Вильмсом, для определения состояния его умственных способностей. Врачи нашли, что Марке страдает галлюцинациями слуховых ощущений в форме голосов, постоянно преследующих больного, когда он остается один. Такого рода расстройство может предшествовать действительному умопомешательству; поэтому, по мнению врачей, Маркса необходимо было бы подвергнуть более продолжительному наблюдению в специальной больнице. Того же 10 сентября суд в распорядительном заседании постановил: в отвращение замедления, призвать Маркса в заседание суда и прежде допроса спросить его, в состоянии ли он отвечать на вопросы. (Дело Верховного Уголовного Суда, том 2, лл. 204—206).

59. В некрологе Маевского, написанном Л. Пантелеевым, говорится, со слов Маевского, что заявление Маркса о существовавшем будто бы намерении «стравить Каткова является чистейшей выдумкой, объясняемой психическим состоянием Маркса. («Наша Жизнь» 1905, № 317).

60. Трусов, Болеслав-Константин Данилович, из обер-офицерских детей, коллежский советник, учитель 3-й московской реальной гимназии. Род. около 1833 г. в Минской губ. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с зачетом предварительного заключения. Освобожден в декабре 1866 г. Состоял под негласным надзором. В 1869 г. был обыскан в Москве в связи с нечаевским делом.

61. Ланглауз, Адольф Францевич, род. около 1837 г. в Подольской губ. Учился в каменец-подольской гимназии. Провизор. По каракозовскому делу приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев, с воспрещением навсегда продавать яды. В марте 1867 г. освобожден из крепости и отдан под надзор полиции по месту жительства—в Москве. В 1869 г. был обыскан в связи с нечаевским делом. В 1874 г. надзор был продолжен в виду его «сомнительного поведения». Освобожден от надзора в 1880 г. Участвовал в журналистике.

62. Полумордвинов, Аполлон Петрович, дворянин, сын коллежского регистратора, род. в Саратовской губ. около 1843 г. Учился в саратовской гимназии; был участником саратовского социалистического кружка, организованного А. Х. Христофоровым. В 1866 г.—слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу приговорен к 5 месяцам заключения в крепости, с зачетом предварительного заключения. Освобожден в январе 1867 г. с подчинением негласному надзору полиции. В том же году был в Петербурге участником тайного кружка «Сморгонская академия».

63. Шестакович, Болеслав Петрович, дворянин, сын ветеринарного врача, род. около 1845 г. Учился в казанской гимназии, из которой вышел в 1862 г. По каракозовскому делу приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губ. По конфирмации это наказание было заменено ссылкой в Томскую губ. без лишения прав. В 1877 г. освобожден от надзора. Был управляющим Иркутским отделением Сибирского банка. В 1892 г. ему разрешено проживать повсеместно и поступить на государственную службу.

64. Шатилов, Николай, дворянин, род. в Казани около 1843 г. В 1858 г. исключен из московского университета за участие в студенческих волнениях. В 1859 г. был одним из организаторов студенческого общества «Библиотека казанских студентов». В 1862 г. вступил в московскую организацию тайного общества «Земля и воля». Арестован в 1863 г. В 1863 г. приговорен к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на поселение. На поселении жил в Енисейской губ. В 1868 г. получил разрешение переселиться в Саратовской губ. В 1871 г. возвращены права. Служил в правлении Ряжско-Вяземской железной дороги.

65. О Домбровском см. Покушение Каракозова, том I и «Побег Ярослава Домбровского» в «Красном архиве», 1927, том III (XXII).

66. Петерсон, Николай Павлович, сын титулярного советника. Род. 16 июня 1844 г. в Пензенской губ. Учился в пензенском дворянском институте. Был некоторое время слушателем московского университета. Учитель богородского, а затем бронницкого уездного училища. В 1862 г. жил в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, был учителем одной из окрестных школ. В Богородске подпал под влияние Н. Ф. Федорова (впоследствии известного мыслителя религиозно-идеалистического направления), стал последователем его идей. По каракозовскому делу приговорен к 6 месяцам заключения в крепости, с зачетом предварительного заключения. Освобожден в декабре 1866 г. Служил в Черкесовской библиотеке в Москве. В 1869 г. допущен к исправлению должности секретаря съезда мировых судей в Спасске, Тамбовской губ.; в 1870 г. переведен на ту же должность в Керенск, Пензенской губ. Впоследствии служил по ведомству юстиции. Был последовательно городским судьей в Мокшанах и в Воронеже, членом асхабадского окружного суда, уездным членом суда в Зарайске. Выступал в литературе. Умер 4 марта 1919 г.

67. Маевский, Павел Петрович, дворянин Минской губ., сын адъюнкт-профессора химии. Род. в Вильне 14 апреля 1839 г. Учился в виленском дворянском институте. В 1856 г. поступил в московский университет. Принимал участие в студенческих волнениях 1861 г. В 1862 г. исключен из университета. В том же году был привлечен по делу о найденных у него сочинениях революционного характера на польском языке. В 1863 г. освобожден до суда на поруки, под надзор полиции. По каракозовскому делу приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке

в Сибирь на поселение. Был поселен в Енисейской губ. Служил в золотопромышленных товариществах. 28 июня 1905 г. застрелился в Енисейске на почве неизлечимой мучительной болезни. Среди всех своих сотоварищей по процессу Маевский выделялся своим поведением в следственной комиссии. Единственный изо всех, он от начала до конца все отрицал, во всем запирался. Член следственной комиссии, жандарм Черевин, пишет в своих воспоминаниях: «Все способы, имевшиеся в следственной комиссии, были ничтожны перед неслыханным упорством этой личности. Я думаю, что если бы перенестись возможно было во времена пытязаний и пыток, то и эти способы не вырвали бы признания от Маевского. Достаточно сказать, что, переведенный впоследствии в Петропавловскую крепость, Маевский на данных ему 32 очных ставках с 32 различными лицами не только не сознался ни в чем, но и не признал никого из своих знакомых за известных ему лиц». (Записки П. А. Черевина. Кострома, 1918, стр. 35). Материалы следственной комиссии вполне подтверждают эту характеристику.

68. Олтаржевский. Тит. рядовой 72 пехотного тульского полка. Род. в 1842 г. в Подольской губ. Сын коллежского советника Эдуарда Олтаржевского. Воспитывался в варшавском благородном институте (до 1859 г.). В 1864 г. привлекался к делу о побеге политического арестанта отставного инженер-поручика Юндзилло. В 1866 г. привлекался к дознанию в связи с каракозовским делом. В 1868 г. сослан в Кронштадтские арестантские роты на 4 года. В 1879 г. был выслан в Самарскую губ. на 4 года.

69. Никольский, Павел Маркелович, брат Александра Никольского, дворянин, род. около 1843 г. Бывший студент петербургского университета. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу. По распоряжению следственной комиссии, за сношение с государственными преступниками, был выслан на родину в Астрахань под надзор полиции. Надзор снят в 1873 г. В 1884 г. вновь подвергнут надзору в Астрахани на 2 года в связи с делом Г. А. Лопатина.

70. Барановский, Андрей Иванович, уроженец Могилевской губ., род. около 1841 г. Учился в петербургской гимназии, потом в Горы-горецком земледельческом институте. В 1863 г. за участие в польском восстании отправлен в Шадринск, Пермской губ. В 1865 г. ему разрешено переехать в университетский город. Переехал в Москву и поступил в земледельческую академию. Привлекался к дознанию в связи с каракозовским делом. По распоряжению следственной комиссии, отдан в военную службу рядовым в войсках Оренбургского округа с правом выслуги.

71. Оржеховский, Фаддей Людвигович, участник польского движения. Род. около 1834 г. в Подольской губ. в дворянской семье. Врач. В ночь на 22-е мая 1867 г. бежал вместе с Яковом Поплавским из больницы Владимирского приказа общественного призрения.

72. Мокржицкий, штабс-капитан корпуса лесничих, находился в сношениях с членами «Организации». Скрылся за-границу. Заочно приговорен военным судом к каторжным работам.

73. О Спиридове см. «Покушение Каракозова», том I, стр. 309—310.

74. Федосеев, Виктор Александрович, дворянин Тамбовской губ., сын отставного штабс-капитана. Род. в 1843 г. Учился в пензенском дворянском институте и пензенской гимназии, курса не кончил. По каракозовскому делу приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение с преданием на месте церковному покаянию. Поселен в с. Чадобце, Енисейской губ. В 1873 г. получил разрешение переселиться в один из городов Восточной Сибири, а в 1875 г. в имение матери, Воронежской губ., под надзор полиции. В 1895 г. получил полное прощение. Умер около 1896 г.

75. Федосеев, Павел Александрович, дворянин Тамбовской губ., род. около 1842 г. Учился в пензенской гимназии. С 1860 г.—вольнослушатель московского университета. В 1861 г. был членом студенческого кружка Ланцевского—Аргиропуло и участвовал в студенческих волнениях.

По делу Зайчневского приговорен к 7-дневному аресту, исключению из университета и к отдаче на поруки родственникам или к высылке в Олонецкую губ. на 2 года. Взят на поруки матерью и поселен при ней в Кирсанове, Тамбовской губ., под надзором полиции. Служил там писцом в уездном суде. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу. По постановлению следственной комиссии, выслан в Тамбов к отцу для проживания при нем под надзором полиции. Освобожден от надзора в 1871 г. Жил в имении в Воронежской губ. Умер в Москве осенью 1906 г.

76. Бибиков, Алексей Алексеевич, дворянин Козельского уезда, род. около 1840 г. Мировой посредник Жиздринского уезда. По каракозовскому делу ему, как знавшему о намерении освободить Чернышевского, сделано строгое внушение, с тем чтобы наказание было дано по усмотрению министра внутренних дел. Выслан в Вологодскую губ. под надзор полиции. В 1869 г. переведен в Воронежскую губ., в 1870—в Тульскую. В 1871 г. освобожден от надзора, с запрещением жить в столицах и в Жиздринском уезде. В 70-х гг. был управляющим в самарском имении Л. Н. Толстого, убеждения которого отчасти разделял. Энергично боролся с голодом в Самарской губ. В 1905 г. примкнул к кадетской партии. Умер 30 марта 1914 г.

77. Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816–1912), военный министр с 1861 по 1881 г., член Государственного Совета, позже—фельдмаршал. Главный деятель военной реформы 70-х гг.

78. Жуковский, Степан Михайлович (1818—1877), статс-секретарь, управляющий делами главных комитетов: об устройстве сельского состояния и по делам Царства Польского.

79. Кондратович, Александр Карлович, род. в 1828 г. В 1849 г. окончил московский университет со званием врача. Служил чиновником акцизного управления в Козельске, надворный советник. В связи с каракозовским делом привлекался по делу «о распространении социалистической пропаганды в Калужской губ.». По постановлению следственной комиссии, Кондратович был выслан из Калужской губ., с предоставлением ему места жительства по усмотрению министра внутренних дел. Проживал под гласным надзором в Уфе, в 1867 г. переехал в Одессу. В 1870 г. поступил на службу ординатором одесской городской больницы. Доктор медицины. Умер в 1877 г.

80. Среди народнически настроенных членов ишутинского кружка и примыкавших к ним лиц господствовало отрицательное отношение к радикалам Русского слова. Вот несколько примеров. Мотков в одном из показаний пишет: «Относительно нигилистических убеждений я должен сказать, что все знакомые мои, с которыми я только говорил об этом предмете, всегда смеялись над ними; нигилист и особенно «мыслящий реалист»—эти слова были постоянно насмешливой кличкой; в ином смысле их нигде никто не употреблял». Черкезов показывает: «О нигилизме я получил понятие из «Русского слова», Современника и романа Тургенева «Отцы и дети». Насколько я усвоил себе понятие о нигилизме, нахожу, что это есть «совершенное нравственное растление». (Особые показания, данные в следственной комиссии... Сергиевским, Полумордвиновым, Черкезовым, Ишутиным, Мотковым и др., л. 62).—Феофан Борисов одно время был поборником идей Писарева, но знакомство с Христофоровым скоро избавило меня от влияния этого пустого фразера». (Производство, т. 19, л. 145). При первом знакомстве Борисова со Страдиным «завязался как-то разговор, кажется, о журналистике, а преимущественно о Писареве, мой взгляд на которого, как на пустого болтуна, оказался вполне сходным со взглядом Страдина». (Там же, л. 127 об.). Один из видных членов кружка, П. Ф. Николаев, на склоне лет писал В. Е. Ветринскому-Чешихину, в ответ на его запрос: «Мы не только не были поклонниками Писарева, но даже его ярыми врагами, так как в его деятельности видели значительное отклонение от основных идей Чернышевского о службе народу и главным образом крестьянству». (Ч. Ветринский. Чернышевский и каракозовцы. «Русская мысль», 1913, 2).

81. Неведомский, Александр Николаевич, помещик Жиздринского уезда. Для предполагаемого завода он собирался дать 12 десятин земли в своем имении Космачеве.

82. План и смета для устройства завода были составлены в Петербурге инженером Павлом Васильевичем Михайловым, привлекавшимся к дознанию в 1866 г. по каракозовскому делу, а в 1870—по нечаевскому.

83. Неясно, почему Дарочкин не был приведен в качестве свидетеля, а было только оглашено его показание. Может быть, это было в виду его болезненного состояния, если принять во внимание, что осенью 1866 г. по дороге на место высылки он умер. Показание свое Дарочкин дал 24 мая в особой комиссии под председательством полковника Казнакова, отправленного в Калужскую губ. Допрос Дарочкина касался поездки его и Вьюшкина, тоже рабочего Людиновского завода, в Москву и Петербург по делам задуманного нового завода на началах ассоциации и участия его в планах освобождения Чернышевского. Дарочкин отрицал многие обстоятельства поездки, выясненные в показании Вьюшкина, напр., то, что в Москве они посещали для консультации адвоката Чиковского, а в Петербурге—Елисеева, Пожина и какого-то Евдокимова. Относительно Чернышевского он заявил, что в первый раз слышит это имя, и совершенно отвергал свое намерение ехать в Сибирь со Странденом. Полковник Казнаков так сформулировал свое впечатление от показаний Дарочкина: «...При крайнем упорстве и наглом запирательстве Дарочкина, полного сознания от него добиться положительно невозможно».

84. Оболенский, Леонид Егорович, дворянин, сын землевладельца Орловской губ. Род. 9 марта 1845 г. Учился в гимназии в Орле. В 1866 г. поступил секретарем в козельскую уездную земскую управу. По каракозовскому делу был приговорен к строгому внушению и к наказанию по усмотрению министра внутренних дел. В октябре 1866 г. был выслан под надзор полиции в Костромскую губ. Жил в г. Буе, потом в Варнавине. В 1870 г. переведен в Орел, где организовал кружок учащихся средних учебных заведений. В 1872 г. освобожден от надзора, в 1873 г. получил разрешение проживать в столицах. Известный писатель-публицист, беллетрист и поэт. В 1882 г. был редактором журнала «Мысль», с 1883 по 1890 г. редактировал «Русское богатство». Сотрудник «Русских ведомостей», «Дела», «Историч. вестника» и других изданий. Умер 23 сентября 1906 г.

Показания Оболенского в следственной комиссии говорят о большой его перепуганности. Он дает показания, вредные для других, и всячески старается доказать свою благонамеренность. Напр., об А. А. Козлове, которого он совершенно не знал, он передает слухи, что тот «странствовал где-то на Волге, волнуя народ, и готов на всякие средства для ниспровержения существующего порядка». Характеризуя одно лицо, Оболенский пишет: «Убеждений прекрасных, без всякого оттенка социализма». О своем родственнике Маликове он сообщает, что тот, при своих социалистических убеждениях, «в служебной деятельности поступал односторонне, против капиталиста, по возможности оправдывая бедняков». В одном месте он пишет: «Я уже доказал комиссии, что не жалею ни брата жены моей, ни моего друга и благодетеля Бибикова, которых я обвинил в страшном покушении на освобождение Чернышевского». В бумагах Оболенского при обыске было взято патриотическое стихотворение по случаю события 4 апреля, с осуждением виновников его. (Производство, т. 3, л. 98).

85. Это адрес швейной мастерской Ивановых на Остоженке.

86. Аракчеев, Иван Никитич, временно-обязанный крестьянин Козельского уезда. Род. около 1826 г. С 1865 г.—член козельской уездной земской управы. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу вследствие его близких отношений с Бибиковым и Оболенским.

87. Разговоры об устройстве общества вспомоществования среди рабочих шли в московском кружке с осени 1865 г. Особенно был заинтересован устройством этого общества приказчик Федор Никифоров, близкий к кружку. Ермолов показывает об этом так: «Никифоров, живя на Никитской улице, имел много знакомых из мастеровых, которые изъявили ему

желание составить из себя общество взаимного вспомоществования. Он обращался к Юрасову и Пшутину с просьбой постараться похлопотать, если они имеют какие-нибудь знакомства, разрешение официальное на открытие. Но это предприятие не удалось по причине знакомства и незнанию, каким способом исхлопотать это разрешение. Никифоров был недоволен этим и несколько раз, приходя к нам в дом Ипатова, укорял Юрасова и Загибалова, также меня и Пшутина в нехотении вести дело, и неумении вести дело с народом относительно ассоциаций, в братстве. К Караковову же он относился и высказывал ему, что он человек способный и демократ... Еще Никифоров упрекал нас за то, что мы все дела свои относительно заведения артелей, школ и сходки вели вели слишком гласно, и потому отдалялся от нас, к Караковову же относился, как к человеку молчаливому и сильному». (Производство, т. 3, л. 130).

88. Никольский, Александр Маркелович, дворянин, сын коллежского советника, род. около 1840 г. в Астрахани. Учился в астраханской гимназии, потом в петербургском университете. Находился под следствием по делу об укрывательстве дезертира Огаржинского. Близкий друг Н. А. Худякова. Переводчик сочинений Оуэна. По каракозовскому делу освобожден от наказания по суду, но, как изобличенный в умысле освободить Серно-Соловьевича, приговорен, вопреки строгого взыскания, к административному взысканию по усмотрению министра внутренних дел. В октябре 1866 г. выслан в Мезень, Архангельской губ., под надзор полиции. В 1869 г. дважды неудачно пытался бежать за границу. Переведен в Шенкурск. В 1871 г. переведен в Самарскую губ., потом в Астрахань. В 1876 г. надзор был снят.

89. Ипатин, Герман Александрович (1845—1918) впоследствии знаменитый революционер, народоволец, шлиссельбуржец. Каракозовское дело послужило для него первым боевым крещением. К дознанию по этому делу он был привлечен вследствие знакомства с Никольским и Худяковым. Провел около 2 месяцев в крепости. Вследствие своей ловкости, он произвел на следователей самое благоприятное впечатление. Был выпущен, как человек совершенно ничему не причастный, даже без отдачи под надзор полиции. По просьбе Худякова, Ипатин принял на себя ликвидацию оставшихся связей кружка. Два его показания в комиссии, от 15 и 17 мая, напечатаны в книге «Герман Александрович Лопатин», составленной А. А. Шиловым. (П., 1922, Гос. Изд.) В производстве комиссии есть еще показание Ипатина от 7 июня, не вошедшее в эту книгу.

90. Фортаков, Андрей Иванович, сын купца из Астрахани. Род. около 1840 г. Учился в астраханской гимназии вместе с А. Никольским. Был вольнослушателем петербургского университета. В 1865 г. выслан в Астрахань под надзор полиции за содействие к побегу Юндзилла. Проживал в Астрахани, вел рыбное дело. Привлекался к дознанию по каракозовскому делу. По постановлению следственной комиссии, за поклажу денег А. Никольскому для революционных целей выслан на родину в Астрахань под поручительство матери. В 1869 г. был обыскан в Астрахани в связи с нечаевским делом. Освобожден от полицейского надзора в 1872 г.

91. В 1865 г. вышла книга Оуэна «Об образовании человеческого характера» в переводе Никольского. Ни автор, ни переводчик не были названы. Издателем книги был Ив. Ив. Билибин. О дальнейших своих литературных планах Никольский показал в комиссии следующее: «Эти правительственные мнения я не раз высказывал в разговорах с своими знакомыми. Для распространения их я предполагал занять репертуар в обществе различных сочинений (преимущественно переводных), в которых высказывается недовольство существующим порядком. Для этой цели я предполагал издать изложение сущности взглядов Р. Оуэна. Но так как он старался провести улучшение общества через лиц, управляющих обществом, что было несогласно с теми мнениями, которых я держался, то я и думал сделать к этому изложению его взглядов собственное заключение. В нем я хотел провести мысль, что те улучшения, которые предлагает Оуэн, не могут быть произведены лицами, управляю-

щими обществом, что общество должно об этом заботиться само; что подобные заботы почти немыслимы без какого-нибудь насильственного переворота. Я не надеялся на пропуск этой книги в России и поэтому думал издать ее за-границей (куда хотел ехать сам). Для отвлечения же подозрения я хотел издать его сочинения здесь без изменений, со всеми его мирными планами. Перевод (точный) соч. Оуэна: «Book of the new moral world» был уже сделан почти весь. Издателем его брался быть Андрей Фортаков. Издание же вышеупомянутого «Изложения» я думал сделать на собственные деньги -чтобы было меньше лиц, знающих об этом. Это «Изложение» еще было только мною едва начато. Именно, я написал одно предисловие. Провести книгу я надеялся контрабандой через Каспийское море. Потом я думал перевесть на русский язык «Жизнь Иисуса Христа» Д. Штрауса. Перевел несколько глав, но так как книга мне не понравилась, то я и бросил этот перевод. («Производство», том 3, л. 5). Все эти переводы были сожжены Никольским.

92. Брат Андрея Фортакова, Антонин Иванович, вольнослушатель технологического института, привлекался тоже к дознанию по каракозовскому делу. Умер 22 июня 1866 г.

93. Об А. А. Лебедеве см. «Покушение Каракозова», том I, стр. 503.

94. Приводим то показание Лебедева от 9 мая, от которого он отказался на суде. «До житья вместе я не был знаком с убеждениями Никольского, и по переезде он говорил, что все его убеждения сводятся к тому, чтобы по возможности стараться устраивать разные промышленные ассоциации. Впоследствии же взгляд его на дело изменился. Именно, он иногда говаривал, что все предприятия, основанные на труде и имеющие целью зарабатывание хлеба как себе, так и другим, ни к чему не ведут по той причине, что самые условия труда у нас не совершенны, и мы только заедаем чужой хлеб. Позднее, особенно со времени приезда Худякова из-за границы, он стал говорить, что все существующее в настоящем виде никуда не годится и что нужно стараться изменить существующий порядок. Когда же Ведерников и я доказывали ему всю нелепость его мыслей, он обыкновенно сердился и говорил, что мы ничего не понимаем, что нужно действовать на народ, возбуждая в нем страсти, напр., при помощи кабаков и пр. Мы начали над ним посмеиваться, называли его деятелем; все это сердило его, и наконец он сказал, что ему необходимо быть одному. Я требовал от него объяснения, почему именно он хочет переехать. На это он отвечал, что у него есть дела, при которых ему нужно быть одному, и больше ничего не сказал. По переезде на Вас. Остров я у него был всего раза два за нужными мне книгами. Чем он занимался это время, я не знаю. Он иногда заходил к нам и на постоянные насмешки относительно его говорил: «Погодите, я вас не так удивлю!» Во время жизни со мной Никольский вел себя странно: именно, высказывал, что науки в настоящее время роскошь, что все удобства жизни -тоже роскошь, почему он всегда спал на полу, иногда даже на голом. Затем он даже высказывал идеи крайнего либерализма, т. е. говорил, что нужно добиваться революции. Но при этом никогда вполне не высказывался, и когда ему исторически доказывали нелепость его образа мыслей и спрашивали, к чему все это поведет, он отвечал обыкновенно или улыбкой или словами: «ну, не знаю»... («Производство», том 4, л. 91 об., 92). В дальнейшем Лебедев сообщает, что, увидев раз у Никольского много денег, он высказал Ведерникову предположение, что эти деньги пойдут у Никольского и Худякова «на какие-нибудь мерзости», напр., на подпаивание солдат с революционными целями.

95. В комиссии Лебедев показал: «Говоря о неудаче дела, он выражал мысль, что она происходила оттого, что не было в этом деле с обществ с другими, которые могли бы его поставить иначе». («Производство», том 4, л. 306).

96. О Ведерникове см. «Покушение Каракозова», том I, стр. 504.

97. 9 мая Ведерников показал о Никольском: «Когда Никольский начал переводить Оуэна, он говорил: хорошо бы было распространить эту

книгу. В мыслях, высказываемых о существующем порядке и относительно перехода к другим социальным условиям жизни, Никольский сначала высказывал мысли, принадлежавшие Оуэну—именно мирно-социальный путь. Но потом он считал этот путь недостаточным, говоря, что одного артельного начала недостаточно, что этот путь долог, а лучше путь революционный, путь возбуждения... В разговорах своих он вообще высказывал недовольство к настоящему правительственному строю, говорил, что нужно распространять социальные идеи, но иногда переходил к тому, что нужно идти путем революции, однако не высказывая ничего определенного относительно действительного применения. Он часто переходил от одной мысли к другой, то принялся заводить школу и бросил, потом начал устраивать мастерскую, и ту бросил; переводя Оуэна, хотел его издавать, потом опять находил издание ненужным». («Производство», том 4, л. 82).

98. О Комаровой см. «Покушение Каракозова», том I, л. 312.

99. «Рассказы о старинных людях»—популярная книжка Худякова, вышедшая в 1865 г.

100. Никифоров, Федор Афанасьевич, юхновский мещанин. Род. около 1842 г. Жил в Москве, был приказчиком; был знаком с членами ишутинского кружка. К каракозовскому делу был привлечен вследствие показания Петерсона о том, что он говорил о необходимости повторить покушение. Как юридически не изобличенный, освобожден от наказания и в сентябре 1866 г. выпущен из крепости. Был замечен в Петербурге в пересылке вещей в Москву для осужденных ишутинцев, за что в октябре того же года был выслан в Костромскую губ. Жил под надзором полиции в Ветлуге. В 1868 г. получил разрешение приписаться к мещанству этого города.

101. Здесь какое-то недоразумение: Худяков никогда в Калуге не жил, и Каракозов никогда в Калугу не ездил ни к Худякову, ни к кому другому.

102. Петерсон неточно выразился: Каракозов не оставил свою карточку в Москве, а прислал ее из Петербурга. Вот что показывал об этом П. Ф. Николаев 1 июня: «5-го апреля ко мне приходит Ишутин и говорит, что он получил от Каракозова две карточки и письмо. Происшествие 4 апреля он на основании этого письма приписывал Каракозову. Вот это письмо почти слово в слово: Посылаю тебе 2 карточки. Ты знаешь, что я всегда был врагом нежностей. Но полагаю, что в настоящую минуту и при таких обстоятельствах эту нежность можно себе позволить». Письмо это Николаев сперва хранил, а потом, опасаясь обыска, сжег. («Производство», том 6, л. 160 об.).

103. Слух о том, что Каракозов имел в виду получить за цареубийство большую сумму денег, которая пошла бы на революционные цели, был довольно широко распространен. Слух этот пошел от самого Каракозова, который передавал своим ближайшим друзьям, что деньги за покушение ему обещала «Константиновская партия». Об этом слыхал и доносчик Корево, который даже и не входил в «Организацию», а только был знаком с отдельными ее членами. В своем доносе он, между прочим, писал: «Ишутин говорил, что легко может быть, что Каракозов подкуплен партией великого князя Константина Николаевича, потому что, как он прибавлял, Каракозов говорил, будто он сошелся с некоторыми из членов этой партии, а на мой вопрос, что взял ли он, по крайней мере, большие деньги, он ответил: а может быть и взял да передал для хранения кому-нибудь...» («Красный архив» 1926, № 4 (17), стр. 104).

104. Вознесенский, Александр Васильевич, сын дьякона, род. около 1844 г. в Нижегородской губ. Слушатель московской земледельческой академии. По каракозовскому делу признан судом в государственном преступлении невиновным, а заключение в крепости было вменено в наказание за посещение неразрешенного общества взаимного вспомоществования. Из крепости освобожден в сентябре 1866 г. В мае 1867 г. был подчинен негласному надзору в Москве за организацию помощи осужденным государственным преступникам.

105. Дело идет о Марье Степановне Зиновьевой. Она, как и ее сестра Ольга Степановна Логашова, были близки к ишутинцам. Вознесенский

бывал у них; по его показанию в комиссии, Ишутин в своих целях стремился рассорить их и передал Вознесенскому какое-то неблагоприятное мнение о нем, якобы высказанное Зиновьевой.

106. Очевидно, двоюродным: у Худякова не было родных братьев и сестер.

107. Изображение Худякова отрешенным от общественных вопросов кабинетным ученым совершенно не соответствует действительности.

108. Подписанных Худяковым статей в «Отечественных записках» нет,—очевидно, он помещал их анонимно. Факт его участия в этом журналах скрывается только из этой речи Гаевского, который был осведомлен на этот счет, конечно, самим Худяковым.

109. Калачов, Николай Васильевич (1819—1885), известный историк-юрист, профессор московского университета и спб. археологического института, академик.

110. Заявление Ишутина 29 июля напечатано в журнале «Красный архив», 1926 г., № 4(17), стр. 126—130.

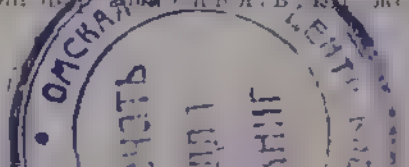
111. 28 апреля на обычный вопрос, был ли он когда-нибудь за границей, Каракозов написал в ответ: «За границей я был один раз, именно в Берлине, у одного моего родственника, по фамилии Штиммер, по своим делам... Я ездил туда в 1859 г. весною, в конце апреля или начале мая, желая повидаться с родными. До Петербурга я доехал вместе с моим старшим братом, который мне выправил здесь и паспорт. В Берлине я пробыл месяца четыре и затем снова отправился в Петербург... Зять мой в Берлине занимается торговлею москательными товарами. Он имеет состояние, хотя и небольшое, но достаточное для обеспечения его семьи, его жены и сына, который еще нигде не служит, потому что несовершеннолетен. Зовут моего зятя Карл Федорович. На вопрос, как Штиммер познакомился и породнился с моим семейством, я должен объяснить, что он прежде был управляющим в одном из имений, находящихся в Саратовской губернии, именно в имении помещика Арапова». На дополнительные вопросы Каракозов показал, что Штиммер женат на его двоюродной сестре, Екатерине Алексеевне Ишутиной, что в Берлин он, Каракозов, выехал в мае 1859 г., а вернулся в сентябре, что в Берлине он посещал университет и занимался чтением немецких авторов. Но когда его спросили, как называется главная улица Берлина, на которой он якобы жил, он сослался на запамятование, а на вопрос, на какой реке стоит Варшава, ответил: на Немане. 4 мая он продолжал настаивать на этой своей поездке. Об этом Штиммере были спрошены Ишутин, два брата и сестра Каракозова; все ответили, что никакого Штиммера в их родстве нет и что никогда Дмитрий не был в Берлине. 20 мая мистификация кончилась. Каракозов показал в этот день: «То, что высказано мною относительно поездки моей за границу, это неверно; цели я никакой не имел, говоря об этой поездке, это было сделано под влиянием тяжелого состояния духа, в котором я находился в то время». Гаевский не обратил внимания на это показание Каракозова и впал в ошибку, приняв мифического Штиммера за реальную личность. Это объясняется, конечно, тем, что ему, как и прочим адвокатам, для ознакомления с громадным делом следственной комиссии было дано всего несколько дней.

112. Действительно, Ишутин делает эту странную ошибку и систематически называет в показаниях Худякова Ходяковым.

113. Это письмо Л. А. Худяковой полностью напечатано в журнале «Каторга и ссылка», 1928 г., № 8—9, стр. 225—226. Ханжеской его тон объясняется, конечно, опасением Худяковой, что письмо может попасть в руки следователей, как это и случилось. Надо полагать, Леонилла Александровна знала, что Худяков давал деньги Каракозову, и потому так напирала в письме на его филантропические склонности.

114. Худяков говорит в своих воспоминаниях, что речь Гаевского была чрезвычайно убедительна и произвела сильнейшее впечатление: по его мнению, если бы приговор выяснился в тот же день, то он был бы, без сомнения, оправдан.

ОМСКАЯ ... ЦЕНТР ...



ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Александров, учитель школы Мусатовского—128.

Алексеев Владимир Михайлович, прапорщик Перновского гренадерского полка—59, 214.

Аракчеев Иван Никитич, крестьянин, член Козельской уездной земской управы—230, 232, 233, 236, 238.

Барановский Андрей Иванович, слушатель Петровской академии, свидетель—186, 192, 194, 195, 199, 201, 295, 351.

Башуцкий Александр Данилович, д. т. с., член Верховного Уголовного Суда—189, 343, 355, 357.

Бервиг-Тимашев, член следственной комиссии—337.

Бибиков Алексей Алексеевич, мировой посредник, подсудимый—133, 150, 151, 152, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 301, 339, 344, 351, 354.

Блан Луи, французский социалист—336.

Борисов Феофан Алексеевич, студент Петровской академии, подсудимый—8, 22, 89—90, 98—105, 109—110, 175, 176, 178, 268, 289, 290, 293, 297, 299, 315, 331, 339, 344, 349, 354.

Васильчиков, Николай Ильич, князь, мировой посредник—217.

Васильев Василий Алексеевич вольнослушатель московского университета, участник переплетной артели—33, 42.

Ведерников Иван Васильевич, вольнослушатель технологического института, свидетель—241, 243, 247, 248, 313.

Верницкий, участник польского движения—136, 185—189, 192, 295, 298, 345.

Винницкий Флориан Флорианович, владелец оружейного магазина—252, 307, 308.

Владимиров—см. Каракозов.

Вознесенский Александр Васильевич, слушатель Петровской академии, подсудимый—116, 259—262, 301, 344, 349, 355.

Воронцов, член козельской уездной земской управы—233, 238.

Воскресенский Василий, студент, участник переплетной артели—33, 42, 43.

Воскресенский Дмитрий Алексеевич, студент Петровской академии, подсудимый—10—11, 13, 21, 25, 31—32, 45—47, 50—54, 55, 62, 64, 74, 84, 86, 88—90, 92—99, 108—109, 115, 121, 175, 176, 178—179, 261, 289—290, 293, 297, 299—301, 331, 338, 344, 349, 354.

Гаврилов, прокурор—218.

Гагарин Павел Павлович, князь, т. с., председатель Верховного Уголовного Суда—343, 351, 356, 357.

Гаевский Виктор Павлович, защитник—46, 52—53, 55, 141—143, 146—151, 225, 228, 229, 302.

Гасабов Агабек Иванович, учитель в г. Холме—136, 150.

Гернет Николай Александрович, свидетель—132, 136, 149—150.

Герцен Александр Иванович, писатель-эмигрант—311, 313, 322.

Голубицкий, владетель аптеки—171.

Дарочкин Яков Иванович, рабочий Мальковского завода—131, 133, 143, 144, 149, 150, 151, 153, 217, 220, 224—229, 237.

Дебранг, содержатель пансиона—164.

Добролюбов Аркадий Александрович, защитник—234—235, 238, 239

Домбровский Ярослав Викторович, польский революционер—179—184, 186—188, 194, 196—198, 200—203, 294—295, 298, 300, 301, 344, 345, 351, 354.

Елисеев Григорий Захарович, публицист, свидетель—131, 133, 147, 149, 151—152, 222, 237.

Ермолов Нил Дмитриевич [illegible]—7—8, 10, 12, 16—20, 26—31, 34—37, 40—42, 54—55, 57—59, 61, 63—64, 69—73, 73—76, 79—80, 82—83, 88, 100, 116—119, 122—123, 128—129, 131—132, 134, 138, 147, 179—180, 182—183, 217, 219—222, 224, 227, 230—232, 235—236, 250—252, 256—260, 267, 269—270, 273, 276, 278, 281—288, 297—298, 307, 309, 322—324, 328, 332—334, 343, 346—347, 349, 352, 355, 357.

Есипович Яков Григорьевич, секретарь Верховного Уголовного Суда—343, 355, 359.

Жуковский Степан Михайлович, статс-секретарь—218.

Загибалов Максимилиан Николаевич, б. студент московского университета, подсудимый—8, 10, 14, 26, 34, 38, 40, 52, 57, 63—64, 66—67, 75—76, 81, 88, 100, 103, 105, 112, 114, 116—117, 131, 147, 155, 176, 179—180, 182, 250—251, 255, 257, 259, 267, 269—270, 273, 284—28 , 297—298, 306—307, 312—313, 322, 333, 343. 346—347, 352—353, 357—358.

Замятнин Дмитрий Николаевич, министр юстиции, прокурор Верховного Уголовного Суда—9, 34, 47, 58, 89, 101, 105, 112, 117, 132, 153, 157, 162, 168, 176, 180, 183, 188, 207, 217, 231, 241, 251, 260, 264, 343, 358, 359.

Запольский, председатель козельской уездной земской управы—233.

Иванов Александр Иванович, слушатель московского университета, подсудимый—8, 9, 12, 16, 21, 25, 26, 31, 34, 35, 41, 43, 47, 54—55, 57, 58, 63—74, 76, 78—80, 84, 87, 113—115, 119, 135, 260, 268, 270, 289, 290, 291, 297, 299, 309, 329, 331—332, 338, 344, 349, 353, 357.

Иванов Дмитрий Львович, студент московского университета, подсудимый—8, 10, 12, 21, 26—29, 31—47, 54—57, 57, 62—64, 72, 73, 74, 76, 79—80, 84, 87, 88, 105, 108, 116—127, 214, 268, 270, 289, 291, 297, 299, 331—332, 337, 343—344, 349, 353, 357.

Иванова Екатерина Львовна, сестра Дм. Л. Иванова—12.

Ивановы—66.

Искандер—см. Герцен.

Исютин Николай Андреевич, подсудимый—8, 10, 26—29, 34—46, 54—55, 57—61, 63—66, 74—75, 77, 79—81, 88, 92—96, 100, 103, 105—108, 110—112, 116—127, 129, 131—136, 138—141, 144, 146—149, 179—180, 182—183, 217, 219—220, 223—232, 235, 237, 241—243, 248—252, 257—263, 266—268, 270, 271—273, 275—286, 291, 297—298, 302, 305—314, 316—322, 328—331, 343, 346—348, 352, 355, 358—359.

Калачевский Андрей Николаевич, студент московского университета—58, 59.

Калачов Николай Васильевич, историк, сенатор—304.

Кандауров Василий Алексеевич, чиновник, писатель, воспитатель Моткова—325, 327, 329.

Каракозов Дмитрий Владимирович, б. студент московского университета, подсудимый—8—9, 14, 23—28, 30, 34, 36, 38, 43—45, 47—48, 55, 57, 61—64, 72, 76—77, 88, 95—96, 116—117, 122, 131—132, 135, 144, 147, 149, 160, 182—184, 230, 241, 243, 245—246, 249—257, 259, 263—264, 266, 268, 273—288, 297, 302, 305—311, 314, 316, 318—320, 323—324, 333, 338, 343, 346—348, 352—353, 355—356.

Карнолин-Пинский Матвей Михайлович, д. т. с., член Верховного Уголовного Суда—14, 24—25, 52, 101—104, 125, 140—141, 145, 146, 147, 151, 171—172, 208, 343, 355, 357.

Катков Михаил Никифорович, редактор «Московских Ведомостей», реакционный публицист—156, 160—161, 168, 170, 174, 250—251, 253, 255, 292, 293, 312, 350.

Кичин Константин Федорович, студент московского университета подсудимый—8, 10, 16, 21, 22, 25—28, 34, 41—44, 47, 57, 58, 63—66, 69, 74—88, 106, 119, 268, 284—290, 297, 299, 328—329, 331—332, 338, 344, 349, 354.

Кобылин Александр Александрович, ординатор 2-го военно-сухопутного госпиталя, подсудимый—241, 243, 248, 279, 305—306.

Ковалевский, участник польского движения—185—186, 188, 192, 200, 295, 298.

Козиаков Ф. А., полковник, флигель адъютант—217, 230.

Комарова Александра Андреевна, дочь чиновника, свидетельница—241, 247.

Кондратович Александр Карлович, акцизный чиновник—217, 221, 222, 230.

Краузольд Владимир Эммануилович, защитник—80, 87, 122.

Кутыев Николай Яковлевич, слушатель Петровской академии, подсудимый—152—155, 257, 291—292, 298, 300, 339, 344, 349, 354.

Кучинский, поляк, знакомый П. П. Маевского—198.

Ланггауз Адольф Францович, провизор, подсудимый—156, 160, 167—175, 186—189, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 201, 202, 205, 215, 287, 291—293, 295, 296, 298, 300, 344, 350—351, 354.

Лапкин Федор Петрович, студент Петровской академии, подсудимый—8,

10—11, 13, 22, 23, 24, 25, 26, 34, 44, 57, 72, 75—76, 78, 84—86, 88—92, 94, 96—98, 101, 105, 110, 111, 112, 113, 115, 176, 268, 270, 289—290, 297, 299, 331, 344, 349, 353, 357.

Лебедев Александр Александрович, вольнослушатель технологического института, свидетель—241—243, 245—246, 248, 313.

Левенталь Мейер, ученик мастерской технологического института—314.

Маевский Павел Петрович, б. студент московского университета, подсудимый—115—157, 160, 168—170, 172, 174, 175, 183, 185—206, 292, 295—296, 298, 344, 351, 353, 357—358.

Маликов Александр Капитонович, судебный следователь, подсудимый—13, 51, 62, 76, 130—132, 136—152, 218, 225, 228—235, 237, 239, 286, 301, 308, 332—333, 339, 344, 351, 354.

Малинин Орест Васильевич, чиновник контрольной палаты, подсудимый—7—32, 34—35, 37—38, 41, 44—47, 51, 5 , 54—58, 62—66, 68—69, 71, 74—80, 82, 85, 88, 94, 97, 100, 105—106, 108—112, 115, 117, 123, 176, 268, 270, 285, 289—290, 297, 299, 329, 331—333, 338, 343, 349, 353, 357—358.

Мальцев, владелец завода—119, 139, 151, 217, 219, 223, 229, 230, 234.

Маркс Максимилиан Осипович, учитель, подсудимый—155—161, 168—174, 186, 192—194, 196, 198—203, 292—295, 298, 300, 340, 344, 350—351, 353, 357—358.

Маслов, председатель московской уездной земской управы—106.

Метлин Николай Федорович, адмирал, член Верховного Уголовного Суда—343, 355, 357.

Милль Джон-Стюарт, английский мыслитель—336.

Милютин Дмитрий Алексеевич, граф, член Государственного Совета, военный министр—218.

Мокржицкий, штабс-капитан корпуса лесничих, участник польского движения—156, 186—187, 200—201, 295.

Мотков Осип Антонович, подсудимый—7—13, 20, 25—26, 28—32, 34—36, 38, 41—47, 50—51, 53—55, 57—66, 68—69, 73—82, 84—85, 87—89, 94, 96, 100—102, 105, 108, 210, 112, 114, 117, 122, 129, 131—136, 138, 143, 145—150, 176, 249, 256, 270, 273, 278, 285—286, 288—290, 297,—298, 308—309, 312, 325, 337—338, 343, 346—349, 352—353, 357.

Муравьев Михаил Николаевич, граф, председатель Следственной комиссии—48, 96, 250—251, 253, 255, 266.

Мусатовский Павел Акимович, кандидат московского университета, учредитель школы—116—118, 122, 123, 127—128, 291, 326, 344—345, 349.

Неведомский, помещик Жиздринского уезда—219, 222.

Нейман, американский историк—303.

Никифоров Федор Афанасьевич, мещанин, подсудимый—250—259, 301, 307, 345, 351, 354.

Николаев Петр Федорович, кандидат московского университета, подсудимый—26, 59, 88, 94, 97, 111, 120, 123, 129, 160, 168—172, 174, 176, 187, 190, 193—195, 202, 204, 210, 214—215, 250, 273, 287—288, 292, 296—298, 333, 343, 346—347, 50—351, 353, 357—358.

Никольский Александр Маркелович, б. студент петербургского университета, подсудимый—191—192, 239, 240—25 , 301, 307, 312—313, 344, 351, 354.

Ножин Николай Дмитриевич, литератор-революционер—127, 249.

Оболенский Леонид Егорович, секретарь козельской уездной земской управы, подсудимый—131—132, 141—143, 145—147, 217, 221, 224—225, 229, 230—239, 301, 326—327, 340, 344, 351, 354.

Огарев, генерал, член Следственной комиссии—332.

Олтаржевский Тит, участник польского движения—156, 185—188, 191—192, 200, 295, 298, 345, 351.

Ольденбургский, принц, Петр Георгиевич, член Верховного Уголовного Суда—11, 13, 17—18, 37, 50, 52, 70, 82—83, 88, 93—96, 106, 108—109, 111, 116, 122, 124, 137, 139—141, 149—150, 155, 159, 195, 210, 212—213, 221, 223, 252, 259, 343, 35[illegible]—357.

Оржаховский Фаддей Людвигович, участник польского движения—156, 185—189, 192, 199, 295, 298, 345.

Орсини Феличе, итальянский революционер—38, 334.

Остряков Алексей Петрович, [illegible]—56, 64—68, 70—74, 115, 194—195, 197—198, 204.

Оуэн Роберт, английский социалист—240, 242, 245.

Панин Виктор Никитич, граф, член Верховного Уголовного Суда—11—13, 15, 20, 33, 45, 48—51, 53, 65, 82, 89—90, 97, 136—139, 147—148, 157, 159, 161, 164, 170—172, 174, 177,

183, 193, 201, 209—210, 212, 220, 222—223, 228, 231, 236, 261, 332, 343, 353, 357.
Петерсон Николай Павлович, учитель бронницкого уездного училища подсудимый—181—183, 250—256, 294, 298, 300, 305, 344, 351, 354.
Петренко Степан Иванович, защитник—178.
Подмоклинов Аполлон Петрович, студент Петровской академии, подсудимый—8, 21, 34, 47, 56—57, 73, 75, 85, 88, 98, 100—102, 105, 112—113, 115, 175—179, 207, 215—216, 261, 264, 270, 291—293, 298, 304, 344, 349, 354.
Принц Густав Густавович, защитник—39, 42—44, 109—111.
Прудон Пьер-Жозеф, французский социалист—336.
Ровинский, участник польского движения—186, 188.
Рылеев Кондратий Федорович, декабрист—308.
Самарский-Быховец Владимир Васильевич, защитник 244, 246—247.
Сергиевский Алексей Егорович, студент Петровской академии, подсудимый—8, 10—11, 13, 21, 34, 44—47, 53—55, 57, 62, 64, 72—73, 75, 83—86, 88, 90, 96, 99, 101, 105, 109, 111—115, 175—176, 178, 268—269, 289—290, 293, 297, 299—300, 331, 339, 344, 349, 354.
Серебряков, купец—269.
Серебряный Яков Маркович, защитник—97—99, 158—159.
Серно-Соловьевич Николай Александрович, революционер—241, 243, 248, 312, 351, 354.
Смит Адам, английский экономист—336.
Соболев Василий Иванович, студент Петровской академии, подсудимый—8, 20—22, 34, 57, 71—72, 75, 84, 88—89, 98—99, 101, 104—112, 176, 261, 268, 289—290, 297, 299, 331, 339, 344, 349, 354.
Спиридов Петр Александрович, преподаватель, эмигрант—202.
Спиридовы—149.
Стасов Дмитрий Васильевич, защитник—15, 26, 29—32, 214, 316.
Степанов Павел Николаевич, содержатель типографии в Москве—69.
Стоцкий, подяк, знакомый П. П. Маевского—198.
Странден Николай Павлович, подсудимый—8, 10, 14—16, 24, 26—29, 34—35, 38, 41—42, 44—45, 47, 51—52, 54—55, 57, 59, 63, 70—71, 75—77, 79—80, 82—85, 88, 94—95, 98, 100—103, 112—115, 117, 119, 122, 131, 138—139, 147, 153—155, 157, 176—177, 182—183, 207, 214, 217, 220, 224—226, 230—232, 235—237, 250—251, 253, 256, 260, 267, 270, 273, 278, 281—284, 286—288, 292—293, 297—298, 303—307, 309, 311—313, 322, 324, 330—333, 344, 346—348, 350, 352, 355—358.
Тимашев—см. Беринг-Тимашев.
Тимрот Николай Александрович, защитник—154, 172—173.
Титов Михаил Иванович, студент, участник переплетной мастерской—33.
Трусов Болеслав Данилович, учитель, подсудимый—155—167, 169, 173—175, 186—187, 195, 201—202, 205, 293—295, 298, 300, 344, 350—351, 354.
Трусов Николай Федорович, отставной штабс-капитан, участник переплетной мастерской—33.
Турчанинов Александр Николаевич, защитник—163—167, 252, 254—256, 259.
Утин Николай Исаакович, эмигрант—313.
Фалин Николай Иванович, студент московского университета, участник переплетной мастерской—33.
Федосеев Виктор Александрович, подсудимый—47, 89, 93—94, 96—98, 112—113, 171—172, 206—216, 269, 287, 296, 298, 301, 335, 345, 347, 350, 353, 357—358.
Федосеев Павел Александрович, б. вольнослушатель московского университета, свидетель—206, 210—213, 296, 350.
Фиески Джозеф, корсиканец, покушавшийся на Луи-Филиппа—334.
Фортаков Андрей Иванович, б. вольнослушатель петербургского университета, свидетель—240, 242—245.
Фурье Шарль, французский социалист—336.
Худяков Иван Александрович, литератор, подсудимый—28, 38, 55, 61, 64, 96, 127, 132, 135—136, 138—141, 148—149, 203—204, 217, 221—222, 241—243, 245, 248—250, 252—254, 258, 262, 272—273, 275—281, 286, 297—298, 302—315, 322—323, 329, 332, 343, 347—349, 353, 355—356, 358.
Цеткин, дворник, свидетель—279.
Черкезов Варлаам Джан-Асланович (Николаевич), князь, студент Петровской

академии, подсудимый—39, 90, 108, 115—123, 125—129, 261, 267, 291, 298, 300, 344, 349, 354.
Чернышевский Николай Гаврилович, писатель-революционер—10, 48, 64—65, 76, 122, 131—132, 135, 140—143, 147, 150—152, 155—158, 161—163, 165—167, 176, 217, 220—222, 224, 226—232, 235—237, 249, 286, 294, 305, 312, 314, 333, 345—346, 349—351, 354.
Шаганов Вячеслав Николаевич, б. судебный следователь, подсудимый—8—12, 16, 19—20, 26—27, 30, 34, 36, 47, 55—57, 60, 62, 65—70, 73, 75—78, 80—81, 88, 94, 100—103, 105, 110, 112—114, 119—120, 129, 131, 145, 155—168, 170—177, 187, 191, 193—195, 197, 202—205, 207, 213—214, 250, 269—270, 273, 286—289, 293—294, 296—298, 309, 333—334, 338, 343, 346—347, 350—353, 357—358.
Шатилов Николай, московский студент, революционер—180.
Шлоссер Фридрих, немецкий историк—144.
Шостакович Болеслав Петрович, подсудимый—179—181, 186, 198—199, 294, 295, 298, 300, 344, 351, 354, 356, 358.
Штиммер, вымышленное лицо—305.
Юрасов Дмитрий Алексеевич, б. студент московского университета, подсудимый—7—10, 16, 26—27, 34—35, 38, 41, 47, 52, 57—62, 64, 67—68, 75, 81, 83, 88—89, 93, 98, 100—104, 112, 116—118, 120—123, 127, 129, 131, 133, 139—142, 147, 150—152, 155, 161, 176, 179—180, 182—184, 186—187, 190, 196—198, 203—204, 207, 209, 216—217, 219—232, 234—235, 238—239, 250, 253, 256, 260—261, 267, 269—270, 273, 283—284, 286, 295, 297—298, 301, 306, 322, 324, 328—330, 332, 343—344, 346—347, 349, 351—352, 354—358.
Языков, полковник—111.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЗАСЕДАНИЙ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА.

От редакции . . . . . 3—4
Заседание Верховного Уголовного Суда 7 сентября . . . . . 7—74
Заседание 8 сентября . . . . . 75—129
Заседание 10 сентября . . . . . 130—184
Заседание 12 сентября . . . . . 185—263
Обвинительная речь министра юстиции Д. Замятнина . . . . . 264—301
Речь В. П. Гаевского, защитника Худякова . . . . . 302—315
Речь Д. В. Стасова, защитника Ишутина . . . . . 316—321
Последнее слово подсудимых . . . . . 322—340
Приложения . . . . . 341—359
Примечания . . . . . 360— 37
Именной указатель . . . . . 379—383

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОКУШЕНИЕ КАРАКОЗОВА

Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.
Том I.
Подготовили к печати М. М. Клевенский и К. Г. Котельников.
(Центрархив. Политические процессы 60—80-х гг. Под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского.)
Стр. XX + 317. Ц. 2 р.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 60-х ГОДОВ

Материал подготовлен к печати В. И. Алексеевым.
Под ред. Б. П. Козьмина.
(Центрархив. Материалы по истории революционного движения в России.)
Стр. 296 и автограф. Ц. 50 к.

ПЕРВОЕ МАРТА 1887 г.

Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.
(Центрархив.)
Стр. 390 + портреты и 5 автографов. Ц. 3 р. 50 к.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. Невского.
Вступительная статья В. Н. Фигнер.
(Центрархив.)
Стр. XI + 515. Ц. 5 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА